

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И Н С Т И Т У Т Д Е М О Г Р А Ф И И

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ 2016

Двадцать четвертый
ежегодный
демографический
доклад

*Ответственный редактор
С.В. Захаров*

Издательский дом
Высшей школы экономики

Москва 2018

УДК 314.122(042.3)
ББК 60.7(2Рос)
Н31

*В данной научной работе использованы результаты проекта
«Долгосрочное демографическое развитие в свете результатов
Всероссийской микропереписи населения 2015 г.», выполненного в рамках
программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.*

Р е ц е н з е н т ы:

зам. директора Института исследований международных экономических отношений Финансового университета, д-р экон. наук *А.А. Ткаченко*;
старший научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, канд. экон. наук *Б.П. Денисов*

Население России 2016 [Текст]: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 448 с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1772-7 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1832-8 (e-book).

Двадцать четвертый выпуск серии ежегодных аналитических докладов Института демографии НИУ ВШЭ, которые регулярно публикуются с 1993 г. В очередном докладе продолжен анализ текущей демографической ситуации в России на фоне ее долговременной эволюции в разрезе основных демографических процессов — брачности, рождаемости, планирования семьи, смертности, международной и внутрироссийской миграции, изменения численности и возрастной структуры населения страны. Особенность данного доклада — анализ демографических тенденций в контексте углубленного изучения и осмысления результатов микропереписи населения 2015 г.

Анализ базируется на официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), министерств и ведомств Российской Федерации, международных организаций и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных расчетных показателей, полученных с использованием этих данных, результатах специальных выборочных исследований, материалах научных публикаций.

Для исследователей, работающих в области демографии и смежных дисциплин, лиц, принимающих решения, сотрудников государственных органов всех уровней, преподавателей и учащихся высших и средних профессиональных учебных заведений.

УДК 314.122(042.3)
ББК 60.7(2Рос)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>
doi:10.17323/978-5-7598-1772-7

ISBN 978-5-7598-1772-7 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1832-8 (e-book)

© Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
1. История микропереписей населения в России: организационные, методологические, программные особенности и отражение их результатов в демографических исследованиях	12
1.1. Микроперепись населения 2015 г. в системе наблюдения демографических процессов Росстата	12
1.2. Микроперепись населения 1985 г.	16
1.2.1. Предпосылки, организационные и методологические особенности.....	16
1.2.2. Публикация итогов и анализ результатов	19
1.3. Микроперепись населения 1994 г.	23
1.3.1. Организационные и методологические особенности	23
1.3.2. Публикация итогов и анализ результатов	26
1.4. Микроперепись населения 2015 г.	32
1.4.1. Организационные и методологические особенности	32
1.4.2. Публикация итогов и анализ результатов	35
2. Численность, размещение населения России и территориальные особенности выборки при организации микропереписи населения 2015 г.	37
2.1. Население России продолжает увеличиваться, но с 2016 г. вновь только за счет миграции	37
2.2. Региональные различия в динамике численности населения ослабевают	46
2.3. Городское население продолжает расти, а сельское сокращаться	55
2.4. Территориальные особенности выборочной совокупности опрошенного населения в микропереписи населения 2015 г.	71
3. Возрастной состав населения России по результатам микропереписи населения 2015 г.	79

3.1. Особенности возрастной структуры населения, опрошенного в микропереписи населения 2015 г., в сравнении с текущими оценками Росстата	79
3.2. Дискуссионные вопросы учета населения в переписях 2002, 2010 гг. и в микропереписи населения 2015 г.	84
4. Семья и домохозяйство в микропереписи населения 2015 г.	88
4.1. Понятие домохозяйства и семьи как единиц учета и объектов анализа.....	88
4.2. Долговременная динамика численности и структуры домохозяйств с учетом данных микропереписи населения 2015 г.	90
5. Брачная структура населения, заключение и прекращение браков в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г.	99
5.1. Состав населения по брачному состоянию в свете результатов микропереписи населения 2015 г.	99
5.1.1. Брачное состояние населения: некоторые методологические проблемы его сравнительного изучения на основе опросов населения	99
5.1.2. Доля никогда не состоявших в браке в молодом возрасте демонстрирует признаки стабилизации	106
5.1.3. Доли разведенных и разошедшихся сохраняют тенденцию к росту.....	109
5.1.4. Доля вдов и вдовцов в возрастах до 70 лет продолжает снижаться	114
5.1.5. Доля состоящих в браке обнаружила признаки повышения	116
5.1.6. Долговременные изменения ожидаемой длительности пребывания в различных брачных состояниях в репродуктивном возрасте	120
5.2. Меняющиеся параметры заключения и прекращения браков	123
5.2.1. Интенсивность заключения браков снижается.....	123
5.2.2. Повышение возраста вступления в брак затормозилось.....	131

5.2.3. Характеристики вступления в первый брак на основе таблиц брачности, построенных с использованием данных переписей населения 1989, 2010 гг. и микропереписи 2015 г.	140
5.2.4. Показатели разводимости сохраняются на высоком уровне	149
6. Этнический состав населения и межэтнические браки в России по данным переписей населения	160
6.1. Особенности этнической структуры населения России с учетом результатов микропереписи населения 2015 г.	160
6.2. Распределение национальностей, проживающих в России, по регионам страны	163
6.3. Этнически смешанные браки	168
6.4. Приведенные показатели распространенности смешанных семей	178
6.5. Ранги этнической близости к русским для других национальностей	180
6.6. Симметрия межэтнических дистанций супругов у отдельных национальностей	181
7. Рождаемость и планирование семьи в России: новейшие тенденции в свете результатов микропереписи населения 2015 г. и на фоне долговременных процессов	186
7.1. Исчерпание потенциала положительного влияния возрастной и брачной структуры на число рождений	186
7.2. Изменения итоговой величины рождаемости реальных поколений: долговременные исторические тенденции	187
7.3. Уровень рождаемости в городском и сельском населении: конвергентно-дивергентные качели под влиянием демографической политики	192
7.4. Изменение возрастного профиля материнства и его влияние на уровень рождаемости в России.....	195

7.5. Брачная и внебрачная рождаемость в России: новые оценки с использованием данных микропереписи населения 2015 г.	203
7.5.1. Проблема количественного оценивания	203
7.5.2. Методология и результаты оценки интенсивности брачной и внебрачной рождаемости	205
7.5.3. Общие выводы об уровне рождаемости женщин, состоящих и не состоящих в зарегистрированных браках	210
7.6. Новые данные о рождаемости в России по результатам микропереписи населения 2015 г.	211
7.6.1. Изменения в числе рожденных детей у женщин различных поколений в последние годы на фоне долговременных тенденций.....	211
7.6.2. Межэтнические различия в уровне рождаемости: долговременные тенденции и конъюнктурные изменения	222
7.6.3. Дифференциация рождаемости в зависимости от уровня образования: малозаметные сдвиги за последнее десятилетие	230
7.6.4. Намерения женщин в отношении рождения детей и результаты реального поведения: сравнение результатов микропереписей населения 1994 и 2015 гг.	233
7.7. Контроль рождаемости: изменения в статистическом учете и неопределенная динамика распространенности аборта в 2016 г.	245
8. Меры семейной политики в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г.	260
8.1. Система мер семейной политики в России, действовавшая в 2016 г.	260
8.1.1. Федеральные меры семейной политики	260
8.1.2. Региональные меры семейной политики.....	262
8.1.3. Изменения затрат на семейные пособия в России.....	271
8.2. Отношение населения к мерам семейной политики по результатам опроса мнений, проведенного в рамках микропереписи 2015 г.	274

8.2.1. Оценка мотивирующих возможностей семейной политики: проблемы методологии и интерпретация полученных результатов	274
8.2.2. Восприятие предлагаемых мер семейной политики для желающих иметь больше детей, чем планируют: женский и мужской взгляд в городской и сельской местности.....	278
8.2.3. Неоднозначные выводы для политиков	298
9. Смертность и продолжительность жизни в России: исторические успехи, бремя старых и новых проблем и их анализ с учетом результатов микропереписи населения 2015 г.....	302
9.1. Сокращение числа умерших и коэффициентов смертности продолжается, но не во всех возрастах.....	302
9.2. Рост ожидаемой продолжительности жизни: успехи восстановительного периода и новые горизонты.....	306
9.3. Вклад изменений смертности по возрастам и причинам смерти в динамику ожидаемой продолжительности жизни: проблемы интерпретации сдвигов из-за качества данных нарастают	313
9.4. Динамика региональных различий в ожидаемой продолжительности жизни: конвергенция неочевидна	320
9.5. Долговременные тенденции младенческой смертности в России: успехи и проблемы	329
9.5.1. Историческое отставание от других промышленно развитых стран преодолевается тяжело	329
9.5.2. Структура младенческой смертности по возрасту умерших детей как индикатор развития системы здравоохранения.....	334
9.5.3. Территориальная дифференциация младенческой смертности в России в 2015—2016 гг.: регионы-лидеры приближаются к среднеевропейскому уровню	339
9.5.4. Структура младенческой смертности по причинам смерти: историческое противостояние причин эндогенной и экзогенной этиологии и проблемы интерпретации статистических данных	341

9.6. Новые данные о здоровье, смертности и продолжительности жизни населения России, полученные на основе результатов микропереписи населения 2015 г.	346
9.6.1. Заболеваемость и инвалидность по данным микропереписи 2015 г.: региональное неравенство большое и усиливается для старших возрастных групп.....	346
9.6.2. Ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования: преимущество высшего образования растет, различия между образовательными группами усиливаются	352
10. Международная миграция населения: регулярное наблюдение и результаты микропереписи населения 2015 г.	363
10.1. Фиксируемые статистикой миграционные потоки стабилизировались	363
10.2. МВД России учитывает прибывающих полнее по сравнению с Росстатом. Основные доноры мигрантов для России — Украина, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан.....	365
10.3. Трудовая миграция в Россию продолжает сокращаться	368
10.4. Микроперепись 2015 г. подтверждает: тяготение к России выходцев из стран СНГ восстанавливается	371
11. Внутривососсийская миграция населения и новые данные микропереписи населения 2015 г. о миграционной активности россиян.....	376
11.1. Общие объемы внутреннего движения населения по данным учета остаются стабильными, однако меняющаяся регистрационная практика мигрантов оставляет вопросы	376
11.2. Внутренняя миграция стала меньше перераспределять население между регионами	379
11.3. Возрастные особенности миграции и события жизненного пути россиян	386
11.4. Уровень образования внутренних мигрантов почти не меняется.....	390

11.5. Причины, вызвавшие смену места жительства: личные, учебные, трудовые, жилищные	394
11.6. Микрореперись населения 2015 г.: новые данные о миграционной активности россиян	394
11.6.1. 62% людей к концу своей жизни проживают не в том населенном пункте, где родились	394
11.6.2. Сельское население мобильнее городского	399
11.6.3. Впервые собраны данные о месте регистрации россиян и причинах длительного отсутствия в домохозяйстве	401
Заключение	406
Приложения	432
Приложение 1. Федеральные округа и входящие в них субъекты РФ на 1 января 2016 г.	432
Приложение 2. Таблицы сравнения населения, принявшего участие в микрорепериси 2015 г.	434
Приложение 3. Порядковые номера субъектов РФ, приведенные на рис. 9.20	446

Предисловие

Институт демографии НИУ ВШЭ представляет очередной аналитический доклад о демографических тенденциях в России. Ежегодные доклады публикуются с 1993 г., настоящий доклад — двадцатый четвертый.

Научная монография содержит итоги исследования, выполненного сотрудниками и аспирантами Института демографии НИУ ВШЭ в 2017 г. с учетом результатов многолетней работы коллектива по изучению проблем населения России.

Объект исследования — современная и перспективная демографическая ситуация в России, долговременные тенденции динамики основных формирующих ее процессов — формирования семьи, рождаемости, смертности, миграции, эволюции численности и половозрастной структуры населения.

Цель исследования — углубленное изучение общих и специфических черт демографической и миграционной ситуации в Российской Федерации в контексте долговременной эволюции режима воспроизводства населения, его структурных характеристик и пространственного размещения.

Как и все предыдущие, данный доклад содержит статистико-демографический анализ, интерпретацию и попытку предвидения тенденций основных демографических процессов — брачности, рождаемости, планирования семьи, смертности, миграции, динамики численности и эволюции половозрастной структуры населения России. В докладе рассматриваются меры демографической, семейной и миграционной политики и дается оценка их результативности.

Анализ основан на материалах официального статистического наблюдения за демографическими и миграционными процессами, результатах российских переписей и микропереписей населения с особым вниманием к новым данным последней микропереписи 2015 г., других официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), министерств и ведомств Российской Федерации, международных организаций и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных

расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, результатах специальных выборочных обследований, материалах научных публикаций отечественных и зарубежных авторов.

Доклад подготовлен авторским коллективом в следующем составе:

руководители авторского коллектива:

- д-р экон. наук *А.Г. Вишневский*,
- канд. экон. наук *С.В. Захаров*;

авторы разделов:

- раздел 1 — канд. соц. наук *А.И. Пьянкова*;
- раздел 2 — канд. экон. наук *Е.М. Щербакова*;
- раздел 3 — *С.А. Васин*;
- раздел 4 — канд. экон. наук *Л.М. Прокофьева*,
— канд. соц. наук *А.А. Миронова*;
- раздел 5 — канд. экон. наук *С.В. Захаров*;
- раздел 6 — канд. физ.-мат. наук *Е.Л. Сороко*;
- раздел 7 — канд. экон. наук *С.В. Захаров*,
— канд. физ.-мат. наук *Е.М. Андреев*,
— канд. экон. наук *В.И. Сакевич*;
- раздел 8 — PhD *О.Г. Исупова*;
- раздел 9 — канд. физ.-мат. наук *Е.М. Андреев*,
— канд. экон. наук *Е.А. Кваша*,
— канд. экон. наук *Т.Л. Харькова*,
— канд. соц. наук *А.И. Пьянкова*,
— канд. соц. наук *А.В. Рамонов*,
— *Т.А. Фаттахов*;
- раздел 10 — канд. геогр. наук *Ж.А. Зайончковская*,
— канд. геогр. наук *Ю.Ф. Флоринская*,
— *К.А. Доронина*;
- раздел 11 — канд. геогр. наук *Л.Б. Карачурина*,
— канд. геогр. наук *Н.В. Мкртчян*,
— *С.И. Абылкаликов*;
- заключение — д-р экон. наук *А.Г. Вишневский*,
— канд. экон. наук *С.В. Захаров*;
- приложения — канд. экон. наук *Е.М. Щербакова*.

1. История микрореперисей населения в России: организационные, методологические, программные особенности и отражение их результатов в демографических исследованиях

1.1. Микрореперись населения 2015 г. в системе наблюдения демографических процессов Росстата

В системе статистического наблюдения демографических процессов Росстата микрореперисей населения в России занимают промежуточное положение между всеобщими переписями населения и выборочными обследованиями, что обуславливает схожие черты их программ с каждым из этих специфических видов статистического наблюдения.

Поскольку микрореперись населения является крупнейшим выборочным обследованием, целесообразно выделить общие и отличительные аспекты программ по сравнению с обследованиями системы выборочных обследований Росстата¹, проводимых с 2011 г. В рамках изучения условий проживания и образа жизни населения проводится семь выборочных обследований, в рамках изучения интеграционных процессов на рынке труда — три. Они различаются по тематике, периодичности проведения (от ежегодных до проводимых один раз в пять лет) и числу обследуемых домохозяйств (от 10 тыс. до 160 тыс.). Из 10 обследований наиболее целесообразно сравнить микрореперись с пятью наиболее схожими по тематике выборочными обследованиями: условий жизни населения; репродуктивных планов населения; поведенческих факторов, влия-

¹ В 2010 г. было принято постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидности населения».

ющих на здоровье; рациона питания; доходов населения и участия в социальных программах².

Вопросы микрорепериси о поле, возрасте, семейном положении, наивысшем достигнутом уровне образования универсальны и характерны для всех указанных обследований. Однако в формулировках вопросов и степени их детализации имеются существенные различия, даже в таком базовом вопросе, как возраст. Например, в микрорепериси спрашивается о дате рождения индивида (число, месяц, год), а число исполнившихся лет у него определяется по специальной таблице, что является наиболее точным подходом к определению возраста опрашиваемого лица, тогда как в Комплексном наблюдении условий жизни населения (КОУЖ) спрашивается только о числе исполнившихся лет. Блок вопросов о семейном положении в КОУЖ расширен вопросом о совместном проживании супругов, что позволяет выделить зарегистрированных супругов, проживающих отдельно, в отличие от микрорепериси и всеобщих переписей, и причинах отдельного их проживания. Этот блок вопросов дополнен вопросами о числе, причинах, месте отдельного проживания детей. Обследование репродуктивных планов также позволяет выделить разошедшиеся пары, но ранее состоявшие в зарегистрированном браке и не разведенные официально. В остальных обследованиях выделяются те же категории семейного положения, что и в вопроснике микрорепериси 2015 г.

Среди общих черт программ микрорепериси 2015 г. и КОУЖ (периодичность наблюдения — один раз в два года, объем выборки — 60 тыс. домашних хозяйств) можно отметить наличие вопросов об образовании и здоровье населения. Блок вопросов об образовании в КОУЖ, повторяя вопросы микрорепериси (наивысший достигнутый уровень образования, посещение дошкольного учреждения, обучение в настоящий момент в образовательной организации), существенно шире — для каждого уровня образования предлагаются свои дополнительные вопросы. Помимо этого, изу-

² Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения, Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, Выборочное наблюдение рациона питания населения, Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах.

чаются образовательные планы, вовлеченность в дополнительное образование. То же можно сказать и о блоке вопросов о здоровье населения: повторяя вопросы микропереписи (наличие хронических заболеваний, потребность в помощи, наличие инвалидности и установленная ее группа), блок вопросов о здоровье в КОУЖ несколько шире. Принципиальное отличие — наличие дополнительных вопросов, призванных оценить состояние здоровья населения по самооценке опрашиваемого, а также распространенность курения и употребления алкогольных напитков, включая вопросы о частоте питья и структуре напитков.

Вопросы о состоянии здоровья населения сближают также микроперепись 2015 г. с Выборочным наблюдением поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения (периодичность проведения — один раз в пять лет, объем выборки — 15 тыс. домашних хозяйств), и Выборочным наблюдением рациона питания населения (периодичность проведения — один раз в пять лет, объем выборки — 45 тыс. домашних хозяйств). Однако вопросы микропереписи о здоровье и данных обследований практически не повторяются. Интересно, что во всех трех выборочных обследованиях поставлен один и тот же вопрос, позволяющий оценить состояние здоровья населения по самоопределению опрашиваемого, и не задается вопрос о типе и степени функциональных ограничений организма, что могло бы показать более полную картину состояния здоровья и степени инвалидизации населения.

Традиционные вопросы микропереписей о рождаемости и репродуктивных планах, суженные до двух в опросе 2015 г., находят свое место в Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения (периодичность проведения — один раз в пять лет, объем выборки — 15 тыс. домашних хозяйств). Из семи блоков индивидуального вопросника блок вопросов о рождаемости самый обширный («Рождение детей» и «Мотивы рождения детей») и включает 33 вопроса. Вопросы призваны не только оценить уровень рождаемости, в том числе и по очередности рождения детей, но и осветить более широкий круг связанных тем: распространенность и методы контрацепции; распространенность аборт; репродуктивные планы, в том числе ближайшие, и желание иметь детей вообще; откладывание рождения детей и его причины; использование отпуска по уходу за ребенком; распространенность

использования вспомогательных репродуктивных технологий; факторы и мотивы рождения детей. Помимо этого, вопрос о семейном положении (вопросник для домохозяйств) так же, как и в КОУЖ, но в отличие от микрорепериси 2015 г. позволяет выделить индивидов, разошедшихся с супругом, но ранее состоявших с ним в зарегистрированном браке и не разведенных официально. Индивидуальный вопросник Выборочного наблюдения репродуктивных планов содержит расширенный блок вопросов о брачности, позволяющий более детально проследить матримониальную биографию индивидов: задаются вопросы о дате начала первого брака, его длительности, начале текущего брака, мнениях и факторах регистрации брака. Однако стоит отметить, что результаты данного обследования репрезентативны только на уровне страны в целом, ее городской и сельской местности, отдельных социально-демографических групп населения и семей³, поэтому региональную вариативность репродуктивного и брачного поведения изучать на его основе нельзя.

Как и в микрорепериси 2015 г., в выборочных обследованиях ставится вопрос о составе домохозяйства, но он присутствует только в тех обследованиях, итоги которых репрезентативны на уровне не только страны в целом, но и ее регионов в связи с большим объемом выборки: КОУЖ, выборочные наблюдения рациона питания, доходов населения и участия в социальных программах. Однако предложенные варианты отношений родства/свойства к ответственному лицу не полностью совпадают с перечнем, предложенным в микрорепериси 2015 г.

Среди уникальных черт микрореперисей, в том числе 2015 г., по сравнению с выборочными обследованиями Росстата можно выделить наличие ряда традиционных для всеобщих переписей населения вопросов, которые полностью отсутствуют в указанных обследованиях: о языке, национальной принадлежности, гражданстве (микрореперись 2015 г.), миграции населения.

За всю историю центральными статистическими органами в России было проведено три крупномасштабных выборочных социально-демографических исследования (микрорепериси) насе-

³ То же верно и относительно Выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения.

ления: в 1985 г. как части СССР, в 1994 и 2015 гг. Рассмотрим детально их опыт.

1.2. Микроперепись населения 1985 г.

1.2.1. Предпосылки, организационные и методологические особенности

В 1960-е и 1970-е годы отделом статистики бюджетов ЦСУ СССР проводились бюджетные обследования доходов семей рабочих, служащих, колхозников. Отдел демографии НИИ ЦСУ СССР выступил с инициативой включения в эти обследования блока вопросов о рождаемости и брачности. Было проведено всего семь обследований: в 1967—1969 гг., с 1972 г. они стали регулярными и проводились раз в три года (1972, 1975, 1978, 1981 гг.), получивших название сентябрьских, так как проводились в сентябре. Программа этих обследований дала возможность изучать рождаемость в брачных когортах и когортах по году рождения, рассчитать вероятности рождения ребенка данной очередности и построить таблицы брачности, в том числе по национальностям. Масштаб обследований (опрашивалось 300—350 тыс. семей) позволял получить данные по республикам СССР, укрупненным регионам. Их достоинствами были составление выборки по единой схеме и полная сопоставимость программ, однако обследования включали малое число семей в каждом районе, что ограничивало возможность более детального их анализа⁴. Накопленный опыт, полученный в ходе «сентябрьских» обследований рождаемости, и необходимость анализа процессов рождаемости и брачности на более детальном уровне определили необходимость проведения более широкого обследования. Новое масштабное выборочное исследование должно было отразить изменения, произошедшие с момента всеобщей переписи населения 1979 г., получить данные для разработки планов социально-экономического развития на 12-ю пятилетку, оценить эффективность мероприятий демографической политики по расши-

⁴ Волков А.Г. Методология и организация микропереписи в России в 1994 г. // Волков А.Г. Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 180—198.

рению помощи семьям с детьми, которые были введены в 1981—1983 гг.⁵

1 сентября 1983 г. Политбюро ЦК КПСС и Совет министров СССР принимают решение № 865 о проведении органами государственной статистики Всесоюзного 5%-го выборочного социально-демографического обследования населения по состоянию на 2 января 1985 г., которое можно отнести к типу микрпереписей. Это было беспрецедентное событие: впервые в советской истории решение, связанное с выборочными обследованиями населения, принималось на уровне Политбюро ЦК КПСС.

Микрперепись проводилась в период 2—11 января 1985 г., данные собирались на 0 часов со 2 на 3 января. Территориальными единицами выборки послужили избирательные округа для выборов в Верховный Совет СССР. Объем выборки составил 5% постоянного населения всех союзных и автономных республик, краев и областей, но она не включала жителей труднодоступных районов Крайнего Севера и Сибири. Опрос проводился с помощью личного интервью, с использованием бумажных переписных листов. Число опрошенных составило около 13 млн человек.

Нагрузка на переписной персонал всех уровней предполагалась 500 респондентов на одного работника в день. Помимо заполнения бланков в отчете о подготовке и проведении микрпереписи следовало указать затруднения, встретившиеся при подготовке опросных листов к механизированной разработке и отправке в ГВЦ ЦСУ СССР у лиц трудоспособного возраста, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, неучащихся; затруднения, встретившиеся при проверке и кодировании ответов; привести характерные ошибки счетчиков, выявленные на стадии проверки и кодировании материала; указать число случаев незаполнения позиций бланков; указать наличие трудностей при кодировании данных о национальностях и использовании словаря национальностей⁶.

⁵ *Захаров С. В.* Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: сб. аналит. ст. Вып. 1 / науч. ред. Т. М. Малева, О. В. Синявская. М.: НИСП, 2007. С. 9—34.

⁶ История переписей населения в России. М.: Голден Би, 2013.

Организации микропереписи 1985 г. были посвящены две статьи⁷. Программа микропереписи 1985 г. (5 разделов, 27 вопросов) преследовала две цели: сохранить преемственность со Всесоюзной переписью 1979 г. и получить более широкий круг сведений о рождаемости и брачности населения. Единицей наблюдения, как и прежде, была семья.

В первом разделе «Информация о каждом респонденте» нововведениями по сравнению с Всеобщей переписью населения 1979 г. были:

- учет пяти категорий брачного состояния (никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, вдовы, разведенные, разошедшиеся) — добавлена отдельная категория «разошедшиеся»;
- в дополнение к вопросу о числе рожденных детей спрашивалось о том, сколько из них живы, год и месяц рождения каждого, если умер, то год смерти;
- изменение формулировки вопроса о миграции — учет непрерывности проживания с рождения, если нет, то год прибытия и тип поселения, откуда прибыл;
- включение вопроса о доходе;
- исключение вопросов о главе семьи, родном языке, месте работы и занятии.

Преследуя вторую цель, для каждого состоявшего в браке (раздел «Информация о браке») задавались вопросы о годе вступления в первый брак (без разделения на зарегистрированный или нет), причине и дате его прекращения, годе вступления в повторный брак. Для замужних женщин до 45 лет (раздел «Информация о рождении детей») помимо вопросов о рождаемости задавался вопрос о репродуктивных планах — ожидаемом числе детей, включая уже имеющих. Этот вопрос продолжал традицию «сентябрьских» обследований, куда он включался с 1972 г., и позволял оценить степень реализации репродуктивных планов семей. Помимо этого, для выяснения эффективности государственных мер помощи семьям задавались вопросы о статусе занятости женщины и использовании отпуска по уходу за ребенком до года и до полутора лет.

⁷ Белов И. О выборочном социально-демографическом обследовании населения 1985 г. // Вестник статистики. 1986. № 9. С. 40—45; Волков А. Г. Первая микроперепись населения СССР // Здравоохранение Российской Федерации. 1984. № 10. С. 3—6.

Также в микрорепериси 1985 г. были расширены вопросы о жилищных условиях (молодым семьям задавался вопрос о том, брали ли они беспроцентную ссуду на улучшение жилищных условий) и впервые исследовались мнения населения о наиболее важных проблемах из предложенного списка, которые должны быть решены в первую очередь⁸.

1.2.2. Публикация итогов и анализ результатов

Результаты обследования по некоторым вопросам вызвали у специалистов обеспокоенность и сомнения: о доходе, мнения населения о наиболее важных проблемах, о национальном составе. Часть результатов предписывалось представлять в агрегированном виде. Письмо ЦСУ СССР⁹, предназначенное для служебного пользования, помимо рекомендации о публикации итогов по национальному составу, содержало рекомендацию не издавать статистический сборник с итогами микрорепериси. В результате публикация итогов микрорепериси 1985 г. была, к сожалению, сокращенной, и фактически они были опубликованы в нескольких номерах журнала «Вестник статистики» и преимущественно в отнесенных показателях¹⁰.

Материалы микрорепериси 1985 г. были проанализированы отечественными демографами, хотя и в существенно меньшей степени, нежели впоследствии результаты микрорепериси 1994 г. Публикации посвящены в основном вопросам рождаемости и брачности, в том числе их этнической дифференциации, а также взаимосвязи брачности и миграции, что соответствовало программе и задачам микрорепериси.

Прежде всего стоит выделить работы Л. Е. Дарского, в том числе в соавторстве с другими исследователями. Он показал, что

⁸ Волков А. Г. Методология и организация микрорепериси в России в 1994 г. // Волков А. Г. Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 180—198.

⁹ О порядке использования итогов выборочного социально-демографического обследования 1985 года (II очередь). Письмо ЦСУ СССР от 24 июля 1985 г. № 32/17-2 ДСП.

¹⁰ Итоги выборочного социально-демографического обследования населения 1985 // Вестник статистики. 1986. № 7. С. 67—79; № 8. С. 72—80; № 9. С. 75—78.

степень ограничения рождаемости существенно различалась по национальностям (исследовалось 17 национальностей), а среди народов с низкой рождаемостью (армяне, молдаване, татары, грузины, белорусы, эстонцы, литовцы, украинцы, русские, латвийцы, евреи) в конце 1970-х — начале 1980-х годов свыше 94% женщин контролировали свое деторождение. Доля женщин, не контролирующей рождаемость, была незначительна и варьировалась от 3,6% у молдаван до 0,2% у евреев¹¹. Динамика фактической рождаемости практически не отличалась от динамики ожиданий у народов с низкой рождаемостью, кроме грузин и молдаван¹². Народы с высокой рождаемостью (народы Закавказья и Средней Азии), будучи в этот период на значительно более ранних стадиях демографического перехода к низкой рождаемости, в значительно меньшей степени контролировали рождаемость. Среди армян, азербайджанцев, казахов снижение рождаемости продвинулось достаточно далеко. Доля женщин, контролирующей рождаемость, среди них была достаточно высокой (азербайджанки — 71,9%) или находилась на среднем уровне (казашки — 44,4%), у киргизов, туркмен, узбеков и таджиков снижение рождаемости к тому времени, по существу, только началось. Среди них доля женщин, контролирующей рождаемость, была особенно низкой: киргизы (25,7%), туркмены (27,3%), узбеки (32%), таджики (16,7%)¹³.

Результаты микропереписи послужили также базой для оценки демографического эффекта мер государственной политики помощи семьям с детьми, которые были введены в 1981—1983 гг. в разных частях страны в три этапа, начиная с тех, где рождаемость была самой низкой. Это соответствовало целям проведения микропереписи. Л.Е. Дарский, детально проанализировав взаимосвязи интергенетических интервалов и вероятности рождения детей разной очередности среди разных категорий женщин

¹¹ *Darsky L., Scherbov S.* Parity-progression fertility tables for the nationalities of the USSR. IIASA Working Papers, WP-90-53. Laxenburg, 1990.

¹² *Дарский Л.Е.* Ожидаемое число детей у женщин разных национальностей и перспективы рождаемости в населении бывшего СССР // Демоскоп Weekly. 2005. № 191—192 (21 февраля — 6 марта). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/nauka02.php>.

¹³ См. сноску 2; *Darsky L.* Quantum and timing of births in the USSR // Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991 / ed. by W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov. L.; N.Y.: Routledge, 1994. P. 57—69.

СССР, в том числе различных национальностей, пришел к выводу, что рождаемость начала увеличиваться до того, как принятые меры могли оказать какой-либо эффект¹⁴. Г.А. Бондарская исследовала этнические и территориальные (по республикам СССР) различия брачной рождаемости¹⁵. Ее исследование показало, что роль культурно-национальных традиций в процессе прокреации была и оставалась на тот момент одной из важнейших социальных характеристик, оказывающей решающее влияние на репродуктивное поведение женщин, более важной, чем достигнутый уровень образования, занятость женщины или характер местности проживания и т.д. Между тем она заключила, что этническая дифференциация рождаемости в СССР достигла своего пика и в ближайшее время будет снижаться. Анализируя данные об ожидаемом числе детей, Г.А. Бондарская показала, что ориентация на двухдетную семью господствует среди всех народов европейской территории СССР¹⁶.

Исследования Л.Е. Дарского в соавторстве с И.П. Ильиной были посвящены вопросам брачности¹⁷. В первой работе рассмотрена нормализация брачного рынка и процессов брачности после деструктивного воздействия Второй мировой войны, в последующей — этническая дифференциация брачности. Более поздняя

¹⁴ *Darsky L.* Quantum and timing of births in the USSR // Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991 / ed. by W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov. L.; N.Y.: Routledge, 1994. P. 57—69.

¹⁵ *Bondarskaya G.* Ethnic-territorial differences in marital fertility: A 1985 survey // Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991 / ed. by W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov. L.; N.Y.: Routledge, 1994. P. 57—69.

¹⁶ Оба исследования опубликованы в коллективной работе «Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991».

¹⁷ *Дарский Л.Е., Ильина И.П.* Нормализация брачности мужчин и женщин СССР по данным обследования 1985 г. // Социально-экономические исследования брака семьи, репродуктивных установок и вопросы прогнозирования населения: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Прогнозирование социально-го развития и демографических процессов в условиях ускорения НТП». Дилижан, 24—26 мая 1988 г. Ереван, 1988. С. 39—42; *Дарский Л.Е., Ильина И.П.* Нормализация брачности в СССР // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С. 6—27; *Дарский Л.Е., Ильина И.П.* Таблицы брачности основных национальностей союзных республик СССР (по данным выборочного обследования 1985 г.) // Экономика. Демографическая статистика: исследования и проблемы: сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 206—210.

работа 2000 г. основана на материалах микропереписей 1985 и 1994 гг., где впервые вычислены показатели брачности (для первых браков) мужчин и женщин по национальностям, уровню образования и типам поселений (по данным микропереписи 1985 г. — в целом для СССР за 1980—1984 гг., по данным микропереписи 1994 г. — в целом для России за 1989—1993 гг.). В работах, использующих данные микропереписи 1985 г., также рассматривались методологические проблемы построения и анализировались результаты таблиц брачности¹⁸.

Распространению этнически смешанных семей посвящена работа А. Г. Волкова¹⁹, впервые опубликованная в двух номерах «Вестника статистики». В ней он выделил четыре группы среди всех смешанных семей с одной супружеской парой и привел наиболее распространенные сочетания национальностей в смешанных супружеских парах. В СССР супружеские пары, где один из супругов русский, составляли 82,5% всех смешанных супружеских пар. Наиболее распространенная группа — русско-украинские пары, однако общая картина сочетаний была весьма разнообразна. Так, из всех возможных сочетаний национальностей (1260) только 30% не были представлены в разработке итогов ни одной супружеской парой.

Отдельно стоит выделить работы Л. Р. Кузнецова, затрагивающие матримониальное и репродуктивное поведение мигрантов, а также влияние миграции на эти виды поведения²⁰. Он показал, что распространенность брачной миграции женщин Средней Азии в 3—4 раза выше, чем среди россиянок, в особенности для сельской местности этих республик, а также для мигрантов, как мужчин, так и женщин, вероятности вступить в первый брак суще-

¹⁸ Дарский Л. Е., Ильина И. П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности. М.: Информатика, 2000.

¹⁹ Волков А. Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Волков А. Г. Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 405—431.

²⁰ Кузнецов Л. Р. Взаимосвязь миграции и брачности // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С. 58—77; Кузнецов Л. Р. Особенности матримониального поведения мигрантов // Миграция. Демография и социология. Вып. 2. М., 1992; Кузнецов Л. Р. Статистическое изучение взаимосвязи демографических процессов и миграции: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: НИИ Госкомстата РФ, 1992.

ственно выше, чем для немигрантов. Анализируя репродуктивное поведение мигранток, он пришел к выводу, что оно тем меньше отличается от поведения немигранток, чем дольше они проживают на новом месте. Проживающие в городе бывшие сельские жители в своем репродуктивном поведении больше ориентированы на городские паттерны этого поведения, что верно для регионов с высокой и низкой миграционной подвижностью населения. Однако в случае, если мигрант выступает в роли носителя более продвинутых (с точки зрения демографического перехода) репродуктивных установок, его поведение и после переезда остается гораздо более близким к репродуктивному поведению коренных жителей той местности, откуда он переехал. Автор выявил также более высокий уровень внебрачной рождаемости у мигранток по сравнению с коренными жительницами, что дало основание предположить, что для некоторой части женщин именно внебрачное рождение было причиной переезда.

1.3. Микрореперись населения 1994 г.

1.3.1. Организационные и методологические особенности

Изменение демографической ситуации в стране (появление естественной убыли) и социальной структуры общества, возникновение новых социально-экономических явлений, требующих системного анализа и категоризации, интенсификация миграционных процессов, изменения их масштабов, структуры и направлений обусловили необходимость проведения новой микрорепериси.

Верховный Совет РФ 22 декабря 1992 г. принял постановление № 4182-1 «О неотложных мерах по изучению населения и демографических перспектив Российской Федерации», предписывающее провести микрореперись в 1994 г. Она проводилась в период с 14 по 23 февраля 1994 г., критический момент — 0 часов 14 февраля. Объем выборки составил 5% постоянного населения России каждой республики, региона, кроме Чеченской Республики, включая временно отсутствующих, но за исключением части институционального населения: живущих в домах для инвалидов и престав-

рельных, в казармах и исправительных учреждениях, городах закрытого типа. Основные пункты методологии формирования выборки были освещены в статье Т.М. Чернышевой²¹, однако полностью методология не была опубликована, несмотря на то, что, по мнению А.Г. Волкова, она была хорошо разработана.

По сравнению с предыдущей микропереписью от избирательных округов как территориальных единиц выборки отказались в пользу счетных участков Всесоюзной переписи населения 1989 г. Основным преимуществом такого выбора было получение репрезентативных по географическому положению, типу поселения и численности населения административных единиц. Однако имелся и ряд недостатков: изменение численности населения с момента переписи 1989 г. и возможность смещения выборки за счет наличия временных жителей в счетных участках всеобщей переписи 1989 г.²²

Опрос проводился с помощью личного интервью, с использованием бумажных переписных листов. Число опрошенных составило около 7,35 млн человек. Средняя нагрузка на счетчиков в городской местности должна была составить 300, в сельской — 250 человек²³.

Программа микропереписи 1994 г. (10 разделов, 49 вопросов) преследовала цель отразить после распада СССР глобальные социально-экономические и демографические трансформации и получить данные об изменениях демографической ситуации, материалы для оценки тенденций и перспектив воспроизводства населения. Проект программы широко обсуждался, был одобрен и опубликован в журнале «Вестник статистики»²⁴. Предусматривались два отдельных списка — для постоянно проживающих и временно отсутствующих в домохозяйстве.

²¹ Чернышева Т.М. Методология формирования территориальной выборки в СССР // Кооперация стран — членов СЭВ в статистике. Вып. 6. М.: Изд-во СЭВ, 1990. С. 12—23.

²² Волков А.Г. Методология и организация микропереписи в России в 1994 г. // Волков А.Г. Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 180—198.

²³ Там же.

²⁴ Исупов А. Программа социально-демографического обследования 1994 года // Вестник статистики. 1992. № 9. С. 25—28.

Подробно организация и программа микрорепериси проанализированы в работе А.Г. Волкова на английском языке²⁵, которая была переведена на русский язык и опубликована в России только в 2014 г., уже после смерти автора. Ниже мы остановимся на наиболее важных изменениях и нововведениях программы.

Важным нововведением микрорепериси было принятие за единицу наблюдения домохозяйства, а не семьи, как в микрорепериси 1985 г., что соответствовало международным рекомендациям и всецело поддерживалось российскими специалистами. В разделе блока вопросов о брачности впервые учитывалось шесть категорий брачного состояния, отдельно велся учет зарегистрированных и незарегистрированных браков, что впоследствии позволило впервые оценить степень распространенности последних в России. Вопросы о годе заключения первого брака, годе и причине его распада и годе заключения повторного брака сохранились, что позволило исследователям изучить брачные карьеры когорт разных лет рождения, компенсацию прекращения брака повторными браками, в том числе незарегистрированными, и т.д. В блоке вопросов о рождаемости в дополнение к вопросу об ожидаемом числе детей был поставлен вопрос о желаемом числе детей. Важно отметить, что вопросы о репродуктивных планах и установках задавались всем женщинам в возрасте 15—44 лет, тогда как в «сентябрьских» обследованиях и микрорепериси 1985 г. — только замужним женщинам. Помимо ставших уже традиционными вопросов об общем числе рожденных живыми детей с указанием года рождения каждого ребенка спрашивалось об их отдельном проживании (месяц и год его отделения). Вопрос о языке был существенно расширен, впервые спрашивалось не только о владении языками (родной, другой), но и о сферах их преимущественного повседневного использования (дома, в учебном заведении, на работе). Блок вопросов о миграции был расширен для тех, кто проживает вне места своего рождения, вопросами о прежнем месте постоянного жительства, годе и причине его смены. Экономический блок вопросов также был дополнен вопросами о занятости, в том числе с целью выявления новых

²⁵ *Volkov A.G. Methodology and organization of the 1994 microcensus in Russia. Population Research Centre Working Paper. No. 99-5. University of Groningen. 1999. October.*

социальных категорий населения — безработных в соответствии с рекомендациями МОТ, опрос о доходах был сохранен, хотя и вызвал много споров.

1.3.2. Публикация итогов и анализ результатов

Разработка итогов микропереписи завершилась достаточно быстро, уже к концу 1994 г. были опубликованы первые результаты, а в 1995 г. — восемь томов основных итогов по разделам программы. Публикация была несравненно более полной, чем после микропереписи 1985 г. Важно отметить, что полный файл индивидуальных данных в электронном виде открыт для исследователей, это позволяет осуществлять разработку данных в любой комбинации признаков²⁶. Эти обстоятельства положительно сказались на более всестороннем изучении результатов микропереписи 1994 г. и круге публикаций. К результатам этой микропереписи российские и зарубежные исследователи продолжают обращаться до сих пор. В то же время по-прежнему обсуждаются вопросы репрезентативности микропереписи 1994 г.: во-первых, не все категории населения переписывались; во-вторых, некоторые респонденты отказывались отвечать, в результате чего могли произойти смещения выборки относительно генеральной совокупности.

Далее мы отметим наиболее фундаментальные работы, посвященные в основном, как и прежде, вопросам рождаемости и брачности, их взаимосвязи. Отметим, что нововведения программы подтолкнули к изучению домохозяйств (новой социально-экономической категории для российских специалистов) — их структуры, этнических особенностей, а также миграции населения.

С. Щербов и Х. ван Виайнен выполнили серию исследований, посвященных репродуктивной и брачной истории поколений

²⁶ *Захаров С.В.* Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: сб. аналит. ст. Вып. 1 / науч. ред. Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП, 2007. С. 9—34; *Вишневский А.Г., Захаров С.В.* Что знает и чего не знает российская демографическая статистика // Вопросы статистики. 2010. № 2. С. 7—17.

женщин, родившихся в 1910—1934 гг.²⁷ и в 1900—1960 гг.,²⁸ используя специальную индивидуальную разработку данных микрореписи 1994 г. Анализируя когортные показатели рождаемости, вероятности рождения детей данной очередности и ширину интервалов между рождениями детей разной очередности, они пришли к выводу, что репродуктивное поведение женщин, рожденных в 1900—1960 гг., на протяжении длительного периода оставалось весьма стабильным. Этот вывод подтверждает точку зрения, что на ежегодные изменения показателей рождаемости оказывают сильное влияние сдвиги в календаре рождений и это влияние зачастую оказывается более значимым, нежели изменение реального числа рожденных детей у женщин к концу репродуктивного периода. Поэтому только когортный анализ рождаемости призван отразить реальную динамику долговременных изменений репродуктивного поведения женщин.

В работе 2002 г. было показано, что, хотя ни один из наблюдаемых кризисов в России не оказал решающего влияния на процесс демографического перехода в рождаемости, политические события часто имели глубокие краткосрочные последствия²⁹. В работе 2004 г., посвященной брачности, используя метод мультистатусных таблиц брачности, рассчитанных для мужчин и женщин в отдельности, С. Щербов и Х. ван Виайнен показали, что распространенность развода росла монотонно с достаточно низкого уровня для когорт 1910 года рождения. Однако типичная восточноевропейская брачная модель, характеризующаяся ранним и почти всеобщим браком, была удивительно стабильной. Революция, последовавшие за ней события, Вторая мировая война привели к откладыванию браков. Однако даже в когортах, столкнувшихся

²⁷ Scherbov S., van Vianen H. Marital and fertility careers of Russian women born between 1910 and 1934 // Population and Development Review. 1999. No. 25 (1). P. 129—143.

²⁸ Scherbov S., van Vianen H. Marriage and fertility in Russia of women born between 1900 and 1960: A cohort analysis // European Journal of Population. 2001. No. 17 (3). P. 281—294.

²⁹ Scherbov S., van Vianen H. Period fertility in Russia since 1930: An application of the Coale — Trussell fertility model // Demographic Research. 2002. No. 6. P. 455—470.

с сильно несбалансированным брачным рынком, доля никогда не состоявших в браке была исключительно низкой³⁰.

Анализируя построенные таблицы брачности реальных поколений, рожденных в период 1910—1974 гг., С.В. Захаров также показывает, что в России в XX в. модель ранней и всеобщей брачности была устойчивой (к 35 годам доля женщин, когда-либо состоявших в браке, была 90% и выше)³¹. Несмотря на это, войны и другие катаклизмы оказывали влияние на повышение среднего возраста вступления в первый брак (максимальным повышением было для когорты 1923 года рождения — до 24,9 года), но впоследствии (для когорт, рожденных в 1930—1950 гг. и позже) происходило омоложение брачности.

Материалы микропереписи 1994 г. были использованы не только в рамках когортных исследований рождаемости и брачности, призванных дать ответ о долгосрочных трендах. Б.Б. Баркалов³² использовал их для анализа рождаемости по очередности рождений в условных поколениях. В своей последней работе, вышедшей уже после его смерти³³, он предполагал, что изменения рождаемости в России на рубеже 1980-х и 1990-х годов в гораздо большей степени были связаны с изменением самого уровня рождаемости, чем с изменением календаря рождаемости.

Трансформация брачности в России также была предметом исследования работ М. Миллс³⁴. Она провела международное срав-

³⁰ *Scherbov S., van Vianen H. Marriage in Russia: A reconstruction // Demographic Research. 2004. No. 10. P. 27—60.*

³¹ *Захаров С.В. Возраст вступления в первый брак // Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 107—120.*

³² *Barkalov N.B. Expected fertility as it appears from the 1994 microcensus a parity-progression dimension // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания: сб. докл. Первых Валентеевских чтений. М., 1997. С. 118—137; Barkalov N.B. The fertility decline in Russia, 1989—1996: A view with period parity-progression ratios // Genus. 1999. No. 55 (3—4). P. 11—60.*

³³ *Barkalov N.B. Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s // Population and Development Review. 2005. No. 31 (3). P. 545—556.*

³⁴ *Mills M. The transformation of partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the age of modernity. Amsterdam: Thela Thesis Population Studies Series, 2000; Mills M. Stability and change: The structuration of partnership*

нение с аналогичными процессами в Канаде и Голландии и в результате пришла к выводу, что брачные карьеры достаточно разнообразны в Канаде и Нидерландах, тогда как в России весьма унифицированы и стабильны, несмотря на высокую долю вдов в России даже в молодых возрастах, распространенность разводов и компенсирующих их повторных браков.

Исследования Е. М. Андреева и Т. Л. Харьковской были призваны оценить роль социально-экономического кризиса начала 1990-х в падении рождаемости в этот период. Авторы проверяли две гипотезы: первая — в начавшемся снижении рождаемости основную роль сыграл кризис; вторая — в снижении рождаемости превалируют долгосрочные тренды демографического перехода, а кризис только ускорил долговременные тренды. В заключение они приходят к выводу, что кризис ускорил долгосрочные тенденции второго демографического перехода в России и весьма вероятно, что в случае отсутствия кризиса низкий уровень рождаемости в России распространился бы на 10—15 лет позже, а не с 1993 г.³⁵

Е. М. Андреев и Г. А. Бондарская исследовали возможности использования данных об ожидаемом числе детей для прогноза населения и показали, что женщины одних и тех же поколений за прошедшие девять лет между микрореперисями 1985 и 1994 гг. незначительно изменили свои планы³⁶. Для молодых когорт характерны наибольшие изменения, поэтому сведения об их ожидаемом числе детей следует, как считают исследователи, использовать в прогнозе с осторожностью. Оптимальный вариант прогноза основан на совместном использовании показателей как для замужних, так и незамужних женщин. Последующий анализ подтвердил целесообразность использования опросов женщин об ожидаемом числе детей для прогнозов рождаемости, поскольку в старших ко-

histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // *European Journal of Population*. 2004. No. 20 (2). P. 141—175.

³⁵ *Kharkova T. L., Andreev E. M.* Did the economic crisis cause the fertility decline in Russia: Evidence from the 1994 microcensus // *European Journal of Population*. 2000. No. 16 (3). P. 211—233; *Андреев Е. М., Бондарская Г. А., Харьковская Т. Л.* Падение рождаемости в России: гипотезы и факты // *Вопросы статистики*. 1998. № 10. С. 82—93.

³⁶ *Андреев Е. М., Бондарская Г. А.* Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения // *Вопросы статистики*. 2000. № 11. С. 56—62.

гортах (30 лет и более) высказанные ожидания женщин в 1994 г. оказались близки к реальности³⁷.

А.Г. Волков в работе 1999 г.³⁸ рассматривал ряд вопросов, связанных с изменениями в семейной структуре. Относительно тенденций брачности и стабильности брака он заключает, что в большинстве случаев ущерб от прекращения брака невосполним, а шансы на повторное вступление брак существенно дифференцированы по полу: для мужчин прекращение первого брака на $\frac{2}{3}$ компенсируется повторными браками через 10 лет после прекращения первого, тогда как для женщин — всего на $\frac{1}{3}$. Также результаты микропереписи показали, что ни ожидаемое, ни желаемое число детей, названное респондентами, не достаточно для простого воспроизводства населения. Распространенность незарегистрированного брака зависит от его очередности — доля незарегистрированных браков выше среди повторных браков. Кроме того, их доля сильно варьируется по регионам страны, национальностям, выше в сельской местности, чем в городской, повышается к старшим возрастам (40 лет и более). Использование домохозяйства в качестве единицы наблюдения позволило разработать типологию домохозяйств и впервые получить сопоставимые в международном контексте данные об их структуре. Новым явлением было наличие такой формы домохозяйства, как супруги, живущие раздельно (для мужчин — 3,2%, для женщин — 4,6%). Развитие этой темы нашло отражение в совместной публикации А.Г. Волкова и Е.Л. Сороко³⁹. В начале 2000-х годов были опубликованы работы об этноспецифических домохозяйствах, в частности, евреев (см. работы Е.М. Андреева и Е.Л. Сороко⁴⁰).

³⁷ Андреев Е.М., Харьковская Т.Л. Сравнительный анализ данных из разных источников о числе рожденных детей // Вопросы статистики. 2015. № 3. С. 38—46.

³⁸ Volkov A.G. New features of family formation and composition: Case of Russia // Revue Baltique. Vilnius. 1999. No. 13. P. 82—96.

³⁹ Волков А.Г., Сороко Е.Л. Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ (по данным микропереписи 1994 года) // Вопросы статистики. 1999. № 5. С. 40—52.

⁴⁰ Soroko E. Jewish households in Russia according to the 1994 microcensus // Papers in Jewish Demography 1997 / ed. by S.D. Pergola, J. Even. Jerusalem, 2001. P. 161—179. URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/043/biblio04.php%";](http://www.demoscope.ru/weekly/043/biblio04.php%) Andreev E.M. Jews in Russia's households (based on the 1994 microcensus) //

В исследовании когортной внутренней миграции населения на базе микрорепериси 1994 г., отражающей миграционную историю живущих поколений, Е. М. Андреев и М. В. Рахманинова⁴¹ показали, что для всех без исключения когорт был характерен западный миграционный дрейф.

Отдельно можно выделить работы М. Тольца, посвященные анализу различных аспектов демографического поведения еврейского населения России. На данных микрорепериси 1994 г. он исследовал распространенность смешанных браков, этническую принадлежность детей, рожденных в смешанных браках, анализировал численность, расселение, половозрастную, брачную структуру еврейского населения, использование идиша как родного и второго языка еврейского населения⁴².

Конечно, и другие исследователи обращались к данным микрорепериси 1994 г. в разные годы, выше мы постарались осветить результаты наиболее фундаментальных исследований. В заключение нельзя не отметить неоценимый вклад Е. Л. Сороко в подготовку данных и расчеты, выполненные по микроданным микрорепериси 1994 г., которые лежали в основе исследований упомянутых выше и других авторов⁴³. На протяжении более двух десятилетий Е. Л. Сороко является главным экспертом по вопросам использования базы микроданных микрорепериси 1994 г.

Papers in Jewish Demography 1997 / ed. by S. D. Pergola, J. Even. Jerusalem, 2001. P. 141—159.

⁴¹ Андреев Е. М., Рахманинова М. В. Внутренняя миграция в России: прошлое и настоящее // Вопросы статистики. 1999. № 5. С. 53—63.

⁴² Tolts M. The Jewish population of Russia, 1989—1995 // Jews in Eastern Europe (Jerusalem). 1996. No. 3 (31). P. 5—19; Tolts M. The interrelationship between emigration and the socio-demographic profile of Russian Jewry // Lewin-Epstein N., Ro'i Y., Ritterband P. (eds). Russian Jews on three continents. L.: Frank Cass, 1997. P. 147—176; Tolts M. Recent Jewish emigration and population decline in Russia // Jews in Eastern Europe (Jerusalem). 1998. No. 1 (35). P. 5—24; Tolts M. Yiddish in the former Soviet Union since 1989: A statistical-demographic analysis // Estraihk G., Krutikov M. (eds). Yiddish in the contemporary world. Oxford: European Humanities Research Centre, University of Oxford, 1999. P. 133—146.

⁴³ В разные годы к базе микроданных микрорепериси 1994 г. при поддержке Е. Л. Сороко обращались, кроме упомянутых в тексте, С. И. Абалкаиков, В. А. Бирюков, Д. Д. Богоявленский, М. Б. Денисенко, В. А. Козлов, В. М. Школьников, Т. Л. Харькова, О. С. Чудиновских и др.

1.4. Микроперепись населения 2015 г.

1.4.1. Организационные и методологические особенности

Официально озвученными целями микропереписи 2015 г. были: а) получение информации для анализа реализации мероприятий, обозначенных в Концепции демографической политики России до 2025 г.; б) получение данных о социально-экономическом положении до очередной всеобщей переписи населения; в) выполнение рекомендаций ООН по апробации новых методов сбора сведений; г) корректировка сценариев для демографического прогноза; д) расширение системы показателей⁴⁴.

В феврале 2013 г. Росстат издал приказ о проведении микропереписи населения 2015 г.⁴⁵, которая и прошла в период с 1 по 31 октября 2015 г. (включительно), данные собирались на 0 часов 1 октября.

Выборка микропереписи населения 2015 г. была сформирована по всем субъектам РФ на федеральном уровне из территориальной выборки многоцелевого назначения на базе информационного массива Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010) и федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». Фактический объем выборки составил 1,5% населения частных домохозяйств, учтенных ВПН-2010, или 2,2 млн человек. Единицей выборки выступали счетные участки ВПН-2010 (7,2 тыс. счетных участков), сохранялась их целостность. В ходе микропереписи учету подлежало постоянное население России, за исключением постоянно проживающих в составе коллективных домохозяйств и домохозяйств бездомных, лиц, находившихся временно (до одного года) на территории России. Как и в прежних микропереписях, исключалось также малочисленное население, проживающее в отдаленной и труднодоступной местности.

⁴⁴ Никитина С. Ю. Об организационных и методологических вопросах выборочного федерального статистического наблюдения «Микроперепись населения 2015 г.» // Вопросы статистики. 2015. № 3. С. 35—37.

⁴⁵ Приказ Росстата от 22 февраля 2013 г. № 74 «О проведении федерального статистического наблюдения “Социально-демографическое наблюдение (микроперепись населения 2015 г.)”».

Опрос проводился с помощью личного интервью, с использованием планшетных компьютеров для записи ответов в электронные опросные листы, лишь в редких случаях (респондент отказывался отвечать, технические проблемы с планшетными компьютерами) использовались бумажные переписные листы, информация с которых впоследствии переносилась на планшетные компьютеры. Средняя нагрузка на счетчика за весь период работы составляла 400 респондентов. Помимо этого, была возможность самозаполнения опросных листов в сети Интернет. Однако у нас отсутствует информация, как в случае использования Интернета собирались сведения, сколько респондентов воспользовалось этой возможностью, каким образом происходило объединение индивидов в домохозяйства. Население 19 тыс. попавших в отбор помещений (2%) отказалось от участия в микрорепериси. Около 80 тыс. помещений (8,1%) оказались пустующими, нежилыми или их жителей переписчикам не удалось застать дома в течение всего периода проведения микрорепериси.

Первоначальный проект программы был существенно шире и содержал 5 блоков и около 40 вопросов⁴⁶, однако ввиду финансовых ограничений были сокращены не только программа, но и объем выборочной совокупности с традиционных 5 до 1,5%.

В итоге программа микрорепериси содержала 28 вопросов⁴⁷, среди которых были как стандартные блоки вопросов переписи населения, но сокращенные по сравнению с микрореперисью 1994 г. и первоначальным проектом программы, так и новые.

К новому блоку вопросов можно отнести вопросы о здоровье. При подготовке программы микрорепериси первоначально предполагалось широко использовать ее для оценки состояния здоровья населения, распространенности функциональных нарушений и инвалидности как по стране в целом, так и по отдельным терри-

⁴⁶ *Никитина С. Ю.* Об организационных и методологических вопросах выборочного федерального статистического наблюдения «Микрореперись населения 2015 г.»: презентация доклада начальника управления статистики населения и здравоохранения на расширенном заседании коллегии Росстата 12 февраля 2013 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/smi-1302.html (дата обращения: 21.11.2017).

⁴⁷ Формы опросных листов федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрореперись населения) 2015 года» утверждены приказом Росстата от 22 апреля 2014 г. № 267.

ториальным образованиям. В проекте программы присутствовал расширенный блок вопросов, но в итоге он был сокращен до трех: наличие хронических заболеваний, ограничивающих жизнедеятельность (да/нет); необходимость ежедневной помощи другого человека (да/нет, кто оказывает); наличие установленной группы инвалидности (да/нет, указание группы инвалидности). Расширенный блок вопросов, предлагаемый в проекте, был слишком общим, предлагалось его изменить, сделав более сопоставимым с международной практикой исследования здоровья в рамках национальных выборочных исследований и переписей⁴⁸. Оставшиеся в переписном листе вопросы о здоровье малоинформативны, некоторые дублируют ведомственную статистику.

По сравнению с микропереписью 1994 г. были расширены блоки вопросов о гражданстве (добавлены вопросы об истории получения российского гражданства и прежнем гражданстве), о миграции (добавлены вопросы о месте жительства в год ВПН-2010 и месте регистрации). Первоначально в разделе «Миграция» присутствовал блок вопросов, призванный впервые после Всеобщей переписи населения 1970 г. оценить маятниковую миграцию. Предполагалось выяснить место работы и (или) учебы, частоту поездок, затрачиваемое время, вид используемого транспорта и время выезда. Однако эти важные для страны и особенно для ее регионов вопросы также не вошли в окончательный вариант переписного листа.

В то же время, несмотря на накопленный положительный опыт выборочных обследований и предыдущих микропереписей, в микропереписи 2015 г. были сокращены два важнейших и традиционных раздела программы — брачность и рождаемость. В итоге в разделе «Рождаемость» спрашивалось только о числе рожденных детей, без указания на то, сколько из них живы, сколько из них живут отдельно, очередности и года их рождения, месяца и года смерти (если ребенок умер) и о числе ожидаемых и желаемых детей. Однако был добавлен вопрос о факторах, влияющих на принятие решения о рождении детей, в том числе получение материнского капитала (в первоначальном проекте программы этот вопрос отсутствовал и был добавлен по требованию Министерства труда,

⁴⁸ Рамонов А. В., Пьянкова А. И. Изучение здоровья: потенциал переписей населения // Демографическое обозрение. 2014. № 2. С. 140—155.

отвечающего за проведение демографической политики в стране, после жесткой дискуссии и вопреки протестам целого ряда экспертов). В разделе «Брачность» учитывались только категории брачного состояния (как и прежде, шесть), а вопросы о годе вступления в первый брак, годе и причине его прекращения и времени вступления во второй брак в вопроснике микрорепериси 2015 г. отсутствовали (в первоначальном проекте программы они имелись).

Лингвистический блок вопросов был также сокращен. Помимо родного языка и языков, которым респондент владеет, необходимо было указать языки, которыми респондент пользуется в повседневной жизни, но без сферы их использования (дома, на работе, в общеобразовательном учреждении), тогда как в 1994 г. надо было указать сферу повседневного использования языков.

1.4.2. Публикация итогов и анализ результатов

Официальная программа публикации итогов микрорепериси населения состоит из 11 разделов. Помимо этого, результаты данного обследования доступны в электронной форме в виде базы микроданных. К настоящему моменту анализ материалов микрорепериси 2015 г. пока еще не нашел широкого отражения в научных работах. Можно отметить всего несколько публикаций.

Работа Е.М. Андреева и С.В. Захарова⁴⁹ продолжает сравнительный анализ долгосрочных тенденций рождаемости по результатам наиболее крупных опросов женщин России о числе рожденных детей. Исследование не подтверждает широко распространенного мнения среди политиков и у части российского экспертного сообщества о высокой результативности мер демографической политики по стимулированию рождаемости. В данной работе также обсуждаются проблемы использования результатов микрорепериси, связанные с наличием для каждой территории своего размера выборки (и непропорциональной доле численности опрошенных в регионах доле региона в общей численности страны). Такое организационно-методологическое решение было принято в ответ на низкое общее число опрошенных и с целью обеспечения воз-

⁴⁹ Андреев Е.М., Захаров С.В. Микрореперись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly. 2017. № 711—712 (1—22 января 2017 г.). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php>.

возможности получения репрезентативных итогов по обобщающим демографическим и социально-экономическим характеристикам на уровне муниципальных районов и городских округов с численностью населения не менее 70 тыс. человек. В результате страдает репрезентативность данных микропереписи, наблюдается смещенность статистических оценок различных социальных и демографических характеристик на уровне как всего населения страны, так и отдельных социальных и этнодемографических групп⁵⁰.

С использованием итогов микропереписи 2015 г. изучены различия в смертности населения разного образовательного уровня, прослежена динамика с 1979 г. Оценивая вклад изменений смертности разных образовательных групп и образовательной структуры населения в изменения продолжительности жизни всего населения, авторы приходят к выводу, что у обоих полов наибольший вклад в рост ожидаемой продолжительности жизни в возрастах 30—69 лет в 1979—2015 гг. внесло изменение образовательной структуры населения. Также положительное влияние оказало снижение смертности населения с высшим образованием во всех возрастных группах, в группе со средним образованием — в возрастах 50 лет и старше.

Анализу данных микропереписи населения 2015 г. уделяется особое внимание в последующих разделах доклада, однако, без сомнения, исследователи и в дальнейшем будут обращать внимание на ценные данные этого крупного социально-демографического исследования.

⁵⁰ Андреев Е. М., Никитина С. Ю., Харьковская Т. Л. Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // Вопросы статистики. 2017. № 8. С. 61—69.

2. Численность, размещение населения России и территориальные особенности выборки при организации микропереписи населения 2015 г.

2.1. Население России продолжает увеличиваться, но с 2016 г. вновь только за счет миграции

По оценке Росстата, постоянное население на 1 января 2017 г. насчитывало 146 804 тыс. человек, включая 2341 тыс. человек в Крыму¹.

Говоря о долговременных тенденциях изменения численности населения России, необходимо иметь в виду, что она трижды подвергалась довольно значительным корректировкам. Две из них были связаны с необходимостью учета расхождений между данными текущего учета движения населения и данными всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., третья — с увеличением численности населения после вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

Кроме того, неоднократно вносились изменения в правила учета миграции, которые расширяли критерии миграции на постоянное место жительства или длительное пребывание в стране (наиболее значительные — в 2007 и 2011 гг.) и приводили к увеличению учитываемого миграционного прироста.

По оценкам Росстата, численность россиян умеренно увеличивалась восемь лет подряд (в 2009—2016 гг.) после 14-летнего пе-

¹ Здесь и далее: под Крымом понимаются два субъекта РФ — Республика Крым и город федерального значения Севастополь, образованные в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ и Указом Президента РФ от 21 марта 2014 г. № 168 в составе Российской Федерации. Первоначально они образовывали Крымский федеральный округ, а с 28 июля 2016 г. в соответствии с Указом Президента РФ № 375 вошли в состав преобразованного Южного федерального округа.

В целях сопоставимости с данными предшествующих лет (до 2014 г.) мы используем там, где возможно, данные по России без учета Крыма.

риода непрерывной убыли (рис. 2.1). Своей наибольшей величины — почти 148,6 млн человек — население России достигло к началу 1993 г. В 1993 г. впервые была зарегистрирована убыль населения. После небольшого роста в 1994 г. она стала устойчивой — население России сокращалось вплоть до 2009 г., к началу которого его численность снизилась до 142,7 млн человек (на 5,8 млн человек меньше по сравнению с 1993 г.). Затем сформировалась тенденция умеренного роста: за 2009—2016 гг. число россиян без учета проживающих в Крыму увеличилось на 1,7 млн человек (на 1,2%) и к началу 2017 г. достигло 144,5 млн человек, что примерно соответствует уровню середины 1986 г. По предварительным данным Росстата за 2017 г., население России увеличилось, но едва заметно — на 77,4 тыс. человек, достигнув 146,9 млн человек (на 67,8 тыс. человек без учета Крыма, оставшись на уровне 144,5 млн человек).

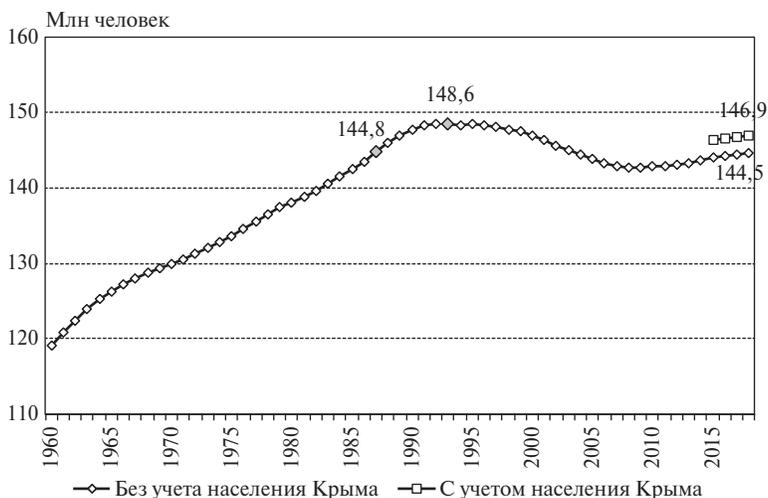

Рис. 2.1. Численность населения России, 1960—2018 гг., на начало года

Примечание. 2018 г. — предварительные данные.

Источники: Демографический ежегодник России. 2000: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000. С. 19, 31; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 15; Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 19.03.2018).

Интенсивность прироста, наблюдавшегося в 2009—2016 гг., относительно невелика (рис. 2.2). Наибольшей величины он достигал в 2012—2014 гг. — около 0,2% (2 и более в расчете на 1000 человек постоянного населения). В 2015—2016 гг. прирост населения России несколько сократился, составив по 1,7 на 1000 человек без учета Крыма, а с учетом Крыма — 1,9‰ в 2015 г. и 1,8‰ в 2016 г. По предварительным оценкам за 2017 г., значение коэффициента общего прироста снизилось до 0,5‰ (с учетом и без учета Крыма).

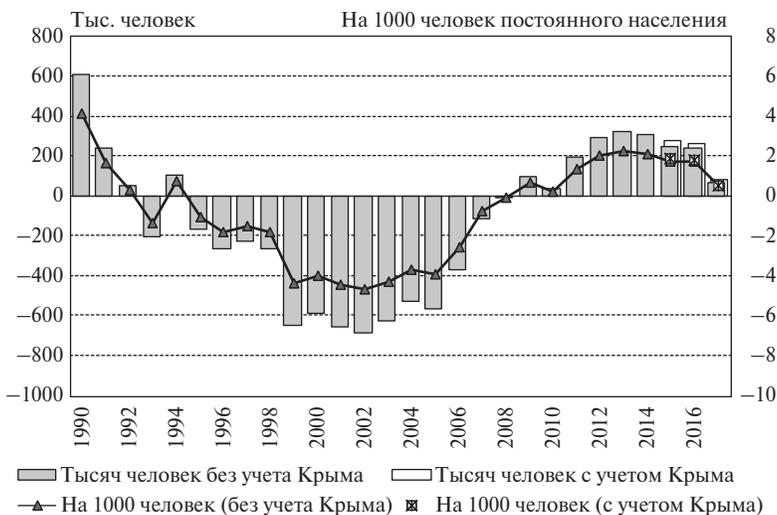

Рис. 2.2. Общий прирост (убыль) численности населения России, 1990—2017 гг.

Примечание. 2017 г. — предварительные данные.

Источники: Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 16; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016. С. 11—12 и бюллетени за предшествующие годы; Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2018. Январь. С. 381—382, 387—388.

В абсолютном выражении наиболее значительная убыль населения России наблюдалась в 1999—2005 гг. — по 600 тыс. человек и более в год. Начиная с 2003 г. величина убыли сокращалась, особенно быстро после 2005 г. Уже в 2008 г. убыль населения сократи-

лась практически до нулевого уровня (–10 тыс. человек, или –0,1 в расчете на 1000 человек). В 2009 г. был зафиксирован прирост населения на 96 тыс. человек, или на 0,7‰. Его величина заметно возросла в 2011–2013 гг., но потом стала сокращаться, составив в 2016 г. 242 тыс. человек (1,7‰) без учета Крыма и 260 тыс. человек (1,8‰) в целом по России.

На протяжении XX в. убыль населения России, оставаясь незамеченной по данным сплошных переписей, отмечалась неоднократно — в годы Первой мировой и Гражданской войн, голода и репрессий 1930-х годов, Второй мировой войны, когда она была вызвана демографическими факторами. Убыль населения в 1990-е годы была предопределена самим ходом демографического развития, в силу чего носила долговременный и устойчивый характер. Причиной сокращения численности населения России в 1993 и 1995–2008 гг. стала естественная убыль населения — превышение числа умерших над числом родившихся, которое наблюдалось в 1992–2012 гг.

Естественный прирост населения, возобновившийся в 2013–2015 гг., был незначительным по своей величине (менее 40 тыс. человек в год) и на порядок ниже миграционного прироста, который оставался и в ближайшей перспективе останется основным фактором роста населения России. Уже в 2016 г. естественный прирост снизился до нулевого уровня, а в 2017 г. вновь сменился полноценной естественной убылью населения.

Естественный прирост населения России оставался высоким — более 1% в год — до середины 1960-х годов (исключая годы войн и голода 1932–1933 гг.). Затем он стабилизировался на уровне 0,5–0,7%. В течение примерно 30 лет естественный прирост сочетался с миграционной убылью населения (за счет превышения числа выбывавших из России в другие союзные республики СССР над числом въезжавших в нее оттуда), что не мешало довольно быстрому росту населения.

С середины 1970-х годов население увеличивалось за счет как естественного, так и миграционного прироста, который, как правило, не превышал четверти общего прироста. В 1992–2012 гг. в условиях естественной убыли населения миграция стала единственным источником роста его численности, однако чаще всего

недостаточным для того, чтобы компенсировать естественную убыль (табл. 2.1, рис. 2.3).

Таблица 2.1. Изменение численности населения России и его компоненты, 1951—2017 гг.

Годы	Численность населения в конце периода, тыс. человек		Изменение численности населения за период*			
			Среднегодовые темпы прироста, %	Общий прирост, тыс. человек	В том числе	
	постоянного	наличного			естественный	миграционный
1951—1955		112 266	17,5	9321	9160	161
1956—1960		120 766	14,7	8500	9515	−1015
1961—1965		127 189	10,4	6423	7067	−644
1966—1970	130 563	130 704	5,5	3515	4180	−665
1971—1975	134 549	134 690	6,0	3986	4180	−195
1976—1980	138 839	139 028	6,4	4338	3730	607
1981—1985	143 528	143 835	6,8	4807	3939	869
1986—1990	148 274	148 543	6,5	4708	3649	1058
1991—1995	148 292	147 976	0,0	18	−2542	2560
1996—2000	146 304	145 185	−2,7	−1988	−4077	2089
2001—2005	143 237	...	−4,2	−3067	−4377	1310
2006—2010	142 865	...	−0,5	−371	−2008	1637
2011—2015	144 221		1,9	1356	−36	1392
2016	144 463		1,7	242	4	238
2017	144 531		0,5	68	−127	195

* Начиная с 1991 г. — по постоянному населению.

Примечание. 2014—2017 гг. — без учета Крыма, 2017 г. — предварительные данные.
Источники: Демографический ежегодник России. 2000: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2002. С. 19, 31; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 19; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016. С. 11—12; Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2018. Январь. С. 381—382, 387—388.

Даже скорректированные с учетом итогов переписей 2002 и 2010 гг. объемы миграции были таковы, что лишь в пиковый по миграционному приросту 1994 г. не только компенсировали естественную убыль, но и обеспечили прирост численности населе-

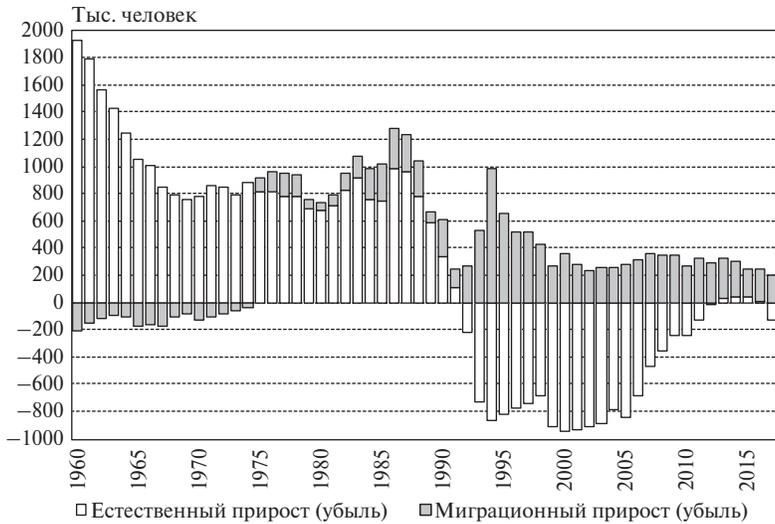

Рис. 2.3. Естественный и миграционный прирост (убыль) населения России, 1960—2017 гг.

Примечание. 2014—2017 гг. — без учета Крыма, 2017 г. — предварительные данные.

Источники: Демографический ежегодник России. 2000: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000. С. 19; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 15; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016. С. 11—12; Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2018. Январь С. 381—382, 387—388.

ния России. В последующие 14 лет миграция лишь частично восполняла потери населения из-за естественной убыли. В 2009—2012 гг. миграционный прирост не только смог полностью компенсировать сократившуюся естественную убыль, но обеспечил прирост населения.

В целом за 21 год естественной убыли населения России (1992—2012 гг.) ее совокупная величина составила 13,2 млн человек, а совокупная величина миграционного прироста за те же годы — 8,1 млн. Таким образом, миграционный прирост компенсировал 61% естественной убыли населения.

В абсолютном выражении естественная убыль населения достигла наибольшего значения в 2000 г., когда она составила -959 тыс. человек. Затем она сокращалась (за исключением 2005 г.),

снизившись до 129 тыс. человек в 2011 г. и практически до нуля в 2012 г. (–4,3 тыс. человек). В 2013 г. впервые после 21-летнего периода естественной убыли населения сложился естественный прирост в 24,0 тыс. человек, в 2014 г. он увеличился до 35,4 тыс., а в 2015 г. — до 37,7 тыс. человек без учета Крыма (32,0 тыс. с учетом Крыма). Однако уже в 2016 г. естественный прирост снизился практически до нулевого уровня, составив 4,3 тыс. человек без учета Крыма и –2,3 тыс. человек (т.е. естественную убыль) с учетом Крыма. По предварительным данным за 2017 г., естественная убыль выросла до 134,5 тыс. человек (127,0 тыс. без учета Крыма).

Наибольшие значения миграционного прироста отмечались в 1990-е годы (около 1 млн человек в 1994 г.). С конца 1990-х годов миграционный прирост уже ни разу не достигал 400 тыс., а чаще и 300 тыс. человек в год. Скорректированные с учетом итогов ВПН-2010 значения миграционного прироста демонстрировали тенденцию постепенного повышения в 2003—2007 гг. (с 259 тыс. до 355 тыс. человек в год), а затем умеренного снижения в 2008—2009 гг. и более значительного в 2010 г. (до 271 тыс. человек). В 2011 г., когда критерии учета мигрантов, прибывших на постоянное место жительства (длительного пребывания), в очередной раз были изменены, миграционный прирост возрос до 320 тыс. человек. В последующие годы он снижался, особенно значительно в 2015 г. — до 211 тыс. человек (без учета Крыма). В 2016 г. миграционный прирост населения России увеличился на 12,6%, составив 238 тыс. человек без учета Крыма (в целом, с учетом Крыма, — 262 тыс. человек).

В результате вклад естественного прироста в общий прирост населения снизился в 2016 г. до 1,8% против 18% в 2015 г., 13% — в 2014 г. и 8% — в 2013 г. Роль миграционного прироста как основного фактора роста населения России сохраняется и усиливается. В 2017 г., по предварительным данным, миграционный прирост компенсировал возобновившуюся естественную убыль и обеспечил небольшой прирост населения, вновь став единственным фактором роста постоянного населения России.

Интенсивность естественной убыли населения России в течение 1992—2012 гг. варьировалась в пределах от –6,6‰ (в 2000—2001 гг.) до –0,03‰ (2012 г.) при медианном значении –5,2‰. Корректировки численности населения по итогам ВПН-2002 и ВПН-

2010 лишь в незначительной степени отразились на коэффициентах естественного прироста в межпереписные периоды за счет изменения численности населения (рис. 2.4).

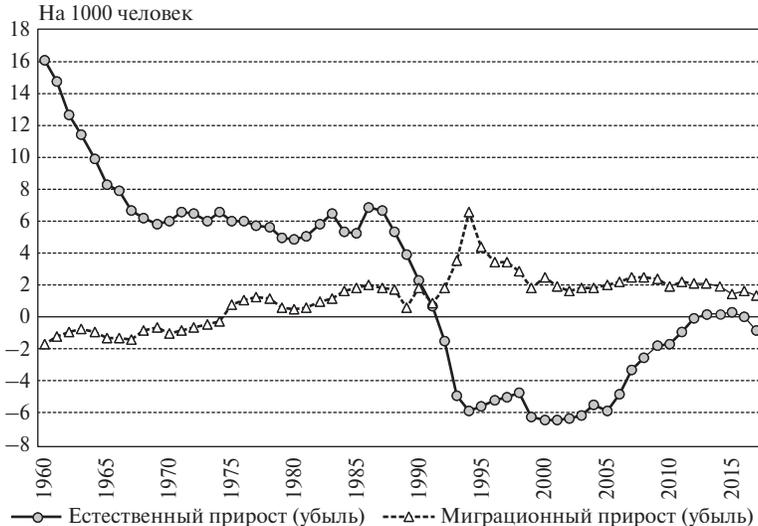

Рис. 2.4. Коэффициенты естественного и миграционного прироста населения России, 1990—2017 гг.

Примечание. 2014—2017 гг. — без учета Крыма, 2017 г. — предварительные данные.
Источники: Демографический ежегодник России. 2000: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000. С. 19; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 15; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016. С. 11—12; Социально-экономическое положение России. М.: Росстат, 2018. Январь. С. 381—382, 387—388.

В 2013 г. значение коэффициента естественного прироста оставалось близким к нулевому уровню, но впервые за долгие годы стало положительным, составив 0,2‰. В 2014 г. оно оставалось на том же уровне, а в 2015 г. немного повысилось — до 0,3‰ без учета Крыма (0,2‰ с учетом Крыма). В 2016 г. коэффициент естественного прироста вновь снизился до нулевого уровня, составив менее 0,03‰ без учета Крыма и -0,02‰ с учетом Крыма. По предварительным данным за 2017 г. его значение составило -0,9‰ с учетом и без учета Крыма.

В отличие от коэффициентов естественного прироста, корректировки численности населения по результатам переписей 2002 и 2010 гг., а также расширение критериев миграции на постоянное место жительства (длительное пребывание) привели к значительным изменениям коэффициентов миграционного прироста.

По скорректированным оценкам интенсивность миграционного прироста в 1992—2012 гг. варьировалась в более узком диапазоне, чем интенсивность естественного прироста: от 1,7‰ в 2002 г. до 6,7‰ в 1994 г. при медианном значении 2,3‰.

Значение скорректированного по итогам ВПН-2010 коэффициента миграционного прироста составило около 2‰ в год в период между переписями 2002 и 2010 гг. и после переписи 2010 г.

В 2013 г. коэффициент миграционного прироста составил, как и в 2012 г., 2,1‰, усилив незначительный естественный прирост (0,2‰), который внес свой, хотя и не очень весомый вклад в общий прирост населения. В 2014 г. миграционный прирост снизился до 1,9‰. В 2015 г. снижение продолжилось — миграционный прирост составил 1,5‰ без учета Крыма и 1,7‰ с учетом Крыма. В 2016 г. его значение составило 1,6‰ без учета Крыма и 1,8‰ с учетом Крыма, а по предварительным данным за 2017 г. — 1,3‰ без учета Крыма и 1,4‰ с учетом Крыма. Таким образом, начиная с 2014 г. наблюдается умеренное снижение коэффициента миграционного прироста населения России.

Подводя итоги, можно отметить, что в условиях приближения естественного прироста к нулевому уровню или формирования тенденции естественной убыли определяющим фактором изменения численности населения становится миграционный прирост. Он не только определяет изменение общей численности населения, но и при достаточной интенсивности и длительности оказывает существенное влияние на состав населения и его воспроизводство. Однако в последние 20 лет интенсивность миграционного прироста населения России относительно невелика.

2.2. Региональные различия в динамике численности населения ослабевают

Тенденции изменения численности населения заметно различаются по регионам России, и в последние годы различия возрастали.

Россия располагает самой большой территорией в мире — более 17 млн км², которая почти вдвое превосходит других «гигантов» по занимаемой площади — Канаду (10,0 млн км²), Китай, США (по 9,6 млн), Австралию (7,7 млн км²)². В то же время население России относительно невелико и к тому же крайне неравномерно распределено по огромной территории (табл. 2.2). Наиболее плотно заселены историческое ядро России, Северный Кавказ и Поволжье, но и здесь плотность населения по крайней мере вдвое

Таблица 2.2. Постоянное население и территория федеральных округов Российской Федерации на 1 января 2017 г.

Показатель	Население		Территория		Плотность населения, человек/км ²
	тыс. человек	%	тыс. км ²	%	
Российская Федерация	146 804,4	100	17 125,2	100	8,6
В том числе федеральные округа:					
Центральный	39 209,6	26,7	650,2	3,8	60,3
Северо-Западный	13 899,3	9,5	1 687,0	9,9	8,2
Южный	16 428,5	11,2	447,8	2,6	36,7
Северо-Кавказский	9 775,8	6,7	170,4	1,0	57,4
Приволжский	29 636,5	20,2	1 037,0	6,1	28,6
Уральский	12 345,8	8,4	1 818,5	10,6	6,8
Сибирский	19 326,2	13,2	5 145,0	30,0	3,8
Дальневосточный	6 182,7	4,2	6 169,3	36,0	1,0
Европейская часть	117 635,5	80,1	4 346,7	25,4	27,1
Азиатская часть	29 168,9	19,9	12 778,5	74,6	2,3

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016. С. 3—10.

² Россия и страны мира. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 14—16.

ниже, чем в Европейском союзе (117 человек на 1 км²), примерно соответствуя плотности заселения Северной Европе (55 человек на 1 км²). В целом европейская часть страны сопоставима по заселенности с США (33 человека на 1 км²), а азиатская — с Австралией и Канадой (примерно по 3 человека на 1 км²).

В азиатской части, занимающей почти $\frac{3}{4}$ территории страны, проживает лишь каждый пятый россиянин. Особенно слабо заселены районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности³ с суровыми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. По оценке на начало 2017 г.⁴, в них проживало 9954 тыс. человек, или 6,8% от общей численности россиян, при плотности населения менее 0,9 человека на 1 км².

С января 2008 г. до 21 марта 2014 г. в состав Российской Федерации входили 83 региона — субъекта РФ: 21 республика, 9 краев, 46 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа. В соответствии с региональной реформой 2000 г. они группировались в семь федеральных округов, а с января 2010 г. — в восемь. После вхождения Крыма в состав Российской Федерации были образованы два новых субъекта РФ — Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Число регионов — субъектов РФ возросло до 85, а число федеральных округов — до 9, которое вновь сократилось до 8 после упразднения в июле 2016 г. Крымского федерального округа и преобразования Южного федерального округа (см. приложение 1).

По численности населения выделяются Центральный и Приволжский федеральные округа, в которых проживает почти половина жителей России, по территории — Дальневосточный и Сибирский (две трети территории России) с наиболее низкой плотностью населения. Наиболее плотно заселены Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа.

³ Особый статус районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к нему, был закреплен постановлением Совета Министров СССР 1967 г., согласно которому для работавших в этих районах были установлены ежемесячные надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска, доплаты к пособиям по временной нетрудоспособности, льготы при назначении пенсий и др. В 1990-х годах перечень территорий расширился.

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016. С. 33.

Среди регионов — субъектов РФ по численности населения выделяются Москва (12 381 тыс. человек в новых границах⁵, или 8,4% населения России, на 1 января 2017 г.), Московская область (7423 тыс. человек, или 5,1%), Краснодарский край (5571 тыс. человек, или 3,8%), Санкт-Петербург (5282 тыс. человек, или 3,6%). В этих четырех регионах проживает каждый пятый россиянин (20,9%). Население любого из остальных регионов — субъектов РФ не достигает 3% от общей численности населения России. Самым малочисленным населением отличаются Ненецкий (43,9 тыс. человек) и Чукотский (49,8 тыс.) автономные округа.

На протяжении XX в. доминирующей тенденцией расселения был регулируемый, подчас весьма жесткими мерами, сдвиг населения на север и восток и, в меньшей степени, на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя и с существенным замедлением в 1960—1980-е годы росла — от 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989-м (табл. 2.3). Постоянно увеличивалась доля населения, проживавшего на территории современного Уральского федерального округа (с 5,3 до 8,5%), Сибирского (с 10,6 до 14,3%), Дальневосточного (с 1,7 до 5,4%), а также Северо-Кавказского (с 3,8 до 5,0%). А удельный вес населения Центрального и Приволжского округов, напротив, неуклонно сокращался (соответственно с 34,5 до 25,9% и с 26,2 до 21,5%).

После переписи 1989 г. возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении. В результате население азиатской части страны уменьшилось за период, прошедший между переписями 1989 и 2010 гг., на 3170 тыс. человек (или 10%), а население европейской части — на 995 тыс. человек (0,9%). В результате доля населения, проживающего в азиатской России, снизилась до 20,3%.

В 2011—2016 гг. население росло и в европейской, и в азиатской частях страны, но в европейской части быстрее. К началу 2017 г. население европейской части страны увеличилось на 1,2%, азиатской — на 0,8%. В результате доля населения, проживающего в азиатской части страны, снизилась до 20,2% без учета Крыма

⁵ Были расширены с 1 июля 2012 г. в соответствии с постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 27 декабря 2011 г. № 560-СФ.

Таблица 2.3. Распределение населения Российской Федерации по федеральным округам*, по данным переписей населения и на начало 2017 г., %

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017	2017*
Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе федеральные округа:										
Центральный	34,5	33,0	28,5	27,4	26,7	25,8	26,2	26,9	27,1	26,7
Северо-Западный	9,2	10,3	9,8	9,9	10,2	10,4	9,6	9,5	9,6	9,5
Южный	8,8	8,0	8,3	9,1	9,1	9,0	9,6	9,7	9,8	11,2
Северо-Кавказский	3,8	3,9	3,9	4,6	4,8	5,0	6,2	6,6	6,8	6,7
Приволжский	26,2	24,4	23,5	22,9	22,3	21,6	21,5	20,9	20,5	20,2
Уральский	5,3	5,8	7,8	7,8	7,9	8,5	8,5	8,5	8,5	8,4
Сибирский	10,6	11,7	14,2	14,0	14,0	14,3	13,8	13,5	13,4	13,2
Дальневосточный	1,7	2,7	4,1	4,4	5,0	5,4	4,6	4,4	4,3	4,2
Европейская часть	86,7	84,6	80,8	80,5	79,6	78,2	79,3	79,7	79,8	80,1
Азиатская часть	13,3	15,4	19,2	19,5	20,4	21,8	20,7	20,3	20,2	19,9

* 2017 г. — с Крымом (предыдущий столбец — без Крыма).

Примечание. Сумма по округам может отличаться от 100 из-за округления.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 77—78; Численность и размещение населения // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Т. 1. М.: Росстат, 2012. С. 10—11; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2016. С. 11—13.

и 19,9% с учетом Крыма, расположенного в европейской части страны.

Изменение численности населения федеральных округов после переписи населения 2010 г. было разнонаправленным. Население шести федеральных округов увеличилось, а население Дальневосточного и Приволжского федеральных округов продолжало сокращаться, уменьшившись по сравнению с данными ВПН-2010 соответственно на 1,8 и 0,9%. Убыль населения Дальневосточного федерального округа происходила из-за продолжающегося миграционного оттока при естественном приросте. В Приволжском федеральном округе население сокращалось за счет как естественной, так и миграционной убыли.

Быстрее всего росло население Северо-Кавказского федерального округа, увеличившись на 3,7% по сравнению с данными ВПН-2010. Несколько ниже прирост населения Уральского (2,2%), Северо-Западного (2,1%), Центрального (2,0%) федеральных округов и Южного федерального округа (1,7%) прежнего состава (без Крыма). В Сибирском федеральном округе прирост за прошедший период составил всего 0,4%.

Только в Уральском федеральном округе население увеличилось за счет как естественного, так и миграционного прироста. В Центральном, Северо-Западном и Южном федеральных округах миграционный прирост не только компенсировал естественную убыль населения, но и обеспечил прирост населения. В Северо-Кавказском и Сибирском федеральных округах увеличение населения обеспечил естественный прирост, превышавший миграционную убыль населения.

Что касается субъектов РФ, численность населения после переписи 2010 г. увеличилась в 31 регионе из 83 (без учета Крыма, в котором перепись проводилась в октябре 2014 г.), а в 52 она сократилась.

Наиболее интенсивный прирост отмечался, как и ранее, в республиках Северного Кавказа — Ингушетии (16,5%) и Чечне (11,5%). Значительно увеличилось население Тюменской области без автономных округов (10,2%), Санкт-Петербурга (8,2%), Москвы (7,6%), Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (7,4%) и Краснодарского края (6,6%).

Наиболее интенсивная убыль, как и не раз в предшествующие периоды, наблюдалась в Магаданской области (−7,3%) и Еврейской автономной области (−7,0%), а также в Курганской области (−6,0%), Республике Коми (−5,6%) и Архангельской области без учета Ненецкого автономного округа (−5,4%).

Если в целом по России прирост численности населения после ВПН-2010 составил 1,1%, то медианное значение в ряду 83 регионов — субъектов РФ составило −1,3‰. В центральной половине регионов (без 25% регионов с самыми высокими и 25% регионов с самыми низкими значениями показателя) значение общего прироста составило от −3,1‰ до 1,3‰.

В 2011—2016 гг. среднегодовые темпы прироста составили от 2,5% в год в Республике Ингушетия до −1,2% в год в Магадан-

ской области (рис. 2.5). В центральной половине регионов показатель варьировался от $-0,5$ до $0,2\%$ при медианном значении $-0,2\%$ в год.

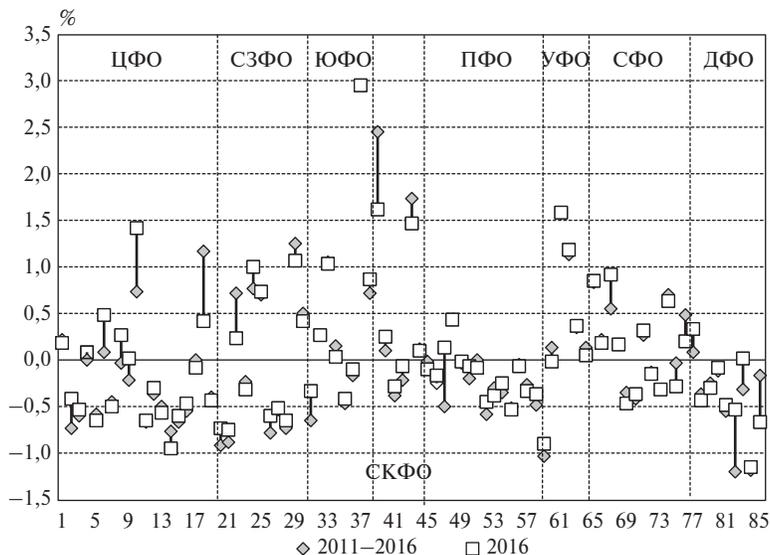

Рис. 2.5. Изменение численности населения регионов — субъектов РФ за период, прошедший после ВПН-2010, среднегодовые темпы прироста за 2011—2016 гг. и общий прирост за 2016 г.

Примечание. На рис. 2.5, 2.6 нумерация регионов приведена в соответствии с приложением 1, значения для Архангельской и Тюменской областей — без учета входящих в их состав автономных округов, представленных отдельно.

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2012; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат, 2017.

В 2016 г. картина была в целом схожей, хотя и различалась в деталях. Рост населения зафиксирован в 36 регионах, сокращение населения — в 49 регионах — субъектах РФ (с учетом Крыма). Наиболее быстро росло население города федерального значения Севастополя, увеличившееся за 2016 г. на 3%, а за 2015 г. — на 4,2%. Сохранялся высокий прирост населения Республики Ин-

гушетия и Тюменской области без автономных округов (по 1,6%), Чеченской Республики (1,5%), Московской области (1,4%), Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (1,2%), Санкт-Петербурга (1,1%), Краснодарского края и Калининградской области (по 1,0%). Наиболее интенсивная убыль наблюдалась в Еврейской автономной области (–1,1%), Тамбовской и Курганской областях (по –0,9%). Медианное значение коэффициента общего прироста населения за 2016 г. составило –0,1%, а в центральной половине регионов значение коэффициента варьировалось от –0,4% до 0,3%.

Если по среднегодовым темпам прироста в 2011–2016 гг. размах вариации составлял 3,7 п.п., то по коэффициенту общего прироста за 2016 г. без учета Крыма — 2,8. Размах вариации в центральной половине регионов в обоих случаях составил 0,7 п.п.

Из 31 региона, увеличившего свое население после ВПН-2010, в 14 интенсивность прироста за 2016 г. оказалась выше, чем в среднем за 2011–2016 гг. Среди них можно отметить Московскую, Калужскую и Калининградскую области, республики Тыву, Саха (Якутия), Дагестан и Кабардино-Балкарию. В 17 регионах скорость прироста населения снизилась, причем в одном из них — Свердловской области — сменилась небольшой убылью за 2016 г. Существенно замедлился рост населения в республиках Ингушетия и Чечня, г. Москве, Ненецком автономном округе и Томской области.

В четырех регионах, снизивших численность своего населения за 2011–2016 гг., наблюдался небольшой прирост в 2016 г. (0,3% в Курской области, 0,1% в Республике Мордовия, близкий к нулю в Липецкой и Сахалинской областях). В остальных 48 регионах с убылью населения за 2011–2016 гг. она сохранялась и в 2016 г., большей или меньшей интенсивности.

Население Крыма увеличилось за 2015 г. на 1,2%, за 2016 г. — на 0,8%.

Регионы различаются и по роли факторов роста населения. За 2011–2016 гг. за счет естественного прироста увеличилось население 40 субъектов РФ, в 43 оно сократилось за счет естественной убыли (рис. 2.6). В наибольшей степени за счет естественного прироста увеличилось население республик Северного Кавказа: Чечни — на 12,4% к началу 2011 г.; Ингушетии — на 11,3; Дагестана —

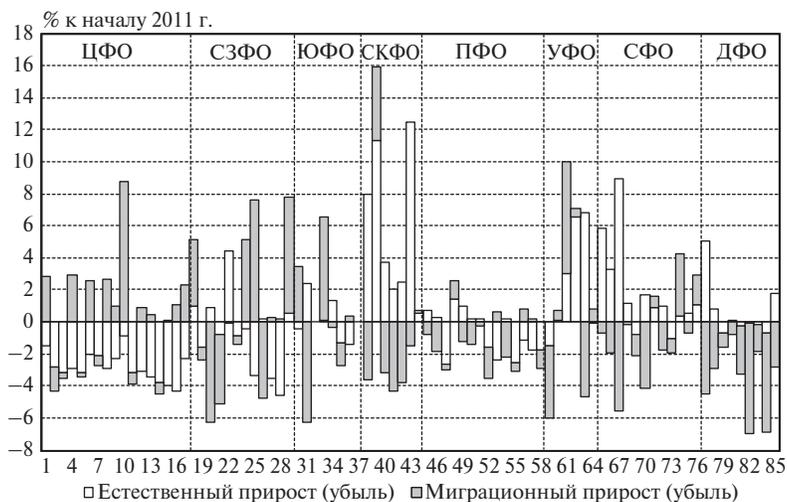

Рис. 2.6. Компоненты прироста (убыли) численности населения регионов — субъектов РФ за 2011—2016 гг.

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 и 2016 году: стат. бюл. М.: Росстат.

на 8,0%. В Сибири высоким естественным приростом населения отличаются республики Тыва (на 9,0% к началу 2011 г.) и Алтай (5,8%), на Дальнем Востоке — Республика Саха (Якутия) (5,0%), в Уральском федеральном округе — Ямало-Ненецкий автономный округ (6,8%) и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (6,5%). Наиболее интенсивная естественная убыль характерна на протяжении уже десятков лет для областей Центрального и Северо-Западного федеральных округов: Псковской (–4,6%), Тульской (–4,3%), Тверской, Тамбовской, Новгородской и Смоленской (от –3,5% до –4,0% к началу 2011 г.).

За счет миграционного прироста за 2011—2016 гг. увеличилось население 33 субъектов РФ. Среди лидеров роста за счет миграции — Московская область, увеличившая свое население за счет этого фактора на 8,7%, а также Ленинградская область (7,6%), Санкт-Петербург (7,3%), Тюменская область без автономных округов (7,0%), Краснодарский край (6,5%), Калининградская и Новосибирская области, Ингушетия и Москва (4—5%).

Население большинства субъектов РФ (50 из 83, без Крыма) сократилось за счет преобладающего миграционного оттока. Наиболее интенсивная миграционная убыль отмечалась в Магаданской области (–6,9% к началу 2011 г.), республиках Коми, Калмыкия, Тыва и Еврейской автономной области (от –5,6 до –6,3%).

В 2016 г. естественный прирост был зафиксирован в 39 из 85 регионов — субъектов РФ (с учетом Крыма), в 46 регионах отмечалась естественная убыль населения. Наиболее высокие значения коэффициента естественного прироста наблюдались, как и в целом за 2011—2016 гг., в республиках Чечня (17‰), Тыва, Ингушетия и Дагестан (12—13‰), Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах (10‰). Наиболее интенсивная убыль отмечается в тех же Тульской, Псковской, Тверской, Тамбовской, Смоленской и Новгородской областях (6—7‰ в 2016 г.). Медианное значение коэффициента естественного прироста в 2016 г. составило –0,2‰, в центральной половине регионов его значение варьировалось от –3,2 до 1,7‰, т.е. было близко к нулевому уровню.

Миграционный прирост отмечался в 36 субъектах РФ, в 49 сложилась миграционная убыль населения. Наиболее высокий миграционный прирост населения наблюдался в городе федерального значения Севастополе (31‰). Высокой интенсивностью миграционного прироста на протяжении ряда лет отличаются Московская, Ленинградская, Тюменская (без автономных округов), Калининградская области и Краснодарский край (10—14‰ в 2016 г.). Интенсивная миграционная убыль характерна для Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области (по –10‰), Республики Коми, Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов (от –7 до –8‰). В центральной половине регионов значение коэффициента миграционного прироста варьировалось от –3,0‰ до 1,7‰ при медианном значении –1,0‰.

Подводя итог, можно, несмотря на некоторое ослабление, отметить значительные различия в региональной динамике населения России. В большинстве российских регионов (в 58% по данным за 2016 г.) население продолжает сокращаться. В то же время в некоторых регионах Центра и Юга оно довольно быстро увеличивается за счет высокого миграционного или естественного прироста. Население Приволжья продолжает уменьшаться за счет как естественной, так и миграционной убыли умеренной интенсивно-

сти. Население Дальнего Востока продолжает убывать за счет интенсивного миграционного оттока.

2.3. Городское население продолжает расти, а сельское сокращаться

В результате урбанизации и особенностей исторического развития России ее сельское население устойчиво сокращалось с середины 1920-х годов, а городское население быстро росло и абсолютно, и относительно. Снижение численности городского населения стало новым явлением после переписи, проведенной в 1989 г. (рис. 2.7).

За период между переписями 1989 и 2002 гг. число городских жителей⁶ сократилось в большей степени, чем сельских (–1,4% против –0,8%). За годы между переписями 2002 и 2010 гг. сельское население, напротив, сократилось более значительно, чем городское (–3,1% против –1,0%), и относительная численность горожан несколько увеличилась по сравнению не только с переписью 2002 г., но и с переписью 1989 г. За период, прошедший после переписи 2010 г., численность городского населения увеличилась на 2,3 млн человек, или на 2,2%, составив на 1 января 2017 г. 107,7 млн человек без учета Крыма (109,0 млн с учетом Крыма). Численность сельского населения продолжала снижаться, сократившись к началу 2017 г. на 2,1% — до 36,8 млн человек (37,8 млн с учетом Крыма). Доля городского населения возросла до 74,5% против 73,7% по данным ВПН-2010 (с учетом Крыма на 1 января 2017 г. она составила 74,3%). Таким образом, можно говорить о возобновлении роста доли горожан в населении России после двух десятилетий стагнации. Конечно, теперь рост не столь стремите-

⁶ Критерием отнесения к группе городских или сельских жителей в России служит постоянное проживание в городском или сельском поселении. Городскими поселениями считаются населенные пункты, утвержденные законодательными актами в качестве городов и поселков городского типа (рабочих, курортных, дачных поселков и поселков закрытых административно-территориальных образований). Все остальные населенные пункты считаются сельскими. Сведения об административно-территориальном делении, используемые при статистической разработке данных о населении, основываются на официальных документах, поступивших от органов власти субъектов РФ.

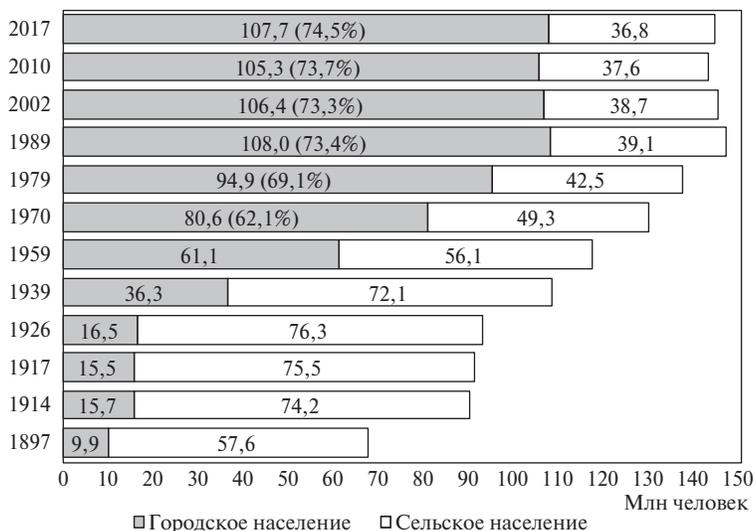

Рис. 2.7. Численность городского и сельского населения России по данным переписей населения и на начало 2017 г.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 77; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года: стат. бюл. М.: Росстат, 2017. С. 8.

лен, как в прошлом веке (доля городского населения возросла с менее чем 15% в конце XIX в. до $\frac{1}{3}$ в конце 1930-х годов, более $\frac{1}{2}$ — в конце 1950-х и почти $\frac{3}{4}$ — в конце 1980-х годов), но определенная устойчивость наметилась.

По текущим оценкам Росстата, городское население России убывало в 1991—1993 и 1995—2006 гг. Рост численности городского населения возобновился с 2007 г. (рис. 2.8). В 2007—2009 гг. он был незначительным (0,1% в год), но затем увеличился до 0,3% в год, а в 2012—2014 гг. — до 0,4%. В 2015—2016 гг. он вновь составил 0,3% в год.

Для сельского населения по-прежнему характерна убыль, хотя в отдельные годы она приближалась к нулевой отметке и даже сменялась ростом в 1991—1994 и 2004 гг., чего не наблюдалось, по крайней мере, с начала 1960-х годов. Вместе с тем в отдельные годы интенсивность убыли возрастала до 0,9% (в 2003 и 2010 гг.).

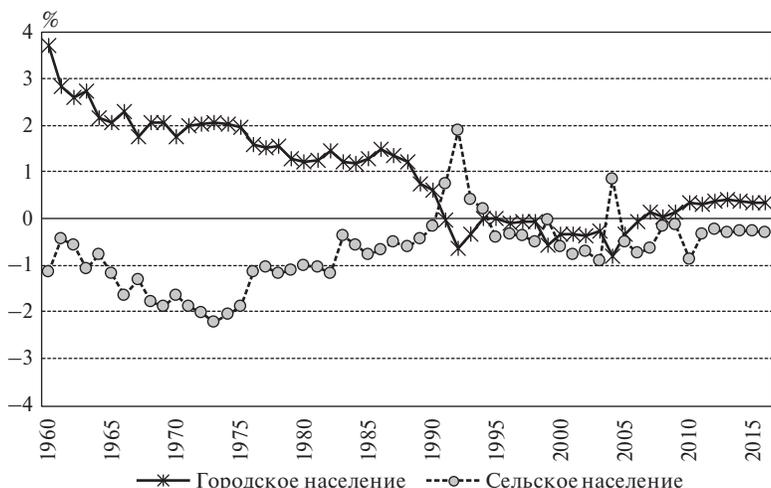

Рис. 2.8. Изменение численности городского и сельского населения России, 1960—2016 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2001: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 20—21; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 17—18.

В 2013—2016 гг. убыль сельского населения составляла около 0,3% в год.

Выраженные колебания в коэффициентах общего прироста численности городского и сельского населения были обусловлены изменениями в факторах роста. До начала 1990-х годов рост городского населения России происходил за счет всех трех факторов роста: естественного и миграционного прироста, а также административно-территориальных преобразований⁷ (образования новых городских поселений, преобразования сельских поселений в городские или включения их в черту городских поселений, при которых сельские жители, никуда не переезжая, становились горожанами).

Начавшаяся с 1992 г. естественная убыль населения стала основным долговременным фактором уменьшения числа горожан. Зафиксированный данными текущего учета в 1992 г. незначитель-

⁷ В последнее время их называют «муниципально-территориальные преобразования».

ный миграционный отток из городских поселений лишь усугубил его сокращение. Более существенную роль сыграло такое новое по сравнению с практикой предшествующих десятилетий явление, как преобразование городских поселений — главным образом поселков городского типа (пгт) — в сельские населенные пункты (рис. 2.9). В отдельные годы, особенно в 1992 и 2004 гг., оно принимало массовый характер, хотя одновременно с этим продолжались и обратные преобразования сельских поселений в городские (посредством изменения статуса или включения в городскую черту). В результате сокращение городского населения происходило прежде всего из-за естественной убыли, не компенсируемой миграционным приростом, а в отдельные годы — и за счет массовых административно-территориальных преобразований, ведущих к увеличению сельского населения. Возобновление роста численности городского населения в последние годы было обусловлено

Рис. 2.9. Компоненты изменения численности городского населения России, 1960—2016 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2001: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 20; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 17.

сокращением естественной убыли и ее сменой естественным приростом, сокращением убыли в результате муниципально-территориальных преобразований при увеличении миграционного прироста.

Быстрое сокращение абсолютной величины естественной убыли городского населения наблюдается начиная с 2007 г. В 2012 г. впервые после 20-летнего периода естественной убыли зафиксирован небольшой естественный прирост городского населения России — чуть более 2 тыс. человек. В последующие годы его величина возрастала, достигнув наибольшего значения в 2015 г. — 97 тыс. человек без учета Крыма (93,0 тыс. с учетом с Крыма). В 2016 г. естественный прирост городского населения снизился до 76,1 тыс. человек (71,6 тыс. с учетом Крыма).

Миграционный прирост возрос в 2010 г. до 500 тыс. человек, а в 2011—2014 гг. составлял 460—470 тыс. В 2015 г. он снизился до 264 тыс. человек, а в 2016 г. немного увеличился — до 277 тыс. без учета Крыма (с учетом Крыма — соответственно 292 тыс. и 298 тыс. человек). Одновременно значимой величины достиг естественный прирост. Убыль городского населения в результате муниципально-территориальных преобразований заметно снизилась (до –10 тыс. человек в 2015 г.), а в 2016 г. отмечался небольшой рост городского населения за счет этого фактора (на 4,9 тыс. человек).

Сельское население России до начала 1990-х годов увеличивалось только за счет естественного прироста, который, однако, не мог перекрыть значительного миграционного оттока населения в города (кроме 1961 г.). Различные административно-территориальные преобразования также только сокращали число россиян, проживающих в сельских поселениях (рис. 2.10). Начиная с 1992 г. естественная убыль стала основным долгосрочным фактором динамики сельского населения России.

Новым явлением стал миграционный прирост сельского населения, сохранявшийся на протяжении 1990-х годов, хотя естественным его значение было лишь в 1992—1994 гг., а также прирост за счет административно-территориальных преобразований, который в 2004 г. достиг 694 тыс. человек, а в целом за 1991—2016 гг. составил 2455 тыс. человек. Сокращение сельского населения за счет административно-территориальных преобразований за этот

Рис. 2.10. Компоненты изменения численности сельского населения России, 1960—2016 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2001: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 21; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 18.

период отмечалось только в 1998, 2007, 2010 и 2016 гг., но оно было не очень значительным (наибольшее — на 52 тыс. человек — в 2007 г.).

Величина естественной убыли сельского населения России стала быстро сокращаться, как и у городского населения, начиная с 2007 г., но так и не сменилась естественным приростом. Наименьшей величины она достигла в 2013 г. (–0,8 тыс. человек), но затем вновь стала нарастать, составив в 2016 г. –72 тыс. человек. Естественная убыль усиливалась миграционной убылью сельского населения, которая вновь стала устойчивой начиная с 2000 г. В 2004—2006 и 2010—2014 гг. величина миграционной убыли превышала 100 тыс. человек (до 229 тыс. в 2010 г.), а в целом за 2000—2016 гг. — 1563 тыс. человек. В 2016 г. миграционная убыль сельского населения России снизилась до 39 тыс. человек без учета Крыма (36 тыс. с учетом Крыма).

Если сравнить компоненты роста численности городского и сельского населения, можно отметить сходство в тенденциях естественного прироста (ЕП), хотя интенсивность естественной убыли сельского населения чаще оказывалась более значительной, чем у городского населения (рис. 2.11). В 2012—2016 гг. у городского населения отмечался естественный прирост, который увеличивался до 2015 г. (0,9‰) и начал снижаться в 2016 г. (0,7‰). У сельского населения интенсивность естественной убыли снизилась до $-0,02‰$ в 2013 г., а затем вновь стала нарастать, составив в 2016 г. $-1,9‰$.

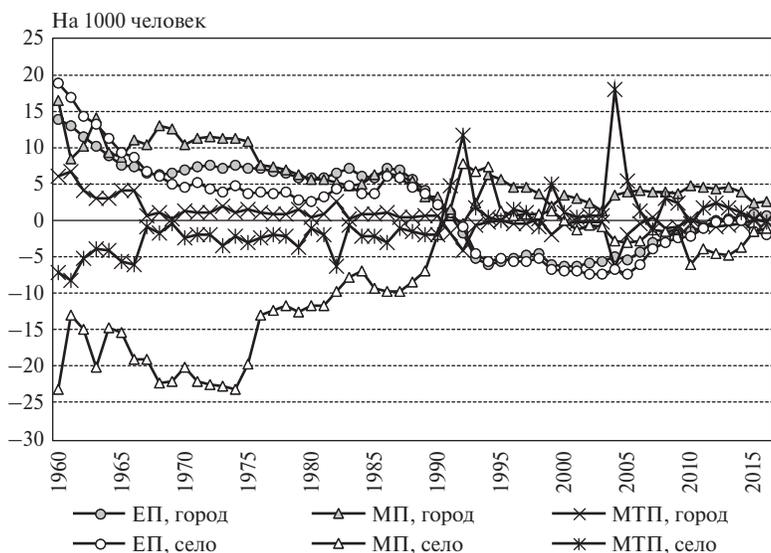

Рис. 2.11. Компоненты изменения численности городского и сельского населения России, 1960—2016 гг.

Источники: Демографический ежегодник России. 2001: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. С. 20—21; Демографический ежегодник России. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 17—18.

Тенденция прироста сельского населения за счет административно-территориальных преобразований (МТП) зеркально отражает аналогичный тренд для городского населения, но для сельского населения этот фактор роста имеет большее значение

по своей интенсивности (так, в 2004 г. прирост сельского населения за счет административно-территориальных преобразований составил 18‰, а убыль городского населения за счет этого фактора –6,6‰). В 2016 г. городское население России незначительно увеличилось за счет муниципально-территориальных преобразований (на 0,05‰), а сельское население снизилось за счет этого фактора (на 0,1‰).

За счет миграции городское население неизменно прирастает (за исключением 1992 г.), а сельское население начиная с 2000 г. вновь сокращается, хотя и не так интенсивно, как прежде, в 1960—1970-е годы. В первое десятилетие XXI в. миграционная убыль сельского населения, как правило, не превышала 3‰ в год. Только в 2010 г. она составила –6‰, а затем вновь сократилась — до –1‰ в 2016 г. Миграционный прирост (МП) городского населения отличался довольно высокой устойчивостью. В 2004—2014 гг. его величина составляла около 4‰ в год, но в последние два года несколько снизилась, составив 2,5‰ в 2015 г. и 2,6‰ в 2016-м.

Наряду с относительной стабилизацией доли городского населения отличительной особенностью двух последних межпереписных периодов стало быстрое сокращение числа городских поселений (рис. 2.12). Оно происходило за счет поселков городского типа (пгт), совмещающих в себе черты небольших городков и сельских поселений. В период между переписями 1989 и 2002 гг. число пгт сократилось на 351, между переписями 2002 и 2010 гг. — на 556, а после переписи 2010 г. — еще на 82, составив к началу 2017 г. 1192 без учета⁸ и с учетом Крыма⁹.

Число городов продолжало умеренно возрастать в 1990-е годы, но в 2000-е практически стабилизировалось. На 1 января 2017 г. в России насчитывалось 1095 городов¹⁰ без учета Крыма (1112 с учетом Крыма)¹¹.

⁸ Не включая 2 пгт в границах г. Москвы: Кокошкино (15,3 тыс. человек) и Киевский (13,5 тыс.), но включая 3 пгт без населения в Республике Коми, 2 — в Республике Саха (Якутия), 4 — в Магаданской области.

⁹ Не включая 1 пгт в границах г. Севастополя: п. Кача (5 тыс. человек).

¹⁰ Без учета трех городов, вошедших в 2012 г. в состав г. Москвы: Московский (50,2 тыс. человек на начало 2017 г.), Шербинка (47,5 тыс.) и Троицк (60,8 тыс.).

¹¹ Не включая двух городов в границах г. Севастополя: н.п. Балаклава (21,1 тыс. человек) и г. Инкерман (10,2 тыс.).

Рис. 2.12. Число городских поселений России и их население по данным переписей населения и на начало 2017 г. (без учета Крыма)

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 77; Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 95.

Хотя число поселков городского типа и численность населения, проживающего в них, быстро росли вплоть до 1990-х годов, сокращение доли горожан, проживающих в пгт, наблюдается уже с 1960-х. По данным переписей 1926, 1939 и 1959 гг., в них проживало около 15% городского населения. Последующие переписи показали снижение доли городского населения, проживающего в пгт: 13,6% — в 1970 г.; 12,6% — в 1979 г. и 12,5% — в 1989 г. После переписи 1989 г. вследствие резкого сокращения числа пгт численность проживающих в них стала быстро сокращаться не только относительно, но и абсолютно. По ВПН-2002 доля населения пгт в городском населении снизилась до 9,9%, по ВПН-2010 — до 7,4%, а к началу 2017 г., по текущим оценкам, — до 6,7%. Доля городского населения, проживающего в поселениях со статусом города, возросла соответственно с 84,7% по данным переписи 1959 г. до 93,3% на начало 2017 г.

Основная масса российских городов (более 70%) представлена малыми городами с числом жителей, не достигающим 50 тыс.

Таблица 2.4. Распределение городов Российской Федерации по числу жителей, по данным переписей населения и на начало 2017 г.*

Показатель	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Всего городов	461	574	877	969	999	1037	1098	1100	1095
В том числе с числом жителей, тыс.:									
до 20	334	284	399	389	361	349	410	420	431
20—49,9	70	180	289	342	348	360	358	361	346
50—99,9	37	58	97	114	138	163	163	155	152
100—499,9	18	48	78	107	126	131	134	127	129
500—999,9	—	2	12	11	18	22	20	25	22
1 млн и более	2	2	2	6	8	12	13	12	15
В них проживает, всего:									
млн человек	13,9	31,0	52,2	70,0	82,9	94,5	95,9	97,5	100,6
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в городах с числом жителей, тыс.:									
до 20	20,7	9,6	8,7	6,7	5,2	4,6	5,2	5,0	4,8
20—49,9	14,6	18,0	17,6	15,5	13,2	12,3	12,1	11,9	10,9
50—99,9	18,4	13,2	12,9	11,3	11,2	11,8	11,6	11,1	10,5
100—499,9	20,2	32,5	29,6	33,3	32,3	29,8	29,6	26,9	27,4
500—999,9	—	3,7	15,9	12,0	15,3	14,9	12,9	16,2	13,4
1 млн и более	26,1	23,0	15,2	21,2	22,8	26,6	28,6	28,9	33,0

* Без учета Крыма.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 77; Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 95.

человек (табл. 2.4). Их число, быстро возраставшее до 1970-х годов (731 по данным переписи 1970 г.), в 1970-е годы снизилось на 3% (709 по данным переписей 1979 и 1989 гг.). В 1990-е годы оно вновь стало расти, увеличившись до 768 по данным переписи 2002 г., а затем до 781 по данным переписи 2010 г. К началу 2017 г. их число немного снизилось, сократившись до 777 (без учета Крыма). Среди малых городов есть города-«карлики», которые по численности населения уступают не только многим поселкам городского типа, но и некоторым сельским населенным пунктам. Среди них можно отметить 13 городов с числом жителей менее 3 тыс. человек и 31 город с населением от 3 тыс. до 5 тыс. человек по состоянию на начало 2017 г. По данным переписи 1989 г., число таких городов составляло соответственно 7 и 17.

Численность населения, проживающего в малых городах, в последние десятилетия изменялась незначительно. Если в 1920-е годы в таких городах проживало более трети жителей российских городов, в конце 1930-х — более четверти, то с конца 1980-х годов — около 17% (после ВПН-2002 она умеренно снижалась, составив 15,7% на начало 2017 г.). Абсолютная численность населения городов с числом жителей до 50 тыс. возросла с 15,9 млн человек по переписи 1989 г. до 16,6 млн по данным переписи 2002 г., а затем снизилась до 16,4 млн человек по данным переписи 2010 г. и 15,8 млн на начало 2017 г. без учета Крыма (16,0 млн с учетом Крыма).

Число средних городов с населением от 50 тыс. до 100 тыс. человек перестало расти, начав сокращаться после переписи 1989 г. из-за перехода части городов в группу городов меньшего или большего размера. Совокупное население средних городов неуклонно сокращалось до 2013 г. (с 11,2 млн человек по переписи 1989 г. до 10,5 млн на начало 2013 г.), а в 2013—2016 гг. оставалось относительно стабильным. На начало 2017 г. оно составляло 10,5 млн человек без учета Крыма и 10,7 млн с учетом Крыма.

Число больших городов — с числом жителей 100 тыс. и более — росло на протяжении XX в., хотя с существенным замедлением в 1990-е годы. По данным переписи 1989 г., оно составило 165, к 2002 г. увеличилось лишь на 2 города (167), а к 2010 г. сократилось до 164. После ВПН-2010 оно колебалось от года к году, составив к началу 2017 г. 166 без учета Крыма и 170 с учетом Крыма.

При относительной стабилизации числа больших городов их совокупное население продолжало расти, составив 67,4 млн человек в 1989 г., 68,2 млн — в 2002 г., 70,2 млн — в 2010 г. и 74,3 млн — на начало 2017 г. (75,3 млн человек с учетом Крыма), а его доля в населении городов увеличилась с 71,3% в 1989 г. до 73,8% на начало 2017 г. с учетом и без учета Крыма.

Число самых крупных городов, в которых проживает 1 млн человек и более, устойчиво росло до 1989 г., а затем также практически стабилизировалось, как и число больших городов, изменяясь лишь за счет повышения/понижения ранга Волгограда и Перми с населением около миллиона человек (табл. 2.5). Тенденция устойчивого роста числа крупных городов, характерная для предшествующих десятилетий, была нарушена. При этом совокупное население городов-миллионников продолжало расти, увеличившись с 25,2 млн человек в 1989 г. до 27,4 млн в 2002 г. и 28,2 млн в 2010-м, а его доля в населении городов возросла с 26,6% в 1989 г. до 28,9% в 2010-м. В 2012 г. группу городов-миллионников пополнили Красноярск и Воронеж, в результате чего население этой группы возросло до 32,1 млн человек, или 32,5% населения городов. Это более чем вдвое превышает долю населения городов-миллионников в период быстрого роста городов (по данным переписи 1959 г.). К началу 2017 г. совокупное население городов-миллионников возросло до 33,2 млн человек (в Крыму городов такого размера нет), а его доля в населении городов — до 33,0%.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. впервые сократилась численность населения многих городов-миллионников, рост населения сохранялся только в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Ростове-на-Дону. Между переписями 2002 и 2010 гг. увеличилась численность населения всех городов-миллионников, за исключением Нижнего Новгорода и Перми, временно даже выбывшей из их числа. После переписи 2010 г. увеличилось население всех городов-миллионников, кроме Волгограда, численность населения которого на начало 2017 г. оказалась на 0,5% меньше, чем по данным ВПН-2010. Особенно значительно возросло население Воронежа (на 16,8% к началу 2017 г. по сравнению с данными ВПН-2010), более умеренно — население Красноярска (11,2%), Новосибирска (8,7%), Санкт-Петербурга (8,2%), Екатеринбурга (7,8%), Казани (7,7%) и Москвы (7,6%). Прирост населения Челя-

Таблица 2.5. Численность населения городов Российской Федерации с числом жителей от 1 млн и более, по данным переписей населения и на начало 2017 г., тыс. человек

Город	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Москва	1039	2080	4604	6096	7063	7970	8677	10102	11504	12381
Санкт-Петербург	1265	1619	3119	3003	3552	4073	4435	4669	4880	5282
Новосибирск	...	120	404	886	1161	1312	1436	1426	1474	1603
Екатеринбург	43	140	423	779	1025	1211	1363	1293	1350	1456
Нижний Новгород	90	222	644	942	1170	1344	1435	1311	1251	1262
Казань	130	179	406	667	869	993	1085	1105	1144	1232
Челябинск	20	59	273	689	875	1030	1142	1078	1130	1199
Омск	37	162	289	581	821	1014	1148	1134	1154	1178
Самара	90	176	390	806	1027	1193	1257	1158	1165	1170
Ростов-на-Дону	119	308	510	600	789	934	1008	1070	1089	1125
Уфа	49	99	258	547	780	978	1080	1042	1062	1116
Красноярск	27	72	190	412	648	796	912	912	974	1083
Пермь	45	121	306	629	850	999	1092	1000	991	1048
Воронеж	81	122	344	448	660	783	882	849	890	1040
Волгоград	55	151	445	592	815	928	995	1013	1021	1016

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 90—91; Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 92—94.

бинска и Перми составил около 6%, Уфы — 5%. После довольно продолжительного периода убыли населения возобновился (хотя и остается незначительным) рост числа жителей Нижнего Новгорода (0,9%). Незначителен и прирост населения Самары (0,4%). Прирост населения Омска по сравнению с ВПН-2010 составил 2,1%, Ростова-на-Дону — 3,3%.

Сокращение численности населения поселков городского типа между переписями 1989 и 2002 гг. шло в основном за счет крупных поселений (с 10 тыс. жителей и более¹²), в период между переписями 2002 и 2010 гг. — напротив, за счет самых мелких (до 3 тыс. жителей). После переписи 2010 г. сократилось число поселков городского типа по всем группам, кроме поселков с числом жителей от 3 тыс. до 5 тыс. человек (табл. 2.6). В совокупном населении поселков городского типа возросла доля населения крупных (10 тыс. человек и более) и самых мелких поселений за счет сокращения доли населения средних поселений (от 3 тыс. до 10 тыс. человек).

В целом долгосрочная тенденция концентрации населения в крупных городах сохраняется в России, хотя скорость ее существенно замедлялась в 1990-е и 2000-е годы.

Тенденция роста доли городского населения, нарушенная в 1990-е годы, возобновилась в XXI в., доля населения, проживающего в крупных городах (с числом жителей 100 тыс. и более) устойчиво возрастала и уже превысила половину, а в городах с населением 1 млн человек и более достигла 23,0% на начало 2017 г. (табл. 2.7).

Доля россиян, проживающих в сельских населенных пунктах, снизилась до 25,5%, в малых городских поселениях с числом жителей до 50 тыс. человек — до 15,9%. Картина существенно не меняется при учете населения Крыма, вошедшего в состав Российской Федерации в марте 2014 г.

¹² Численность населения поселков городского типа редко достигала 50 тыс. человек; на начало 2017 г. самыми крупными были пгт Нахабино (40,8 тыс. человек) и пгт Томилино (31,4 тыс.) в Московской области, а также пгт Горячеводский в Ставропольском крае (36,7 тыс. жителей).

Таблица 2.6. Распределение поселков городского типа Российской Федерации по числу жителей, по данным переписей населения и на начало 2017 г.*

Показатель	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Всего пгт	702	743	1495	1869	2046	2193	1842	1286	1192
В том числе с числом жителей, тыс.:									
до 3	413	127	302	451	530	595	595	348	325
3—4,9	141	174	410	507	568	524	393	278	289
5—9,9	113	269	540	669	655	713	582	455	378
10—19,9	30	156	221	216	262	321	247	180	168
20 и более	5	17	22	26	31	40	25	25	23
В них проживает, всего:									
млн человек	2,5	5,3	9,4	11,0	12,0	13,5	10,5	7,8	7,2
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в пгт с числом жителей, тыс.:									
до 3	25,6	5,0	6,3	7,8	8,2	7,9	9,4	7,5	8,0
3—4,9	21,5	13,2	17,3	18,4	18,8	15,3	14,8	14,1	6,3
5—9,9	31,3	35,7	40,3	42,1	38,1	37,4	39,1	40,8	37,0
10—19,9	16,6	38,6	30,4	25,5	28	31,5	30,7	29,7	30,3
20 и более	5,0	7,6	5,7	6,2	7,0	7,8	6,0	7,9	8,4

* Без учета Крыма.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 77; Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 95.

Таблица 2.7. Распределение населения Российской Федерации по поселениям разного типа, по данным переписей населения и на начало 2017 г. *, %

Показатель	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2017
Все население России	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Проживает в поселениях:									
сельских	82,3	66,5	47,7	37,8	30,9	26,6	26,7	26,3	25,5
городских	17,7	33,5	52,3	62,2	69,1	73,5	73,3	73,7	74,5
В том числе с числом жителей, тыс.:									
не более 50	8,0	12,8	19,7	20,4	19,8	20,0	18,7	17,0	15,9
50—99,9	2,7	3,7	5,7	6,1	6,8	7,7	7,6	7,6	7,3
100 и более	7,0	17,0	26,9	35,7	42,5	45,8	47,0	49,1	51,4
включая:									
100—499,9	3,1	9,3	13,1	17,9	19,5	19,2	19,6	18,4	19,1
500—999,9	—	1,1	7,0	6,4	9,2	9,5	8,5	11,0	9,4
1 млн и более	3,9	6,6	6,8	11,4	13,8	17,1	18,9	19,7	23,0

* Без учета Крыма.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 77; Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 95.

2.4. Территориальные особенности выборочной совокупности опрошенного населения в микропереписи населения 2015 г.

Территориальная выборка, по которой в октябре 2015 г. было проведено федеральное статистическое наблюдение «Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года» (МПН-2015), должна была обеспечить возможность получения репрезентативных итогов по обобщающим демографическим и социально-экономическим характеристикам на уровне субъектов РФ и их центров, отразив основные структурные особенности населения¹³.

Как отмечается в итоговом докладе Росстата, МПН-2015 проводилась в городских и сельских населенных пунктах на территории всех субъектов РФ. Фактический объем выборки составил 2154 тыс. человек, или 1,5% населения частных домохозяйств, учетных ВПН-2010 и федеральным статистическим наблюдением «Перепись населения в Крымском федеральном округе» 2014 г., или 1,5% постоянного населения России по текущей оценке на 1 января 2016 г. Более 9% помещений, первоначально попавших в выборку, фактически выбыли из нее. Население 19 тыс. помещений (2%) отказалось от участия в обследовании. Около 80 тыс. помещений (8,1%) оказалось пустующими, нежилыми или переписчикам не удалось застать дома их жителей в течение всего периода проведения обследования. В итоге 298 тыс. человек отсутствовали весь период проведения обследования или отказались от участия в нем. Население коллективных домохозяйств, бездомные и лица, временно (до одного года) находившиеся на территории России, в ходе МПН-2015 не опрашивались¹⁴.

¹³ Об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года»: доклад Росстата. М., 2016. С. 1. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf (дата обращения: 20.07.2018).

¹⁴ Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 20.07.2018).

Выборка МПН-2015 существенно меньше, чем выборки микропереписей 1994 и 1985 гг. (по 5% постоянного населения), и отличается существенным отклонением от фактического размещения населения, т.е. территориальной структуры генеральной совокупности. В Методических пояснениях к итогам МПН-2015 специально оговаривается, что на сайте Росстата представлены абсолютные, не распространенные на генеральную совокупность и прямые относительные данные, не взвешенные по структуре населения генеральной совокупности. По отдельным территориальным разрезам таблицы не публикуются по причине их нерепрезентативности из-за недостаточного объема выборки¹⁵.

Доля населения, обследованного в ходе МПН-2015, заметно различается по федеральным округам (табл. 2.8). Чтобы нагляднее показать различия между федеральными округами, мы применили более детальную группировку, использовавшуюся до июля 2016 г., т.е. в период, когда и проводилась МПН-2015. Объем выборки варьировался от 0,8% в Крымском федеральном округе до 3,0% в Южном федеральном округе (без Республики Крым и г. Севастополя).

Таблица 2.8. Численность населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения на 1 января 2016 г. по федеральным округам

Показатель	Постоянное население на 1 января 2016 г., человек	Население, обследованное в ходе МПН-2015, человек	Доля обследованного населения, %
1	2	3	4
<i>Городское и сельское население</i>			
Российская Федерация	146 544 710	2 154 254	1,5
Федеральные округа:			
Центральный	39 104 319	547 720	1,4
Северо-Западный	13 853 694	228 087	1,6
Южный	14 044 580	426 075	3,0
Северо-Кавказский	9 718 001	167 509	1,7

¹⁵ Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 20.07.2018).

Окончание табл. 2.8

1	2	3	4
Приволжский	29 673 644	299 725	1,0
Уральский	12 308 103	146 207	1,2
Сибирский	19 324 031	178 195	0,9
Дальневосточный	6 194 969	143 175	2,3
Крымский	2 323 369	17 561	0,8
<i>Городское население</i>			
Российская Федерация	108 657 433	1 414 547	1,3
Федеральные округа:			
Центральный	32 055 953	384 672	1,2
Северо-Западный	11 657 955	163 232	1,4
Южный	8 836 149	272 820	3,1
Северо-Кавказский	4 772 186	120 291	2,5
Приволжский	21 242 843	189 932	0,9
Уральский	9 978 692	96 365	1,0
Сибирский	14 077 572	106 172	0,8
Дальневосточный	4 681 585	70 963	1,5
Крымский	1 354 498	10 100	0,7
<i>Сельское население</i>			
Российская Федерация	37 887 277	739 707	2,0
Федеральные округа:			
Центральный	7 048 366	163 048	2,3
Северо-Западный	2 195 739	64 855	3,0
Южный	5 208 431	153 255	2,9
Северо-Кавказский	4 945 815	47 218	1,0
Приволжский	8 430 801	109 793	1,3
Уральский	2 329 411	49 842	2,1
Сибирский	5 246 459	72 023	1,4
Дальневосточный	1 513 384	72 212	4,8
Крымский	968 871	7 461	0,8

Примечание. В табл. 2.8—2.10 данные приводятся в разбивке по федеральным округам, существовавшим до июля 2016 г.

Источники к табл. 2.8—2.10: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюл. С. 11—19; Социально-демографическое обследование (микрореперись населения) 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 20.07.2018).

Размах вариации доли населения, обследованного в городских и особенно сельских населенных пунктах, был более значительным. По городским поселениям она варьировалась от 0,7% в Крымском федеральном округе до 3,1% в Южном, а по сельским поселениям — от 0,8% в Крымском федеральном округе до 4,8% в Дальневосточном.

Вариация доли населения, обследованного в субъектах РФ, еще более значительна — от 0,7% постоянного населения Республики Крым до 10,5% постоянного населения Чукотского автономного округа (см. приложение 2, табл. П.2.1). Помимо Республики Крым мал объем выборки — не более 1% — во всех трех городах федерального значения (Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе) и Краснодарском крае, но это крупнейшие по численности населения субъекты РФ (кроме Севастополя). Значительные объемы выборки характерны для регионов с малочисленным населением. Помимо Чукотского автономного округа к их числу относятся Ненецкий автономный округ (7,1%), Еврейская автономная область (6,6%), Магаданская область (6,1%). Медианное значение доли обследованного населения составило 1,9%, в центральной половине регионов она варьировалась от 1,4 до 2,3%. В 55 субъектах РФ объем выборки превышал 1,5%, в 30 был ниже.

Доля населения, обследованного в городских поселениях, составила от 0,7% в Республике Крым до 9,2% в Чукотском автономном округе, при медианном значении 1,6%.

Более значительны различия по доле населения, обследованного в сельских населенных пунктах: от 0,7 до 13,5% в тех же регионах, при медианном значении 2,4%. В 76 субъектах РФ объем выборки сельского населения превысил 1,5%.

Что касается региональных столиц, или административных центров субъектов РФ, в МПН-2015 к ним относились соответствующие городские округа, численность населения которых можно сравнить с текущей оценкой численности самого города (без других поселений, входящих в городской округ), которая в ряде случаев ниже, чем городского округа. Полученная таким образом доля населения региональных центров, охваченного МПН-2015, составила от 0,5% в Симферополе до 12,2% в Анадыре, при медианном значении 1,1%. В 58 центрах субъектов РФ объем выборки оказался ниже 1,5%.

Таким образом, более значительные объемы выборки характерны для территорий с относительно малочисленным населением, что, казалось бы, вполне оправдано с точки зрения обеспечения репрезентативности итогов. Однако это привело к довольно значительным искажениям регионально-территориальной структуры обследованного населения в целом. Отметим, что при проведении микропереписи 1994 г. вариация объема выборки была менее значительной — от 4,7% в Калининградской области и Ханты-Мансийском автономном округе до 6,4% в Чукотском автономном округе¹⁶.

Из-за существенных различий в объемах выборки по регионам в общей выборке доля населения одних регионов заметно выше, чем в генеральной совокупности, а других заметно ниже. Это наглядно видно на уровне федеральных округов (табл. 2.9).

Таблица 2.9. Размещение населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения на 1 января 2016 г. по федеральным округам

Показатель	Постоянное население на 1 января 2016 г., %	Обследовано в ходе МПН-2015, %	Отклонение доли обследованного населения от доли постоянного населения (ПН)	
			п.п.	% (ПН = 100)
1	2	3	4	5
<i>Городское и сельское население</i>				
Российская Федерация	100,0	100	—	—
Федеральные округа:				
Центральный	26,7	25,4	-1,3	95
Северо-Западный	9,5	10,6	1,1	111
Южный	9,6	19,8	10,2	206
Северо-Кавказский	6,6	7,8	1,2	118
Приволжский	20,2	13,9	-6,3	69
Уральский	8,4	6,8	-1,6	81

¹⁶ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М.: Госкомстат России, 1995.

Окончание табл. 2.9

1	2	3	4	5
Сибирский	13,2	8,3	-4,9	63
Дальневосточный	4,2	6,6	2,4	158
Крымский	1,6	0,8	-0,8	51
<i>Городское население</i>				
Российская Федерация	100,0	100,0	—	—
Федеральные округа:				
Центральный	29,5	27,2	-2,3	92
Северо-Западный	10,7	11,5	0,8	108
Южный	8,1	19,3	11,2	237
Северо-Кавказский	4,4	8,5	4,1	193
Приволжский	19,6	13,4	-6,2	69
Уральский	9,2	6,8	-2,4	74
Сибирский	13,0	7,5	-5,5	58
Дальневосточный	4,3	5,0	0,7	117
Крымский	1,2	0,7	-0,5	57
<i>Сельское население</i>				
Российская Федерация	100,0	100,0	—	—
Федеральные округа:				
Центральный	18,6	22,0	3,4	119
Северо-Западный	5,8	8,8	3,0	151
Южный	13,7	20,7	7,0	151
Северо-Кавказский	13,1	6,4	-6,7	49
Приволжский	22,3	14,8	-7,5	67
Уральский	6,1	6,7	0,6	110
Сибирский	13,8	9,7	-4,1	71
Дальневосточный	4,0	9,8	5,8	244
Крымский	2,6	1,0	-1,5	39

Доля населения, обследованного в Южном федеральном округе, в 2 раза больше, чем в постоянном населении России, в Дальневосточном федеральном округе — в 1,6 раза. Доля населения, обследованного в Крымском федеральном округе, напротив, почти вдвое ниже. Более значительно искажена территориальная структура населения, обследованного в сельских населенных пунктах.

Таблица 2.10. Соотношение городского и сельского населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения на 1 января 2016 г. по федеральным округам

Показатель	Доля городского населения, %		Отклонение обследованного населения от постоянного (ПП) по доле городского населения		Доля сельского населения, %		Отклонение обследованного населения от постоянного (ПП) по доле сельского населения	
	1 января 2016 г.	МПН-2015	п.п.	% к ПП	1 января 2016 г.	МПН-2015	п.п.	%
Российская Федерация	74,1	65,7	-8,4	89	25,9	34,3	8,4	133
Федеральные округа:								
Центральный	82,0	70,2	-11,8	86	18,0	29,8	11,8	165
Северо-Западный	84,2	71,6	-12,6	85	15,8	28,4	12,6	180
Южный	62,9	64,0	1,1	102	37,1	36,0	-1,1	97
Северо-Кавказский	49,1	71,8	22,7	146	50,9	28,2	-22,7	55
Приволжский	71,6	63,4	-8,2	89	28,4	36,6	8,2	129
Уральский	81,1	65,9	-15,2	81	18,9	34,1	15,2	180
Сибирский	72,9	59,6	-13,3	82	27,1	40,4	13,3	149
Дальневосточный	75,6	49,6	-26,0	66	24,4	50,4	26,0	207
Крымский	58,3	57,5	-0,8	99	41,7	42,5	0,8	102

На уровне субъектов РФ наибольшие отклонения доли в выборке от генеральной совокупности характерны для Республики Крым и г. Москвы (в 2 раза меньше), а с другой стороны — для Чукотского автономного округа (в 6 раз больше).

В результате выборка оказалась существенно искаженной по соотношению городского и сельского населения: если по текущей оценке Росстата на 1 января 2016 г. доля городского населения России (с учетом Крыма) составляла 74,1%, то среди населения, принявшего участие в МПН-2015, — 65,7% (табл. 2.10, см. приложение 2, табл. П.2.2). Отметим, что по опубликованным данным микропереписи 1994 г. доля городского населения в выборке была такой же, что и в генеральной совокупности, — 73%¹⁷.

По доле городского населения наибольшее соответствие выборки генеральной совокупности отмечается в Крымском (99%) и Южном (102%) федеральных округах, наименьшее — в Северо-Кавказском (146%) и Дальневосточном (66%). По доле сельского населения, более малочисленного во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского, расхождения еще больше.

Отмеченные отклонения выборки МПН-2015 по регионально-территориальной структуре от постоянного населения России заставляют с осторожностью относиться к полученным результатам микропереписи 2015 г. Росстат не привел данные МПН-2015, взвешенные по территориальной структуре фактического населения, однако представил «сводные результаты оценки репрезентативности блоков таблиц с итогами микропереписи населения 2015 г. (приложение 2)»¹⁸. Оценка репрезентативности произведена для всех опубликованных на сайте таблиц по всем территориальным разрезам, включая субъекты РФ и их центры, в разбивке на городское и сельское население. Отметим, что даже для уровня Российской Федерации в целом нерепрезентативны некоторые данные по миграции (таблицы 07-2, 07-6, 07-10), национальности (10-2) и временно отсутствующим (11-02, 11-03, 11-05).

¹⁷ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М.: Госкомстат России, 1995. С. 6—7.

¹⁸ Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 20.07.2018).

3. Возрастной состав населения России по результатам микропереписи населения 2015 г.

3.1. Особенности возрастной структуры населения, опрошенного в микропереписи населения 2015 г., в сравнении с текущими оценками Росстата

Возрастная структура населения, зафиксированная микропереписью 2015 г. (МПН-2015), заметно старше, чем по текущей оценке Росстата. Согласно последней средний возраст каждой из групп населения примерно на год ниже, чем по МПН-2015 (табл. 3.1). Женское население в большей мере, чем мужское, смещено к старшим возрастам. Между городским и сельским населением подобных различий не наблюдается. Завышение микропереписью среднего возраста на один год следует признать значительным и по отношению к приросту показателя в 2015 г., составившему всего 0,1 года, и по отношению к его динамике в последние годы и в ближайшей перспективе. Так, прирост среднего возраста на один год последний раз занял 8–9 лет (в 2006–2007 гг. он был на год меньше, чем в 2015 г.), а по среднему варианту прогноза Росстата ожидается, что показатель увеличится до значений, зафиксированных в МПН-2015, в 2022–2024 гг.

Смещение оценки микропереписью возрастной структуры населения в старшие возраста иллюстрирует сравнение пропорций трех возрастных групп: по МПН-2015 доля пожилого населения значимо выше (табл. 3.2). Отклонения от текущей оценки пропорций трех возрастных групп особенно велики в городском населении. Поскольку $\frac{3}{4}$ населения России живет в городах, велики отклонения и для населения в целом. Однако, если в городе сдвиг в старшие возраста отмечается преимущественно за счет доли населения в возрасте 15–59 лет, в селе — за счет занижения доли детей. Более того, в женском сельском населении основное смещение связано с заниженной пропорцией детей. И вообще в женском населении пропорция детей занижена сильнее, чем в мужском,

Таблица 3.1. Средний возраст населения по МПН-2015 и текущим оценкам населения, лет

Показатель	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Текущая оценка на 1 января 2015 г. МПН-2015	39,5	36,7	41,9	39,5	36,7	41,9	39,4	36,9	41,7
	40,6	37,7	43,1	40,7	37,6	43,1	40,6	37,8	43,0
Текущая оценка на 1 октября 2015 г. (расчет)	39,6	36,8	41,9	39,6	36,7	42,0	39,5	37,0	41,8
	39,6	36,8	42,0	39,6	36,8	42,0	39,5	37,0	41,8
<i>Разность между МПН-2015 и текущими оценками</i>									
1 января 2015 г.	1,1	1,0	1,2	1,2	0,9	1,2	1,2	0,9	1,3
1 октября 2015 г. (расчет)	1,0	0,9	1,2	1,1	0,9	1,1	1,1	0,8	1,2
1 января 2016 г.	1,0	0,9	1,1	1,1	0,8	1,1	1,1	0,8	1,2

Примечание. Расчет текущей оценки населения на 1 октября 2015 г. есть взвешенная средняя населения на 1 января 2015 г. и 1 января 2016 г., где в качестве весов использовалась доля тогда же и после 1 октября 2015 г.

Таблица 3.2. Структура населения по МПН-2015 и текущим оценкам населения, %

Дата текущей оценки населения	Все население в возрасте, лет			Городское население в возрасте, лет			Сельское население в возрасте, лет		
	0-14	15-59	60+	0-14	15-59	60+	0-14	15-59	60+
	<i>Оба пола</i>								
1 января 2015 г.	16,7	63,5	19,9	15,9	64,3	19,8	18,8	61,0	20,2
МПН-2015	16,7	61,3	22,0	16,0	61,9	22,1	18,0	60,2	21,8
1 января 2016 г.	17,0	62,6	20,3	16,4	63,4	20,2	19,0	60,3	20,7
1 октября 2015 г. (расчет)	17,0	62,8	20,2	16,3	63,6	20,1	18,9	60,5	20,6
	<i>Мужчины</i>								
1 января 2015 г.	18,5	66,5	15,0	17,9	67,3	14,9	20,1	64,5	15,4
МПН-2005	18,8	64,3	16,9	18,3	64,7	17,0	19,7	63,4	16,9
1 января 2016 г.	18,9	65,7	15,4	18,4	66,4	15,3	20,2	63,8	16,0
1 октября 2015 г. (расчет)	18,8	65,9	15,3	18,2	66,6	15,2	20,2	64,0	15,9
	<i>Женщины</i>								
1 января 2015 г.	15,1	60,8	24,1	14,3	61,8	23,9	17,7	57,8	24,6
МПН-2015	14,9	58,9	26,2	14,1	59,6	26,3	16,5	57,4	26,1
1 января 2016 г.	15,5	60,0	24,5	14,7	60,9	24,4	17,8	57,1	25,1
1 октября 2015 г. (расчет)	15,4	60,2	24,4	14,6	61,2	24,2	17,8	57,3	24,9

а в городском населении пропорция населения 15–59 лет занижена гораздо сильнее, чем в сельском.

Более детально особенности смещения представлены на рис. 3.1. За исключением отмеченных различий характер сме-

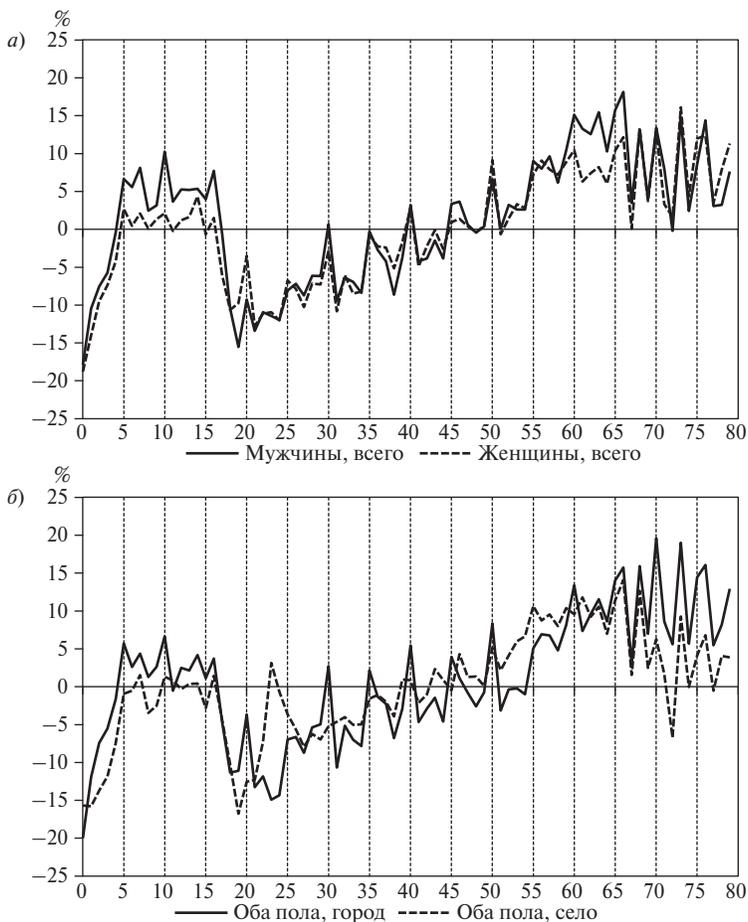

Рис. 3.1. Относительная разность в долях населения между МПН-2015 и текущей оценкой на дату переписи по однолетним возрастным группам по полу (а) и месту жительства (б), 0–79 лет

щения одинаков у мужчин и женщин, в городе и селе. Из рис. 3.1 видно, что при МПН-2015 недоучтены дети самого раннего возраста и более всего младенцы и годовалые малыши, пропорция которых занижена на 10–20%. Значительно занижены пропорции самой мобильной части населения — от 18 до 24 лет и в целом численность 20-летних. От 18 лет и далее с увеличением возраста различия в пропорциях населения по МПН-2015 и по текущей оценке убывают, так что после 50 лет доля населения по МПН-2015 становится выше, чем по текущей оценке, и уже с 55 лет заметно выше. О возрасте достижения максимума по однолетним группам судить трудно. Если рассматривать пятилетние и относительные разности пропорций, в селе максимум достигается в 60–64 года (10%) — раньше, чем в городе, и очерчен более четко. В городе у мужчин пик приходится на возраст 60–64 года, что совпадает с сельским, но в городе почти такие же высокие значения (около 10%) наблюдаются до возраста 75 лет. У городских женщин пик и область максимальных отклонений сдвинуты в старшие возраста сильнее, чем у городских мужчин (75–79 лет и 65–79 лет соответственно).

Другая проблема качества данных МПН-2015 о возрастном составе населения — заметная возрастная аккумуляция на возраста, оканчивающиеся на 0 и 5, наглядно представлена на рис. 3.1. Аккумуляция свойственна данным переписей 2002 и 2010 гг., для которых коэффициент возрастной аккумуляции Уипла составил 2,8 и 3,0 соответственно¹. По МПН-2015 этот показатель по населению в целом превысил 6. Проблема свойственна именно городскому населению, где значения показателя приближаются к критическому уровню (табл. 3.3).

В прошлом возрастная аккумуляция проистекала из-за неграмотности населения и плохой системы учета рождений, естественно, что и в сельском населении она была значительно выше. В современной России причины иные. Уровень образования населения в городах выше, чем в селах, в средних возрастах — выше, чем в пожилых, но, странным образом, в более образованных группах населения информация о возрасте наименее точна. Можно предложить ряд гипотез, объясняющих, почему так происходит,

¹ Андреев Е. М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

Таблица 3.3. Коэффициент возрастной аккумуляции Уипла по МПН-2015 и текущей оценке населения, на 100

Группа населения	МПН-2015	Оценка на 1 октября 2015 г. (расчетная)	Оценка на начало 2016 г.
<i>Все население</i>			
Оба пола	6,3	2,5	3,5
Мужчины	6,8	2,6	3,6
Женщины	5,9	2,4	3,4
<i>Городское население</i>			
Оба пола	8,3	2,8	4,0
Мужчины	8,9	3,0	4,2
Женщины	7,8	2,7	3,8
<i>Сельское население</i>			
Оба пола	2,3	1,5	2,1
Мужчины	2,7	1,5	2,1
Женщины	2,0	1,5	2,0

но этот вопрос заслуживает отдельного изучения. Однако даже если население намеренно искажает свой возраст, а организация МПН-2015 и качество интервьюирования безупречны, возрастная аккумуляция свидетельствует о невысоком качестве данных по городскому населению и населению в целом.

3.2. Дискуссионные вопросы учета населения в переписях 2002, 2010 гг. и в микропереписи населения 2015 г.

Население по МПН-2015 в отличие от текущей оценки российского населения не включает членов коллективных домохозяйств (пенитенциарной системы, армейских казарм, интернатных учреждений, медицинских и социальных учреждений с длительным уходом за тяжелобольными людьми, домов для престарелых и т.п.). По переписи 2010 г. в институциональном населении насчитывалось почти 2 млн человек (1,3%). В нем преобладали мужчины (1,6 млн), половина которых находилась в возрасте от 18 до 27 лет, где как раз наблюдается сильный «дефицит» населения по микропереписи относительно текущей оценки. У женщин доля институ-

ционального населения составляла всего 0,4%, а его структура не имела таких радикальных особенностей — она несколько старше, чем население частных домохозяйств.

Чтобы примерно оценить эффект этих различий, мы скорректировали текущую оценку на дату переписи, построив ее без учета институционального населения. Коррекция, ожидаемо, не внесла ничего нового у женщин. У мужчин несколько уменьшила различия в пропорциях трех возрастных групп, почти устранила расхождения в возрастах от 23 до 28 лет и несколько снизила избыток населения в старших возрастах, но общий паттерн отклонений остался неизменным. Следовательно, смещение в старшие возраста населения по МПН-2015 по отношению к текущей оценке с этим не связано.

Микроперепись — хотя и очень крупное, но выборочное наблюдение и этим отличается от обычных переписей населения. Тем не менее характер отклонений в возрастной структуре от текущих оценок невольно заставляет проводить параллели с типичными ошибками в переписях 2002 и 2010 гг.² Помимо рассмотренной выше возрастной аккумуляции микропереписи может быть свойственна такая ошибка, как недоучет детей ранних возрастов.

Определенного мнения о причинах недоучета детей в возрастах 0–3 года в последних переписях нет. Сомнительно, что недоучет возникает из-за переучета числа рождений, и более чем сомнительно, что из-за эмиграции³. На примере Москвы, где по переписи 2010 г. расхождения были максимальными, показано, что эти расхождения не могут быть объяснены никакими естественными процессами, такими как смертность или эмиграция матерей с детьми⁴. К неестественным причинам недоучета детей до 4 лет в переписях 2002 и 2010 гг. можно отнести запаздывание регистра-

² См., например: *Андреев Е. М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

³ *Мкртчян Н. В.* Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / под общ. ред. М. Б. Денисенко. Вып. 22. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197–214.

⁴ *Андреев Е. М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

ции таких детей в административных регистрах, к которым обращается перепись в случае недоступности домохозяйства для опроса. Для микропереписи такое объяснение не подходит. Взамен можно предположить, что здесь свою роль играет значительный недоучет населения репродуктивных возрастов. Правда, в этом случае недоучет детей, как представляется, должен быть более равномерен, чем на рис. 3.1. Поэтому можно допустить, что в силу каких-то причин действует закономерность: чем младше ребенок, тем менее доступно домохозяйство его родителей для обследования.

Еще одна типичная ошибка последних переписей — завышение численности пожилых — объясняется двойным учетом⁵ и завышением возраста при ответе на вопрос о годе рождения⁶. Первое к МПН-2015 не относится. Второе свойственно самым старшим возрастам и может играть лишь очень скромную роль в столь значительном сдвиге населения в старшие возраста. Поскольку речь идет о пропорциях возрастных групп и относительные разности на рис. 3.1 последовательно нарастают от 20-к 16-летним, более правдоподобно, что этот сдвиг носит систематический характер и объясняется спецификой формирования выборочной совокупности МПН-2015, в первую очередь ее территориальными особенностями: смещенностью выборки в сторону сельских ареалов и заниженным представительством в составе опрошенных крупногогородского населения⁷. Другие рассмотренные выше гипотезы или, например, гипотеза о том, что двойной учет в переписи 2010 г. в некоторых возрастных группах спустя пять лет привел к тому, что пропорции постаревших на пять лет возрастных когорт в микропереписи оказались слишком низки,

⁵ *Мкртчян Н.В.* Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / под общ. ред. М.Б. Денисенко. Вып. 22. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197–214.

⁶ *Андреев Е.М.* О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

⁷ *Андреев Е.М., Захаров С.В.* Микроперепись—2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly. 2017. № 711–712 (1–22 января 2017 г.). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/demoscope711.pdf>. См. также разд. 1.4, 2.4, 7.5 этой книги.

могут быть верны в отношении отдельных возрастных групп, но не объясняют картину в целом.

Как бы то ни было, следует иметь в виду, что смещенный в старшие возраста состав респондентов, охваченных МПН-2015, может повлиять на оценку общих показателей образования, экономической активности, заболеваемости, инвалидности и других переменных, для которых существует тесная связь с возрастом.

4. Семья и домохозяйство в микропереписи населения 2015 г.

4.1. Понятие домохозяйства и семьи как единиц учета и объектов анализа

В российской переписной статистике и экономической социологии под домохозяйством понимается группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, т.е. полностью или частично объединяющих свои средства. Они могут быть связаны отношениями родства или быть неродственниками либо и теми, и другими. Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно и обеспечивающего себя пищей и всем необходимым для жизни.

В статистике населения переход к учету домохозяйства, а не семьи впервые был реализован при проведении микропереписи 1994 г., а затем окончательно утвердился в российской переписной статистике: во всеобщих переписях населения 2002 и 2010 гг. и в микропереписи 2015 г. частные домохозяйства стали основной единицей статистического учета и экономико-демографического анализа. В связи с этим данные российских переписей населения стали более сопоставимыми с данными переписей, проводимых в других странах, но при этом частично утратили сопоставимость с данными предыдущих отечественных переписей, состоявшихся в советский период.

Другим новым элементом в разработке переписей населения постсоветского периода стало выделение в домохозяйствах семейных ячеек, к которым относятся супружеские пары с детьми или без детей, матери или отцы с детьми. Семейная ячейка может составлять самостоятельное домохозяйство или входить в состав домохозяйства, где имеются другие родственники или неродственники. Если в определении домохозяйства присутствует доходный компонент (те, кто полностью или частично аккумулирует и совместно тратит свои доходы), то в определении семейной ячейки

есть лишь демографическая составляющая (наличие или отсутствие супружеской пары и их детей), и их анализ служит исключительно для целей уточнения демографических аспектов структуры населения, в частности числа детей у семейной ячейки.

Важно заметить, что в программах всех послевоенных переписей населения СССР использовалось понятие не домохозяйства, а семьи, которая определялась как группа из двух и более лиц, связанных отношениями родства или свойства, проживающих совместно с общим бюджетом¹. В понятие «общий бюджет» входит полное или частичное объединение членами семьи своих доходов и совместное их расходование для ведения хозяйства. Таким образом, включая в определение семьи потребительский компонент (аккумуляция доходов и организация потребления), статистическое определение семьи было близким к определению семейного домохозяйства в западной статистике населения и социологии. Отличие состояло прежде всего в определении категории «одиночки»². Домохозяйство в отличие от семьи может состоять из одного человека, живущего самостоятельно. В программах советских переписей лица, живущие вне семьи, разделялись на две категории — одиночки (материально самостоятельные лица) и лица, живущие отдельно от своих семей, но сохраняющие с ними материальную связь. При этом понятие такой связи не было четко определено. Иногда эти две категории населения рассматривали как одну, именно ее «одинокие». В группу одиночек включалось и институциональное население, находящееся на иждивении государства и живущее в домах для престарелых и инвалидов, медицинских учреждениях длительного пребывания, школах-интернатах, тюрьмах, казармах и т.п.

Вторым важным отличием определения семьи в советской статистике от определения домохозяйства, принятого в большинстве развитых стран, было исключение из состава семей проживающих вместе с ними одним бюджетом неродственников, тогда как для домохозяйства наличие родственных отношений неимперативно. В переписях такие лица считались либо одиночками, либо отдельно

¹ Волков А. Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986; Демографические проблемы семьи / науч. ред. Н. М. Римашевская. М.: Наука, 1978.

² Волков А. Г. Семейная структура населения России: факторы и тенденции // Российский демографический журнал. 1996. № 1. С. 18—28.

проживающими членами, либо отдельными семьями, если они состояли между собой в родстве (например, прислуга с ребенком, живущая в семье хозяев одним бюджетом). В середине 1990-х годов в России доля домохозяйств, состоящих только из неродственников, составила 0,75% всех домохозяйств, а среди членов всех домохозяйств только 0,3% не состояли в родственных отношениях с другими живущими в том же домохозяйстве.

Гораздо более сложными представляются семейная структура населения и ее соотношение со структурой домохозяйств, если перейти к анализу семейных ячеек и их объединений в одном домохозяйстве. При переходе к анализу семейных ячеек для домохозяйств с простой структурой нет различий, по существу, это и есть семейные ячейки (супруги с детьми или без детей и одинокий родитель с детьми), но для домохозяйств с более сложной структурой требуется вычленить из их состава семейные ячейки. По данным МПН-2015 35% всех семейных ячеек — это супруги без детей, 40% — супруги с детьми, 22% — матери с детьми и 3% — отцы с детьми.

4.2. Долговременная динамика численности и структуры домохозяйств с учетом данных микропереписи населения 2015 г.

Изучение изменений в демографической структуре домохозяйств в долговременной ретроспективе возможно по семьям (переписи советского периода) и частным домохозяйствам (домохозяйства, состоящие из двух и более членов), поскольку сравнение группы одиноко проживающих в прошлых переписях и одиночек как типа домохозяйства в постсоветский период наталкивается на сложности методологического характера. По данным всероссийских переписей (2002 и 2010 гг.) и микропереписей (1994 и 2015 гг.) одиночки образуют особую группу: они составляют значительную часть общего числа домохозяйств, и доля их в общей структуре домохозяйств растет (19,2% — в 1994 г., 22,3% — в 2002 г., 25,7% — в 2010 г. и 30,6% — в 2015 г.). Данные переписей дают представление о возрастно-половом составе домохозяйств, состоящих из одного лица: он характеризуется значительным преобла-

данием женщин: в 2015 г. — 67,2% среди всех одиночек, причем женщин пожилых (доля лиц в возрасте 60 лет и старше составила среди одиноких мужчин 31,7%, а среди одиноких женщин — 64,4%).

Первая послевоенная перепись 1959 г. показала наличие в России 28,5 млн семей. По последней переписи, проводившейся накануне распада СССР в 1989 г., в России насчитывалось уже 40,2 млн семей.

Перепись 2002 г. проводилась по домохозяйствам, в том числе частным, которых было переписано 41,0 млн. Последняя всеобщая перепись 2010 г. показала некоторое снижение их числа — 40,5 млн.

Если рассматривать изменения, происходящие в демографической структуре семей (частных домохозяйств) в России за последние десятилетия, то долговременная тенденция изменения семьи — уменьшение ее размера и упрощение структуры (нуклеаризация).

Средний размер семьи (частных домохозяйств без учета одиночек постсоветского периода) постоянно уменьшался, особенно в течение 1970-х годов, а в дальнейшем стабилизировался на относительно низком уровне (3,5 человека в 1970 г.; 3,3 — в 1979 г.; 3,2 — в 1989 г.; 3,2 — в 2002 г.; 3,1 человека — в 2010 г.). Такая относительная стабильность скрывает действие противоположных тенденций: рост доли неполных семей (матери/отцы с детьми) действует в сторону понижения, а увеличение доли сложных многопоколенных семей — в сторону увеличения среднего размера семьи. Результаты последних переписей продемонстрировали относительную стабильность доли больших домохозяйств.

Данные переписей населения позволяют проследить динамику распределения семей/частных домохозяйств по демографическим типам, включающим полные (супружеские пары с детьми или без детей) и неполные (матери/отцы с детьми) семьи, простые (нуклеарные) и сложные многопоколенные, с детьми и без детей (табл. 4.1). В процессе выделения основных демографических типов начиная с переписи 1970 г. базой структуризации послужил характер родства членов семьи, а основными типобразующими признаками — наличие или отсутствие брачной пары и других родственников. При этом состояние в браке, как и распад союза, определялось по фактическому положению, т.е. фиксировался факт

Таблица 4.1. Распределение семей (частных домохозяйств) России по демографическим типам, переписи населения 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., %

Тип семьи/ домохозяйства	1970	1979	1989	2002	2010
Все семьи/ домохозяйства	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:					
Полные	82,1	82,6	81,7	71,8	69,4
Из них:					
простые	63,3	66,3	66,8	55,5	52,1
сложные	18,8	16,3	14,9	16,3	17,3
Неполные	16,0	14,7	15,2	21,7	21,0
Из них:					
простые	12,5	12,7	13,2	15,3	15,4
сложные	3,5	2,0	2,0	6,4	5,6

совместного проживания и ведения общего хозяйства независимо от юридического оформления отношений.

Основные изменения в демографическом составе домохозяйств в 1990-е годы были связаны с ростом доли неполных семей, главным образом материнских, и уменьшением доли семей с супружескими парами (полных). Рост доли неполных семей происходил под влиянием нескольких факторов, к которым относятся высокий уровень разводов и вдовства (вследствие повышенной смертности мужчин трудоспособного возраста), а также рост числа внебрачных рождений. Кроме того, это десятилетие характеризовалось процессом, который можно назвать антинуклеаризацией частных домохозяйств: объединение нескольких домохозяйств в одном жилище чаще всего по экономическим причинам.

Тенденции последнего десятилетия в основном продолжают тренды предыдущего, за одним исключением — стабилизировалась доля неполных частных домохозяйств. Сложные многопоколенные домохозяйства, как уже было сказано выше, также, видимо, не увеличивают свое присутствие в общей структуре (табл. 4.2, 4.3).

Микроперепись 2015 г. по сравнению с переписью 2010 г. зафиксировала увеличение доли домохозяйств с двумя и более детьми как среди домохозяйств с супружеской парой, так и среди до-

Таблица 4.2. Распределение частных домохозяйств по основным демографическим типам, переписи населения 2002 и 2010 гг. и МПН-2015, %

Тип домохозяйства	2002	2010	2015
Одиночки	22,3	25,7	30,6
В том числе:			
трудоспособные*	9,5	11,7	14,2
старше трудоспособного возраста	12,7	13,9	16,4
Супруги без детей	16,1	16,6	18,9
В том числе:			
простые	14,8	15,3	18,9
сложные	1,3	1,3	... **
Супруги с детьми	39,7	34,9	31,9
В том числе:			
простые	27,8	23,4	22,6
сложные	11,9	11,5	9,3
Из них супруги с детьми до 18 лет	30,0	23,8	22,6
В том числе:			
простые	21,1	15,9	16,8
сложные	8,9	7,9	5,8
Матери/отцы с детьми	16,8	15,6	14,7
В том числе:			
простые	11,9	11,5	11,5
сложные	4,9	4,1	3,2
Из них матери/отцы с детьми до 18 лет	9,3	6,9	6,8
В том числе:			
простые	5,6	4,2	4,6
сложные	3,7	2,7	2,2
Прочие домохозяйства	5,1	7,2	3,9
Все домохозяйства	100,0	100,0	100,0

* В наших расчетах для переписей населения 2002 и 2010 гг. приняты верхние границы трудоспособности, установленные законом (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин), а для микропереписи 2015 г. был взят возраст 60 лет и для мужчин, и для женщин, так как выделить домохозяйства с женщинами до 55 лет по доступным данным не представилось возможным.

** По данным микропереписи 2015 г. невозможно рассчитать долю супругов без детей, проживающих в сложных домохозяйствах, в связи с особенностью представления данных.

Таблица 4.3. Распределение частных домохозяйств по основным демографическим типам, в городских и сельских поселениях, переписи населения 2002 и 2010 гг. и МПН-2015, %

Тип домохозяйства	Городские поселения			Сельские поселения		
	2002	2010	2015	2002	2010	2015
Одиночки	22,3	26,2	31,0	22,1	24,1	29,5
В том числе:						
трудоспособные*	10,5	12,7	15,0	6,4	8,6	12,4
старше трудоспособного возраста	11,7	13,4	16,1	15,6	15,4	17,0
Супруги без детей	15,1	15,9	18,7	19,1	18,7	19,5
В том числе:						
простые	13,8	14,6	18,7	17,7	17,3	19,5
сложные	1,3	1,3	...**	1,4	1,4	...**
Супруги с детьми	38,9	33,6	31,2	42,1	39,1	33,5
В том числе:						
простые	27,1	22,9	22,7	29,9	25,2	22,4
сложные	11,8	10,7	8,5	12,2	13,9	11,1
Из них супруги с детьми до 18 лет						
В том числе:						
простые	28,6	22,5	22,0	34,1	28,0	23,7
сложные	20,1	15,3	17,0	24,1	17,7	16,4
сложные	8,5	7,2	5,0	10,0	10,3	7,3
Матери/отцы с детьми	18,0	16,3	15,1	13,2	13,4	13,8
В том числе:						
простые	12,6	11,9	11,8	9,6	10,0	10,7
сложные	5,4	4,4	3,2	3,6	3,4	3,1
Из них матери/отцы с детьми до 18 лет						
В том числе:						
простые	10,1	7,2	6,9	7,2	6,0	6,7
сложные						
простые	6,1	4,4	4,7	4,3	3,7	4,4
сложные	4,0	2,8	2,2	2,9	2,3	2,2
Прочие домохозяйства	5,7	8,0	4,0	3,5	4,7	3,7
Все домохозяйства	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*, ** См. табл. 4.2.

мохозяйств одиноких супругов (табл. 4.4, 4.5). Возможно, это есть результат активной демографической политики последнего десятилетия (усиление финансовой поддержки семей и, в частности, предоставление права на материнский капитал при рождении второго или последующих детей). Правда, сомнения в такой интер-

Таблица 4.4. Распределение частных домохозяйств с детьми до 18 лет по числу детей, переписи населения 2002, 2010 гг. и МПН-2015, %

Тип домохозяйства	2002	2010	2015
Супруги с детьми до 18 лет	100	100	100
В том числе:			
с одним ребенком	61,9	61,5	55,6
с двумя детьми	30,9	30,7	34,2
с тремя детьми	7,2	7,8	10,2
Матери с детьми до 18 лет	100	100	100
В том числе:			
с одним ребенком	76,0	76,9	70,8
с двумя детьми	20,1	19,3	23,4
с тремя детьми	3,9	3,8	5,8
Отцы с детьми до 18 лет	100	100	100
В том числе:			
с одним ребенком	80,9	81,4	78,1
с двумя детьми	15,9	15,7	17,7
с тремя детьми	3,2	2,9	4,2
Все домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	100	100	100
В том числе:			
с одним ребенком	65,2	65,5	59,8
с двумя детьми	28,2	27,5	31,1
с тремя детьми и более	6,6	7,0	9,1

претации вызывает увеличение доли многодетных среди неполных семей практически в той же пропорции, что и среди полных семей. В то же время нельзя проигнорировать и возможное влияние на оценку демографической структуры домохозяйств, в том числе и по числу детей в них, специфических особенностей дизайна выборки МПН-2015, которое требует дополнительного рассмотрения. Как известно, из-за небольшого объема выборки в структуре населения, участвовавшего в микропереписи, недопредставлены крупные регионы и городские агломерации, а также излишне представлены лица пожилого возраста (см. разд. 2 и 3). Так или иначе среднее число детей до 18 лет, приходящееся на одно домохозяйство в 2015 г., лишь едва заметно больше, чем по результатам переписей

Таблица 4.5. Распределение частных домохозяйств по типам и числу детей до 18 лет и среднее число детей, приходящееся на одно домохозяйство с детьми, переписи населения 2002, 2010 гг. и микропереписи населения 1994 и 2015 гг.

Показатель	Доля домохозяйств с числом детей, %			Среднее число детей до 18 лет, приходящееся на одно домохозяйство с детьми
	1	2	3 и более	
<i>Микроперепись 1994 г.</i>				
Все домохозяйства с детьми до 18 лет	53,7	36,9	9,4	1,6
В том числе:				
полные	50,2	39,7	10,1	1,6
неполные	69,0	25,0	6,0	1,4
<i>Перепись 2002 г.</i>				
Все домохозяйства с детьми до 18 лет	65,2	28,2	6,6	1,4
В том числе:				
полные	61,9	30,9	7,2	1,5
неполные	75,3	20,3	4,4	1,3
<i>Перепись 2010 г.</i>				
Все домохозяйства с детьми до 18 лет	65,5	27,5	7,0	1,4
В том числе:				
полные	61,5	30,7	7,8	1,5
неполные	78,2	18,3	3,5	1,3
<i>Микроперепись 2015 г.</i>				
Все домохозяйства с детьми до 18 лет	59,8	31,1	9,1	1,5
В том числе:				
полные	55,6	34,2	10,2	1,6
неполные	71,4	22,9	5,7	1,3

2002 и 2010 гг. (1,5 ребенка в 2015 г. против 1,4 в 2002 и 2010 гг.), и ниже, чем по оценке 1994 г. (1,6 ребенка) (см. табл. 4.5).

Среди семейных ячеек преобладают супружеские пары (75% в 2015 г.), при этом за рассматриваемый период их доля в общей структуре семейных ячеек практически не изменилась. В общем числе супружеских пар заметно возросла доля супружеских пар без детей, а доля супружеских пар с детьми соответственно сократи-

Таблица 4.6. Структура семей (семейных ячеек) в России, 2002 и 2005 гг., %

Тип семьи	2002		2015	
	Все семейные ячейки	Семейные ячейки с детьми	Все семейные ячейки	Семейные ячейки с детьми
Супруги без детей	27,7	—	34,8	—
Супруги с детьми	46,4	64,2	39,8	61,0
В том числе дети в возрасте, лет:				
младше 18	35,3	—	29,5	—
18 и старше	11,1	—	10,3	—
Неполные семьи	25,9	35,8	25,4	39,0
В том числе дети в возрасте, лет:				
младше 18	15,2	—	13,0	—
18 и старше	10,7	—	12,4	—
Матери с детьми	22,9	31,6	22,6	34,6
В том числе дети в возрасте, лет:				
младше 18	13,6	—	11,7	—
18 и старше	9,3	—	10,9	—
Отцы с детьми	3,0	4,2	2,8	4,4
В том числе дети в возрасте, лет:				
младше 18	1,6	—	1,3	—
18 и старше	1,4	—	1,5	—
Всего семейных ячеек (абсолютное число)	100,0 (41 659 520)	100,0 (30 096 015)	100,0 (635 758)	100,0 (414 455)

лась. Неполные семьи (матери или отцы с детьми) составляют чуть более четверти всех семейных ячеек, и их доля за рассматриваемый период осталась стабильной. В подавляющем большинстве случаев (почти 90%) неполные семьи представлены матерями с детьми (табл. 4.6).

Интересный объект исследования — меняющаяся возрастная структура домохозяйств одиноких людей. С учетом того что современные взрослеющие молодые люди все больше стремятся жить отдельно даже в случае, если они еще не вступили в брак и не сформировали свою собственную семью, следовало бы ожидать увеличение доли молодежи в структуре домохозяйств, состоящих из одного человека. По крайней мере, в развитых странах такая тенденция прослеживается. Однако в России, как показывают данные последних двух переписей населения и МПН-2015, пока большее значение имеет фактор общего старения населения, усиленный ранним овдовением супругов: в структуре домохозяйств одиночек преобладают пожилые люди, а доля молодежи до 30 лет снижается (табл. 4.7).

Таблица 4.7. Распределение домохозяйств одиноких людей по возрастным группам, переписи населения 2002 и 2010 гг. и МПН-2015, %

Показатель	2002	2010	2015
В возрасте до 60 лет	46,7	51,9	46,3
В том числе до 30 лет	13,0	14,2	8,0
В возрасте 60 лет и старше	53,3	48,1	53,7
Итого	100,0	100,0	100,0

5. Брачная структура населения, заключение и прекращение браков в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г.

5.1. Состав населения по брачному состоянию в свете результатов микропереписи населения 2015 г.

5.1.1. Брачное состояние населения: некоторые методологические проблемы его сравнительного изучения на основе опросов населения

Брачная структура населения традиционно оценивается по результатам опросов населения, проводимых в рамках всеобщих переписей или репрезентативных выборочных обследований населения. Как и другие структурные характеристики населения, она представляет собой моментальный снимок текущего состояния, в котором скрыт накопленный результат более или менее долговременных изменений в параметрах основных демографических и миграционных процессов, формирующих состав населения. В первую очередь мы должны обращать внимание на тенденции в процессах формирования брачно-партнерских союзов (интенсивность вступления в первые, повторные браки и неформальные сожительства) и распада их (интенсивность прекращения формальных браков и неформальных союзов вследствие разводов, расставаний с партнером и овдовений).

Вероятность вступления или невступления в брак в том или ином возрасте на массовом уровне регулируется социокультурными нормами, разделяемыми большинством населения с учетом этнонациональной и локально-территориальной специфики: когда человек уже может считаться взрослым, чтобы начинать собственную брачно-семейную жизнь; в какой мере допускается/поощряется ранний брак и что считается ранним браком; какой возраст для мужчины и женщины считается наиболее подходящим для рождения детей; существуют ли нормативные ограничения для

вступления в первый брак для немолодых людей — в средних и пожилых возрастах; в какой степени одобряется создание нового союза после развода или смерти супруга и многие другие нормы. В то же время действуют и прочие, менее значимые факторы, роль которых в отдельные исторические периоды оказывается для России довольно существенной. Речь идет, в частности, о резких колебаниях в соотношениях чисел потенциальных женихов и невест по календарным годам, вызванных эхом прошлых социальных кризисов. Так, последняя мировая война до сих пор не полностью забыта возрастными и брачными структурами населений воевавших стран. Влияние Второй мировой войны продолжает ощущаться и в России, особо сильно пострадавшей в те годы, вызывая периодические волны в ежегодном числе родившихся и вступающих в брак. С каждым новым поколением влияние прошлых демографических кризисов ослабевает. По мере того как непосредственные свидетели этих кризисов стареют и умирают, изрезанность возрастной пирамиды сглаживается и брачная структура населения постепенно стабилизируется. В ее эволюции все более отчетливо проявляется ведущая роль изменений в базовых социальных нормах, регулирующих брачно-семейные отношения людей.

Перепись населения 2002 г. стала первым послевоенным обследованием населения в России, в котором распределение населения по брачному состоянию в возрастных группах до 70 лет уже не содержало поколений, воевавших на фронтах Второй мировой войны. Соответственно, когорты, состоящие в значительной части из одиноких женщин — вдов и никогда не состоявших замужем по причине нехватки женихов, передвинулись в старческие возраста. Важно также отметить, что к моменту проведения переписи 2002 г. совокупность лиц в возрасте до 50 лет уже состояла только из поколений, родившихся после войны. Мы обращаем особое внимание на этот факт, так как рубеж в 50 лет в международной практике обычно рассматривается и как верхний возрастной предел периода деторождения для женщины, и как верхняя граница для расчетов среднего возраста вступления в первый брак, и как возраст, для которого оценивается доля окончательного безбрачия. Заключение первых браков после этого возраста статистически ничтожно, но, если бы оно и было более весомым, оно не способно оказывать влияние на показатели воспроизводства населения.

Брачный состав населения, зафиксированный переписью населения 2010 г. и микропереписью 2015 г. (МПН-2015), уже не содержит видимых следов последствий Второй мировой войны. Дожившие до этих лет представители поколений, воевавших и трудившихся в годы войны, достигли очень преклонного возраста, и большинство из них отпраздновали свой 90-летний юбилей.

Переписи населения призваны демонстрировать основные перемены в брачной структуре населения. Однако программы опросов четырех важных отечественных всеобщих переписей (1937, 1939, 1959 и 1970 гг.) были малоинформативны для демографического анализа и, соответственно, не отвечали мировой практике. Они не предполагали выделение всех главных категорий этого состояния — никогда не состоявших в браке, состоящих в браке, вдовых, разведенных — и ограничивались только двумя, слишком обобщенными состояниями: состоящими и не состоящими в браке на момент переписи. По сравнению с предшествующими всеобщими переписями населения 1897 и 1926 гг., когда соответствующие вопросы ставились, аналитические возможности данных о брачном состоянии населения предвоенных и первых послевоенных переписей являются чрезвычайно ограниченными. В тот период политическая власть не была заинтересована в демонстрации полной информации о брачной структуре населения ввиду того, что она могла бы свидетельствовать об ужасающих демографических последствиях социальных катаклизмов (о большом числе одиноких женщин, вдов и т.п.) или о наличии таких негативных процессов, как сохранение практики сверххранних браков в южных республиках СССР, невысокая стабильность советской семьи и т.п.

Под давлением экспертного сообщества, возглавляемого А.Г. Волковым (многолетним заведующим Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР), в программе переписи населения 1979 г. все четыре базовые категории брачного состояния были восстановлены в своих правах. Более того, следуя зарубежному опыту, предполагалось выявить людей, чей брак прекратился не только в результате завершенности юридической процедуры (развода), но и тех, кто разошелся без оформления своих отношений. К сожалению, эти две категории в переписях 1979 и 1989 гг. были объединены в одном варианте ответа на вопрос о брачном состоянии индивида («разведен(а), разошелся(лась)»), что впоследствии затруднило

корректные расчеты некоторых показателей, а главное, недостаточно полно отражало реальный процесс возникновения и прекращения браков, а также растущую распространенность незарегистрированных, неформальных союзов («сожительство»). С учетом всех этих обстоятельств при подготовке переписи 2002 г. специалистами вновь было предложено учесть отдельно две категории лиц, чьи браки прекратились: разведенных и разошедшихся. Программа российских переписей в этом случае лучше бы соответствовала международным рекомендациям¹. Такой подход обосновывался еще и тем, что при этой переписи ставился симметричный вопрос, позволявший разграничить зарегистрированные и незарегистрированные браки (как это уже было с успехом апробировано при микропереписи 1994 г.). В конечном итоге в переписном листе образца 2002 г. появился вопрос: «Зарегистрирован ли Ваш брак?», воспроизведенный далее в программах переписи 2010 г. и микропереписи 2015 г. Однако вариант ответа «разведен(а)» почему-то выпал из вопросника 2002 г., остался лишь вариант «разошелся (лась)». В вопроснике переписи 2010 г. наконец-то нашлось место отдельному подсказу, и обе категории — «разведенных» и «разошедшихся» — получили статистическую определенность.

Формулировка интересующего нас вопроса о брачном состоянии в МПН-2015 практически не отличается от использованного в переписи 2010 г. Единственным нюансом, пожалуй, является добавление к слову «брак» словосочетания «супружеский союз» в качестве рядоположенного понятия. Тем самым предполагалось более гармоничным образом объединить юридически оформлен-

¹ Эксперты ООН рекомендуют пять подсказок к ответу на вопрос о брачном состоянии: «never married», «married», «widowed and not married», «divorced and not married», «separated». Последняя категория призвана отразить состояние лиц, сохраняющих формальное пребывание в браке, но фактически прекративших брачные отношения с партнером и, как правило, проживающих раздельно. В то же время, осознавая растущие трудности идентификации брачных отношений «de jure» (брак) и «de facto» (консенсуальные союзы, сожительства) и соответственно возможные ситуации после их прекращения, рекомендации ООН оставляют на усмотрение стран решение вопроса о категориальной определенности тех или иных брачных состояний при условии, что они будут четко определены во время сбора и последующей обработки данных. См.: Principles and recommendations for population and housing censuses. Rev. 2. United Nations, N.Y., 2008 (ST/ESA/STAT/SER. M/67/Rev.2).

ные и неоформленные (фактические) союзы, в том числе заключенные в соответствии с религиозным канонам, но не зарегистрированные в органах ЗАГС².

Напомним, что в зарубежной практике словосочетание «незарегистрированный брак» совершенно не встречается, поскольку под браком понимается только официально зарегистрированные отношения между партнерами. Для выделения союзов, основанных на неформальных договоренностях, за рубежом используются такие понятия, как сожительство, партнерство, консенсуальный союз и некоторые другие. В русском языке «сожительство» несет в себе элементы негативной коннотации, а потому в социологической практике практически не используется. «Партнерские союзы», «консенсуальные союзы» как понятия, определяющие бракоподобные союзы, совершенно не знакомы обычным людям. В российской разговорной лексике, поддерживаемой на массовом уровне в СМИ, имеет распространение понятие «гражданский брак». Однако эта смысловая вульгаризация еще хуже советского неологизма «незарегистрированный брак» отражает суть явления, поскольку гражданский брак с момента революции 1917 г. (а еще раньше — с Кодекса Наполеона) означает именно отношения, зарегистрированные в соответствии с действующим законом в органах гражданской власти (в отличие от венчальных браков, заключаемых согласно религиозным канонам). Предложенный МПН-2015 вариант «супружеский союз», на наш взгляд, выглядит предпочтительнее и «незарегистрированного», и «гражданского» брака. По крайней мере понятия «супруг/супруга/супруги» и «супружество» распространены в русской разговорной речи и активно используются в художественной, социологической и юридической литературе, как минимум, с начала XIX в. В то же время то, в какой мере понятие «супружеский союз» идеально объединяет юридически оформленные и устойчивые фактические брачно-партнерские отношения, требует специальных исследований. Посмотрим, приживется ли оно и в практике переписной статистики.

² В России имеется ограниченное распространение и православных, и мусульманских религиозных браков без соответствующего юридического оформления. См.: URL: <http://ksprf.com/zakluchenie-braka/osobennosti-registratsii/venchanie.html#>; <https://lenta.ru/articles/2015/05/19/nikah/> (дата обращения: 10.05.2018).

Ниже приводятся формулировки вопросов о брачном состоянии в соответствии с четырьмя последними опросами населения, проведенными в рамках микропереписи 1994 г., переписей 2002, 2010 гг. и МПН-2015.

Вопрос о брачном состоянии в программе микропереписи 1994 г.

Ваше состояние в браке

- состою в зарегистрированном браке;
- состою в незарегистрированном браке;
- вдовец, вдова;
- разведен(а);
- разошелся(лась);
- никогда не состоял(а) в браке.

В каком по счету браке состоите?

Дата вступления в первый брак (месяц, год)?

Дата прекращения первого брака (месяц, год) и причина (развод, разошлись, овдовение)?

Дата вступления во второй брак (месяц, год)?

Вопрос о брачном состоянии в программе переписи населения 2002 г.

Ваше состояние в браке

Перечислить при опросе все варианты ответов

- состою в браке:
 - Зарегистрирован ли Ваш брак?
 - да;
 - нет;
- никогда не состоял(а) в браке;
- разошелся(лась);
- вдовец (вдова).

Вопрос о брачном состоянии в программе переписи населения 2010 г.

Ваше состояние в браке

Отметьте подсказ, соответствующий состоянию в браке на 14 октября 2010 г.

- состою в браке:
 - Зарегистрирован ли Ваш брак?
 - да;
 - нет;
- разведен(а) официально (развод зарегистрирован);

- разошелся(лась);
- вдовец (вдова);
- никогда не состоял(а) в браке.

Вопрос о брачном состоянии в программе МПН-2015

Состояние в браке (в супружеском союзе):

- состоит в браке (в супружеском союзе):
 - зарегистрированном;
 - незарегистрированном;
- разведен(а) официально (развод зарегистрирован);
- разошелся(лась);
- вдовец (вдова);
- никогда не состоял(а) в браке (в супружеском союзе).

Сравнение формулировок вопросов о брачном состоянии, использованных центральными статистическими органами за последние 20 лет при четырех опросах населения, свидетельствует об их неполной методологической сопоставимости. Наибольшими аналитическими возможностями обладает расширенный вариант, задействованный в программе микропереписи 1994 г. Несмотря на некоторые понятийно-смысловые недостатки предложенных категорий (так, ключевое понятие «брак» осталось все-таки недостаточно четко определенным), дополнительные ретроспективные вопросы о дате заключения первого и повторного союза, дате и причине прекращения первого союза дали в руки исследователям очень важную информацию о брачном состоянии индивида как динамическом состоянии.

Формулировка базового вопроса о текущем брачном состоянии (т.е. на момент опроса), использованная в МПН-2015, близка варианту соответствующего вопроса в микропереписи 1994 г. В то же время отметим, что порядок указания подсказов несколько различается: вариант ответа «вдовец/вдова» в 1994 г. предлагался выше «разведенных и разошедшихся», а в 2015 г. — наоборот. Порядок указания подсказов, использованный в 2015 г., идентичен варианту 2010 г. Неизвестно, какое влияние на результаты опросов оказывает различный порядок предложения респонденту вариантов ответов о возможном брачном статусе. Нам не встречались специальные отечественные исследования на этот счет. В то же время среди российских специалистов на сегодняшний момент имеется

консенсус в отношении того, что подсказ «Никогда не состоял(а) в браке» должен стоять последним в ряду подсказов, т.е. он должен выбираться ввиду исчерпания шансов для респондента указать на наличие у него некоторого опыта брачной (супружеской) жизни. В этой связи вариант, предложенный в 2002 г., выглядит наименее удачным.

Несмотря на неполную, неидеальную методологическую сопоставимость меняющихся формулировок вопроса о брачном состоянии, сравнительный анализ результатов опросов, проведенных в 1994, 2002, 2010 и 2015 гг., дает чрезвычайно важную информацию о произошедших сдвигах в базовых структурных изменениях в российском обществе за два десятилетия.

5.1.2. Доля никогда не состоявших в браке в молодом возрасте демонстрирует признаки стабилизации

В табл. 5.1 представлена доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин по возрастным группам в соответствии с результатами переписей населения, в программах которых содержался соответствующий вопрос³. Очевидно, что универсальная модель относительно ранней брачности сохранялась в России вплоть до середины 1990-х годов. В соответствии с переписью населения 1989 г. и микропереписью 1994 г. в возрасте 20—24 лет менее 60% мужчин и менее 40% женщин никогда не состояли в браке, а в возрасте 25—29 лет — лишь 21—24% мужчин и 12—14% женщин. По сравнению с переписью 1979 г. к 1989 г. в самых молодых возрастных группах женщин наблюдалось даже некоторое уменьшение доли никогда не состоявших в браке, что свидетельствовало о тенденции к еще более раннему браку.

Переписи 2002 и 2010 гг. засвидетельствовали отказ от прежней тенденции: в 2002 г. доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин составила в возрасте 20—24 лет соответственно 73,6 и 52,6%, согласно переписи 2010 г. — 77,5 и 57,2%. Прежняя тради-

³ Напоминаем, что при опросах в рамках переписей населения 1939, 1959, 1970 гг. учитывались только два брачных состояния — состоит или не состоит опрашиваемый в браке, что не позволяло разделить совокупность не состоящих в браке на момент опроса на лиц, никогда не состоявших в браке, вдовствующих и разведенных.

Таблица 5.1. Доли мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, переписи населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия, на 1000 в указанном возрасте

Возраст, лет	1926	1979	1989	1994	2002	2010	2015
<i>Мужчины</i>							
16—17	991	993	989	995	976	995	979
18—19	857	954	938	936	961	971	960
20—24	475	588	595	596	736	775	761
25—29	156	179	208	236	348	403	412
30—34	68	84	105	129	168	211	220
35—39	41	50	68	85	100	130	135
40—44	31	32	47	62	70	82	93
45—49	26	19	37	48	54	61	64
50—54	24	13	26	40	40	45	48
55—59	21	10	17	29	31	34	35
60—64	20	7	12	20	24	24	25
65—69	19	7	11	15	17	18	17
70 и старше	19	7	9	18	10	11	9
Все возраста	261	233	196	195	251	252	207
<i>Женщины</i>							
16—17	953	972	961	961	960	977	965
18—19	708	795	750	750	861	878	852
20—24	280	359	335	374	526	572	538
25—29	91	120	120	143	218	263	240
30—34	57	66	69	79	109	147	135
35—39	43	39	53	56	68	96	98
40—44	42	34	45	49	51	66	73
45—49	41	40	35	46	45	51	53
50—54	41	53	33	39	43	42	41
55—59	39	64	42	39	39	40	34
60—64	38	52	57	51	33	37	31
65—69	38	42	71	69	33	32	28
70 и старше	37	33	47	82	52	35	24
Все возраста	204	158	132	146	175	170	130

ционная норма вступления в брак к 25 годам перестала разделяться большинством. К 30 годам более 40% мужчин и каждая четвертая женщина еще не имели брачного опыта. Это очень существенные, принципиальные сдвиги, произошедшие за неполные два десятилетия.

Данные микропереписи 2015 г. свидетельствуют о некотором повышении доли тех, кто имел опыт брака (супружества) в возрастах до 25 лет у мужчин и до 35 лет у женщин. Так, доля никогда не состоявших в браке мужчин в возрасте 20—24 лет составила 76,1%, а женщин — 53,8%, что несколько меньше, чем в 2010 г., но выше, чем в 2002 г. В возрасте 25—29 лет у женщин также отмечается некоторое снижение этого показателя по сравнению с 2010 г. (в 2015 г. — 24,0%; в 2010 г. — 26,3; в 2002 г. — 21,8%), а у мужчин тенденция к росту сохранялась (в 2015 г. — 41,2%; в 2010 г. — 40,3; в 2002 г. — 34,8%).

Говорить о переломе тенденции в сторону более ранней брачности пока преждевременно, нужны дополнительные исследования этого вопроса. По данным официальной регистрации браков снижение возраста женихов и невест не наблюдалось, а, напротив, продолжался устойчивый рост с середины 1990-х годов. Не исключено, что очевидное расширение понятия брака до «супружеского союза» при формулировке вопроса, впервые использованное в 2015 г., могло увеличить число молодых людей, решившихся отнести свои сожительства/партнерские союзы к числу браков/супружеских союзов, тем самым доля никогда не состоявших в «браке» снизилась. Кроме того, очевидные систематические смещения совокупностей опрошенных в микропереписи 2015 г. в сторону сельского населения и небольших городских поселений, о чем говорилось в предыдущих разделах, также могли вызвать такой эффект «омоложения брачной структуры», который сродни статистическому артефакту.

Новейшие тенденции не привели к существенному изменению доли окончательного безбрачия. Доля лиц, никогда не состоявших в браке, в возрасте 50—54 лет и у мужчин, и у женщин увеличилась едва заметно — в пределах 4—5% (см. табл. 5.1), оставаясь на очень низком уровне в сравнении с другими развитыми странами.

5.1.3. Доли разведенных и разошедшихся сохраняют тенденцию к росту

На протяжении всего XX в. каждый новый опрос россиян фиксировал прирост числа мужчин и женщин, декларировавших свое послеразводное состояние, в соответствии с рис. 5.1 (табл. 5.2). По данным микропереписи 2015 г. мы видим, что среди 40-летних мужчин более 13% и среди женщин того же возраста более 20% тех, кто когда-то развелся/разошелся и не вступил в повторный союз. Как известно, компенсация разводов повторными браками у мужчин выше, чем у женщин, что и сказывается на различиях в приведенных показателях. Рост доли разведенных за период после 1979 г. в этих возрастах был практически двукратным.

Вплоть до переписи 2010 г. доля лиц, относящих себя к категории разведенных/разошедшихся, росла практически во всех возрастах. Перепись 2010 г. зафиксировала существенное изменение тенденции, которое подтвердилось данными микропереписи 2015 г.

Так, среди мужчин до 40 лет в последние годы наблюдается снижение относительного числа разведенных и разошедшихся по сравнению как с переписью 2010 г., так и с еще более ранними опросами. Тенденция снижения в особенности заметна для 20-летних мужчин.

Как отмечалось нами в докладе пятилетней давности, «с одной стороны, это очевидный результат снижения брачности в самых молодых возрастах — раз снижается число вступающих в брак, то через несколько лет начинает снижаться и число разведенных. В то же время, возможно, в молодых возрастах возросла компенсация распавшихся союзов повторными союзами, о чем уже говорилось выше, или уменьшилась склонность людей указывать, что они разошлись с партнером в случаях, когда союз был неформальным и недолгим. Возможны и какие-то другие причины. В любом случае, очевидно, что данные переписи 2010 г. позволили обнаружить новую тенденцию, к которой должно быть привлечено внимание исследователей»⁴.

⁴ Население России 2010—2011: восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 265.

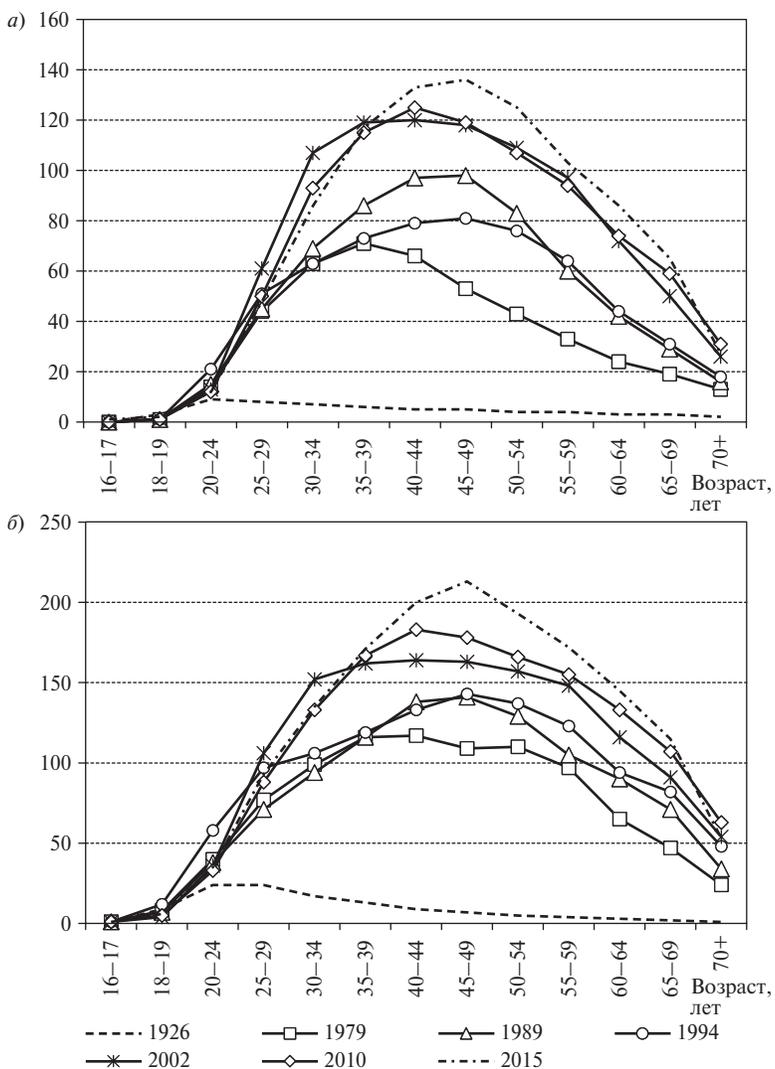

Рис. 5.1. Доли разведенных и разошедшихся мужчин (а) и женщин (б), переписи населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., на 1000 лиц соответствующего возраста

Таблица 5.2. Доли разведенных и разошедшихся мужчин и женщин, переписи населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия, на 1000 в указанном возрасте

Возраст, лет	1926	1979	1989	1994	2002	2010	2015
<i>Мужчины</i>							
16—17	0	0	0	0	0	0	1
18—19	3	1	1	1	1	2	2
20—24	9	14	15	21	13	12	12
25—29	8	44	45	51	61	52	48
30—34	7	63	69	63	107	96	86
35—39	6	71	86	73	119	119	117
40—44	5	66	97	79	120	130	133
45—49	5	53	98	81	118	124	136
50—54	4	43	83	76	109	110	125
55—59	4	33	60	64	97	96	103
60—64	3	24	42	44	72	77	86
65—69	3	19	29	31	50	60	65
70 и старше	2	13	16	18	26	32	27
Все возраста	5	39	57	53	76	78	83
<i>Женщины</i>							
16—17	1	1	1	1	1	1	1
18—19	9	8	7	12	4	5	6
20—24	24	40	38	58	36	35	35
25—29	24	77	71	97	106	91	93
30—34	17	99	94	106	152	139	135
35—39	13	116	116	119	162	174	171
40—44	9	117	138	133	164	190	200
45—49	7	109	141	143	163	184	213
50—54	5	110	129	137	157	172	193
55—59	4	97	105	123	148	160	172
60—64	3	65	90	94	116	136	145
65—69	2	47	71	82	91	110	115
70 и старше	1	24	34	48	54	65	53
Все возраста	12	74	84	95	110	121	130

Отмеченные выше перемены, как было уже сказано, характерны в первую очередь для молодых мужчин, а у женщин, как свидетельствуют более свежие данные микропереписи 2015 г., мы имеем дело, скорее, с некоторыми колебательными и неочевидными изменениями в разных возрастах.

Как уже говорилось, программы переписи населения 2010 г. и микропереписи 2015 г. позволяют разделить две категории лиц, пребывающих в состоянии после прекращения супружеских отношений: разведенных (юридически оформивших прекращение брака) и разошедшихся с бывшим супругом. Вторая категория включает как лиц, пребывавших в зарегистрированном браке и к моменту переписи официально не разведенных, так и тех, кто определяет свое брачное состояние как пребывание после прекращения незарегистрированного союза («фактического брака», «незарегистрированного брака», «сожительства»).

Доля разошедшихся в объединенной группе «разведенных и разошедшихся» составляет не только весомую, но и, видимо, растущую группу, если судить по изменениям, произошедшим между опросами 2010 и 2015 гг. (табл. 5.3): среди всех женщин доля разошедшихся составляла в 2010 г. 16%, а в 2015-м — 22%, среди всех мужчин — соответственно 20 и 27%. В сельской местности и у мужчин, и у женщин доля разошедшихся выше, чем в городской. Разошедшиеся, что не удивительно, более всего представлены среди молодежи, для которой особенно высока распространенность союзов, основанных на неформальных отношениях, — до 25 лет она достигает половины. С возрастом их доля снижается, но даже среди пожилых людей она в соответствии с данными микропереписи 2015 г. превышает пятую часть среди женщин и четвертую часть среди мужчин.

Можно высказать предположение, что среди лиц старших возрастов в совокупности «разошедшиеся» существенно преобладают лица, имевшие опыт официального брака, но по каким-то причинам не оформившие развод. В молодежных группах состав «разошедшихся», вероятнее всего, более неоднороден, и лица, расставшиеся с партнером, с которым они не регистрировали брак, могут преобладать. К такому выводу подталкивают результаты последних выборочных исследований, показывающие, что первые союзы с совместным проживанием партнеров в России уже в по-

Таблица 5.3. Доли разошедшихся в общем числе разведенных и разошедшихся в указанных возрастных группах, перепись населения 2010 г., микроперепись 2015 г., %

Возраст, лет	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>Перепись населения 2010 г.</i>						
16—17	55,5	65,5	50,7	55,8	74,5	80,4
18—19	56,5	55,1	52,3	49,4	68,0	64,6
20—24	34,6	31,1	31,8	27,5	41,8	40,4
25—29	25,5	23,3	23,7	21,1	31,2	31,2
30—34	22,9	19,3	21,2	17,6	28,5	27,0
35—39	20,4	15,9	18,8	14,5	25,8	23,0
40—44	19,0	14,5	17,3	13,1	24,7	21,7
45—49	18,3	13,6	16,2	12,3	24,5	20,4
50—54	18,2	13,3	15,8	11,9	25,0	20,0
55—59	18,0	12,9	15,4	11,6	25,2	19,6
60—64	17,8	12,5	15,3	11,4	25,5	18,9
65—69	18,5	13,1	15,9	11,8	27,6	20,2
70 и старше	19,3	14,9	16,4	13,2	29,3	24,4
Все возраста	20,1	15,6	18,0	14,0	26,5	23,5
<i>Микроперепись населения, 2015 г.</i>						
16—17	44,47	38,08	46,18	43,70	...*	...*
18—19	53,34	48,15	63,64	48,57	...*	...**
20—24	39,28	38,24	37,95	35,58	41,70	43,08
25—29	34,91	30,45	35,10	29,98	34,54	31,52
30—34	30,95	27,05	31,37	26,29	30,05	29,08
35—39	29,20	24,01	28,51	23,63	30,88	25,20
40—44	26,80	21,92	26,50	21,59	27,48	22,98
45—49	25,46	20,76	25,35	20,18	25,68	22,55
50—54	24,16	19,60	23,72	19,21	25,03	20,73
55—59	24,04	20,33	22,62	19,71	26,61	22,15
60—64	25,34	20,22	24,01	19,70	27,91	21,80
65—69	26,28	19,97	24,93	19,49	29,50	21,78
70 и старше	25,89	21,38	25,35	21,04	27,25	22,58
Все возраста	27,18	22,42	26,7	21,81	28,20	24,24

* Незначительное число наблюдений (менее 5 человек).

** Незначительное число наблюдений (менее 20 человек).

давляющем большинстве случаев (свыше 80%) изначально основаны на неформальных отношениях⁵. В дальнейшем — в течение первых трех—пяти лет — такие союзы могут быть официально зарегистрированы, а могут и надолго остаться партнерским союзом без регистрации. В любом случае, если союзы не регистрируются как брак, то и прекращаются они расставанием, а не разводом супругов, что и повышает представительство данной категории в брачной структуре населения. Трансформация института семьи и брака в России продолжает свой путь в направлении расширения многообразия форм организации совместной жизни и вариативности брачно-семейного статуса индивидов. Последние данные микропереписи 2015 г. это подтверждают.

5.1.4. Доля вдов и вдовцов в возрастах до 70 лет продолжает снижаться

Выше уже указывалось, что по мере старения поколений — непосредственных свидетелей Второй мировой войны и, тем более, предыдущих социально-политических и экономических кризисов — число вдовствующих в России неизбежно сокращалось. К сожалению, мы не можем последовательно проследить этот процесс, поскольку программы переписей населения 1959 и 1970 гг. не выделяли среди лиц, не состоящих в браке, отдельно вдов и вдовцов. Начиная с переписи 1979 г., когда вопрос о брачном состоянии обрел более полную формулировку, можно отчетливо фиксировать улучшение брачной структуры женщин за счет неуклонного снижения относительной распространенности вдов. Подчеркнем, что улучшение брачно-семейного положения женщин происходило, несмотря на негативные тенденции в смертности и увеличение разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин, наблюдаемые в России с середины 1960-х годов. «Фактор постепенного замещения в возрастах до 70 лет поколений “воевавших” поколениями “не воевавших” перевешивал по своему влиянию фактор ухудшения ситуации со смертностью вообще и со сверхсмертностью мужчин в частности»⁶. В то же время данные опросов о брачном состоянии населения свидетельствовали,

⁵ Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 98.

⁶ Население России 2010—2011. С. 268.

Таблица 5.4. Доли вдовствующих мужчин и женщин, переписи населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. и микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия, на 1000 в указанном возрасте

Возраст, лет	1926	1979	1989	1994	2002	2010	2015
<i>Мужчины</i>							
16—17	0	0	0	0	0	0	0
18—19	1	0	0	0	0	0	0
20—24	3	0	0	0	0	0	0
25—29	5	1	1	1	2	1	1
30—34	8	2	2	3	3	3	2
35—39	11	5	4	5	6	5	4
40—44	18	8	8	9	11	10	7
45—49	31	13	16	14	18	17	14
50—54	57	20	25	28	31	28	26
55—59	90	30	41	40	47	43	42
60—64	155	49	65	71	86	73	71
65—69	239	73	93	101	118	119	116
70 и старше	442	196	223	229	246	258	287
Все возраста	43	19	25	29	36	37	43
<i>Женщины</i>							
16—17	1	0	1	0	0	0	0
18—19	2	1	1	1	1	0	1
20—24	11	4	3	3	4	2	2
25—29	39	9	7	9	11	7	5
30—34	82	17	13	16	22	16	12
35—39	134	35	25	28	37	29	23
40—44	190	54	43	47	56	51	40
45—49	253	93	85	73	86	81	71
50—54	337	154	128	134	136	129	121
55—59	408	267	214	198	204	203	194
60—64	514	455	318	301	324	305	297
65—69	597	595	455	408	425	440	427
70 и старше	757	788	752	686	658	668	713
Все возраста	175	198	182	174	180	185	206

что в стране складывалась кризисная ситуация со смертностью, которая становилась все более острой, о чем свидетельствовал рост доли вдовствующих мужчин старше 50 лет (см. табл. 5.4). Повторные браки овдовевших мужчин, конечно, сглаживали ситуацию, в особенности с учетом наличия широкого выбора потенциальных невест — разведенных и вдовствующих женщин, однако не полностью.

Свидетельством глубокого кризиса смертности в стране стали результаты переписи 2002 г. Рост доли вдовствующих среди еще совсем не старых людей отмечался по сравнению и с микропереписью 1994 г., и с переписью 1989 г. В 2002 г. в возрасте 55—59 лет каждая пятая женщина была вдовой, в 60—64 года — каждая третья. Казалось, что Россия уверенно движется к уровню распространения вдовства, характерного для 1920-х годов (табл. 5.4), когда демографическая ситуация в стране в значительной степени несла черты последствий Первой мировой, Гражданской войн и голода.

Перепись населения 2010 г. засвидетельствовала наконец-то признаки улучшения ситуации для мужчин и женщин. Микроперепись населения 2015 г. подтвердила сохранение положительных тенденций — во всех возрастах до 70 лет число вдовствующих мужчин и женщин продолжило сокращаться и, что особенно отраднo, среди лиц среднего возраста — трудоспособного и репродуктивно активного.

5.1.5. Доля состоящих в браке обнаружила признаки повышения

Число лиц, состоящих в браке, — результат влияния двух групп факторов, действующих в противоположных направлениях. Прирост числа лиц, состоящих в браке, происходит за счет повышения вероятности найти потенциального супруга и желания вступить с ним формальный или неформальный супружеский союз. Сокращение женатых и замужних лиц происходит за счет овдовения и прекращения брачно-партнерских отношений между супругами по обоюдному согласию и (или) решению суда. Вступление в повторный союз после прекращения предыдущего, естественно, способствует поддержанию абсолютного и относительного числа людей, состоящих в браке. Компенсирующая роль повторных со-

юзов (зачастую незарегистрированных) в современных условиях велика и имеет неуклонную тенденцию к увеличению своей значимости. Однако ни при каких условиях повторные браки и незарегистрированные союзы не могут в полном объеме компенсировать распад первых союзов, особенно в старших возрастах. В силу естественного сокращения потенциальных брачных партнеров по причине смертности вообще и сверхсмертности мужчин в частности процент компенсации прекратившихся союзов с возрастом снижается, особенно явно для женщин.

Перепись 2002 г. показала сокращение доли состоящих в браке во всех возрастных группах у мужчин и в возрастах до 65 лет у женщин (табл. 5.5). Для всего населения по сравнению с данными микропереписи 1994 г. сокращение составило для мужчин 9,7 п.п., для женщин — 6,0 п.п. По сравнению с переписью 1989 г. уменьшение этой доли у женщин было еще выше — 7,3 п.п. Итак, относительное число лиц, считающих себя женатыми и замужними, сокращалось в первое десятилетие постсоветского периода. Число состоящих в браке не увеличивалось за счет прироста новых союзов: молодежь отказывалась от ранних браков, а растущая разводимость и высокая ранняя смертность россиян число существующих браков сокращали. Результаты переписи 2010 г. свидетельствовали, что тенденция к сокращению числа лиц, состоящих в браке, хотя и ослабилась, но не прекратилась полностью, особенно для молодых мужчин и женщин.

Если верить результатам опроса, проведенного в рамках микропереписи 2015 г., то в эволюции брачной структуры российского населения произошел качественный перелом — доля состоящих в браке мужчин и женщин повысилась во всех возрастных группах, кроме тех, кому было к моменту опроса 70 лет и более. Напомним, что речь идет о зарегистрированных и незарегистрированных союзах суммарно. Положительную роль сыграли и повышение интенсивности заключения браков, прослеживаемое с начала 2000-х годов⁷, и снижение риска овдовения в силу достаточно быстрого снижения смертности и некоторой стабилизации показателей разводимости⁸. Однако опять же мы не можем быть абсо-

⁷ См.: Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. С. 77—78, 99.

⁸ Население России 2015. С. 78—82.

Таблица 5.5. Доли состоящих в браке (зарегистрированном и незарегистрированном) мужчин и женщин, переписи населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия, на 1000 в указанном возрасте

Возраст, лет	1926	1979	1989	1994	2002	2010	2015
<i>Мужчины</i>							
16—17	9	7	11	5	4	4	12
18—19	138	40	48	63	26	27	35
20—24	509	395	381	383	238	206	224
25—29	827	775	741	712	576	525	537
30—34	914	850	821	805	708	665	689
35—39	939	874	840	837	764	718	741
40—44	943	894	845	850	789	751	765
45—49	935	915	847	857	802	773	783
50—54	912	924	863	856	811	791	798
55—59	883	927	880	867	815	802	818
60—64	820	919	878	865	811	802	816
65—69	737	901	863	853	809	780	801
70 и старше	533	782	748	735	712	682	675
Все возраста	688	708	718	723	626	613	664
<i>Женщины</i>							
16—17	45	27	37	38	22	21	26
18—19	280	193	230	237	123	113	139
20—24	682	595	618	565	423	379	424
25—29	843	793	798	751	654	616	660
30—34	840	817	822	799	706	674	715
35—39	807	810	804	797	724	678	707
40—44	756	795	772	771	721	670	685
45—49	696	758	737	738	698	663	661
50—54	614	683	708	690	656	637	642
55—59	546	571	636	640	599	580	598
60—64	442	427	532	554	520	506	525
65—69	359	315	399	441	444	407	427
70 и старше	200	153	162	184	229	227	208
Все возраста	606	569	598	585	525	508	531

лютно уверенными в картине, которую нам рисует микроперепись 2015 г., в силу особенностей дизайна выборки (было сознательно завышено представительство опрошенных из сельских окраин и менее населенных территорий в ущерб крупногородскому населению и более населенным местностям).

Следует особо остановиться на распространенности неформальных союзов в России. Микропереписи 1994, 2015 гг. и переписи населения 2002 и 2010 гг. позволяют проследить рост распространенности таких союзов за два десятилетия на основе наиболее репрезентативных для России данных выборочных исследований.

Из данных табл. 5.6 следует, что сегодня более чем каждый десятый брак не имеет официального оформления. Этот показатель удвоился по сравнению с 1994 г. В молодых возрастах до 30 лет рост доли лиц, состоящих в незарегистрированных союзах, среди всех состоящих в браке за 20 лет был особенно впечатляющим — более

Таблица 5.6. Доли мужчин и женщин, не зарегистрировавших свой брак, среди мужчин и женщин, состоящих в браке, переписи населения 2002 и 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия, %

Возраст, лет	Мужчины				Женщины			
	1994	2002	2010	2015	1994	2002	2010	2015
16—17	40,0	56,5	64,9	43,7	28,9	53,4	59,4	48,6
18—19	15,9	37,6	54,3	54,4	11,4	32,6	44,5	46,8
20—24	7,6	21,9	32,3	36,8	6,7	19,0	26,0	28,7
25—29	6,2	15,7	19,5	20,9	5,9	14,2	17,4	17,8
30—34	6,3	13,1	16,5	15,8	5,8	11,8	16,2	15,1
35—39	6,3	10,8	15,9	14,3	6,1	9,3	15,2	14,6
40—44	6,6	9,2	14,5	13,4	6,4	8,0	13,5	13,8
45—49	6,4	8,3	12,7	12,4	6,6	7,7	11,4	12,1
50—54	7,5	7,5	10,8	10,9	6,9	7,3	9,9	9,7
55—59	6,9	6,8	9,2	8,9	7,0	6,7	8,6	8,0
60—64	6,2	6,5	7,5	7,4	6,7	6,3	7,3	7,0
65—69	5,7	5,8	6,7	5,8	7,0	6,1	6,7	5,9
70 и старше	5,6	5,0	5,7	4,8	8,2	6,1	6,3	5,5
Все возраста	6,5	9,8	13,3	12,4	6,7	9,7	13,2	12,5

чем в 3 раза. Стоит ли удивляться, что в России каждый 4—5-й ребенок рождается вне официального брака?

Новость, которую принесли данные микропереписи 2015 г., заключается в том, что среди 30-летних мужчин и женщин, 40-летних мужчин, среди женщин и мужчин 50 лет и старше отмечается снижение доли тех, кто декларирует, что союз, в котором они состоят с партнером, не имеет формального оформления.

Возможно, мы имеем дело с признаками торможения или даже консервативного отката в процессе деинституционализации брака в России, набравшими силу в 1980—1990-х годах. Не исключено воздействие складывающейся социально-политической ситуации в стране и проводимой на государственном уровне семейной политики, имеющей в своей основе антимодернизационные идеологические и инструментальные начала. В то же время и особенности дизайна построения выборочной совокупности опрошенных в рамках микропереписи 2015 г. сыграли определенную роль. Исследование этого вопроса в отношении рождаемости показало, что среднее число рожденных детей, приходящееся на одну женщину, по опросу 2015 г. оказалось завышенным по причине особенностей дизайна выборки⁹. Не исключено, что незначительное снижение распространенности незарегистрированных союзов между опросами 2010 и 2015 гг. является статистическим артефактом. Статистико-демографическое изучение этого вопроса будет продолжено, а в дальнейшем очередная перепись населения, ожидаемая в 2020 г., поможет уточнить оценку трендов.

5.1.6. Долговременные изменения ожидаемой длительности пребывания в различных брачных состояниях в репродуктивном возрасте

С позиции воспроизводства населения брачное состояние населения в репродуктивном возрасте представляет особый интерес. Чем больше бюджет времени жизни мужчин и женщин распределен в пользу пребывания в брачно-партнерских союзах, тем при прочих равных условиях следует ожидать более высоких пока-

⁹ См.: Андреев Е. М., Захаров С. В. Микроперепись—2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly. 2017. № 711—712 (1—22 января 2017 г.). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php>. См. также разд. 1.4, 2.4, 7.6.

зателей рождаемости. Более длительное в среднем пребывание в одиноком состоянии по понятным причинам приводит к снижению шансов рождения детей.

Приблизленно оценить значения ожидаемой длительности пребывания в том или ином брачном состоянии можно, используя подход, предложенный в свое время М.С. Тольцем¹⁰. В качестве оценки ожидаемой средней продолжительности пребывания в том или ином брачном состоянии он предложил использовать сумму произведения долей, соответственно состоящих и не состоящих в браке (суммарно или отдельно для никогда не состоявших в браке, разведенных и вдовцов), и величин возрастных интервалов, к которым относятся эти доли, в пределах от 15 до 50 лет. Полученные таким образом оценки могут быть далее скорректированы с учетом функции дожития в этом возрастном интервале, взятой из таблиц смертности для соответствующего года. Ниже приводятся результаты наших расчетов без учета меняющегося уровня смертности (фактически при условии отсутствия смертности в репродуктивном возрасте), чтобы более отчетливо высветить главные исторические изменения в брачной структуре населения репродуктивного возраста (табл. 5.7).

Наиболее принципиальные исторические тренды, подтвержденные и данными микропереписи 2015 г., заключаются в увеличении для россиянина времени пребывания в одиночестве как по причине роста риска развода и соответствующего увеличения длительности пребывания в категории разведенных/разошедшихся, так и по причине усиливающегося откладывания брака. Период одиночества после развода отнимает у брачной жизни в репродуктивном возрасте более 4 лет у женщин и почти 3 года у мужчин. Еще пару десятилетий назад, следуя традициям, в брак вступали существенно раньше, чем сегодня: время ожидания суженой и суженого увеличилось на 2—3 года и у мужчин, и у женщин.

Риск овдовения хотя в репродуктивном возрасте не слишком велик, но также не может быть проигнорирован, в первую очередь

¹⁰ См.: *Тольц М.С.* Демографический анализ брачности: проблемы, методы, интерпретация результатов // *Методы исследования / рук. авт. кол. А.Г. Вишневский. М.: Мысль, 1986. С. 79—95; Вишневский А.Г., Тольц М.С.* Эволюция брачности и рождаемости в советский период // *Население СССР за 70 лет / отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988. С. 91—94.*

Таблица 5.7. Средняя ожидаемая длительность пребывания в состоянии до брака, в браке, во вдовстве и разводе для мужчин и женщин в возрастах от 15 до 50 лет, переписи населения 1926, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия, лет

Год	Мужчины				Женщины			
	До брака	В браке	Во вдовстве	В разводе	До брака	В браке	Во вдовстве	В разводе
1926	7,68	25,63	0,38	0,21	6,09	23,77	3,55	0,49
1979	8,65	23,61	0,15	1,56	6,82	23,28	1,06	2,81
1989	9,15	22,49	0,16	2,05	6,71	23,29	0,88	3,01
1994	9,64	22,36	0,16	1,84	7,16	22,66	0,88	3,31
2002	11,25	19,45	0,20	2,69	8,73	19,92	1,08	3,93
2010	11,84	18,25	0,18	2,57	9,37	18,67	0,90	3,92
2015	12,30	18,79	0,14	2,67	9,32	19,59	0,77	4,25

Примечание. С учетом принятых в переписной статистике подходов брак рассматривается здесь как зарегистрированный и не зарегистрированный в официальных органах супружеский союз, а под пребыванием в разводе понимается период раздельного проживания бывших супругов, вне зависимости от того, был ли между ними зарегистрирован брак. Максимальная длительность жизни человека в интервале от 15 до 50 лет составляет 35 лет, и далее она раскладывается на ожидаемую длительность пребывания в том или ином брачном состоянии с учетом данных о брачной структуре населения в отдельных возрастных группах, зафиксированной на момент опроса.

для женщин, у которых он отнимает в среднем один год потенциальной брачной жизни.

В результате если в начале XX в. средняя ожидаемая длительность пребывания в браке (без учета смертности) для женщины составляла 23,77 года, а для мужчины — 25,63 года, то в 2015 г. по данными микропереписи — соответственно 19,59 и 18,79. Интересно, что суммарный период брачной жизни более значимо за 100 лет сократился для мужчин. Обращает также внимание, что если в 1979 г. ожидаемая длительность брачной жизни для мужчин и женщин была практически одинаковой, то к 2015 г. она стала для женщин почти на один год выше. Объясняется это тем, что откладывание брака у мужчин происходило в последние десятилетия более интенсивно, чем у женщин.

5.2. Меняющиеся параметры заключения и прекращения браков

5.2.1. Интенсивность заключения браков снижается

Число заключаемых браков в России меняется волнообразно, что неизбежно, учитывая перепады в численности мужчин и женщин молодого бракоспособного возраста, в свою очередь зависящих от перепадов в их численности, когда они появлялись на свет. Минимальное число браков было зарегистрировано в 1998 г. — 848,7 тыс. Общий коэффициент брачности (ОКБ) составил тогда 5,8 на 1000 населения, коэффициент суммарной брачности для первых браков — менее 600 на 1000 женщин — минимальные значения в истории России (рис. 5.2)¹¹.

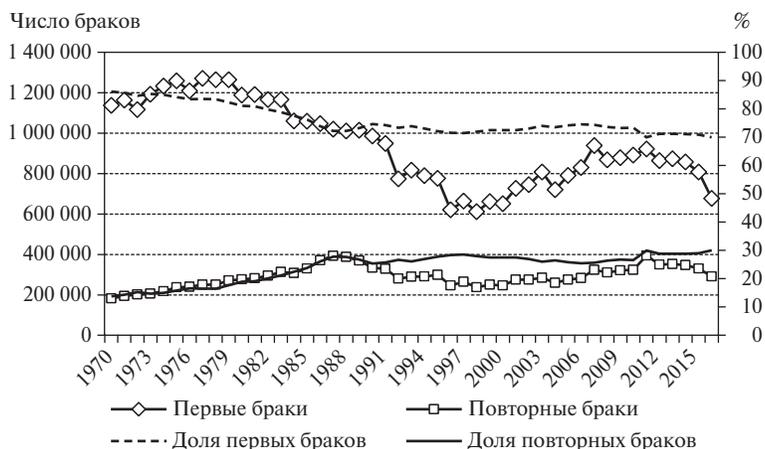

Рис. 5.2. Число первых и повторных браков (левая ось) и их доли в общем числе браков (правая ось), 1970—2016 гг.

Источник: Расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

¹¹ В эти числа не входят браки, имевшие место в Чеченской Республике. С 1993 по 2002 г. на данной территории (а также в 1994—1995 гг. на территории современной Ингушетии) система статистического учета демографических событий была нарушена. Возможное число браков, заключенных на данной территории, составляло в те годы около 1% от общероссийского числа браков, что не могло значимо влиять на общую динамику.

Динамика коэффициента суммарной брачности (КСБ) — показателя, не зависящего от особенностей состава населения по возрасту и полу, также указывает на резкий спад интенсивности заключения браков с конца 1980-х до середины 1990-х годов с последующим ростом в первом десятилетии 2000-х годов (рис. 5.3). Рост и снижение затронули не только первые, но и повторные браки, число которых в меньшей степени зависит от влияния изменений в половозрастной структуре населения (табл. 5.8).

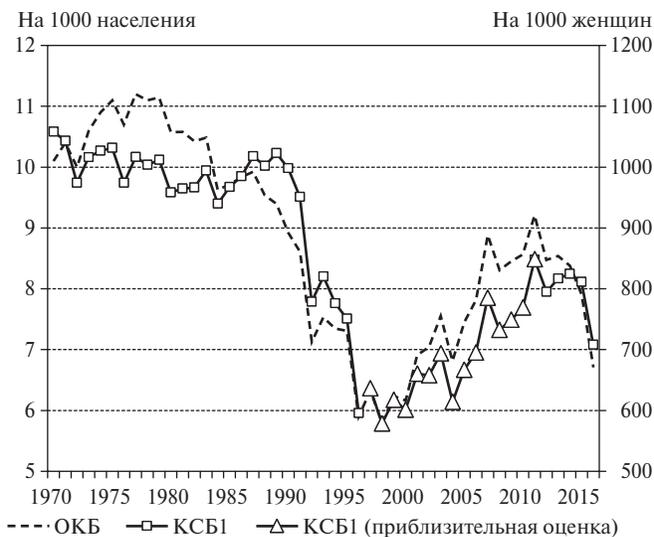

Рис. 5.3. Общий коэффициент брачности (левая ось) и коэффициент суммарной брачности для первых браков женщин к возрасту 50 лет (правая ось), Россия, 1970—2016 гг.

Примечание. Расчет прямым методом на основе возрастных коэффициентов заключения первых браков для однолетних возрастных групп для периода 1970—1996 гг. Косвенный метод, дающий приблизительную оценку для периода 1997—2010 гг., представляет собой интерполяционный расчет с использованием коэффициентов заключения всех браков (первых и последующих) для укрупненных возрастных групп (подробнее см.: Население России 2013. С. 65—66).

Источники: Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015; расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Таблица 5.8. Число зарегистрированных браков и доля повторных браков в их общем числе, Россия, 1960—2016 гг.

Год	Все браки, тыс.	Первые браки, тыс.		Повторные браки, тыс.*		Доля повторных браков в общем числе браков, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1960	1499,6	1370,0	1380,4	129,6	119,2	8,6	7,9
1965	1097,6	954,3	957,6	143,3	140,0	13,1	12,8
1970	1319,2	1119,8	1136,9	199,4	182,3	15,1	13,8
1975	1495,8	1249,0	1258,6	246,8	237,2	16,5	15,8
1980	1464,6	1188,0	1202,4	276,6	262,2	18,9	17,9
1985	1389,4	1058,7	1048,8	330,7	340,7	23,8	24,5
1990	1319,9	985,3	994,4	334,7	325,6	25,4	24,7
1995	1075,2	776,0	780,1	299,3	295,1	27,8	27,5
2000	897,3	650,2	661,2	247,1	236,1	27,5	26,3
2001	1001,6	726,4	734,0	275,1	267,6	27,5	26,7
2002	1019,8	744,8	755,0	274,0	264,8	27,0	26,0
2003	1091,8	808,0	820,3	283,8	271,5	26,0	24,9
2004	979,7	720,4	733,9	259,3	245,8	26,5	25,1
2005	1066,4	791,0	807,8	275,3	258,6	25,8	24,2
2006	1113,6	830,1	846,4	283,5	267,2	25,5	24,0
2007	1262,5	938,7	951,3	323,8	311,2	25,7	24,6
2008	1179,0	868,3	877,2	310,7	301,8	26,4	25,6
2009	1199,4	878,2	888,1	321,2	311,4	26,8	26,0

Окончание табл. 5.8

Год	Все браки, тыс.	Первые браки, тыс.		Повторные браки, тыс.*		Доля повторных браков в общем числе браков, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2010	1215,1	891,6	900,7	323,4	314,4	26,6	25,9
2011	1316,0	921,5	929,0	394,6	387,0	30,0	29,4
2012	1213,6	863,5	865,0	350,1	348,6	28,8	28,7
2013	1225,5	872,6	866,9	352,9	358,6	28,8	29,3
2014	1205,4	857,6	847,0	347,8	358,4	28,9	29,7
2015**	1139,0	802,2	795,1	330,8	343,8	29,0	30,2
2016**	968,3	677,5	663,2	290,8	305,1	30,0	31,5
2016 к 2015	0,8502	0,8383	0,8341	0,8792	0,8874	—	—

* В число повторных условно включены браки индивидов с «неизвестным брачным состоянием», состоявшихся в 2015 г. менее 1% от общего числа браков.

** Без данных по Крыму.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

С начала 2000-х годов в России наблюдалась тенденция повышения всех показателей брачности, которая, несмотря на некоторые отклонения в отдельные годы, поддерживалась вплоть до 2012 г. За десятилетие роста и абсолютное число браков, и интенсивные коэффициенты брачности вернулись на уровень рубежа 1980-х и 1990-х годов. Можно высказать предположение о компенсаторно-восстановительной природе динамики показателей брачности в первом десятилетии 2000-х годов, сигнализирующей о наступлении периода политической и экономической стабилизации.

Общее число браков увеличивалось и за счет первых, и за счет повторных браков, причем темпы роста последних в отдельные годы даже превышали темпы роста первых браков. В итоге прирост числа повторных браков за весь период подъема оказался более значительным, чем прирост первых браков (число первых браков увеличилось за 1998—2011 гг. на 51%, повторных — на 66%), и вклад повторных браков в общее число браков достиг исторически рекордных значений для России — 30—32% (в 2016 г. у женщин — 31,5%, у мужчин — 30%, см. табл. 5.8). Можно с уверенностью засвидетельствовать, что сегодня повторные браки полнее компенсируют распавшиеся союзы вследствие разводов и овдовений, чем в 1970-х и 1980-х годах.

В 2012—2016 гг. число официально зарегистрированных браков сокращалось и в 2016 г. достигло 968 тыс., что ниже, чем в любой год, начиная с 2001-го. Можно не сомневаться, что Россия вступила в длительную полосу преимущественного снижения браков, обусловленную сокращением численности молодежных групп.

Интегральные показатели брачности (коэффициенты суммарной брачности), не зависящие от влияния возрастной структуры населения, также диагностируют, что, скорее всего, «брачный бум» в России заканчивается (табл. 5.9). Правда, очень значительное падение и абсолютных, и относительных показателей брачности в 2016 г. требует дополнительного изучения. Мы не готовы его однозначно трактовать, тем более что по предварительным данным в 2017 г. ожидается больше заключенных браков, чем было в 2016 г., что, видимо, означает частичную компенсацию браков, отложенных по каким-то причинам в 2016 г.

Если исходить из величины КСБ для первых браков на уровне 0,7—0,8, фиксируемой в России в последние два десятилетия,

Таблица 5.9. Коэффициент суммарной брачности для всех, первых и повторных браков во всем, городском и сельском населении (браки, заключенные мужчинами и женщинами в возрасте до 50 лет), Россия, 2011—2016 гг.

Браки	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>2011 г.</i>						
Все	1,078	1,119	1,066	1,071	1,122	1,288
Первые	0,803	0,848	0,769	0,794	0,905	1,032
Повторные	0,276	0,271	0,297	0,276	0,218	0,256
<i>2012 г.</i>						
Все	0,994	1,052	0,987	1,008	1,022	1,212
Первые	0,740	0,795	0,715	0,746	0,819	0,966
Повторные	0,254	0,257	0,272	0,261	0,203	0,245
<i>2013 г.</i>						
Все	1,011	1,088	0,997	1,033	1,061	1,283
Первые	0,751	0,817	0,721	0,761	0,847	1,014
Повторные	0,260	0,271	0,276	0,273	0,214	0,269
<i>2014 г.</i>						
Все	1,007	1,100	0,991	1,042	1,063	1,301
Первые	0,749	0,824	0,718	0,766	0,851	1,025
Повторные	0,258	0,276	0,273	0,276	0,213	0,276
<i>2015 г.*</i>						
Все	0,972	1,076	1,009	1,076	0,858	1,064
Первые	0,729	0,811	0,739	0,795	0,696	0,853
Повторные	0,243	0,265	0,270	0,281	0,162	0,211
<i>2016 г.*</i>						
Все	0,844	0,943	0,879	0,948	0,733	0,910
Первые	0,633	0,708	0,645	0,701	0,593	0,718
Повторные	0,211	0,235	0,233	0,248	0,141	0,191

* Без данных по Крыму.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

можно предположить, что примерно 20—30% мужчин и женщин к 50 годам не вступят в официальный брак. По сравнению с показателями для позднего «советского периода» доля «окончательного безбрачия» увеличилась, как минимум, на 10 п.п., причем у мужчин повышение было более заметным. В 2016 г. КСБ для зарегистрированных первых браков упал до 0,6 для мужчин и 0,7 для женщин, что доводит величину потенциального мужского безбрачия до 40%! Пока мы относимся к столь высоким ожидаемым значениям безбрачия как конъюнктурным, временным для России. В то же время нельзя забывать, что во многих развитых странах, переживающих процесс деинституционализации официального брака, очень низкие показатели брачности (такие, как у нас в 2016 г., или еще более низкие) свидетельствуют не о массовом celibате, а о высокой распространенности незарегистрированных союзов.

Следует отметить, что для сельских женщин интенсивность заключения браков оставалась очень высокой (аномально высокой) вплоть до 2015 г. Так, для первых браков в 2011, 2013 и 2014 гг. КСБ для сельских жительниц превышал единицу, а в 2012-м был очень близок к ней (0,966), что, если исключить случаи мошенничества («двойного брака»), невозможно для реальных поколений людей, родившихся в том или ином году, — первый брак может заключаться в течение жизни только один раз. Близость к единице показателя для условных поколений говорит о высокой концентрации первых браков в конкретные годы (периоды), свидетельствующей как о некоей временной или более постоянной тенденции в пользу более ранних браков у сельских женщин, так и о повышенном стремлении людей разных возрастов заключать браки, в том числе ранее отложенные по какой-либо причине.

Напомним, что столь высокие итоговые показатели брачности для календарных лет в России фиксировались и прежде. Так, в 1970—1980-х годах случалось, что КСБ для первых браков превышал единицу для женщин (или 1000 в расчете на 1000 женщин) не только для сельских жителей, но и для всего населения страны, в соответствии с рис. 5.3. В те годы высокая величина КСБ говорила о том, что каждое новое поколение все чаще заключало браки в более молодом возрасте. Средние возраста жениха и невесты, как будет показано далее, плавно снижались, и модель брачности тогда заметно помолодела. К более ранней регистрации бра-

Таблица 5.10. Коэффициент суммарной брачности для первых браков, заключенных мужчинами и женщинами в возрасте до 50 лет, и вклад в его величину отдельных возрастных групп, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2011—2016 гг.

Год	КСБ (к возрасту 50 лет)	Вклад лиц указанного возраста в КСБ, %			
		До 25 лет		25— 29 лет	30 лет и старше
		Все до 25 лет	В том числе до 20 лет		
<i>Мужчины</i>					
1980	0,914	72,5	7,2	18,0	9,5
1985	0,883	73,2	6,9	18,4	8,4
1990	0,949	73,8	9,3	18,3	7,9
1995*	0,738	70,1	8,8	20,6	9,3
2011	0,803	38,3	2,5	38,1	23,6
2012	0,740	37,6	2,6	37,9	24,6
2013	0,751	36,2	2,6	38,4	25,4
2014	0,749	35,2	2,6	38,4	26,3
2015**	0,729	36,0	2,7	37,9	26,1
2016**	0,633	36,1	2,8	37,2	26,8
<i>Женщины</i>					
1980	0,958	82,5	33,3	10,7	6,8
1985	0,967	83,4	34,8	10,7	5,9
1990	0,998	85,0	40,2	9,5	5,5
1995*	0,751	83,9	38,3	10,5	5,6
2011	0,848	59,6	12,7	26,8	13,6
2012	0,795	58,8	13,2	26,7	14,5
2013	0,817	57,7	13,1	27,1	15,2
2014	0,824	57,2	12,8	27,1	15,8
2015**	0,811	57,8	12,7	26,6	15,6
2016**	0,708	57,7	12,7	26,2	16,1

* Без данных по Чеченской Республике.

** Без данных по Крыму.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

ка подталкивала необходимость легитимации сексуальных отношений, начинавшихся во все более раннем возрасте и часто заканчивавшихся незапланированными беременностями.

В новых экономических и социально-политических условиях постсоветских десятилетий популярность ранних браков быстро отмирала. Создание семьи теперь происходит в более зрелом возрасте. Социальные нормы в отношении добрачных сексуальных отношений и совместного «безбрачного» проживания молодых людей стали более гибкими, а планирование наступления беременностей — более эффективным. В результате традиционная обязательность регистрации брака, тем более в юном возрасте, постепенно уступила место разнообразным вариантам жизненных стратегий в отношении собственной семьи и деторождения. Если в 1980—1990-х годах женщины до 25 лет обеспечивали более 80% величины КСБ для первых браков, то в 2011—2016 гг. — менее 60%, а мужчины — соответственно более 70% и менее 40%. Вклад браков у невест моложе 20 лет сократился за тот же период в 2 раза — с 33—35% до менее 13%. Для женихов того же возраста показатель упал с 7—9 до менее 3% (табл. 5.10).

Тенденция к более поздним бракам и союзам без официальной регистрации более отчетливо наблюдалась в городском, чем в сельском, населении. Сельское население России, двигаясь в целом в том же направлении, что и городское, пока оставляет за собой и более высокую интенсивность заключения браков, и более молодой состав женихов и невест.

5.2.2. Повышение возраста вступления в брак затормозилось

Ведущая тенденция для России — постарение возрастного профиля брачности. Начиная с середины 1990-х годов наблюдается увеличение коэффициентов брачности у мужчин и женщин в возрастах старше 25 лет. В 2001 г. показатели брачности для возрастной группы 25—34 года превысили уровень конца 1980-х годов, а в 2007 г. выше позднесоветского уровня стали показатели для лиц 35 лет и старше (рис. 5.4). Коэффициенты брачности в возрастах от 18 до 25 лет резко (в 2 раза) упали в 1990-е годы, а затем стагнировали на одном уровне у женщин и медленно снижались у мужчин.

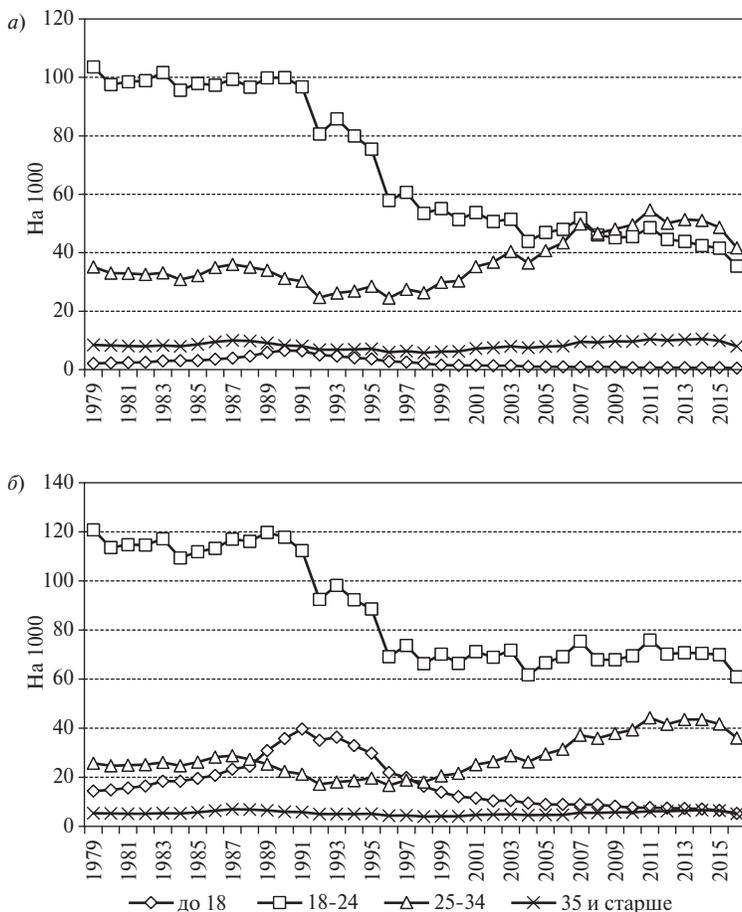

Рис. 5.4. Возрастные коэффициенты брачности мужчин (а) и женщин (б), Россия, 1979—2016 гг.

Источник: Расчеты автора на основе Демографического ежегодника России 2015 (М.: Росстат, 2015) и неопубликованных данных Росстата.

Средний возраст регистрации первого брака составил в 2016 г. для мужчин 27,8 года, для женщин — 25,3 года, что означает рост по сравнению с 1990 г. более чем на 3 года и у мужчин, и у женщин.

Средний возраст заключения повторного брака за тот же период также увеличился более чем на 2 года у мужчин и на 1,5 года у женщин (табл. 5.11). Обращает внимание увеличение разницы между средним возрастом жениха и невесты: если в 1980-х годах женихи были старше менее чем на 2 года, то в последние годы — на 2,5 года (см. табл. 5.11).

В последние несколько лет повышение возраста заключения брака в России приостановилось, и имеются признаки стабилизации. Так, в 2015 г. и у мужчин, и у женщин средний возраст при вступлении в первый брак даже несколько снизился, а в 2016 г. показатели вернулись к уровню 2014 г.

В сельской местности женщины и мужчины всегда вступали в брак несколько раньше. Несмотря на общую для всей страны тенденцию к более позднему браку, сельские жители сохраняют более молодой профиль брачности: более чем на один год в среднем раньше заключают брак сельские женщины и более чем на полгода мужчины (табл. 5.12). В то же время нельзя не заметить, что возрастные модели брачности городских и сельских жителей сближаются за счет опережающего роста возраста регистрации брака в сельской местности.

Представленные выше оценки были основаны только на данных текущей регистрации брака и ежегодной оценке численности мужчин и женщин в том или ином возрасте. Соответственно возрастные коэффициенты брачности исчислялись относительно всех лиц в возрастной группе, безотносительно к их брачному состоянию. Данные переписей и выборочных опросов населения (микрорепериси населения 2015 г., в частности) позволяют рассчитать средний возраст вступления в первый брак другим методом, широко используемым в международной практике. Так называемый расчетный возраст вступления в первый брак (SMAM)¹² получается из оценок доли лиц в возрастных группах от 15 до 50 лет, которые при ответе на вопрос о брачном состоянии сообщили, что они никогда не состояли в браке. Этот показатель говорит о том, какой можно ожидать возраст вступления в первый брак для среднего

¹² Singulate mean age at marriage (SMAM). Методика его расчета была предложена Джоном Хайналом (Хаджналом) и затем рекомендована ООН к широкому внедрению в практику демографической статистики. См.: *Patterns of first marriage. Timing and Prevalence*. United Nations. N.Y., 1990. P. 323—327.

Таблица 5.11. Средний возраст* при регистрации брака для мужчин и женщин, заключивших брак в возрастах до 50 лет, для всех, первых и повторных браков, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2011—2016 гг.

Год	Все браки	Первые браки	Повторные браки
<i>Мужчины</i>			
1980	26,29	24,28	34,60
1985	26,54	24,16	35,06
1990	26,14	23,93	34,88
1995	26,59	24,18	34,54
2011	29,74	27,38	36,58
2012	29,87	27,50	36,77
2013	30,01	27,62	36,92
2014**	30,15	27,77	37,06
2015**	30,07	27,72	37,12
2016**	30,12	27,78	37,16
<i>Женщины</i>			
1980	24,34	22,45	32,88
1985	24,51	22,22	32,96
1990	24,14	21,86	33,26
1995	24,59	21,99	32,89
2011	27,23	24,97	34,28
2012	27,37	25,06	34,48
2013	27,51	25,17	34,57
2014**	27,64	25,26	34,75
2015**	27,58	25,24	34,71
2016**	27,66	25,31	34,71
<i>Разница между мужчинами и женщинами</i>			
1980	1,95	1,83	1,72
1985	2,03	1,94	2,10
1990	2,00	2,07	1,61
1995	2,00	2,18	1,65
2011	2,50	2,40	2,30
2012	2,51	2,44	2,30
2013	2,50	2,45	2,34
2014	2,51	2,50	2,31
2015	2,49	2,48	2,41
2016	2,46	2,47	2,45

* Рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов использованы возрастные коэффициенты брачности для однолетних возрастных групп.

** Рассчитано без данных по Крыму.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Таблица 5.12. Средний возраст при заключении всех, первых и повторных браков во всем, городском и сельском населении России (браки, заключенные мужчинами и женщинами в возрасте до 50 лет), 2011—2016 гг.

Браки	Все население		Городское население		Сельское население		
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
Все	29,74	27,23	2011 г.				
Первые	27,38	24,97	30,19	27,74	28,48	25,83	
Повторные	36,58	34,28	27,61	25,36	26,79	23,96	
			36,89	34,56	35,53	33,35	
Все	29,87	27,37	2012 г.				
Первые	27,50	25,06	30,33	27,88	28,58	25,92	
Повторные	36,77	34,48	27,75	25,46	26,83	24,00	
			37,09	34,79	35,68	33,47	
Все	30,01	27,51	2013 г.				
Первые	27,62	25,17	30,47	28,03	28,71	26,10	
Повторные	36,92	34,57	27,88	25,57	26,91	24,15	
			37,23	34,90	35,84	33,47	
Все	30,15	27,64	2014 г.				
Первые	27,77	25,26	30,61	28,16	28,84	26,26	
Повторные	37,06	34,75	28,04	25,66	27,03	24,30	
			37,36	35,08	36,04	33,65	

Окончание табл. 5.12

Браки	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Все	30,07	27,58	30,44	28,02	28,77	26,16
Первые	27,72	25,24	27,92	25,56	27,03	24,29
Повторные	37,12	34,71	37,35	34,97	36,23	33,69
			2016 г.			
Все	30,12	27,66	30,46	28,04	28,93	26,38
Первые	27,78	25,31	27,96	25,59	27,18	24,46
Повторные	37,16	34,71	37,37	34,98	36,29	33,62

Примечание. Рассчитано без данных по Крыму.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

представителя условного поколения, имевшего когда-либо опыт проживания в браке, если зафиксированная доля тех, кто никогда не состоял в браке в том или ином возрасте, будет сохраняться постоянной.

В соответствии с принятой в нашей стране переписной методологией расчетный возраст вступления в первый брак относится ко всем первым бракам — зарегистрированным или незарегистрированным. Поэтому можно ожидать, что он будет по своей величине несколько ниже, чем средний возраст вступления в зарегистрированный брак, полученный на основе статистики регистрации браков, представленной выше. Наши оценки SMAM для Российской Федерации и его изменения на основании данных наиболее массовых и надежных опросов населения, проведенных в рамках переписей и микропереписей, для которых возможен расчет данным методом, приведены в табл. 5.13.

За более чем 50 лет, прошедших после переписи населения 1926 г., возраст вступления в первый брак у мужчин увеличился очень мало: на 1,2 года у мужчин и всего лишь на 0,6 года у женщин, а для городских мужчин и сельских женщин он, вероятно, стал даже ниже. Перепись 1989 г. и микроперепись 1994 г. зафиксировали едва заметные (на грани точности оценивания) изменения после 1979 г. Затем в 1990-е годы наблюдался, как уже говорилось выше, быстрый рост возраста вступления в брак. К переписи 2002 г. и у мужчин, и у женщин расчетный возраст вступления в первый брак вырос по сравнению с 1994 г. на 1,6—1,8 года. К переписи населения 2010 г. он вырос еще на 2,1—2,5 года (см. табл. 5.13). Темпы увеличения возраста вступления в брак слабо различались у мужчин и женщин и были примерно одинаковыми в городской и сельской местности. Еще раз обратим внимание на то, что и на основе переписных данных разрыв в средних возрастах невест в городской и сельской местности быстро сокращался в последнее десятилетие. Расчетный возраст вступления в первый брак для сельских женщин по переписи населения 2010 г. соответствовал показателю для городских женщин 2002 г.

Результаты опроса, проведенного в рамках микропереписи 2015 г. также, как и данные текущей регистрации браков, рассмотренные выше, свидетельствуют о стабилизации повышения возраста вступления в брак в России. Если в отношении сельской местности

Таблица 5.13. Расчетный возраст вступления в первый брак и его изменения. переписи 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия

	Возраст вступления в брак, лет		Изменение по сравнению с предыдущей оценкой, лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>1926 г.</i>				
Городское население	23,0	20,9	—	—
Сельское население	24,5—24,6*	21,6	—	—
<i>1979 г.</i>				
Городское население	22,6	20,7	—	—
Сельское население	24,2	21,5	1,2	0,6
<i>1989 г.</i>				
Городское население	24,3—24,4*	22,0	(-0,3) - (-0,4)*	0,4
Сельское население	24,3—24,4*	20,1	1,7—1,8	-0,6
<i>1994 г.</i>				
Городское население	24,3	21,6	0,1—0,2*	0,1
Сельское население	24,6—24,7*	22,1	0,1	0,1
<i>2002 г.</i>				
Городское население	24,5	20,6	0,3	0,5
Сельское население	24,5	21,8	0,1—0,2*	0,2
<i>2010 г.</i>				
Городское население	24,5	22,1	0,2	0
Сельское население	24,6	20,8	0—(-0,1)	0,2
<i>2015 г.</i>				
Городское население	26,1—26,3*	23,6—23,7*	1,6—1,8*	1,8—1,9*
Сельское население	26,2—26,3*	23,8—23,9*	1,7—1,9*	1,7—1,8*
<i>2018 г.</i>				
Городское население	26,0—26,1*	22,8	1,4—1,5*	2,0
Сельское население	26,6—27,0*	24,2—24,5*	0,5—0,7*	0,6—0,8*
<i>2020 г.</i>				
Городское население	26,6—27,1*	24,3—24,6*	0,4—0,7*	0,5—0,7*
Сельское население	26,9—27,0*	23,8—23,9*	0,9	1,0—1,1*

	Возраст вступления в брак, лет		Изменение по сравнению с предыдущей оценкой, лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2015 г.	27,1	24,1	0,1—0,5	(-0,1)—(-0,4)
Городское население	26,9	24,1	(-0,2)—0,3	(-0,2)—(-0,5)
Сельское население	27,4	24,1	0,4—0,5	0,2—0,3

* Оценки приводятся в интервальном виде ввиду того, что имеется достаточно большая совокупность людей, не указавших по тем или иным причинам текущее брачное состояние. В зависимости от различного подхода распределения людей с неизвестным брачным состоянием мы получаем верхнюю и нижнюю границы величины возраста вступления в брак и соответственно его изменения во времени. В приведенных расчетах верхняя граница показателя получена при полном игнорировании лиц неизвестного брачного состояния, нижняя граница — исхода из предположения, что все лица, не указавшие свое брачное состояние, когда-либо имели опыт пребывания в браке (зарегистрированном или незарегистрированном). В тех случаях, когда приводится не интервальная оценка, а одна цифра, это означает, что любое распределение лиц с неизвестным брачным состоянием не способно с точностью до одного знака после запятой повлиять на значение оцениваемого показателя.

еще можно говорить о небольшом увеличении возраста первого брака и у мужчин, и у женщин (не более чем на 0,5 года) по сравнению с данными 2010 г., то в городском населении даже слабый рост не фиксируется (см. табл. 5.13). Более того, по данным микропереписи 2015 г. значение среднего возраста вступления в первый брак для сельских женщин догнало значение для городских женщин. Таким образом, можно засвидетельствовать формирование некоей единой модели брака для всего населения страны, которая отличается от прежней «советской» модели более поздним возрастным профилем. В советские годы средний возраст вступления в брак слабо различался в городской и сельской местности. В период трансформационных преобразований сельские жители вначале медленнее меняли возрастную модель брака, чем городские, но затем стала преобладать тенденция к конвергенции.

5.2.3. Характеристики вступления в первый брак на основе таблиц брачности, построенных с использованием данных переписей населения 1989, 2010 г. и микропереписи 2015 г.

Совмещение данных переписей населения о числе лиц, никогда не состоявших в браке, с данными текущей статистики регистрации браков позволяет построить по аналогии с классическими таблицами смертности (дожития) вероятностные таблицы брачности, являющиеся наиболее совершенным инструментом анализа возрастной модели брачности. Число вступивших в первый брак в таких таблицах соотносится не со всеми лицами, а только с числом потенциально способных вступить в первый брак (т.е. с числом никогда не состоявших в браке). Соответственно, возрастные коэффициенты брачности и возрастная функция вероятностей вступить в брак, полученная на их основе, наиболее корректно отражают изменения шансов сменить брачное состояние в зависимости от возраста. Результирующими показателями таблиц брачности являются табличные средний, медианный, модальный возраст вступления в брак, а также накопленные доли вступивших и не вступивших в брак к тому или иному возрасту (доля не вступивших в первый брак к возрасту 50 лет трактуется как доля окончательного безбрачия). Показатели таблиц брачности для календарных лет (периодов) интерпретируются в полном соответствии

с концепцией условного поколения, т.е. как ожидаемые характеристики для поколения, вступающего в бракоспособный возраст, при условии неизменности возрастных вероятностей вступления в брак, зафиксированных в расчетный период.

Расчет таблиц брачности, использующих данные отечественных переписей населения и данные текущего учета браков, таит в себе методологический изъян, связанный с тем, что мы соотносим учтенные загсами зарегистрированные браки с числом лиц, никогда не состоявших как в зарегистрированных, так и незарегистрированных союзах. В отечественных переписях и микропереписях населения не уточняется, был ли у индивида опыт состояния в зарегистрированных и незарегистрированных союзах отдельно. Тем не менее мы считаем построение таблиц брачности указанным методом полезным занятием, поскольку характеристики процесса вступления в первый брак, полученные на их основе, способны дать дополнительную информацию о фундаментальных переменных, происходящих в последние десятилетия с институтом брака в России.

На рис. 5.5—5.7 представлены возрастные функции вероятности зарегистрировать первый брак для мужчин и женщин во всем, городском и сельском населении России в соответствии с таблицами брачности, построенными на базе данных переписей населения 1989, 2010 гг. и микропереписи населения 2015 г.

За 20 лет, разделяющих две первые исторические точки сравнения, произошли воистину огромные изменения: а) очень значительное падение общей интенсивности вступления в первый брак (двукратное в возрастах до 25 лет); б) заметное увеличение показателей среднего возраста женихов и невест (средняя арифметическая, мода); в) расширение разнообразия возрастов при регистрации первого брака (уменьшение эксцесса, или островершинности, возрастного распределения и соответствующее повышение дисперсии).

За пять лет, отделяющих микроперепись 2015 г. и перепись 2010 г., изменения менее заметны, в особенности для женщин. В то же время нельзя не отметить продолжение отмеченных тенденций: снижение общей интенсивности вступления в брак, повышение возраста заключения брака, увеличение дисперсии возрастного распределения.

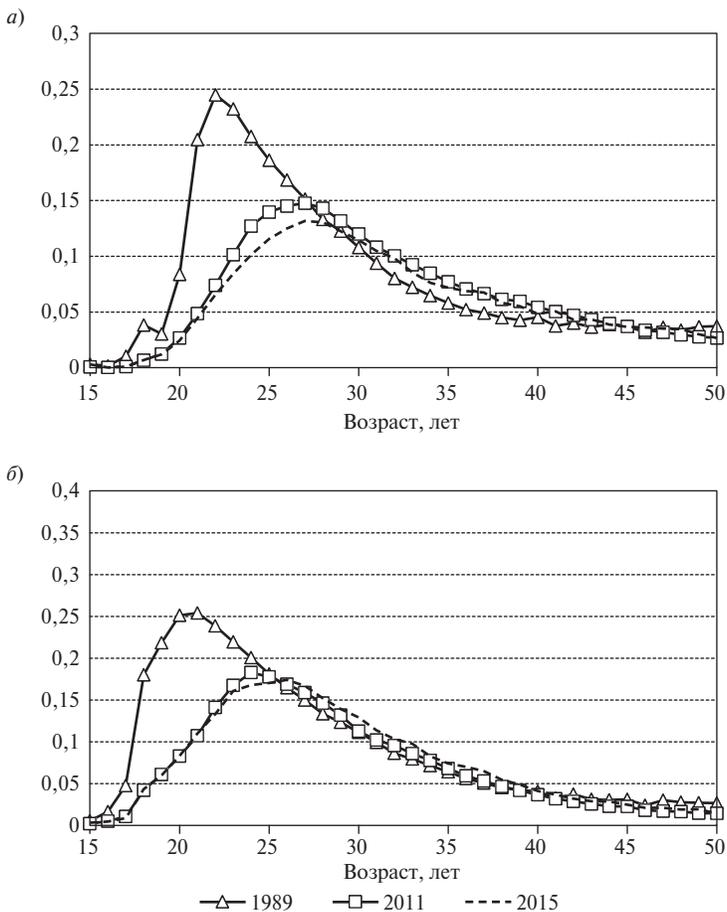

Рис. 5.5. Возрастные функции вероятности заключить первый брак для мужчин (а) и женщин (б) в соответствии с таблицами брачности для 1989, 2011 и 2015 гг., городское и сельское население России

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

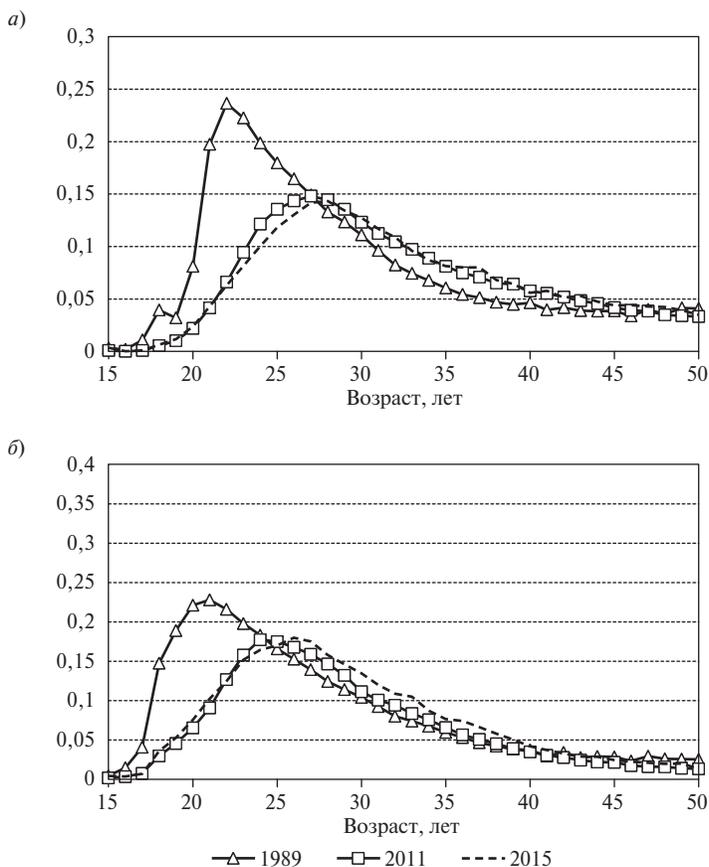

Рис. 5.6. Возрастные функции вероятности заключить первый брак для мужчин (а) и женщин (б) в соответствии с таблицами брачности для 1989, 2011 и 2015 гг., городское население России

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

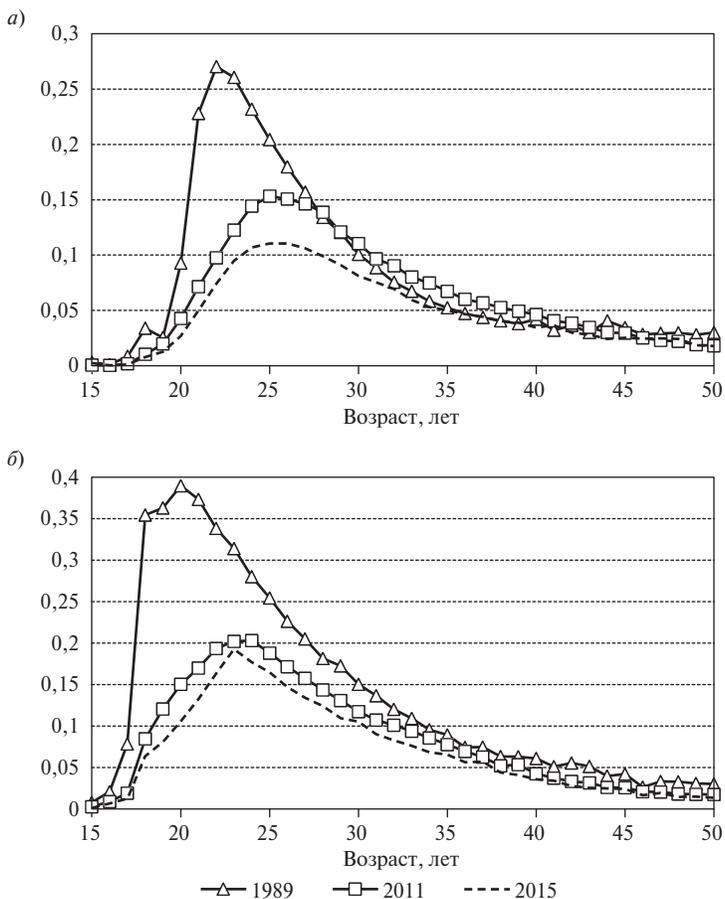

Рис. 5.7. Возрастные функции вероятности заключить первый брак для мужчин (а) и женщин (б) в соответствии с таблицами брачности для 1989, 2011 и 2015 гг., сельское население России

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

В табл. 5.14 сведены основные характеристики брачности мужчин и женщин, в том числе проживающих в городской и сельской местности, которые получены в результате расчета полных таблиц вступления в первый брак по данным переписей 1989 и 2010 гг., микропереписи 2015 г. и данных текущего учета браков за 1989, 2011 и 2015 гг.¹³

Какими бы статистическими показателями мы ни характеризовали средний возраст мужчин и женщин при регистрации первого брака (средняя арифметическая, мода или медиана), его увеличение и в городской, и в сельской местности между 1989 и 2011 гг. очень заметно — от двух до четырех лет. По-видимому, эти два десятилетия были годами самых быстрых изменений за всю историю России. Даже резкое повышение возрастов женихов и невест в ходе компенсаторного повышения брачности в первое послевоенное пятилетие носило менее выраженный характер¹⁴.

На рубеже 1980—1990-х годов, т.е. в конце советской эпохи, каждая третья невеста в городах и свыше половины невест на селе заключали брак, не достигнув даже 20-летнего возраста. Наиболее часто встречающимися возрастными вступления в брак (модальными возрастными) для девушек были 19 лет в городах и даже 18 лет на селе. Для сельских девушек возраст регистрации брака соответствовал возрасту достижения юридического совершеннолетия и минимально разрешенному (на общих основаниях) брачному возрасту. В соответствии с таблицами брачности для 2011 г. менее 10% городских и менее одной четверти сельских женщин регистрировали браки в возрасте до 20 лет. Если в 1989 г. ожидалось, что к 25 годам около 70% мужчин и более 80% женщин вступят в брак,

¹³ Числа лиц, никогда не состоявших в браке в отдельных возрастах, полученные по состоянию на 15 января 1989 г. (критический момент переписи 1989 г.), были передвинуты на середину 1989 г., соответствующие числа по состоянию на 14 октября 2010 г. (критический момент переписи 2010 г.) — на середину 2011 г., а соответствующие числа по состоянию на 1 октября 2015 г. (критический момент микропереписи 2015 г.) — на середину 2015 г. Метод передвижки — использование переписных пропорций числа лиц, никогда не состоявших в браке, в однолетних возрастных группах для среднегодового населения, оцененного Росстатом.

¹⁴ См.: *Захаров С. В.* Возраст вступления в первый брак // Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 107—120.

Таблица 5.14. Некоторые характеристики вступления в первый брак мужчин и женщин по таблицам брачности для 1989, 2011 и 2015 г., Россия

	Возраст, лет		Модальный**	Модальный**	Вступили в брак к возрасту/годам, %			Не вступили в брак к 50 годам, %
	Средний	Медианный*			20	25	30	
<i>Таблица 1989 г.</i>								
<i>Все население</i>								
Мужчины	24,2	22,8	21	8,1	69,3	86,6	91,3	4,6
Женщины	21,7	20,6	19	40,2	84,2	93,0	95,6	2,4
<i>Городское население</i>								
Мужчины	24,3	22,9	21	8,5	67,9	85,8	90,9	4,6
Женщины	22,2	20,8	19	35,0	79,9	90,5	93,9	3,6
<i>Сельское население</i>								
Мужчины	23,9	22,7	21	7,0	73,0	88,7	92,5	4,3
Женщины	20,0	19,4	18	63,2	95,4	98,6	99,3	0,3
<i>Таблица 2011 г.</i>								
<i>Все население</i>								
Мужчины	27,6	26,3	24	2,1	34,2	69,3	82,0	8,5
Женщины	24,8	23,8	23	11,6	57,7	82,0	89,0	6,6
<i>Городское население</i>								
Мужчины	27,9	26,6	24	1,8	31,5	68,1	81,7	8,0
Женщины	25,3	24,3	23	8,6	53,0	79,9	87,7	7,5

	Возраст, лет		Вступили в брак к возрасту/годам, %				Не вступили в брак к 50 годам, %	
	Средний	Медианный*	Модальный**	20	25	30		35
<i>Сельское население</i>								
Мужчины	26,7	25,4	24	3,2	41,7	72,9	83,1	9,2
Женщины	23,4	22,3	20	22,0	71,8	88,1	93,0	3,8
<i>Таблица 2015 г.</i>								
<i>Все население</i>								
Мужчины	28,2	26,9	25	2,3	30,0	64,1	78,3	10,4
Женщины	25,0	24,0	23	11,5	56,3	81,8	89,6	5,7
<i>Городское население</i>								
Мужчины	28,2	27,0	25	2,3	29,3	65,5	80,4	8,1
Женщины	25,2	24,3	23	10,1	53,7	81,3	89,6	5,6
<i>Сельское население</i>								
Мужчины	27,9	26,3	24	2,4	32,5	60,9	72,5	16,7
Женщины	24,3	22,8	22	15,7	63,7	82,5	88,8	6,7

* Медианный возраст — возраст, к которому 50% от численности поколения вступает в первый брак.

** Модальный возраст — возраст, в котором табличное число вступающих в первый брак максимально.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

то для 2011 г. эти ожидания опустились до 34% для мужчин и 58% для женщин (в городской местности — до еще более низких величин). В результате к началу второго десятилетия 2000-х годов накопленная доля вступивших в первый брак к 30 годам для мужчин и женщин в России приблизительно соответствовала показателям для 25-летних мужчин и женщин 20-летней давности.

Характеристики вступления в первый брак, полученные в результате построения таблиц брачности на основе данных за 2015 г., свидетельствуют о противоречивых изменениях, если их сравнивать с показателями для 2010 г. Как уже говорилось, в последнее пятилетие постарение возрастного профиля брачности притормозилось, в первую очередь для городских женщин. Так, если в 2011 г. ожидалось, что заключат первый брак к возрасту 25 лет 53% горожанок, к возрасту 30 лет — 80% и к возрасту 35 лет — 88%, то в 2015 г. — соответственно 54, 81, 90%. В сельской местности между 2011 и 2015 гг. эти показатели для женщин продолжали снижаться. В результате если в городской местности статистические характеристики среднего возраста вступления в брак за указанное пятилетие не изменились или даже едва заметно снизились, то для женщин сельской местности тенденция к повышению возраста брака сохранилась. Мужчины и в городской, и в сельской местности более последовательно поддерживали тренд к более позднему браку и в последнее пятилетие.

Исходя из наших оценок, полученных на основе построения таблиц брачности, можно предположить, что показатель окончательного безбрачия для россиян повышается. Особенно проблематично выглядят перспективы для сельских мужчин: доля никогда не состоявших в зарегистрированном браке к возрасту 50 лет может превысить 10% (в соответствии с таблицами для 2015 г. — даже достигнуть 17%). Для женщин ожидаемая доля не имеющих опыта пребывания в официальном браке к 50 годам пока остается очень низкой по мировым меркам — 6—7%. Для большинства развитых стран ожидаемые оценки, как минимум, в 2 раза выше, а для некоторых стран с особо высоким распространением неформальных супружеских отношений — и в 3 раза выше. Впрочем, к полученным оценкам доли никогда не состоящих в официальном браке для России следует относиться с осторожностью. Как было сказано выше, они базируются на ответах россиян в ходе переписей, во-

просники которых не предусматривали выделение тех, кто никогда не состоял в зарегистрированных отношениях. Следовательно, можно ожидать, что наши оценки, вероятнее всего, занижают распространенность окончательного безбрачия в России, по крайней мере если речь идет именно об официальных, зарегистрированных союзах.

5.2.4. Показатели разводимости сохраняются на высоком уровне

На протяжении всего XX в. ведущей тенденцией для России, как и других стран, был рост разводимости. Если в конце XIX в., когда разводы допускались только с разрешения Священного синода, на 1000 существующих супружеских пар ежегодно расторгалось 0,06 брака (специальный коэффициент разводимости), то в конце XX в. — 20 на 1000, или в 330 раз больше¹⁵ (рис. 5.8). В то же время неоднократные изменения в брачно-семейном законодательстве играли значимую роль в характере динамики показателей разводимости, поскольку статистика регистрирует только официальные случаи расторжения браков.

Так, десятикратный рост специального коэффициента разводимости сопровождал либерализацию бракоразводного законодательства в 1920-х годах. Напротив, ограничительная политика сталинского периода в 1930—1950-х годах привела к двукратному снижению показателей. Однако скрытая от статистики тенденция к росту риска развода, видимо, сохранялась. Очередная либерализация брачно-семейного законодательства в середине 1960-х годов вызвала ускорение роста разводимости: специальный коэффициент разводимости в эти годы повысился до 14 на 1000 браков, что свидетельствовало о высоком потенциале роста распространенности разводов, до этого с трудом сдерживаемого рамками закона и практикой идеологического контроля на всех уровнях государственной системы.

В 1970-х годах специальный коэффициент разводимости, по-видимому, сохранял тенденцию к медленному росту, а в 1980-х стабилизировался на уровне 16—18 на 1000 супружеских пар (включая

¹⁵ См. таблицу с исторической динамикой: Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 72.

Рис. 5.8. Специальный коэффициент разводимости, Россия, 1897—2015 гг.

Источники: Вишневецкий А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988. С. 91—94; расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

и незарегистрированные союзы, декларируемые во время переписей как браки).

Опираясь на данные микропереписи 1994 г., можно было впервые получить оценки специального коэффициента разводимости, в методологическом плане более корректные, чем прежние. Как уже говорилось (см. разд. 5.1.1), в рамках данного обследования для состоящих в браке задавался дополнительный вопрос о том, зарегистрирован ли брак. В результате появилась возможность соотнести число зарегистрированных разводов не только с числом всех «браков», существовавших на момент обследования (зарегистрированных и незарегистрированных союзов суммарно), как делалось прежде, но и с числом официальных браков, что, безусловно, методологически более правильно. Для 1993—1994 гг. оценка специального коэффициента разводимости в расчете на все супружеские союзы составила 18,8; а в расчете на пары, состоящие в зарегистрированных отношениях, — 20,1.

Для 2002—2003 гг. (с опорой на результаты переписи населения 2002 г.) мы имеем для России исторически максимальную величину специального коэффициента разводимости — 26,7 на 1000 супружеских пар, состоящих, судя по их ответам на переписные вопросы, в официально зарегистрированных отношениях (см. рис. 5.8). Фактически это означает, что за год пережили развод почти 3% брачных пар.

Используя данные переписи населения 2010 г. и микропереписи 2015 г., мы также можем оценить специальный коэффициент разводимости для официально зарегистрированных союзов. Наши расчеты показывают, что, вероятнее всего, разводимость в России приостановила историческую тенденцию к росту. По крайней мере, значения данного показателя для 2010—2011 гг. (22,0) и для 2015—2016 гг. (20,0) ниже, чем по оценке для 2002—2003 гг., и находятся на одном уровне с оценкой для 1993—1994 гг.

Если обратиться к ежегодной статистике регистрации разводов, которой располагает Росстат, то обращают внимание непостоянство, сильные колебания показателей в последние два десятилетия.

Так, в 2005 г. было зарегистрировано 605 тыс. разводов, или 4,2 на 1000 населения, что означает снижение показателя к уровню начала 1980-х годов. В 2006—2008 гг. число разводов за три года повысилось на 16,2%, достигнув 703,4 тыс., или 5 на 1000 населения. В 2009—2010 гг. число разводов снизилось вновь. В 2011 г. показатели неожиданно подскочили до 669,4 тыс., или 4,7 на 1000 населения, а в 2012 г. в очередной раз снизились к уровню 2010 г. — 644,1 тыс. (4,5 на 1000). В 2013—2014 гг. число разводов повысилось до 688 тыс. (4,8 на 1000). Последнее повышение в равной степени затронуло и городское, и сельское население. А в 2015 г. было зафиксировано новое сильное падение — до 604,3 тыс., или 4,2 на 1000 населения, что означает повторение уровня десятилетней давности. В 2016 г. общие показатели сохранились на уровне предыдущего года — 600,2 тыс., или 4,2 на 1000 населения.

Как уже неоднократно нами отмечалось, «едва ли особенностями возрастного состава, изменениями в числе регистрируемых браков, перепадами в экономическом благополучии семей можно объяснить отсутствие стабильности абсолютных и относительных показателей частоты разводов. Тем более, невозможно искать при-

чины в более фундаментальных переменах во взаимоотношениях брачных партнеров на массовом уровне»¹⁶. Скорее всего, в случае неоправданных колебаний показателей мы имеем дело со скрытыми от исследователей изменениями в практике регистрации разводов, в особенности тех из них, которые проходят судебную процедуру рассмотрения, а также в упрощенной, заочной форме, в частности, для бывших супругов, проживающих в разных регионах страны (закон сегодня предлагает достаточно гибкую бракоразводную систему).

Официальная российская статистика не может похвастаться полнотой и разнообразием данных о разводах. Напомним, что в 1997—2010 гг. статистическими органами не разрабатывались данные о детальном возрасте разводящихся супругов, о разводах по продолжительности брака, по очередности брака, по числу совместных детей к моменту развода. В 2011 г. статистические формы, действовавшие в советское время и в первое пятилетие 1990-х годов, частично были возвращены в оборот. Однако проблемы с качеством данных остаются.

Так, число зарегистрированных разводов у «лиц неизвестного возраста» недопустимо велико. В 1980-х — начале 1990-х годов не более 2% разведенных мужчин и женщин не были распределены по возрасту, а в 2003 г. — уже 14% разведенных мужчин и 10% женщин. В 2016 г. число разводов, не распределенных по возрасту бывших партнеров, составляло 194 тыс. у мужчин (32,4% от общего числа разводов) и 89,6 тыс. у женщин (14,9%). По сравнению с 2015 г. снижение числа «неизвестных» было незначительным. Объяснение данному феномену следует искать в существующей практике, когда не все территории предоставляют в Росстат информацию о возрасте разводящихся супругов.

Совокупность переживших развод мужчин и женщин «неизвестного возраста» слишком велика, чтобы можно было ее проигнорировать. Следуя стандартным рекомендациям, мы на протяжении уже двух десятилетий (!) вынуждены распределять разводы с неизвестным возрастом разводящихся пропорционально доле

¹⁶ Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / под ред. С.В. Захарова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 72; Население России 2006: четырнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2008. С. 83—85.

разводов лиц известного возраста (именно таким образом рассчитаны показатели, представленные в табл. 5.15). В то же время имеются большие сомнения, что данная процедура методологически оправдана в нашем случае: во-первых, число, требующее распределения, в относительном измерении очень велико (до одной трети от общего числа событий), а во-вторых, мы не знаем, связан ли с возрастом (а если связан, то каким образом) риск попасть в совокупность «разведенных лиц неизвестного возраста».

Как уже было сказано, мы не можем обнаружить четкую тенденцию в динамике интенсивности расторжения браков в последние два десятилетия. Рассчитанные нами возрастные коэффициенты разводимости свидетельствуют об отсутствии тенденций к росту или снижению (см. табл. 5.15).

В табл. 5.16 помимо широкодоступных и грубых общих коэффициентов разводимости представлены наши оценки более совершенных обобщающих характеристик разводимости, которые начиная с 2011 г. стало возможно рассчитать на основе официальных данных Росстата в соответствии с методиками, принятыми на международном уровне. Полученные оценки полезно сравнить с аналогичными показателями для 1970-х, 1980-х и первой половины 1990-х годов.

Первый из приведенных в табл. 5.16 интегральных показателей — коэффициент суммарной разводимости (0,582 для мужчин и 0,559 для женщин в 2016 г.) — говорит об ожидаемом при сохранении наблюдаемого уровня разводимости числе разводов, происходящих в среднем на одного индивида в течение жизни, безотносительно к тому, вступит ли он когда-либо в брак. В то же время какая-то часть людей имеет опыт проживания не только в одном, но и в нескольких браках. Поэтому ожидаемая доля мужчин и женщин с опытом развода в течение жизни с учетом повторности будет несколько ниже 60%, но, видимо, никак не ниже 50%, учитывая, что коэффициент суммарной разводимости в 1995 и 2011—2014 гг. составлял 0,6—0,7, а в 2015—2016 гг. — почти 0,6 (см. табл. 5.16). Значения данного показателя в последние годы чуть выше наблюдаемых в 1970-х годах и находятся практически на том же уровне, что оценки для 1980-х и 1990-х годов.

Ожидаемый возраст развода для тех, кто пережил это событие, в 2011—2016 гг. для мужчин был в среднем чуть выше 39 лет,

Таблица 5.15. Число разводов на 1000 мужчин и женщин в отдельных возрастных группах, Россия, 1970—2016 гг.

Год	Мужчины в возрасте, лет			Женщины в возрасте, лет				
	До 18	18—24	25—39	40 и более	До 18	18—24	25—39	40 и более
1970	0,00	5,39	18,21	6,92	0,02	10,62	16,31	3,63
1975	0,00	7,10	20,67	7,65	0,05	13,09	18,35	4,31
1980	0,00	7,63	23,12	9,09	0,07	14,47	21,08	5,59
1985	0,00	8,18	20,68	7,62	0,08	15,51	19,17	4,79
1990	0,02	8,61	18,44	7,54	0,22	16,36	17,38	5,00
1995	0,03	10,85	23,60	8,06	0,41	20,40	21,57	5,55
2000	0,07	6,96	22,98	8,85	0,26	13,67	21,56	6,31
2001	0,06	6,78	27,47	11,81	0,21	13,89	26,19	8,46
2002	0,13	6,58	29,53	14,34	0,22	13,43	28,50	10,33
2003	0,06	5,93	27,39	13,65	0,19	12,31	26,56	9,65
2004	0,07	5,46	22,57	10,12	0,20	11,57	21,41	6,96
2005	0,05	5,04	21,62	9,55	0,16	10,76	20,61	6,45
2006	0,06	5,22	23,21	9,88	0,16	11,59	22,09	6,52
2007	0,10	5,85	24,76	10,37	0,25	13,10	23,48	6,74
2008	0,24	6,41	25,03	10,48	0,34	14,07	23,90	6,70
2009	0,03	6,72	24,60	10,27	0,27	14,93	23,44	6,50
2010	0,01	6,02	22,06	9,56	0,18	13,38	21,48	5,97
2011	0,01	5,68	23,04	10,11	0,14	13,18	22,89	6,20
2012	0,47	6,53	22,13	9,16	0,80	14,55	21,76	5,62
2013	0,44	6,57	22,44	9,67	0,60	14,74	22,69	5,85
2014	0,01	6,72	22,99	9,87	0,22	15,12	23,54	5,96
2015	0,01	6,23	20,14	8,56	0,21	13,84	20,88	5,10
2016	0,01	6,15	20,03	8,49	0,21	13,63	21,01	5,07

Примечание. Рассчитано без данных по Крыму.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Таблица 5.16. Некоторые обобщающие характеристики разводимости, Россия, 1970—1995 и 2011—2016 гг.

Год	Общий коэффициент разводимости, на 1000 населения	Коэффициент суммарной разводимости*		Средний возраст при регистрации развода, лет**		Разводы на 1000 браков с учетом их продолжительности***	Средняя продолжительность расторгнутого брака, лет****
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
1970	3,0	0,489	0,422	37,8	33,6	303	9,8
1975	3,6	0,562	0,490	37,8	34,0	333	10,0
1980	4,2	0,621	0,553	38,4	34,6	390	10,5
1985	4,0	0,574	0,529	38,3	34,6	387	10,1
1990	3,8	0,553	0,567	38,1	34,6	396	10,2
1995	4,5	0,658	0,681	36,6	33,7	510	9,7
2011	4,7	0,661	0,604	39,7	35,7	590	10,1
2012	4,5	0,628	0,582	39,2	35,1	562	9,7
2013	4,7	0,649	0,606	39,4	35,2	577	9,7
2014	4,8	0,665	0,627	39,4	35,2	591	9,7
2015*****	4,2	0,584	0,557	39,3	35,0	516	9,5
2016*****	4,2	0,582	0,559	39,3	35,0	519	9,5

* Сумма возрастных коэффициентов разводимости.

** Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты возрастные коэффициенты разводимости.

*** Сумма коэффициентов разводимости, приведенных к длительности расторгаемых браков.

**** Средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты коэффициенты разводимости, приведенные к длительности расторгаемых браков.

***** Рассчитано без данных по Крыму.

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

для женщин — около 35 лет, что более чем на один год больше, чем в 1970—1990-х годах (см. табл. 5.16). Этот сдвиг можно объяснить общим постарением брачности, о котором подробно говорилось выше.

Другая важная интегральная характеристика уровня разводимости говорит о текущей интенсивности разводов с учетом продолжительности расторгнутых браков (см. табл. 5.16). Этот показатель также относится к категории индикаторов для условного поколения, или, точнее, условных брачных когорт. Он настоятельно рекомендуется международным сообществом специалистов в качестве основного показателя для оценки текущего уровня разводимости. Его величина интерпретируется как ожидаемая доля распавшихся браков при сохранении наблюдаемой в расчетном году интенсивности разводов с учетом продолжительности расторгнутых браков (часто используемое название этого показателя — «сумма разводов, приведенная к продолжительности браков», или, коротко, «приведенная сумма разводов»). Коэффициенты разводимости в этом случае рассчитываются как отношение числа разводов для браков определенной продолжительности к числу браков, заключенных соответствующее число лет назад. Этот итоговый показатель указывает на накопленную частоту разводов к 35-летнему брачному стажу, и шансы супругов овдоветь здесь не принимаются в расчет. Так, при наблюдаемом в 2016 г. уровне разводимости из каждой 1000 заключенных сегодня браков 519 (или около 52%) распадется вследствие официального развода. Значение этого показателя практически не изменилось по сравнению с предыдущим годом и находится примерно на том же уровне, что и в 1995 г. (в 2011—2014 гг. он был выше на 4—7 п.п.).

Несмотря на то что в последние десятилетия очевидный тренд изменения уровня разводимости не прослеживается, можно все-таки констатировать, что по сравнению с более отдаленным прошлым стабильность брака заметно снизилась: для 1970—1980-х годов ожидаемый риск развода был в 1,5—2 раза ниже и составлял 30—40% (см. табл. 5.16). В то же время средняя длительность расторгнутого союза за многие десятилетия практически не изменилась и колеблется вокруг 10 лет.

Официальная статистика дает возможность получить представление о числе детей, затронутых проблемами, связанными

с разводом родителей. Как свидетельствуют данные, приведенные в табл. 5.17, в последние полтора десятилетия можно было наблюдать заметно более низкую долю распавшихся браков с совместными детьми до 18 лет, чем в поздний советский период. Если в 1980-х и 1990-х годах более 60% всех разводов были с совместными детьми, то в 2012—2016 гг. этот показатель составлял 39—42% (за эти последние годы Росстат располагает данными по наиболее полному кругу территорий, что обеспечивает лучшую сопоставимость с данными 30-летней давности). Среднее число детей, приходящееся на один развод, составляет сегодня 0,5—0,6, а в распавшихся семьях с одним и более совместных детей — 1,3 ребенка на один развод (см. табл. 5.17). В сельской местности доля родительских союзов (браки с совместными детьми до 18 лет) среди разводов выше (46 против 42% в городах в 2016 г.), что объясняется более высокой рождаемостью у сельских жителей. Средняя детность распавшегося союза у селян также выше по той же причине. В то же время риск развода в городской и сельской местности в целом по стране различается слабо, тем более если не принимать во внимание сельских представителей ряда этнических групп (в частности, народов Северного Кавказа) с более традиционными брачно-семейными отношениями.

Итак, общая численность детей до 18 лет, затронутых разводом родителей, за последние три десятилетия снизилась. Главным образом этот факт объясняется повышением числа разводов среди бездетных союзов (браки без совместных несовершеннолетних детей увеличили свой вклад в общее количество разводов). Говорить о значимом снижении интенсивности разводов для браков с детьми (родительских союзов) пока нет оснований. Общая ситуация с разводимостью в России также не очевидна — налицо некая стагнация на высоком уровне. Кроме того, среднее число детей на один развод с совместными детьми до 18 лет после 2006 г. имело слабую тенденцию к повышению, что, видимо, является следствием некоторого повышения рождаемости в стране.

Таблица 5.17. Число разводов и число общих детей в возрасте до 18 лет в расторгаемых браках, Россия, 1988—2016 гг.

Год	Всего разводов, тыс.	Разводы с общими детьми		Всего общих детей, тыс.	Среднее число детей на один развод	
		тыс.	%		Всего	В семьях с детьми
1988	573,9	350,4	61,1	465,1	0,81	1,33
1989	582,5	358,9	62,0	479,1	0,82	1,33
1990	559,9	345,7	61,7	466,1	0,83	1,35
1991	597,9	382,8	64,0	522,2	0,87	1,36
1992	639,2	415,7	65,0	569,1	0,89	1,37
1993	663,3	433,6	65,4	593,8	0,90	1,37
1994	680,5	449,6	66,1	613,4	0,90	1,36
1995	665,9	434,9	65,3	588,1	0,88	1,35
1996	562,4	347,4	61,8	463,5	0,82	1,33
1997	555,2	353,0	63,6	454,5	0,82	1,29
1998	501,7	308,6	61,5	389,7	0,78	1,26
1999	532,5	...	54,11	...	0,67*	1,24*
2000	627,7	...	54,91	...	0,67*	1,21*
2001	763,5	...	60,11	...	0,73*	1,21*
2002	853,6	...	58,61	...	0,70*	1,20*
2003	798,8	...	57,11	...	0,68*	1,19*
2004	635,8	...	56,51	...	0,68*	1,21*
2005	604,9	...	56,41	...	0,67*	1,19*
2006	640,8	...	56,71	...	0,67*	1,18*
2007	685,9	...	55,41	...	0,66*	1,20*
2008	703,4	...	53,71	...	0,64*	1,20*

Окончание табл. 5.17

Год	Всего разводов, тыс.	Разводы с общими детьми		Всего общих детей, тыс.	Среднее число детей на один развод	
		тыс.	%		Всего	В семьях с детьми
2009	699,4	...	50,51	...	0,61*	1,20*
2010	639,3	...	50,51	...	0,61*	1,21*
2011	669,4	...	47,8*	...	0,59*	1,23*
2012	644,1	254,0**	39,5**	318,0**	0,49**	1,25**
2013	668,0	263,0**	39,3**	333,0**	0,50**	1,28**
2014	687,6	275,0**	39,9**	353,0**	0,51**	1,28**
2015***	604,3	248,5	41,1	324,7	0,54	1,31
В том числе:						
городское население	476,9	190,7	40,0	243,4	0,51	1,28
сельское население	127,5	57,8	45,3	81,3	0,64	1,41
2016***	600,2	259,4	43,2	344,1	0,57	1,33
В том числе:						
городское население	474,3	201,1	42,4	261,3	0,55	1,30
сельское население	125,9	58,3	46,3	82,8	0,66	1,42

* Расчет по совокупности территорий, представивших в Госкомстат/Росстат соответствующие данные (до 1999 г. — все территории Российской Федерации), в разные годы число таких территорий колебалось от 46 до 63 субъектов РФ (из 83), в которых регистрировалось от 60 до чуть менее 80% всех разводов в стране.

** Оценка с поправкой на неполный охват территорий данной формой статистического наблюдения. В 2014 г. данные были представлены всеми субъектами РФ, кроме Ивановской области, Ингушской, Чеченской республик и Республики Тыва. Охват наблюдением в 2012—2014 гг. составил более 98% всех разводов в стране. В 2015 и 2016 гг. данные были предоставлены всеми субъектами РФ.

*** Рассчитано без данных по Крыму.

Источники: Опубликованные и неопубликованные данные Росстата; расчеты автора на их основе.

6. Этнический состав населения и межэтнические браки в России по данным переписей населения

6.1. Особенности этнической структуры населения России с учетом результатов микропереписи населения 2015 г.

Рассмотрим новейшие данные об этническом составе населения России, полученные в микропереписи населения 2015 г. (МПН-2015), в контексте долговременной динамики за период начиная с переписи 1959 г.

Сконцентрируем наше внимание на рассмотрении трех макрогрупп этносов: 1) народы и народности, проживающие преимущественно на территории Российской Федерации; 2) народы и народности, проживающие преимущественно в странах бывшего СССР («ближнее зарубежье»); 3) этносы, проживающие за пределами пространства бывшего СССР («дальнее зарубежье»).

Динамика доли трех указанных макрогрупп по данным переписей населения за период с 1959 по 2010 г. и МПН-2015 представлена на рис. 6.1.

Каждая доля определялась путем деления суммарной численности населения, указавшего свою национальность, относящейся к соответствующей группе, на численность всех указавших национальную принадлежность в соответствующей переписи. Заметим, что, как было указано в соответствующем разделе доклада «Население России 2010—2011», доля отметивших свою этническую принадлежность между переписями сильно варьировала¹.

Тем не менее, как представляется, за указанный период произошло достаточно заметное повышение доли населения группы 1, включающей народы и этнические группы, проживающие преимущественно в Российской Федерации. С другой стороны, доля на-

¹ Население России 2010—2011: восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 93—102.

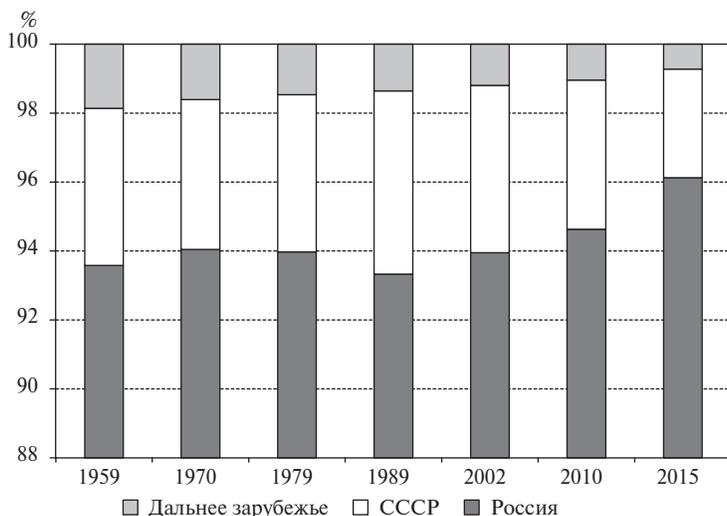

Рис. 6.1. Изменение доли трех этнических макрогрупп, Россия, 1959—2015 гг.

родов группы 3 («дальнее зарубежье») сократилась более чем вдвое. Немалое сокращение произошло и в доле группы 2 («ближнее зарубежье»). Отмеченные тренды изменения долей этих групп можно оценить как достаточно неожиданные и существенно расходящиеся с широко распространенным мнением о «нашествии мигрантов» с иной этничностью и культурой («азиатов», «кавказцев», «китайцев» и т.п.).

Еще более ярко эти тренды будут выглядеть, если по аналогии с принятыми методами расчета демографической нагрузки на население в трудоспособном возрасте рассчитать близкие по смыслу показатели этнической нагрузки на народы России представителями двух других макрогрупп. Результат такого расчета на 100 представителей российских этносов показан в табл. 6.1 и на рис. 6.2.

К показателям, рассчитанным по данным микропереписи 2015 г., необходимо подходить с осторожностью, имея в виду малую величину ее выборки (1,5% от всего населения страны).

Рассмотрим более детально макрогруппу 1 (народности России). В ней, как и в населении страны в целом, подавляющую долю

Таблица 6.1. Этническая нагрузка на народы России, 1959—2015 гг., численность этносов групп 2 и 3 в расчете на 100 представителей группы 1

Макрогруппа	Год переписи (микрпереписи)						
	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2015
2 (народы бывшего СССР)	4,9	4,6	4,9	5,7	5,2	4,6	3,3
3 (народы дальнего зарубежья)	2,0	1,7	1,6	1,5	1,3	1,1	0,8
Суммарно (2 + 3)	6,9	6,3	6,4	7,1	6,4	5,7	4,0

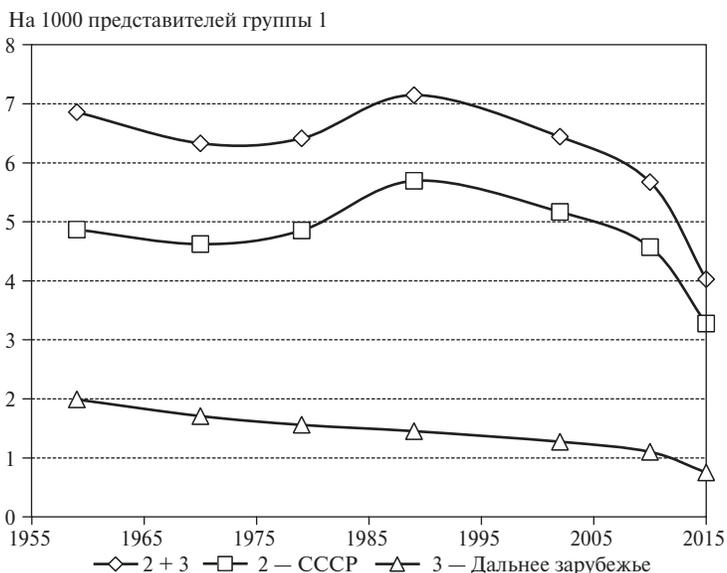

Рис. 6.2. Этническая нагрузка на народы России, суммарная численность групп этносов 2 и 3 в расчете на 100 представителей группы 1, 1959—2015 гг.

составляют русские. Однако необходимо отметить, что доля русских среди российских народов за полвека испытала существенное снижение. В 1959 г. она составила 89,0%, а в 2010 г. — уже 85,5%, т.е. сократилась на 3,5 п.п.

Какова же этническая структура в этой макрогруппе народов и народностей России? Их общая численность по данным Всероссийской переписи 2010 г. составила 18,8 млн человек. Если не спу-

скаться пока на уровень отдельных этносов, в этой группе необходимо выделить наиболее многочисленную подгруппу национальностей, которая размещена наиболее компактно в своих административно-территориальных образованиях, закрепленных в Конституции РФ, — национальных республиках, автономных округах и одной автономной области. Число таких национальностей превышает четыре десятка, а общая их численность — 18,7 млн человек.

Каким образом можно проанализировать взаимодействие населения и территории с точки зрения формирования этнической структуры? Такое описание требует оценить, с одной стороны, этническое разнообразие отдельных регионов, а с другой — для отдельных этносов оценить, как они распределяются по территории страны. Поскольку основные таблицы переписей в региональном разрезе представлены на уровне субъектов РФ, такой анализ делается на этом уровне территориального деления.

6.2. Распределение национальностей, проживающих в России, по регионам страны

Рассмотрим, какова была картина этнического разнообразия регионов России, зафиксированная переписью населения 1970 г. В качестве расчета показателя этнического разнообразия в литературе был предложен индекс², который рассчитывается по формуле

$$EDI_j = \left(1 - \sum_{i=1}^E P_{ij}^2 \right) \cdot 100,$$

где E — число этносов; i — этнос; P_{ij} — доля этноса i в населении региона j .

Минимальные значения индекса этнического разнообразия (менее 3,6) наблюдались тогда в Орловской, Тамбовской и Липецкой областях. Основная причина этого «рекорда» — большая доля русских, в результате чего эти области фактически представляют

² Рязанцев С. В., Тикунова И. Н., Тимонин С. А. Математико-картографическая оценка этнического разнообразия в регионах России // Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт. Международная конференция. 14—19 декабря 2011 г.

собой исключительно моноэтнические регионы. Так, в Орловской области русских — 98,4%, доля каждого из всех остальных этносов — менее 1% населения, русские и украинцы составляют более 99% населения, а доля семи наиболее многочисленных этносов — 99,75%.

Какие регионы находились на другом полюсе? Максимальное этническое разнообразие, превышающие 65, в 1970 г. было в Кабардино-Балкарской, Башкирской и Дагестанской АССР. Дагестан был самым ярким представителем этнического разнообразия в стране. Общее число национальностей, зафиксированных переписью, в этой республике — 73, из них первые по численности 19 составляют 99% всего населения. Десять из них имеют численность более 1% населения, например ногайцы — 21 750 человек (рис. 6.3).

Рассмотрим изменения в региональном этническом разнообразии, которые произошли за 40 лет — период между переписями

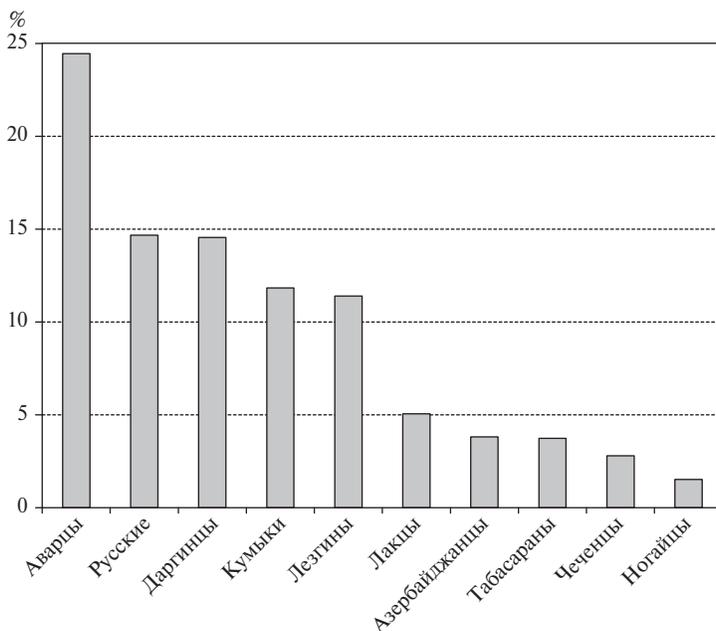

Рис. 6.3.

Доля первых десяти по численности этносов Дагестанской АССР в 1970 г.

населения 1970 и 2010 гг. Минимальные значения индекса этнического разнообразия (менее 6,5) по данным последней переписи отмечались в Вологодской, Тамбовской и Брянской областях. Причина такого рекорда, вполне естественно, была той же — значительная доля русских, превращающих эти территории в моноэтнические регионы. Так, в Вологодской области русских — 97,3%, а доля каждого из всех остальных этносов — менее 1% населения, семь национальностей — русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, армяне, цыгане и татары — составляют более 99% населения, а доля 14 наиболее многочисленных этносов — 99,5%.

Рекорды максимального этнического разнообразия, превышающие 70, в 2010 г. были также, как и 40 лет назад, в Карачаево-Черкесской Республике, Башкортостане и Дагестане. Рассмотрим вновь Республику Дагестан как лидера этнического разнообразия в стране. Общее число народов, проживающих в регионе, — 87, из них первые по численности 12 составляют 99% населения. Десять из них имеют численность более 1% населения (рис. 6.4).

Рассмотрим распределение основных национальностей, проживающих в России, по регионам. Для анализа в первом приближении можно использовать показатель, аналогичный показателю этнического разнообразия. Его назначение — количественно охарактеризовать степень распыленности, дисперсности расселения отдельного народа по территории страны. Значения его, близкие к 100, означают большое, почти равномерное распределение этноса по территории всей страны, а значения, близкие к нулю, — почти полную концентрацию этого народа только в одном регионе страны.

Оценим состояние дисперсности народов России в 1970 г. Первые 10 народов, имеющих максимальное значение дисперсности расселения в пределах 96—98, в порядке уменьшения этого показателя составили: русские, украинцы, молдаване, цыгане, белорусы, уйгуры, поляки, дунгане, киргизы и гагаузы. На другом полюсе — 10 народов, имеющих минимальные значения (от 2 до 7): рутульцы, агулы, табасараны, тувинцы, балкарцы, долганы, якуты, адыгейцы, карачаевцы и аварцы.

Некоторые представители из этих двух групп народов имеют следующие характеристики, которые иллюстрируют степень их дисперсности: 50% русских проживали в 17 регионах страны, а 99% — в 67 регионах; 50% украинцев проживали в 13 регионах, а 99% —

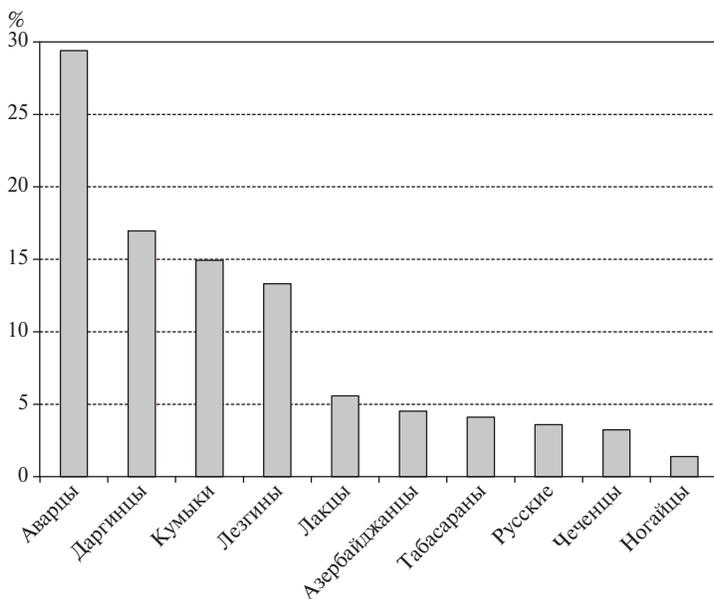

Рис. 6.4. Доля первых десяти по численности этносов Республики Дагестан в 2010 г.

в 66 регионах; рутульцы проживали в 32 регионах, в том числе более 99% — в Дагестанской АССР; 96,8% якутов проживали в Якутской АССР, а 99% — в первых восьми по численности регионах РСФСР.

Что же изменилось в плане дисперсности народов через 40 лет? В 2010 г. список народов — лидеров в плане дисперсности претерпел существенные изменения: это русские, поляки, украинцы, уйгуры, белорусы, румыны, венгры, болгары, узбеки и цыгане. У них значение показателя составило от 96 до 97.

Этносы на другом полюсе с минимальной дисперсностью (от 2 до 10) — это сойоты, шапсуги, якуты (сах), энцы, балкарцы, бессермяне, телеуты, кабардинцы, ульчи и манси.

В 2010 г. 50% русских проживали в 15 регионах страны, а 99% — в 69 регионах; 50% украинцев проживали в 12 регионах, а 99% — в 69 регионах. У каких этносов произошло увеличение дисперсности в максимальной степени? Другими словами, какие

народы стали более равномерно расселены по регионам страны? За период 1970—2010 гг. наибольший прирост показателя (более 25) произошел у рутульцев, горских евреев, долганов, арабов, табасаранов, азербайджанцев, агулов, татов и американцев. При этом рейтинг этих народов по показателю дисперсности вырос от 25 до 37. Так, рутульцы за четыре десятилетия существенно расселились по территории страны: они проживают теперь в 69 регионах, в том числе более 79% из них — в Дагестане и 99% — в 37 других регионах. Их дисперсность за 40 лет выросла на 35. Напротив, изменения у якутов (саха) за тот же период оказались существенно меньшими: 97,6% якутов проживают в Якутии, а 99% — в первых семи по их численности регионах РФ.

Отметим народы, рейтинг которых снизился на 20 позиций и более по уровню дисперсности. Это курды, ингуши, крымчаки, калмыки, хорваты, грузинские евреи, удины и дунгане.

Некоторый интерес могут представлять также народы, у которых рейтинг дисперсности среди всех народов, которые были переписаны и 1970, и 2010 гг., за этот период остался на прежнем уровне, несмотря на то, что само значение показателя, несомненно, несколько изменилось. В их число входят русские, белорусы, каракалпаки, башкиры и аварцы.

Если сделать краткие выводы, то в первую очередь нужно отметить, что в системе «национальности — регионы страны» в последние 50 лет происходят значительные изменения. Они приводят к эволюции распределения этносов по территории страны, а этническое разнообразие регионов также постепенно изменяется. Некоторые области и республики становятся более моноэтническими, в других же, напротив, спектр этнического разнообразия возрастает.

Можно ли указать только одну или две причины такой эволюции? По причине многочисленности различных исторических, региональных, этнодемографических и, наконец, миграционных факторов ответ на этот вопрос будет отрицательным. Например, рутульцы и табасараны проявили большую миграционную подвижность за пределы Дагестана. Для азербайджанцев, приезжающих в Россию, перечень регионов их прибытия исторически существенно расширялся, в результате чего они значительно больше представлены на многих территориях, чем прежде.

6.3. Этнически смешанные браки

Начать следует с определений, поскольку само понятие «этнически смешанный» может относиться не только к браку, но и к семье, не обязательно нуклеарной, или к домохозяйству. В этой ячейке все члены семьи или домохозяйства могут относиться к одной национальности, и в этом случае это этнически однородная единица. Если это не так, т.е. в этой семье или домохозяйстве есть лица разных национальностей, то такая семья относится к категории этнически смешанных. Откуда мы можем узнать о значении данного признака смешанности для каждой конкретной семьи? Конечно, можно было бы провести специальные опросы и обследования, в ходе которых опросить каждого члена о его этнической принадлежности, на основании чего и судить о смешанности его брака или семьи. Однако в этом случае получение этой информации оказалось бы довольно дорогостоящей процедурой. Альтернативой специальных опросов может служить информация об этническом составе семей, которая получается в ходе проведения переписей населения. В качестве именно этого источника были использованы индивидуальные переписные данные, полученные в переписях населения России 2002 и 2010 гг. Доступ к этим данным был обеспечен Федеральной службой государственной статистики средствами системы СуперВеб³, доступ к которой в настоящий момент возможен через Интернет. Система обладает достаточной степенью гибкости, позволяющей ее пользователю создавать запрос к переписной информации на индивидуальном уровне лица, семьи, домохозяйства и семейной ячейки. Если при запросе указывать национальную принадлежность мужа и (или) жены, появляется возможность узнать, сколько, например, русско-удмуртских супружеских пар было в Москве в 2010 г. Подобный метод получения детальных демографических таблиц, характеризующих этнически смешанные семьи, был детально описан Е. Сороко⁴.

³ SuperWeb2. Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 годов. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>.

⁴ Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 96—123.

Само по себе исследование смешанных семей не является чем-то совершенно новым. Это направление достаточно длительный период находилось в сфере интересов специалистов различного профиля — демографов, этнографов, социологов и др., поскольку по своей сути оно является междисциплинарным. Так, крупнейший советский и российский статистик и демограф А. Г. Волков постоянно интересовался этой проблематикой в 1970—1980-х годах. Важность изучения межэтнических отношений на семейно-бытовом уровне как раздел этносоциологии отмечали Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева и А. А. Сусоколов⁵. Несмотря на существенные достижения в разработке своих собственных методов этносоциологии, они носят в основном качественный характер. Не претендуя на принципиальную новизну предлагаемого методического подхода, мы предлагаем дополнить уже существующие методы некоторыми моделями и расчетами на основе демографических показателей, дающими дополнительные количественные измерители для более глубокого понимания масштабов и направлений происходящих процессов.

Представим вначале некоторые данные о масштабе явления. В настоящее время общее число семейных ячеек в России, имеющих смешанный этнический состав, может оцениваться по данным последней переписи населения 2010 г. в 12% их общего числа. Поскольку явление заключения браков между людьми разных национальностей имеет место достаточно давно, было бы интересно сравнить сегодняшний уровень данного явления с предыдущими периодами. К большому сожалению, детальный анализ выполнить весьма затруднительно, поскольку в доступных публикациях по переписям населения в XX в. имеются лишь самые общие, агрегированные показатели. Так, в СССР в 1959 г. межэтнические браки составляли 10%, в том числе в РСФСР — 8, в Латвийской ССР — 16, в Армянской ССР — 3%. Весь послевоенный период эта доля достаточно устойчиво росла⁶.

В табл. 6.2 представлены наиболее распространенные комбинации национальностей в смешанных парах в 2010 г.

⁵ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1999.

⁶ Подробнее см.: Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 96—123.

Таблица 6.2. Пятьдесят наиболее распространенных комбинаций национальностей мужа и жены в смешанных парах, Россия, 2010 г.

Национальная принадлежность		Число семейных ячеек	Национальная принадлежность		Число семейных ячеек
мужа	жены		мужа	жены	
Украинцы	Русские	212 218	Удмурты	Русские	25 391
Русские	Украинцы	172 145	Русские	Марийцы	20 204
Татары	Русские	170 031	Молдаване	Русские	19 363
Русские	Татары	158 277	Грузины	Русские	16 754
Белорусы	Русские	56 717	Казахи	Русские	16 055
Армяне	Русские	52 546	Русские	Армяне	14 879
Немцы	Русские	51 896	Марийцы	Русские	14 683
Русские	Чуваши	49 315	Узбеки	Русские	14 095
Чуваши	Русские	47 401	Русские	Коми	12 492
Мордва	Русские	46 975	Таджики	Русские	11 879
Русские	Белорусы	45 521	Русские	Казахи	11 491
Русские	Немцы	41 309	Евреи	Русские	11 420
Татары	Башкиры	40 381	Русские	Молдаване	11 131
Русские	Мордва	39 267	Коми	Русские	9 184
Башкиры	Татары	34 679	Осетины	Русские	9 032
Азербайджанцы	Русские	29 395	Корейцы	Русские	7 698
Русские	Удмурты	28 291	Буяты	Русские	6 223
Русские	Башкиры	27 963	Греки	Русские	5 853
Башкиры	Русские	26 484	Русские	Коми-пермяки	5 520

Окончание табл. 6.2

Национальная принадлежность		Число семейных ячеек	Национальная принадлежность		Число семейных ячеек
мужа	жены		мужа	жены	
Татары	Чуваши	5477	Лезгины	Русские	4620
Украинцы	Татары	5408	Чеченцы	Русские	4443
Чуваши	Татары	5126	Татары	Украинцы	4402
Русские	Евреи	4825	Коми-пермяки	Русские	4376
Поляки	Русские	4797	Русские	Карелы	4370
Русские	Буряты	4694	Русские	Корейцы	4364

Примечание. Комбинации национальностей указаны в порядке уменьшения их численности.

По приведенным этническим комбинациям необходимо отметить следующие особенности. Рейтинги многих комбинаций не всегда однозначно связаны с рейтингами входящих в комбинацию этносов. Некоторых из них больше, чем можно было бы ожидать, исходя из входящих в них этносов, и наоборот, часть из них оказываются достаточно «редкими». И еще: существенная неравноценность одной и той же комбинации с точки зрения, какой этнос у мужа, а какой — у жены. Например, для русско-армянских семей их численности различаются в три с лишним раза.

Сами по себе численности этнически смешанных семей дают мало информации для сравнения поведения различных национальностей. Более точно представить этнические особенности и различия в этой сфере дают относительные показатели. Одним из важнейших является характеристика распространенности смешанных семей среди всех семей данной национальности.

Еще одним соображением для того, чтобы начать с данного показателя, является значительное число различных этнических комбинаций в смешанных браках. Так, общее число комбинаций этносов, число семейных ячеек которых в стране не менее 50, превысило 750.

Общее число этнических групп приближается в стране в последних переписях населения к 200. Обозримость всех их одновременно представляется сомнительной. Поэтому возникает вопрос о том, какие народности желательно изучать в первую очередь. Мы предлагаем рассмотреть вначале этнические группы, территории преимущественного проживания которых находятся вне России, а, в свою очередь, среди них — проживающих в странах СНГ. Почему, станет ясно чуть позже, и это связано с тем, что существенная часть народностей России имеет свои административно-территориальные образования в виде национальных республик, округов и областей, что требует несколько более сложного рассмотрения распространенности этнически смешанных семей.

Какие показатели используются для характеристики распространенности этнически смешанных семей? Это в первую очередь, естественно, число этнически смешанных семейных ячеек (семейных ядер). Подобно абсолютному числу родившихся при изучении рождаемости, которое испытывает влияние численности населения и его возрастной структуры, что заставляет переходить к возрастным

и интегральным показателям рождаемости, представляет интерес относительный показатель смешанных семей — доля этнически смешанных семейных ячеек среди всех ячеек данной национальности. Как мы увидим, и этот показатель может оказаться слишком грубым, поскольку распространенность этнически смешанных браков может испытывать существенную асимметрию по полу, поэтому лучше анализировать его отдельно для мужчин и женщин.

Рассмотрим вначале, какова распространенность этнически смешанных семей среди национальностей бывшего СССР. Результат подсчета показателей для мужчин показан в табл. 6.3.

Таблица 6.3. Этнически однородные и этнически смешанные семейные ячейки по национальной принадлежности мужа, Россия, 2010 г., некоторые национальности бывшего СССР, проживающие преимущественно вне России

Национальная принадлежность мужа	Число семейных ячеек	Национальная принадлежность жены и мужа		Доля этнически смешанных семейных ячеек, %
		совпадают	различаются	
Киргизы	18 951	14 992	3 959	20,9
Казахи	144 456	108 022	36 434	25,2
Армяне	296 021	202 395	93 626	31,6
Азербайджанцы	156 419	98 137	58 282	37,3
Туркмены	8 823	3 916	4 907	55,6
Узбеки	56 114	24 550	31 564	56,2
Таджики	39 494	16 058	23 436	59,3
Грузины	45 649	13 042	32 607	71,4
Евреи	48 162	13 207	34 955	72,6
Молдаване	49 368	11 002	38 366	77,7
Украинцы	612 390	126 847	485 543	79,3
Белорусы	160 836	23 730	137 106	85,2
Немцы	123 527	14 250	109 277	88,5
Эстонцы	5 102	363	4 739	92,9
Литовцы	10 267	574	9 693	94,4
Латыши	5 677	239	5 438	95,8

Примечание. Национальности указаны в порядке возрастания доли этнически смешанных семей.

Отметим следующие особенности. Для разных национальностей доля этнически смешанных семейных ячеек существенно различается (почти в 5 раз). Лидируют в этом рейтинге прибалтийские народы. Более естественным воспринималось бы первенство белорусов и украинцев. Сильные различия наблюдаются также между национальностями Средней Азии, например таджиками и киргизами (почти в 3 раза).

Данный моментный срез этнически смешанных семей на момент переписи отражает кумулятивный результат матримониального поведения в предшествующий период, но не только, поскольку на сложившийся состав смешанных семей оказывает влияние также этническая дифференциация смертности и миграции. Представляются наиболее существенными различия в миграционной подвижности этнически однородных и этнически смешанных семей. Так, не вызывает сомнения, что шансы переехать из Киргизии в Россию для супружеской пары киргиза с русской существенно выше шансов для переезда пары этнических киргизов. И наоборот, шансы выехать из России в Киргизию для супружеской пары киргизов намного выше, чем для киргизско-русской пары.

Еще одно замечание относится к тому, что же является причиной столь существенных различий в распространенности смешанных пар у разных национальностей. Дело, видимо, не во взаимной близости рассматриваемых этносов и народностей, населяющих Россию, которым они отдают предпочтения. Причина кроется в числе межэтнических барьеров, их высоте и силе. Эти барьеры носят различную природу — языковую, культурно-бытовую, конфессиональную и проч. Многие из них «отдаляют» один этнос от другого и могут существенно препятствовать образованию смешанного брака или, по крайней мере, снижать его шансы. В результате того что часть этнических групп имеет большее число таких барьеров, они выше или более непреодолимы, у них существенно снижается число таких смешанных браков.

Можно ли распространенность смешанных браков использовать для оценки величины этих барьеров? Несомненно, да. Более того, в отличие от таких социологических понятий, как мнения, установки, предпочтения, которые, во-первых, сильно изменчивы и, во-вторых, существуют затруднения в их измерении, заключенный брак существенно более «материален» и «объективен». По-

этому распространенность этнических семей представляется наиболее подходящей для использования при построении меры этнической близости.

Подобно гравитационным моделям миграции, такое расстояние могло бы показать, насколько один этнос склонен к образованию супружеских пар с представителями другого этноса. Чем оно больше, тем шансы образовать семью меньше, и наоборот, чем оно меньше, тем шансы больше. Далее для изучения шансов образовать супружеские пары мы будем говорить о матрице попарных расстояний между отдельными этносами.

Насколько распространены смешанные семьи различаются по национальности женщин по сравнению с мужчинами? Рассмотрим табл. 6.4 для женщин, аналогичную предыдущей таблице для мужчин.

Отметим, что склонность к образованию смешанных семей во всех этнических группах женщин меньше, чем у мужчин, причем у азербайджанок и таджичек отличие трехкратное. В группе с максимальной распространенностью этнически смешанных семей (украинцы, белорусы, немцы, эстонцы, литовцы и латыши) отличия женщин от мужчин невелики — не превышают 5%. Можно также заметить, что рейтинги национальностей по склонности к смешанным семьям у мужчин и женщин различаются незначительно, более того, они совпадают для девяти этносов с максимальной склонностью. Наибольшее снижение этнически смешанных семей у женщин по сравнению с мужчинами характерно для основных кавказских этносов (азербайджанцы, грузины и армяне занимают 1-е, 3-е и 5-е места по этому соотношению) и мусульманских народов, занимающих 2-е, 4-е, 6-е и 7-е места.

Рассмотрим различия в распространенности этнически однородных и смешанных семей для 21 этноса, имеющих свои национальные республики. Мы видим высокую степень вариации доли смешанных семей от 1,9% у тувинцев до 49,4% у мордвы. Вполне естественным является предположение, что данный феномен может быть во многом объяснен особенностями расселения представителей разных народов по регионам страны, прежде всего за счет различной концентрации их в национальных республиках.

Так, доля семей, проживающих в своей национальной республике, у тувинцев составляет 98,7%, а у мордвы — 41,2%. На ка-

Таблица 6.4. Этнически однородные и этнически смешанные семейные ячейки по национальной принадлежности жены, Россия, 2010 г., некоторые национальности бывшего СССР, проживающие преимущественно вне России

Национальная принадлежность жены	Число семейных ячеек	Национальная принадлежность жены и мужа		Доля этнически смешанных семейных ячеек
		совпадают	различаются	
Азербайджанцы	109 574	98 137	11 437	10,4
Армяне	234 439	202 395	32 044	13,7
Киргизы	17 678	14 992	2 686	15,2
Таджики	20 129	16 058	4 071	20,2
Казахи	137 605	108 022	29 583	21,5
Узбеки	36 737	24 550	12 187	33,2
Туркмены	6 318	3 916	2 402	38,0
Грузины	23 340	13 042	10 298	44,1
Евреи	28 119	13 207	14 912	53,0
Молдаване	34 434	11 002	23 432	68,0
Украинцы	524 958	126 847	398 111	75,8
Белорусы	140 279	23 730	116 549	83,1
Немцы	104 128	14 250	89 878	86,3
Эстонцы	4 388	363	4 025	91,7
Литовцы	7 119	574	6 545	91,9
Латыши	4 373	239	4 134	94,5

Примечание. Национальности указаны в порядке возрастания доли этнически смешанных семей.

чественном уровне предположение о влиянии расселения для отдельного этноса представляется достаточно естественным, поскольку для упомянутых тувинцев, к примеру, шанс найти супругу другой национальности даже на территории преимущественного проживания оказывается крайне затруднительным для подавляющей части населения.

Как указанные соображения реализовать количественно? С этой целью предлагается обобщение на региональный уровень достаточно простой модели для оценки шансов образования этнически смешанных семей, первоначально использованной нами

в другой работе⁷. При этом соответствующие переменные и формулы приобретают индекс региона, а общее число смешанных пар для конкретной комбинации этносов для страны в целом рассчитывается путем суммирования региональных показателей.

Во многих этнических комбинациях число смешанных семей может объясняться не столько в каком-либо взаимном межэтническом предпочтении потенциальных супругов друг к другу, а их географической разделенностью, вызванной тем, что существенная часть этих народностей проживает в разных регионах страны. За счет этого вероятность их потенциальной встречи (проживания в одном населенном пункте, совместной работы или учебы) существенно снижается, а значит, и значительно снижаются для них шансы формирования новой семьи. Для того чтобы учесть этот фактор, предлагается модель «географической» декомпозиции.

Для формализации всех демографических переменных, описывающих этнически смешанные семьи, используются модели, позволяющие получить новые меры межэтнического взаимодействия, выполнить географическую декомпозицию с учетом распределения этносов по регионам страны. Эти модели были детально изложены автором в специальной работе⁸.

Укажем основные этапы обработки исходных микроданных переписи населения:

- 1) отбор списка национальностей;
- 2) выполнение серии запросов к системе⁹ для получения векторов, двух- и трехмерных матриц распределения семейных ячеек по регионам страны, национальности жены, национальности мужа и их комбинациям;
- 3) удаление малых значений редких смешанных семей;

⁷ Сороко Е. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 96—123.

⁸ Сороко Е.Л. Метод декомпозиции при анализе этнически смешанных семей в многонациональной стране // XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. 11—14 апреля 2017 г. НИУ ВШЭ. Секция Р. Демография и рынки труда. URL: <https://conf.hse.ru/2017/program#11.04.2017>.

⁹ SuperWeb2. Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 годов. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>.

- 4) удаление диагонали матрицы семейных ячеек по этносу мужа и жены, отвечающей за этнически однородные семьи;
- 5) расчет оценок числа смешанных семей по регионам страны, потенциально возможных при полном отсутствии каких-либо этнических предпочтений;
- 6) расчет вклада географического компонента;
- 7) расчет «чисто этнического» компонента формирования смешанных семей;
- 8) определение межэтнической дистанции для всех комбинаций национальностей;
- 9) вычисление приведенных показателей распространенности смешанных семей по полу и национальности.

6.4. Приведенные показатели распространенности смешанных семей

Далее предлагается новый показатель, который относится к отдельной национальности и помогает дать ответ на вопрос о том, какой могла бы быть распространенность этнически смешанных семей после полного устранения фактора неравномерности распределения этносов по территории страны. Другими словами, приведенные показатели дают оценку того, что может произойти в стране в том случае, если все этносы равномерно распространены по регионам, а межэтнические дистанции неизменны. Результаты расчетов представлены в табл. 6.5.

Устранение географического фактора приводит для ряда национальностей к тому, что доля смешанных семей у них существенно увеличивается и у женщин, и у мужчин (у чеченцев, аварцев, даргинцев, тувинцев, ингушей и карачаевцев — в 10 раз и более). Несмотря на сильное требование равномерности расселения этносов по регионам, оно приводит к увеличению общего показателя распространенности смешанных семей по стране в целом всего лишь в 1,5 раза (точнее, на 7 п.п.). Необходимо также сделать замечание по поводу русских. Поскольку они и так довольно равномерно распределены по территории страны, а большая их часть живет в областях с русским большинством, декомпозиция дает для них увеличение приведенной доли смешанных семей по сравнению

Таблица 6.5. Приведенные и наблюдаемые доли смешанных семей по национальности, Россия, 2010 г., %

Национальность	Приведенные		Наблюдаемые	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Русские	8,09	10,94	5,90	7,82
Цыгане	35,45	30,47	16,04	12,92
Армяне	55,02	29,39	29,28	12,29
Азербайджанцы	58,60	19,96	33,43	9,17
Узбеки	61,95	38,94	56,18	33,65
Таджики	67,03	25,29	58,16	19,10
Татары	78,87	79,12	31,64	30,94
Казахи	81,75	79,31	24,23	21,28
Грузины	82,49	58,81	68,38	41,72
Даргинцы	83,17	57,07	7,70	5,45
Молдаване	85,05	78,18	77,20	67,94
Табасараны	85,33	73,19	11,82	11,47
Украинцы	85,65	83,61	80,16	77,22
Башкиры	87,28	89,09	30,11	33,39
Кумыки	88,16	75,70	10,24	8,57
Лезгины	88,28	74,20	11,56	7,81
Белорусы	92,93	91,69	86,24	83,86
Буряты	93,02	92,66	13,01	11,34
Аварцы	93,25	76,48	8,27	4,28
Лакцы	93,51	86,20	15,21	12,74
Якуты (саха)	94,04	95,99	8,60	10,12
Чеченцы	94,99	84,69	3,43	2,00
Чуваши	95,82	96,12	28,95	30,40
Марийцы	96,17	97,23	25,46	32,84
Немцы	96,82	96,26	90,20	88,36
Кабардинцы	96,93	94,43	7,03	4,50
Удмурты	97,33	97,76	37,07	40,67
Мордва	97,34	96,99	49,38	45,29
Тувинцы	97,73	99,33	1,93	3,39
Карачаевцы	97,78	95,71	9,03	4,92
Осетины	98,71	97,68	17,10	10,00
Ингуши	98,73	96,38	4,32	1,90
Коми	98,99	99,24	40,03	48,83
Все	19	12	—	—

с наблюдаемой по данным переписи всего на 2—3 п.п. (соответственно у мужчин и женщин).

6.5. Ранги этнической близости к русским для других национальностей

Рассмотрим оценки этнической близости к русским других 32 национальностей. По сравнению с нашей более ранней работой¹⁰, эти оценки пересчитаны: с использованием метода географической декомпозиции устранен фактор расселения разных национальностей по территории страны; для агрегирования по полу межэтнической дистанции использовалась не средняя арифметическая, а средняя геометрическая величина как более обоснованная. Результат представлен далее — 32 национальности в порядке увеличения этнической дистанции от русских в смешанных семьях (Россия, 2010 г.): 1) украинцы; 2) мордва; 3) чувашаи; 4) немцы; 5) белорусы; 6) удмурты; 7) коми; 8) татары; 9) марийцы; 10) молдаване; 11) армяне; 12) лезгины; 13) грузины; 14) осетины; 15) лакцы; 16) цыгане; 17) башкиры; 18) чеченцы; 19) ингуши; 20) азербайджанцы; 21) кумыки; 22) табасараны; 23) даргинцы; 24) якуты (саха); 25) аварцы; 26) узбеки; 27) кабардинцы; 28) таджики; 29) казахи; 30) буряты; 31) карачаевцы; 32) тувинцы.

Интересно, что данные о максимальной близости украинцев к русским при формировании этнически смешанных семей нашли свое подтверждение при анализе таких семей в Казахстане¹¹, где они также оказались самыми близкими этносами. Необходимо отметить, что, несмотря на различия в методиках расчета этой дистанции в первоначальном варианте¹² и после декомпозиции, взаимное положение многих этносов сохранилось, например украинцы — мордва — башкиры — чеченцы. Но, с другой стороны,

¹⁰ *Сороко Е.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 96—123.

¹¹ *Козлов В.А., Айгозина Г.К.* Межнациональные браки в Казахстане: оценка предпочтений с помощью матрицы межэтнических расстояний // Демоскоп Weekly. 2017. № 733—734 (19 июня — 31 июля). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0733/analit03.php>.

¹² *Сороко Е.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 96—123.

не должны вызывать возражений или сомнений различия в рангах в этих двух ее версиях, поскольку в новой методике учтен новый существенный фактор — региональный.

6.6. Симметрия межэтнических дистанций супругов у отдельных национальностей

Для иллюстрации свойства симметрии межэтнических дистанций рассмотрим этнически смешанные семьи, в которых жена или муж — грузины. Их наиболее распространенные комбинации представлены в табл. 6.6.

Таблица 6.6. Число этнически смешанных супружеских пар, в которых муж — грузин или жена — грузинка, для пяти этносов, Россия, 2010 г.

Национальная принадлежность мужа	Жена — грузинка	Национальная принадлежность жены	Муж — грузин
Армяне	750	Армяне	686
Азербайджанцы	174	Азербайджанцы	113
Русские	3881	Русские	16754
Украинцы	174	Украинцы	516
Татары	91	Татары	379

Отметим, что абсолютное число пар для различных этнических комбинаций отличается более чем в 100 раз. Однако непосредственно выявить какие-либо особенности этих 10 комбинаций достаточно затруднительно, поскольку пропорции участвующих национальностей различаются не только в населении страны, но и разным их участием в формировании смешанных семей.

В табл. 6.7 представлены результаты расчета межэтнических дистанций с учетом численности каждого из участвующих этносов после устранения влияния «географического» фактора, выполненного с использованием предложенного метода декомпозиции.

Ранги пяти этносов у супругов совпадают в данной таблице как для жен, так и мужей. Более того, сами дистанции оказываются достаточно близкими количественно. Такое яркое проявление данного свойства можно оценить как достаточно неожиданное, тем более что данный результат крайне сложно предугадать на основа-

Таблица 6.7. Межэтнические дистанции между грузинками/грузинами и пятью этносами их супругов, Россия, 2010 г.

Национальная принадлежность мужа	Жена — грузинка	Национальная принадлежность жены	Муж — грузин
Армяне	0,36	Армяне	0,41
Азербайджанцы	0,55	Азербайджанцы	0,46
Русские	0,57	Русские	0,63
Украинцы	2,99	Украинцы	3,00
Татары	3,23	Татары	3,05

Примечание. Этноты размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции. нии одних только сведений об абсолютном числе этнически смешанных пар.

Для иллюстрации обнаруженного свойства можно использовать средства визуализации показателей этнически смешанных семей. В качестве прообраза наиболее подходящего такого средства может служить традиционная возрастно-половая пирамида. Ее модификацией будет пирамида этнически смешанных семей по полу супругов для анализируемых этносов. На рис. 6.5 представлен один из вариантов такой пирамиды.

Данное свойство симметрии по полу наблюдается лишь для некоторых национальностей, проживающих в России. Еще один пример — молдаване (табл. 6.8).

Свойство симметрии, отмеченное у грузин, не выполняется у молдаван столь «строго», так как рейтинги разных этносов для супругов разного пола несколько различаются (у мордвы и башкир). Наглядно данные отличия изображены на рис. 6.6.

После применения метода декомпозиции и ранжирования межэтнической дистанции для разных национальностей появилась возможность выявить некоторые новые свойства. Среди них, например, «сильная» взаимная близость некоторых комбинаций этносов и ее симметрия по полу. Проявляется она в том, что при формировании смешанных семей между двумя этносами для первого второй этнос является наиболее близким этнически, и такая близость имеет место как для мужчин, так и для женщин. При этом такая близость имеет место и в обратном отношении, когда первый этнос оказывается наиболее близким для второго, причем

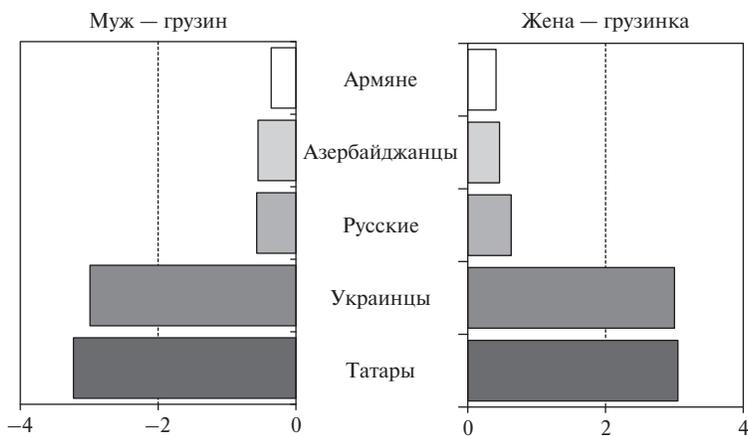

Рис. 6.5. Пирамида межэтнической близости по полу, Россия, грузины, 2010 г.

Примечание. Этности размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции.

Таблица 6.8. Межэтнические дистанции между молдаванками/ молдаванами и семью этносами их супругов, Россия, 2010 г.

Национальная принадлежность мужа	Жена — молдаванка	Национальная принадлежность жены	Муж — молдаванин
Цыгане	0,16	Цыгане	0,14
Русские	0,50	Русские	0,64
Украинцы	1,60	Украинцы	1,91
Мордва	2,24	Башкиры	2,26
Башкиры	2,63	Мордва	2,49
Чуваши	2,87	Чуваши	2,59
Татары	3,77	Татары	3,26

Примечание. Этности размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции.

также у мужей и жен. «Близость» означает оценку взаимного положения национальностей в обобщенном многомерном пространстве этносов относительно друг друга в терминах межэтнической дистанции. Примеры таких комбинаций в смешанных семьях в 2010 г.: русские и украинцы, цыгане и молдаване, киргизы и таджики.

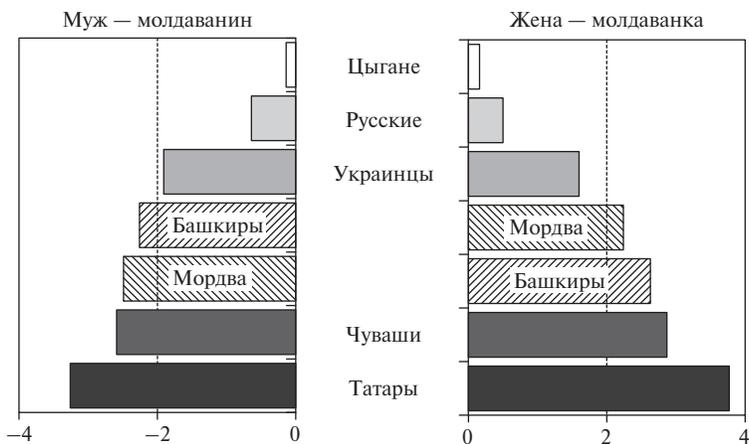

Рис. 6.6. Пирамида межэтнической близости по полу, Россия, молдаване, 2010 г.

Примечание. Этносy размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции.

Еще одно свойство — наличие немалого числа национальностей, для которых в их смешанных браках наиболее близкими оказываются русские супруги.

Необходимо выделить три группы этносов: 1) те, для которых мужьям наиболее близки русские жены, 2) для которых женам в смешанных браках наиболее близки русские мужья и, наконец, 3) у которых русские супруги близки как для мужей, так и для жен. Русские жены оказываются наиболее близкими для лакцев и табасаранов, а русские мужья — для татарок, мордочок, мариек, осетинок, лезгинок и коми. Для пяти этносов данное свойство обнаруживается для супругов любого пола — и мужей, и жен. К ним относятся украинцы, чувашы, белорусы, удмурты и немцы.

Итак, результаты, которые были получены с использованием предложенных показателей этнически смешанных семей, метода декомпозиции и алгоритмов расчета межэтнических дистанций, демонстрируют возможности дальнейшего более детального анализа их формирования. Они позволяют существенно уточнить используемые прежде показатели, обнаружить новые свойства и закономерности, приблизиться к более глубокому пониманию осо-

бенностей процессов межэтнического взаимодействия. Остается надеяться, что предлагаемые показатели будут востребованы в исследовании этнической структуры населения страны, ее прогнозах и уточнении наших представлений об ассимиляции и этнической дифференциации демографических процессов.

7. Рождаемость и планирование семьи в России: новейшие тенденции в свете результатов микропереписи населения 2015 г. и на фоне долговременных процессов

7.1. Исчерпание потенциала положительного влияния возрастной и брачной структуры на число рождений

В 1999 г. число зарегистрированных живорождений в России достигло исторического минимума — 1214,7 тыс. (без учета рождений в Чеченской Республике, в которой демографические события в те годы не регистрировались в установленном порядке). В 2000—2014 гг. число рождений в России увеличивалось (исключение — 2005, 2013 гг.). Сопоставимое число живорождений в 2014 г. — 1880,5 тыс. (т.е. без рождений в Чеченской Республике) — стало намного больше, чем в 1999 г.: на 665,8 тыс., или на 54,8%. С учетом рождений в Чеченской Республике, но без Крыма число родившихся в 2014 г. составило 1913,5 тыс., что лишь совсем немного ниже, чем фиксировалось в 1990 г. (1988,9 тыс.). Однако далее произошло снижение числа рождений, и сопоставимое с предыдущими двумя числами значение составило 1911,0 тыс. в 2015 г. и 1860,4 тыс. в 2016-м. Есть все основания полагать, что в 2017 г. снижение продолжалось еще более высокими темпами (предварительные данные регистрации демографических событий в загсах за три квартала говорят о неизбежном падении числа рождений в 2017 г. не менее чем на 10%).

Благоприятная возрастная структура населения способствовала увеличению числа рождений на протяжении последних двух десятилетий. Так, численность женщин в основных репродуктивных возрастах (от 20 до 35 лет) находилась в фазе роста с начала 2000-х годов, и это положительно сказывалось и на числе браков, и на числе рождений.

В последние годы численность отдельных репродуктивных возрастных групп начала меняться в разных направлениях: числен-

ность молодых женщин до 25 лет быстро сокращается, и это негативно влияет на число рождений, а численность женщин старше 25 лет пока еще увеличивается, оказывая положительное воздействие на потенциальное число рождений. Увеличение числа женщин в старших репродуктивных возрастах в современной России более важно для прироста рождений, чем изменения численности женщин в возрасте до 25 лет, поскольку средний возраст материнства, как и возраст вступления в брак, в последние 15 лет имел тенденцию к повышению и превысил 28 лет в 2014 г. (см. далее).

Итак, одновременный рост числа потенциальных матерей в старших репродуктивных возрастах и интенсивных показателей рождаемости в этих же возрастах обеспечивал прирост рождений в 2000-х годах. Вклад же молодых женщин до 25 лет за эти полтора десятилетия был отрицательным. Однако рост численности женщин с растущей рождаемостью подошел к концу: численность ключевой группы 25—29-летних женщин достигла максимума в 2012 г., после чего начала быстро падать. В ближайшие два года она станет меньше, чем была в 2000 г. Для следующей группы — 30—34-летних — точкой перелома станет 2018 г. В целом суммарная численность женщин 20—39 лет в России быстро уменьшается, и, соответственно, удержать нынешнее число рождений шансов практически нет, даже при условии очень щедрой социальной политики.

7.2. Изменения итоговой величины рождаемости реальных поколений: долговременные исторические тенденции

Показатель итоговой рождаемости, не зависящий от половозрастной структуры населения, — коэффициент суммарной рождаемости (КСР, число рождений в расчете на одну женщину условного поколения, вычисляемый для календарных лет) — говорит о том, что в России в 1999—2015 гг. (кроме 2005 г.) наблюдался поступательный рост интенсивности деторождения, отозвавшийся и некоторым увеличением показателя итоговой рождаемости для реальных поколений (ИРП). Оба этих показателя отражены на рис. 7.1, 7.2. Первый рисунок демонстрирует долговременную историческую динамику обоих показателей с середины XIX в., т.е.

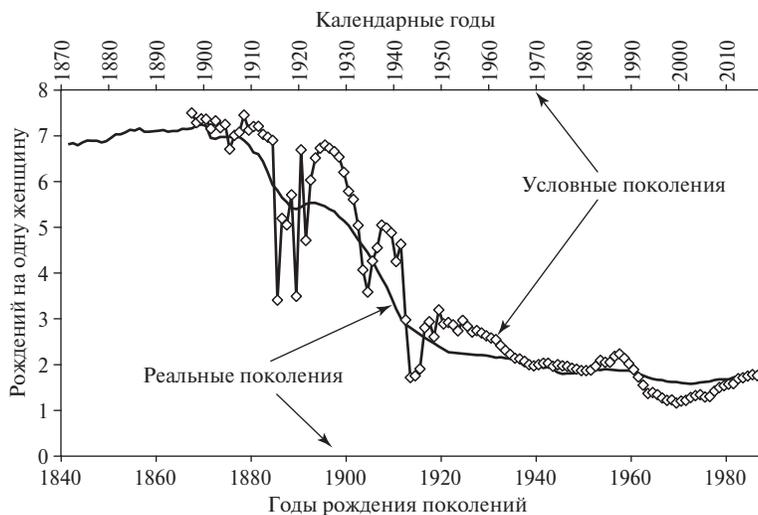

Рис. 7.1. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений, поколения 1840—1986 годов рождения, календарные годы — 1897—2016, Россия

Примечание. Для поколений после 1966 года рождения — прогноз, основанный на сохранении возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2016 г.

Источники: Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 157; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

за все время демографического перехода в России, а второй детализирует первый на отрезке календарного времени после 1960 г. За последние 50 лет Россия пережила три волны активности государства в области семейной и демографической политики: в первой половине 1970-х годов, в 1980-х годах и после 2005 г. Каждая попытка государства улучшить ситуацию с рождаемостью находила незамедлительное отражение в изменениях конъюнктурного показателя, которым является КСР. В то же время в характере динамики показателя ИРП, который призван отражать истинный уровень рождаемости поколений, если меры политики и сказывались, то в очень слабой форме.

Не является исключением и последний случай, связанный с реализацией Концепции демографической политики на период до 2025 г., принятой в 2006 г. и прямо направленной на стимулиро-

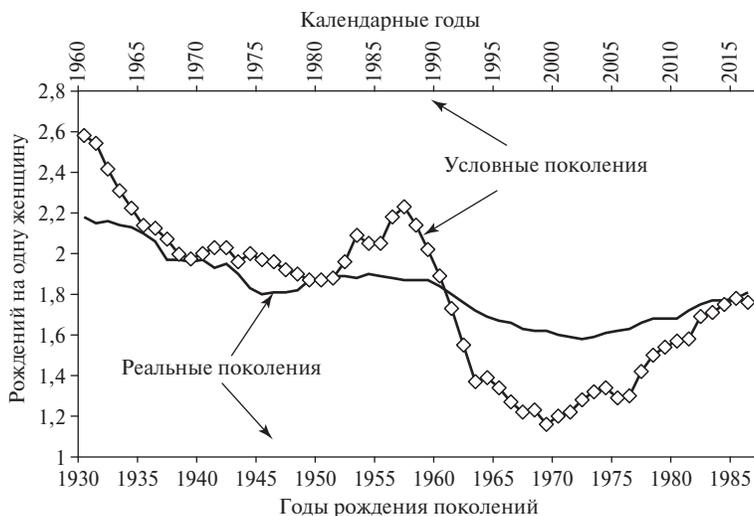

Рис. 7.2. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений, поколения 1930—1986 годов рождения, календарные годы — 1960—2016, Россия

Примечание. Для поколений после 1966 года рождения — прогноз, основанный на сохранении возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2016 г.

Источники: Демографическая модернизация России, 1900—2000. М., 2006. С. 157; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

вание рождаемости. Несмотря на кажущийся выдающимся рост КСР с 1,3 рождения на одну женщину в 2006 г. до 1,78 в 2015 г., увеличение итоговых показателей рождаемости для реальных поколений оказывается куда как более скромным: с 1,60 рождения для женщин, родившихся в конце 1960-х — первой половине 1970-х годов, до ожидаемых 1,76 в среднем на одну женщину, родившуюся в первой половине 1980-х годов. Кроме того, можно выразить серьезное сомнение в том, что даже этот скромный прирост итоговой рождаемости реальных поколений можно целиком отнести на счет проводимой политики¹.

¹ См. подробнее: Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106—143; Захаров С. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России // Демографическое обозрение. 2016. № 3.

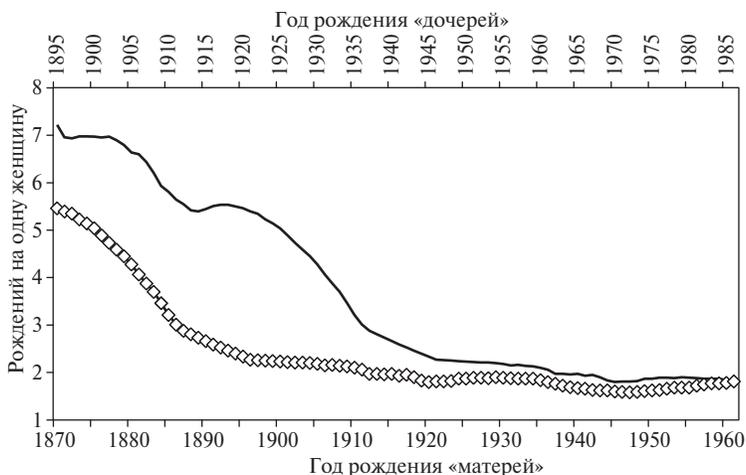

Рис. 7.3. Итоговая рождаемость поколений «матерей», рожденных в 1870—1961-х годах, и их «дочерей», рожденных в 1895—1986-х годах, Россия

Примечание. Для поколений 1965 года рождения и моложе значение итоговой рождаемости — ожидаемая величина при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 2015 г.

Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных на рис. 7.1.

В 2016 г. были зафиксированы признаки снижения интенсивности деторождения — КСР снизился до 1,76, а в 2017 г. можно с уверенностью утверждать, что этот показатель не будет значимо превышать 1,6 в расчете на одну женщину. Даже если снижение показателей для условных поколений не продолжится, стабилизация ИРП на уровне 1,6—1,7 едва ли может считаться столь уж большим успехом усилий российского государства по увеличению рождаемости, предпринятых в последнее десятилетие.

Итоговая рождаемость для поколений 1970-х и 1980-х годов рождения, очевидно, будет ниже итоговой рождаемости у их матерей, родившихся в 1950-х и 1960-х годах, что свидетельствует о продолжении исторической тенденции снижения рождаемости,

С. 6—38; № 4. С. 6—26; Андреев Е., Захаров С. Микрореперись—2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп-Weekly. 2017. № 711—712 (1—22 января). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php>.

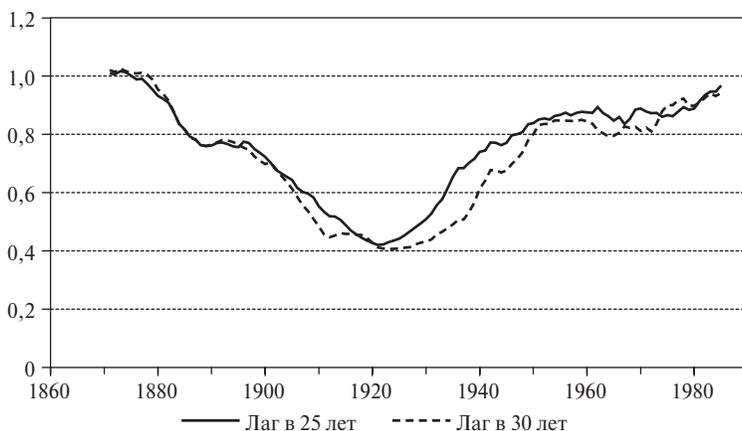

Рис. 7.4. Отношение значений итоговой рождаемости поколений «дочерей» к значениям у их «матерей» при длине поколения, принятой 25 и 30 лет, Россия

Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных на рис. 7.1 и 7.3.

которую пока не удастся переломить (рис. 7.3). С другой стороны, сближение уровней рождаемости материнских и дочерних поколений — исторический факт, свидетельствующий, в частности, о завершенности демографического перехода к рождаемости, регулируемой на индивидуальном и внутрисемейном уровне, и утверждении двухдетной семьи в качестве желанной и наиболее распространенной модели². Если принять историческую вариацию длины поколения в интервале от 25 до 30 лет³, то можно ожидать, что россиянки, родившиеся в 1970—1980-х годах и завершающие сегодня деторождение, родят в среднем на 10% меньше детей, чем их «матери» 1940—1950-х годов рождения. Для сравнения: их «бабушки», родившиеся в первых десятилетиях XX в., произвели на свет наполовину меньше детей, чем их «прабабушки» — женщины, родившиеся на рубеже XIX и XX вв. (рис. 7.4).

² Демографическая модернизация, 1900—2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 153—176.

³ Длина поколения в демографии — интервал времени между появлением поколений родителей и детей. Если пренебречь влиянием смертности женщин в интервале репродуктивных возрастов, он приблизительно равен среднему возрасту матери при рождении дочерей всех порядков рождения и находится обычно в интервале от 25 до 30 лет.

7.3. Уровень рождаемости в городском и сельском населении: конвергентно-дивергентные качели под влиянием демографической политики

Ведущей исторической тенденцией выступает уменьшение территориальной дифференциации рождаемости не только в России, но и во всех странах, переживших переход к низкой рождаемости. В силу неравномерности зарождения условий переходных процессов в начале демографического перехода неизбежно увеличиваются различия между авангардными и арьергардными социальными группами, народами и территориальными общностями. Далее, по мере завершения активной фазы формирования идеалов малодетности для большинства населения, социальная дифференциация рождаемости начинает уменьшаться, и социально-демографическая однородность населения на любом уровне рассмотрения структурных элементов социальной системы становится ведущей закономерностью.

Однако в отдельные периоды даже постпереходные общества могут переживать кратковременное увеличение социальных, в том числе и региональных, различий. Как уже отмечалось нами в предыдущих работах, интенсивное откладывание рождений и начало трансформации возрастной модели рождаемости в 1990-х годах вызвали кратковременное увеличение межрегиональной вариации КСР, что сигнализировало о несинхронных изменениях календаря рождаемости в разных регионах, которые каким-то непростым образом были связаны с фундаментальными, но и в то же время территориально-неоднородными процессами, протекающими в социальной и экономической сфере. Далее к началу 2000-х годов степень однородности российских регионов вернулась к уровню, характерному для 1980-х⁴.

Меры поощрения рождаемости, введенные в действие после 2005 г., также вызвали сильное увеличение регионального разнообразия показателей рождаемости, в особенности среди населения, проживающего в сельской местности. На финансовые стимулы

⁴ См.: Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 158—173.

преимущественно отозвались отдельные народности, социальные группы и административно-территориальные образования, для представителей которых характерны более традиционный уклад жизни, невысокое образование, занятость в сельском хозяйстве и т.п.⁵

Эволюция сельско-городских различий в России за более чем полувековую историю может быть прослежена на данных, представленных на рис. 7.5 и в табл. 7.1.

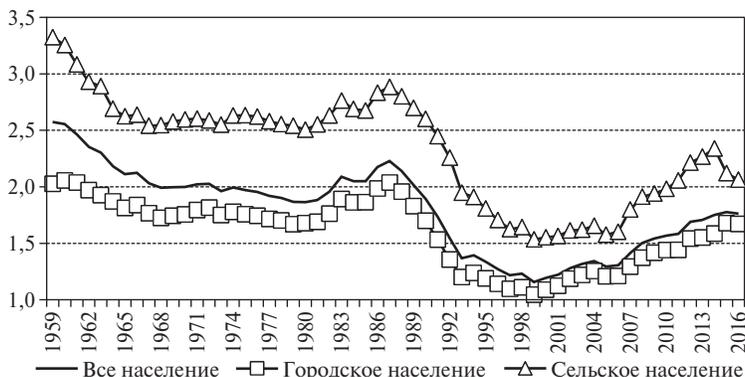

Рис. 7.5. Итоговая (суммарная) рождаемость, в том числе для городского и сельского населения, на одну женщину условного поколения, Россия, 1959—2016 гг.

Источник: Оценка автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

В силу того что уже начиная с 1960-х годов в России городское население по своей численности преобладает над сельским, и это преобладание усиливалось вплоть до конца 1980-х, уровень рождаемости для страны в целом все сильнее определялся уровнем и изменением показателей в городской местности (см. рис. 7.5). В то же время различия в величине КСР между городскими и сельскими жителями хотя постепенно и уменьшались в силу известного процесса распространения городского образа жизни, но оставались все-таки значимыми и к концу советской эпохи составляли более 0,8 рождения на одну женщину (см. табл. 7.1).

⁵ См.: Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 158—173.

Таблица 7.1. Итоговая (суммарная) рождаемость, в том числе для городского и сельского населения, на одну женщину условного поколения, Россия, 1960—2016 гг.

Год	Население			Разница между городским и сельским населением
	Все	Городское	Сельское	
1960	2,575	2,026	3,324	1,198
1965	2,112	1,812	2,624	0,812
1970	1,998	1,754	2,544	0,843
1975	1,972	1,757	2,634	0,877
1980	1,865	1,678	2,506	0,828
1985	2,050	1,864	2,674	0,810
1990	1,893	1,698	2,600	0,902
1995	1,337	1,189	1,807	0,619
2000	1,195	1,089	1,554	0,464
2001	1,223	1,124	1,564	0,440
2002	1,281	1,187	1,612	0,425
2003	1,319	1,220	1,620	0,400
2004	1,344	1,253	1,654	0,401
2005	1,294	1,207	1,576	0,369
2006	1,305	1,210	1,601	0,391
2007	1,416	1,294	1,798	0,505
2008	1,502	1,372	1,912	0,540
2009	1,542	1,415	1,941	0,526
2010	1,567	1,439	1,983	0,543
2011	1,583	1,442	2,056	0,613
2012	1,691	1,542	2,215	0,673
2013	1,708	1,551	2,266	0,715
2014	1,750	1,585	2,339	0,754
2015	1,776	1,677	2,120	0,443
2016	1,762	1,672	2,064	0,392

В первом пятилетии 2000-х годов сельско-городские различия в абсолютном измерении продемонстрировали быстрое двукратное сокращение, достигнув исторически беспрецедентно низких величин — менее 0,4 рождения в расчете на одну женщину

условного поколения (см. табл. 7.1). Однако вскоре в условиях действия активных мер пронаталистской политики различия между городскими и сельскими жителями вновь резко увеличились и к 2014 г. почти достигли значений, характерных для 1980-х годов (0,75 рождения на одну женщину). Логично предположить, что меры политики вызвали более сильные календарные сдвиги в рождаемости именно сельских жителей, и по мере исчерпания потенциала роста конъюнктурных показателей за счет таких подвижек итоговые показатели рождаемости для условных поколений (КСР) в сельской местности должны были продемонстрировать более значимое падение, чем для городских жителей. Так оно и случилось: в 2015—2016 гг. КСР для сельского населения быстро падал, и, соответственно, сельские и городские показатели вновь обнаружили конвергентное движение⁶. В 2016 г. разница между величинами КСР в городской и сельской местности вернулась к уровню 2005—2006 гг. — 0,39 рождения на одну женщину. Дальнейший мониторинг развития ситуации покажет, имеем ли мы дело с восстановлением более долговременных конвергентных исторических трендов или с очередными качелями в изменении соотношений конъюнктурных показателей.

7.4. Изменение возрастного профиля материнства и его влияние на уровень рождаемости в России

И прирост, и убыль числа рождений далеко не всегда пропорциональны приросту и убыли числа женщин, так как одновременно может меняться интенсивность рождаемости в разных возрастах. В России в течение более двух последних десятилетий

⁶ Справедливости ради надо заметить, что некоторые изменения в практике регистрации демографических событий, принятые Росстатом в 2014—2015 гг., которые мы здесь не обсуждаем, могли способствовать возникновению редко встречающегося на практике разнонаправленного изменения КСР: в 2015 г. в сельской местности показатель резко упал (более чем 0,2 рождения на одну женщину), а в городской местности он значимо подрос (почти на 0,1 рождения). В то же время трудно количественно определить роль фактора изменения регистрационных процедур в сокращении сельско-городских различий в 2015-м и далее в 2016 г.

наблюдались изменения возрастного профиля рождаемости в сторону его «постарения», что соответствовало общемировой тенденции, возникшей в конце 1960-х — начале 1970-х годов в странах Северной и Западной Европы, к которой Россия и ее соседи по Восточной и Центральной Европе присоединилась с опозданием более чем на два десятилетия. На протяжении долгой истории в России наибольшей рождаемостью отличались женщины в возрасте 20—24 года (см. табл. 7.1). Но в 1990-е годы, когда число женщин этого возраста увеличивалось, рождаемость у них быстро падала. В это же время еще более значительно упали коэффициенты рождаемости у матерей моложе 20 лет. Затем снижение рождаемости у матерей до 25 лет затормозилось, но стала устойчиво увеличиваться рождаемость у женщин 30—34 лет, а потом и у женщин 25—29 лет. В 2008 г. рождаемость этой возрастной группы впервые превзошла рождаемость в группе 20—24 года, и далее разрыв между ними увеличивался в пользу более старшей группы. Рождаемость женщин 30—34 лет с конца 1990-х годов увеличилась более чем в 2 раза и, превысив предыдущий локальный максимум середины 1980-х годов, очень сблизилась с рождаемостью 20—24-летних женщин. У женщин в возрастах старше 35 лет коэффициенты рождаемости за полтора десятилетия росли еще более высокими темпами — четырехкратный рост после 1999 г. (табл. 7.2).

Такая последовательность изменений в возрастных коэффициентах рождаемости — снижение коэффициентов для самых молодых возрастных групп и затем рост для старших групп — свидетельствует о том, что в трудные для российского общества 1990-е годы происходило интенсивное откладывание рождений в реальных поколениях, а в 2000-х эти поколения наверстывали упущенное время — отложенные рождения усиленно реализовывались⁷. К этому процессу добавилась более принципиальная и с исторической точки зрения совершенно новая для России тенденция — не вынужденное, а целенаправленное начало формирования семей во все более позднем возрасте, которое продемонстрировали поколения россиян, родившиеся во второй половине 1960-х годов и позднее. Вступление в брак и начало процесса деторождения

⁷ Фрейка Т., Захаров С. Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106—143.

Таблица 7.2. Возрастные коэффициенты рождаемости, 1970—1995, 1999—2016 гг., Россия, на 1000 женщин соответствующего возраста

Год	Возрастная группа						
	15—19*	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49**
1970	29,0	149,8	108,5	68,7	32,4	8,7	0,9
1975	34,7	158,3	108,9	58,4	27,7	7,3	0,6
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4
1985	47,2	165,0	112,9	59,7	23,3	3,6	0,3
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2
1995	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1
1999	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1
2001	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1
2002	27,3	95,3	74,8	41,6	14,6	2,6	0,1
2003	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1
2004	28,2	94,2	80,1	45,8	17,6	2,9	0,1
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2
2006	28,2	87,8	78,4	46,6	18,6	3,1	0,2
2007	28,3	89,5	86,9	54,1	22,7	3,9	0,2
2008	29,3	91,2	92,4	60,0	25,8	4,6	0,2
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30,0	5,9	0,3
2011	27,4	88,0	99,5	67,8	31,1	6,2	0,3
2012	27,4	91,2	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3
2013	26,7	89,9	107,5	76,2	36,8	7,4	0,4
2014	26,1	89,6	110,1	79,9	39,0	8,1	0,4
2015	24,1	89,9	112,6	83,1	39,8	8,3	0,5
2016	21,6	87,0	111,4	84,5	41,0	8,8	0,5
2016/1999***	0,747	0,949	1,749	2,624	3,689	3,924	4,353
2016/2015***	0,895	0,969	0,990	1,017	1,030	1,055	1,094

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

*** В расчетах темпов роста использованы более точные значения исходных коэффициентов рождаемости, чем приведенные в таблице с округлением до одного знака после запятой.

Источник: Расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

в возрастах старше 25 лет для женщин все более становятся социальной нормой. Мощные и последовательные подвиги в календарях рождений у поколений матерей 1960-х, 1970-х и 1980-х годов рождения не только привели к росту рождаемости у женщин старших возрастных групп, но и определили 15-летний рост КСР. В то же время итоговая рождаемость реальных поколений россиян (истинный показатель уровня рождаемости) меняется существенно менее значимо, что и выдает преимущественно «календарную природу» увеличения КСР.

Если обратить внимание на детальную картину изменений коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп женщин (рис. 7.6), то можно заметить, что пронаталистские меры государственной политики, направленные на стимулирование рождаемости, совершенно не повлияли на показатели рождаемости у женщин до 24 лет: она либо продолжала снижаться у самых молодых женщин, либо, как в возрастах 22 и 23 года, колебалась вокруг одного уровня⁸. Если бы не относительный провал в значениях коэффициентов в 2005—2006 гг., то едва ли можно было обнаружить дополнительное ускорение в росте коэффициентов рождаемости у женщин старше 25 лет под влиянием новых мер демографической политики, принятых в 2006—2007 гг., с их дальнейшим развитием. Близкий к линейному тренд увеличения показателей для женщин всех возрастов старше 24 лет наблюдался с 2000 г., а для 30-летних женщин рост проявил себя еще раньше — в середине 1990-х. Долговременный фактор, связанный с трансформацией возрастной модели рождаемости в России, очевидно, преобладает над конъюнктурными моментами, и пронаталистская политика играет в новейших тенденциях второстепенную роль.

Обобщенное представление о направленности трансформации возрастной модели рождаемости дает динамика значений среднего возраста матери, в том числе по очередности рождения, рассчитанных нами на основе данных регистрации рождений в органах

⁸ Правда, у сторонников активной политики стимулирования рождаемости, ищущих во всем ее положительные результаты, всегда наготове еще один аргумент: политика якобы «предотвратила или замедлила дальнейшее снижение рождаемости, которое наверняка продолжалось бы (происходило бы быстрее) в отсутствие стимулирующих мер». Этот аргумент на практике крайне трудно подтвердить или опровергнуть.

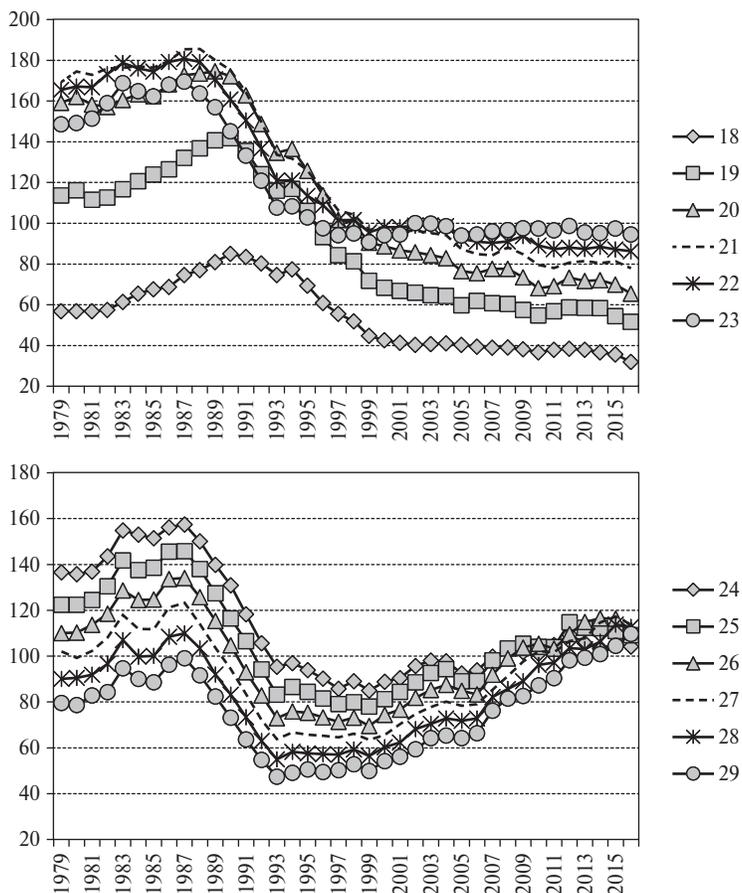

Рис. 7.6. Возрастные коэффициенты рождаемости для однолетних возрастных групп в расчете на 1000 женщин указанного возраста, Россия, 1979—2016 гг.

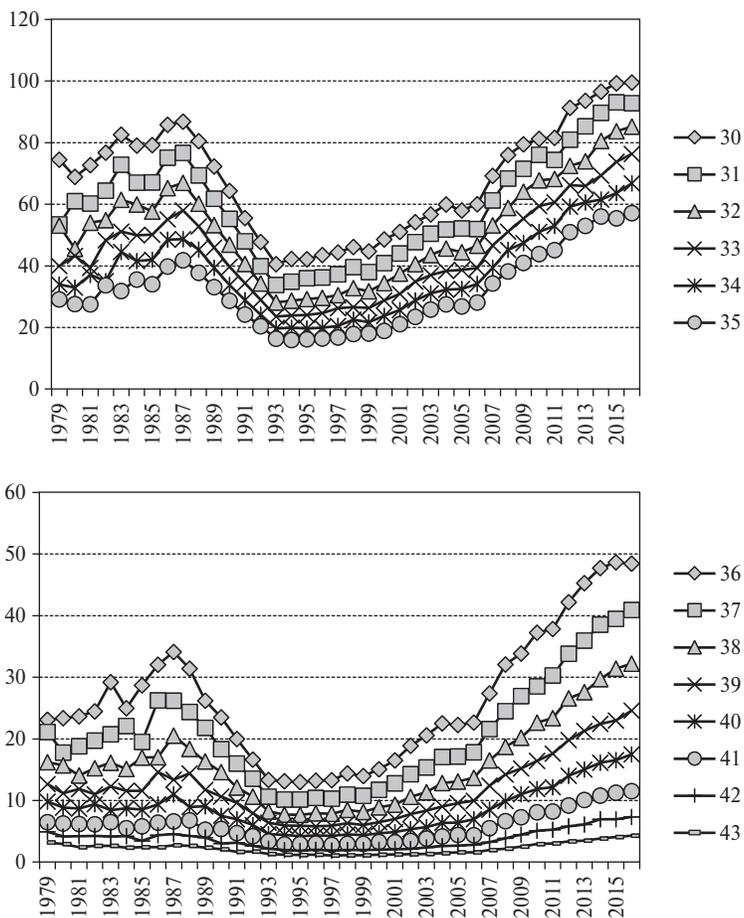

Рис. 7.6. (Окончание)

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

ЗАГС, представляемых в Росстат (табл. 7.3). Средний возраст материнства в 2016 г. в России, по нашей оценке, составил 28,42 года, в том числе при рождении первого ребенка — 25,63 года; второго — 29,63; третьего ребенка — 32,15 года. Эти значения не только в среднем на три года превышают наблюдаемые в 1990-х годах, когда они были минимальными за все послевоенное время, но даже уже превзошли показатели 1970-х и 1980-х годов.

Однако в самые последние годы увеличение среднего возраста материнства затормозилось, и в 2014—2015 гг. мы даже наблюдали снижение возраста матери при рождении вторых и последующих детей. Ближайшие перспективы увеличения возраста материнства не очевидны. Напомним, что повышение возраста вступления в брак в России, в отличие от большинства других стран, также притормозилось (см. разд. 5). Не будем спешить с утверждением, что трансформация возрастного профиля брака и материнства в России повернула в обратную сторону — в сторону омоложения. Однако данный факт подтверждает, что происходит ускорение темпов деторождения в семьях, и интервалы между рождением детей, особенно между первым и вторым ребенком, сокращаются. Логично предположить, что темпы деторождения ускорились под влиянием как самих мер демографической политики, так и близости сроков завершения программы материнского капитала и региональных пособий для поддержки многодетных семей. Правда, прямыми эмпирическими доказательствами данной взаимосвязи мы не располагаем. Широко разрекламированное решение правительства о первом продлении программы материнского капитала, принятое в конце 2015 г., а затем и принятие решения о дальнейшем пролонгировании программы в декабре 2017 г.⁹,

⁹ Президент РФ В. Путин 30 декабря 2015 г. подписал закон о продлении программы материнского капитала на два года (см.: Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 433-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512300055> (дата обращения: 17.04.2018)). В декабре 2017 г. было принято решение о дальнейшем продлении программы до 31 декабря 2021 г. (см.: Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712290001> (дата обращения: 17.04.2018)).

Таблица 7.3. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1970—1995, 1999—2016 гг., лет

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие
1970	26,88	23,64	28,25	30,78	32,61	35,92
1975	26,38	23,29	27,77	30,78	32,70	36,00
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1985	25,78	22,92	27,13	30,03	31,56	34,71
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
1999*	25,57	23,29	27,70	30,68	32,30	34,53
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,49	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,39	23,96	28,77	31,51	32,99	34,85
2005*	26,53	24,10	28,92	31,60	33,01	34,97
2006*	26,61	24,20	29,04	31,69	33,11	34,99
2007*	26,96	24,33	29,14	31,76	33,18	35,01
2008*	27,18	24,44	29,30	31,94	33,34	35,16
2009*	27,38	24,67	29,44	32,02	33,34	35,07
2010*	27,65	24,90	29,55	32,19	33,41	35,09
2011*	27,69	24,91	29,49	32,16	33,42	35,06
2012	27,85	25,01	29,52	32,21	33,38	34,99
2013	27,98	25,19	29,54	32,22	33,38	34,93
2014	28,12	25,30	29,53	32,21	33,33	34,86
2015**	28,24	25,46	29,52	32,15	33,23	34,70
2016**	28,42	25,63	29,63	32,15	33,25	34,75

* Оценки для 1999—2011 гг. базируются на использовании неполных данных: только для тех территорий, которые сохраняли и предоставляли в Росстат разработку данных о рождениях одновременно по возрасту матери и очередности рождения. Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 47.

** Без данных по Крыму.

Источники: Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>); расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата с использованием в качестве весов коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп.

по той же логике должны ослабить воздействие конъюнктурных факторов на календарь деторождения в российских семьях.

Повышение возраста матери при повторных рождениях тормозится уже несколько лет, но пока оно не привело к снижению вклада матерей старших возрастов в итоговую рождаемость. Если несколько десятилетий назад КСР формировался более чем на половину за счет репродуктивной активности самых молодых женщин до 25 лет, то сегодня решающий вклад вносят более социально зрелые и экономически самостоятельные женщины: женщины старше 25 лет обеспечивают $\frac{2}{3}$ величины коэффициента суммарной рождаемости, в том числе женщины старше 30 лет — более $\frac{1}{3}$ его величины.

7.5. Брачная и внебрачная рождаемость в России: новые оценки с использованием данных микропереписи населения 2015 г.

7.5.1. Проблема количественного оценивания

Известно, что в последние 10 лет доля рождений у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке, в общем числе рождений снижалась. В 2005 г. после затяжного 20-летнего подъема она достигла 30%, а в 2016 г. уменьшилась до 21%. Одновременно в структуре внебрачных рождений в последние десятилетия происходят не совсем понятные изменения в соотношении долей рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления обоих родителей и на основании заявления одинокой матери. В 2016 г. после некоторых колебаний в предшествующие десятилетия доля детей, зарегистрированных на основе совместного заявления родителей, превысила долю детей у «одиноких матерей» и достигла исторического рекорда — 53% среди официально внебрачных рождений и 11% среди всех родившихся в стране.

В то же время структурные показатели рождаемости, оцениваемые в России ежегодно на основе данных регистрации рождений, не способны дать ответ на принципиальный вопрос: в каком направлении меняются показатели интенсивности брачной и внебрачной рождаемости, т.е. коэффициенты, учитывающие измене-

ния в возрастной и брачной структуре населения. Хорошо известно, что возрастная и брачная структура населения лиц в детородном возрасте менялась в России очень динамично, да и к тому же возрастной профиль вступления в брак и рождения детей также был подвержен значительным трансформационным изменениям.

Если возрастные коэффициенты рождаемости и такой широко распространенный интегральный показатель, рассчитываемый на их основе, как коэффициент суммарной рождаемости, оцениваются Росстатом и исследователями ежегодно, то оценки уровня рождаемости отдельно для женщин, состоящих и не состоящих в браке, выполняются в России редко и исключительно на авторской, неофициальной основе. Причин тому две.

Во-первых, состав населения по состоянию в браке на ежегодной основе в России не оценивается (статистические органы такие расчеты не делают, и нам не известны какие-либо попытки исследователей произвести такие оценки). В распоряжении исследователей имеются только результаты опросов населения о брачном статусе на моменты нерегулярно проводимых всероссийских переписей и микропереписей населения или еще менее репрезентативных выборочных исследований.

Во-вторых, общепринятые методологические основы оценивания возрастных и интегральных коэффициентов брачной и внебрачной рождаемости в мировой профессиональной среде отсутствуют.

Данные микропереписи 2015 г. предоставили очередную редкую возможность оценить брачный и внебрачный компоненты в общем уровне рождаемости в России. До этого методологически сопоставимые оценки интенсивности деторождения для женщин, состоящих и не состоящих в зарегистрированных браках, могут быть произведены также на моменты предыдущих опросов в рамках микропереписи 1994 г., переписей населения 2002 и 2010 гг. Для более раннего советского периода сопоставимые оценки сделаны быть не могут, поскольку вопрос о состоянии в зарегистрированном браке впервые в отечественной истории был задан только в рамках микропереписи населения 1994 г. (в советских переписях неразделимая категория «состоящие в браке» объединяла лиц, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, что вызывало проблемы их адекватного соотношения с рождениями,

зарегистрированными на основе свидетельства о браке между родителями).

Для раздельной оценки кумулятивных и интегральных (итоговых) показателей уровня брачной и внебрачной рождаемости для условных поколений (скажем, ожидаемой итоговой величины рождаемости женщин, состоящих в зарегистрированном браке, к возрасту 50 лет) требуется принять некий методологический подход, позволяющий учесть среднюю длительность пребывания в том или ином брачном состоянии, в нашем случае в зарегистрированном браке и вне него. В противном случае простое суммирование полученных обычным способом возрастных коэффициентов брачной и внебрачной рождаемости будет малоинформативным и, более того, нелогичным по существу. Известные учебники призывают этого не делать, поскольку лишь небольшое количество женщин пребывает непрерывно в браке или вне него на протяжении всех 35 лет (с 15 до 50).

В данной работе предлагается несложная и не требующая дополнительной информации процедура, призванная нормировать кумулятивные и итоговые коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости на величину оцененной некоторым образом средней ожидаемой длительности пребывания в браке и вне брака для женщин репродуктивного возраста.

7.5.2. Методология и результаты оценки интенсивности брачной и внебрачной рождаемости

Мы произвели расчеты возрастных коэффициентов рождаемости для всех женщин, а также отдельно для состоящих в зарегистрированном браке и не состоящих в нем (т.е. для всех прочих женщин) на основе данных о числе зарегистрированных рождений по возрасту и брачному состоянию матери в годы, смежные с годами переписей и микропереписей, — соответственно за 1993—1994, 2002—2003, 2010—2011 и 2015—2016 гг., и распределений женщин по брачному состоянию, зафиксированных в рамках опросов 1994, 2002, 2010, 2015 гг. (рис. 7.7). Распределения женщин, состоящих и не состоящих в зарегистрированном браке, были передвинуты на начало года, следующего за переписным. Расчеты производились для однолетних возрастных групп женщин, и соответственно были задействованы как опубликованные,

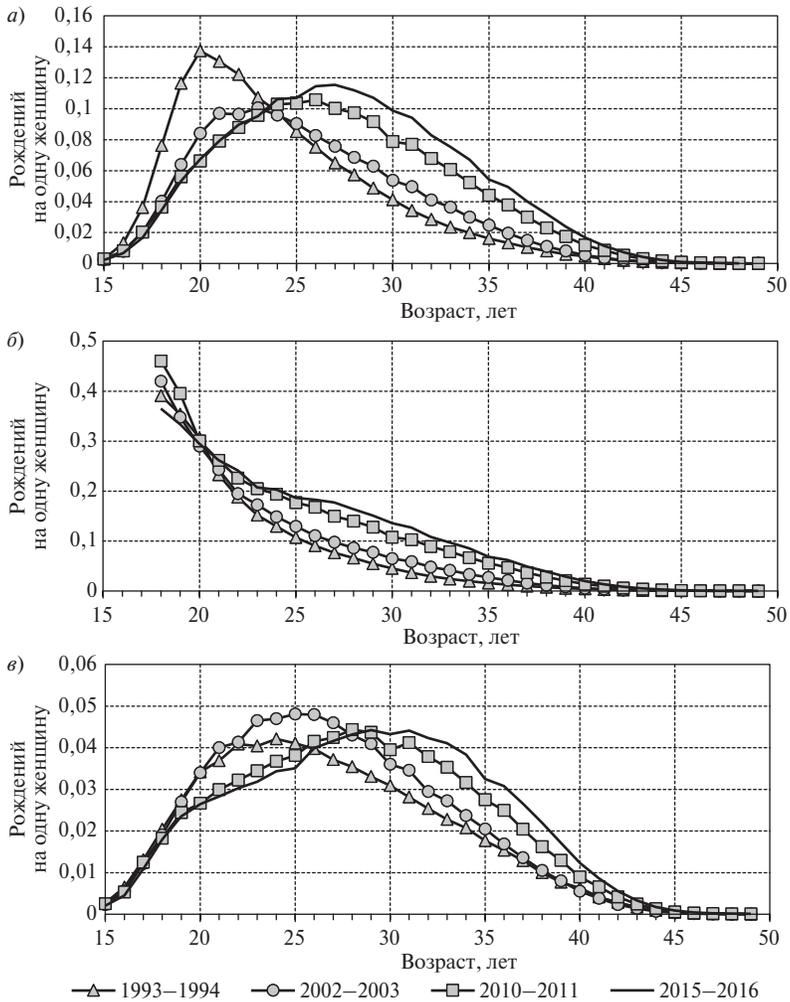

Рис. 7.7.

Возрастные коэффициенты рождаемости, Россия, 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016 гг.:
 а — для всех женщин без учета брачного состояния;
 б — для женщин, состоящих в зарегистрированном браке;
 в — для женщин, не состоящих в зарегистрированном браке

так и неопубликованные официальные данные Росстата (архивные данные текущего учета и данные, загруженные из открытых деперсонифицированных баз индивидуальных данных переписей и микропереписей населения).

Далее были рассчитаны кумулятивные возрастные коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости (в том числе итоговые к возрасту 50 лет), которые были затем нормированы на величину, которая может быть названа *коэффициентом использования оставшейся продолжительности жизни в репродуктивном возрасте для пребывания в зарегистрированном браке и соответственно вне зарегистрированного брака* для женщины того или иного возраста (без учета смертности). Для получения последнего показателя мы воспользовались подходом, предложенным в свое время М. С. Тольцем¹⁰. В качестве оценки ожидаемой средней продолжительности пребывания в том или ином брачном состоянии было предложено использовать сумму произведения долей, соответственно состоящих и не состоящих в браке (никогда не состоявших в браке, разведенных и вдовцов) на величину возрастных интервалов, к которым относятся эти доли в пределах от 15 до 50 лет.

Кумулятивные функции рождаемости (к указанному возрасту), нормированные на величину ожидаемой продолжительности пребывания в том или ином брачном состоянии, представлены на рис. 7.8, а в табл. 7.4 для женщин от 15 до 50 лет приведены ожидаемая средняя длительность пребывания в зарегистрированном браке и вне него и ожидаемые величины итоговой общей, брачной и внебрачной рождаемости (к возрасту 50 лет) для рассматриваемых лет.

¹⁰ Тольц М. С. Демографический анализ брачности: проблемы, методы, интерпретация результатов // Методы исследования / рук. авт. кол. А. Г. Вишневский. М.: Мысль, 1986. С. 79—95; Вишневский А. Г., Тольц М. С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988. С. 91—94.

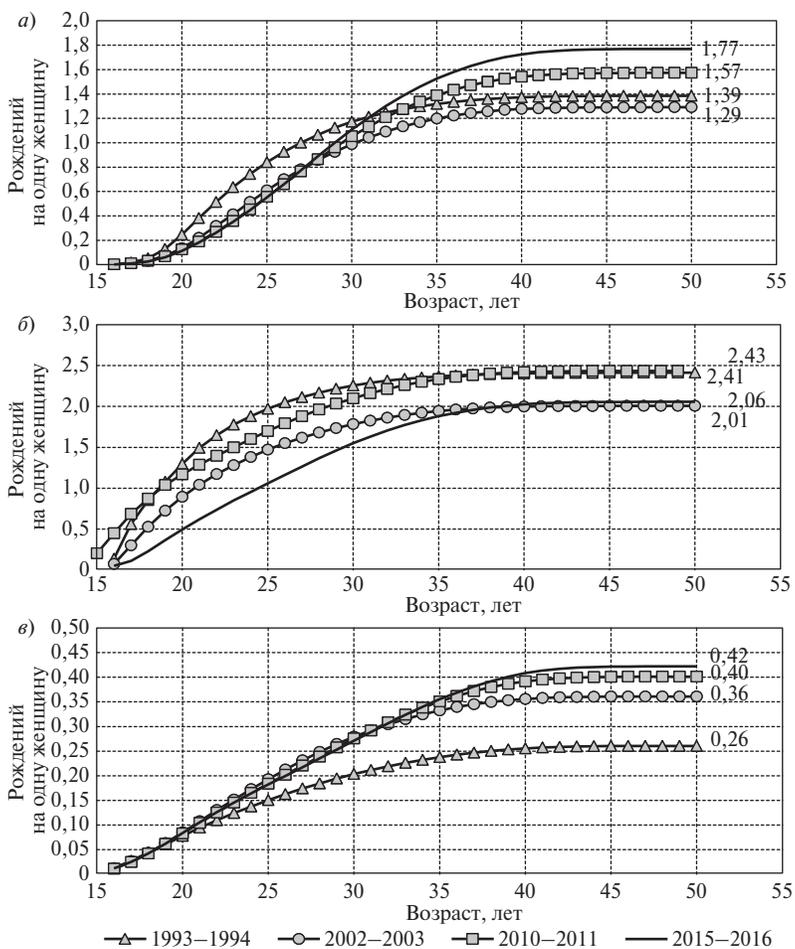

Рис. 7.8. Кумулятивные коэффициенты рождаемости, Россия, 1993—1994, 2002—2003, 2010—2011, 2015—2016 гг.:

a — для всех женщин (без учета брачного состояния); *б* — для женщин, состоящих в зарегистрированном браке, нормированные на ожидаемую среднюю длительность пребывания в зарегистрированном браке; *в* — для женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, нормированные на ожидаемую среднюю длительность пребывания вне зарегистрированного брака

Примечание. На рисунке также приведены ожидаемые величины итоговой рождаемости к возрасту 50 лет для рассматриваемых лет.

Таблица 7.4. Ожидаемая средняя длительность пребывания в зарегистрированном браке и вне него (без учета смертности) для женщины от 15 до 50 лет и ожидаемые величины итоговой общей, брачной и внебрачной рождаемости (к возрасту 50 лет) для рассматриваемых лет

Годы	Все женщины		Женщины, состоящие в зарегистрированном браке		Женщины, не состоящие в зарегистрированном браке	
	Длительность пребывания в данном состоянии в интервале от 15 до 50 лет	Число рожденных детей, в расчете на одну женщину	Длительность пребывания в данном состоянии в интервале от 15 до 50 лет	Число рожденных детей, в расчете на одну женщину	Длительность пребывания в данном состоянии в интервале от 15 до 50 лет	Число рожденных детей, в расчете на одну женщину
1993—1994	35,00	1,39	21,17	2,412	13,83	0,26
2002—2003	35,00	1,29	17,83	2,007	17,17	0,36
2010—2011	35,00	1,57	16,15	2,434	18,85	0,40
2015—2016	35,00	1,77	16,20	2,056	18,80	0,42

7.5.3. Общие выводы об уровне рождаемости женщин, состоящих и не состоящих в зарегистрированных браках

Полученные выше данные уникальны, опираются на применение инновационной методики, а потому требуют всестороннего обсуждения в профессиональной экспертной среде.

Тем не менее, как нам кажется, были получены интересные результаты, позволяющие сформулировать следующие важные выводы об уровне и изменении рождаемости в браке и вне брака:

- в последние годы общий уровень рождаемости условных поколений, как известно, выше, чем наблюдавшийся в 1990-х и в первой половине 2000-х годов, однако этот факт трудно однозначно связать с увеличением рождаемости у женщин, состоящих в зарегистрированном браке;

- можно предположить, что рождаемость условных поколений в зарегистрированном браке за последнюю четверть века в целом мало изменилась, хотя и претерпела существенные колебания в рассматриваемый период, в том числе и по причине меняющейся социально-экономической и политической среды (в пределах 0,4 рождения в расчете на одну женщину);

- возможно зафиксировать монотонный рост, хотя и с замедлением темпа рождаемости женщин, не состоящих в зарегистрированном браке (в последние годы итоговый показатель стал на 60%, или почти на 0,2 рождения на одну женщину, выше по сравнению с началом 1990-х годов);

- постарение возрастного профиля российской рождаемости характерно и для брачной, и для внебрачной рождаемости, однако для женщин, состоящих в зарегистрированном браке, средний возраст материнства хотя и продолжает оставаться ниже — почти на 5,5 года, но увеличивался быстрее, чем у женщин, не состоящих в официальных отношениях (в 1993—1994 гг. средний возраст матери при рождении ребенка в браке составлял 20,4 года, а вне брака — 27,3; в 2015—2016 гг. — соответственно 24,0 и 29,4 года);

- за исследуемую четверть века доля ожидаемого использования общего потенциала времени, отпущенного женщине в репродуктивном периоде ее жизни, существенным образом перераспределилось в пользу пребывания вне зарегистрированного брака, в том числе и по причине повышения возраста вступления в брак,

и по причине распространения неформальных супружеских отношений (ожидаемая длительность пребывания вне зарегистрированного брака в настоящий момент выше длительности пребывания в официальном браке для среднестатистической женщины репродуктивного возраста).

Таким образом, можно сформулировать следующий обобщающий вывод: одновременно происходящие изменения как в брачной структуре населения, так и в соотношениях уровней брачной и внебрачной рождаемости играют одинаково существенную и возрастающую роль и в динамике уровня российской рождаемости, и в трансформации ее брачно-возрастной модели. Роль этих изменений недооценивается экспертами и политиками, в частности, по причине наличия объективных методологических проблем статистического наблюдения и измерения данных процессов, что в конечном итоге существенно сужает дискуссионное поле принимаемых политических решений в области семейной и демографической политики.

7.6. Новые данные о рождаемости в России по результатам микропереписи населения 2015 г.

7.6.1. Изменения в числе рожденных детей у женщин различных поколений в последние годы на фоне долговременных тенденций

Результаты опроса женщин о числе когда-либо рожденных детей, проведенного в рамках масштабного Всероссийского социально-демографического обследования населения, которое состоялось в октябре 2015 г. (микроперепись населения 2015 г. — МПН-2015), позволили оценить тенденции рождаемости в стране как за период действия мер демографической политики по стимулированию рождаемости, принятых после 2005 г., так и в более длительной, 35-летней ретроспективе подобных опросов россиян, проведенных центральными статистическими органами¹¹.

¹¹ В данном разделе представлен сравнительный анализ долгосрочных тенденций рождаемости по результатам наиболее крупных опросов женщин в России о числе рожденных детей, который продолжает исследования, опубли-

За последние 40 лет центральные статистические органы страны (ЦСУ СССР, Госкомстат СССР, Госкомстат России, Росстат) последовательно провели семь массовых опросов женщин России о числе рожденных детей. Вопрос о числе когда-либо рожденных детей задавался в рамках программ четырех всеобщих переписей и трех микропереписей населения (табл. 7.5).

За одним исключением все опросы были выборочными, но репрезентативность их очень высока, учитывая большую долю отобранного населения. Лишь в рамках переписи населения 2010 г. вопрос о детях задавался всем взрослым женщинам страны. Может быть, в качестве компенсации за эту расточительность МПН-2015 охватила лишь 1,5% населения (самый низкий процент охвата из всех).

Во всех опросах вопрос о рожденных детях формулировался примерно одинаково и касался всех детей, родившихся живыми, в том числе и тех, кто умер к моменту опроса, но не касался мертворожденных.

Следует заметить, что всеми опросами не были охвачены некоторые социальные группы населения — лица, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, живущие в домах для престарелых и инвалидов, в больницах для хронических больных, казармах, монастырях и т.д., т.е. были исключены группы населения, которые не проживают в частных домохозяйствах (так называемое институциональное население¹²). Обследованиями также не было

ликованные ранее авторами и их коллегами. См.: *Андреев Е., Захаров С.* Микроперепись—2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // *Демоскоп-Weekly*. 2017. № 711—712 (1—22 января); *Андреев Е. М., Харьков Т. Л.* Сравнительный анализ данных из разных источников о числе рожденных детей // *Вопросы статистики*. 2013. № 5. С. 38—46; *Захаров С. В.* Долговременные тенденции рождаемости в России в свете переписи населения 2010 г. // *Население России 2010—2011: восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 318—324; *Богоявленский Д. Д.* Этническая дифференциация рождаемости в России // *Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневого*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 174—188.

¹² Строго говоря, такие статистические категории, как «домохозяйство», «частное домохозяйство», «частное домохозяйство, состоящее из одного индивида», «коллективное домохозяйство», стали использоваться в отечественной статистической практике новейшего времени только начиная с микропе-

Таблица 7.5. Наиболее массовые опросы населения России, при которых женщин спрашивали о числе рожденных детей

Номер опроса	Официальное название массового опроса	Доля отбора, % к всему женскому населению	Проведено по состоянию на
1	Всесоюзная перепись населения 1979 года	25	17 января 1979 г.
2	Всесоюзное выборочное социально-демографическое обследование населения 1985 года	5%	2 января 1985 г.
3	Всесоюзная перепись населения 1989 года	25	19 января 1989 г.
4	Выборочное социально-демографическое обследование (микроперепись) населения 1994 года	5	14 февраля 1994 г.
5	Всероссийская перепись населения 2002 года	25	9 октября 2002 г.
6	Всероссийская перепись населения 2010 года	100	14 октября 2010 г.
7	Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года	1,5	1 октября 2015 г.

охвачено население, проживающее в ЗАТО (закрытых территориальных образованиях — десятках городов и поселков военного и оборонно-промышленного назначения), а также население не-

реписи населения 1994 г. До этого отечественная переписная статистика оперировала категориями «семья», «члены семьи, проживающие отдельно» и некоторыми другими, что не только плохо соотносилось с международной практикой, но и затрудняло социально-экономическую идентификацию целого ряда категорий граждан, постоянно проживающих в условиях коллективной организации быта (подробнее см. разд. 4). Поэтому с методологической точки зрения результаты опросов населения не являются идеально сопоставимыми в силу некоторых отличий в методах отбора респондентов и соответственно построения выборочных совокупностей в советских и постсоветских обследованиях населения. См., например: *Волков А.Г.* Методология и организация микропереписи в России в 1994 г. // Волков А.Г. Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 180—198. Однако, на наш взгляд, в нашем конкретном случае эта проблема малозначима и не должна существенно сказаться при сравнениях результатов опросов.

которых труднодоступных северных и высокогорных районов. Кроме того, микроперепись 1994 г. не проводилась в Чечне, а в МПН-2015 дополнительно участвовало население Республики Крым и г. Севастополя. В отношении возможного влияния ответов женщин Крыма на общие результаты по стране можно сказать, что оно незаметно. Так, расчеты показывают, что при исключении женщин Крыма среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину в возрастах 35 лет и старше в среднем по стране было бы выше, но лишь на 0,001—0,002.

Имеется еще одна серьезная, но решаемая проблема, которую следует иметь в виду, анализируя итоги МПН-2015 и сравнивая их с результатами предыдущих исследований. Учитывая не столь большой, как прежде, размер выборки, Росстат был вынужден варьировать процент отбора женщин для опроса от территории к территории с учетом численности их населения. К тому же женщины с разной частотой соглашались отвечать на вопросы микропереписи. В результате, если сравнить итоги МПН-2015 с расчетной численностью женщин в возрасте 18—59 лет на 1 октября 2015 г., то окажется, что опрошенные в Москве женщины составляли 0,39% женщин города, а опрошенные в Республике Алтай — 7,8%. Поэтому, чтобы картина стала более объективной, необходимо перевзвесить результаты ответов женщин, попавших в выборочную совокупность, с учетом территориального распределения женского населения каждого возраста в генеральной совокупности. Метод перевешивания изменяет численность подгрупп, но не меняет общую численность возрастной группы.

В наших расчетах, результаты которых представлены в табл. 7.6, мы ограничились женщинами в возрасте от 18 до 59 лет. Полученные результаты подтвердили наши опасения: доля женщин с большим числом рожденных детей и среднее число рожденных детей в выборочной совокупности женщин, принявших участие в МПН-2015, оказались выше, чем если бы выборка во всех регионах была одинаковой (на 60—70 рождений в расчете на 1000 женщин по разным возрастным группам). Следовательно, при использовании данных МПН-2015 следует считаться с особенностями построения выборочной совокупности данного исследования, что имеет отношение к анализу результатов не только опроса о числе рожденных детей, но и ответов на другие вопросы. Например, низ-

Таблица 7.6. Женщины, принявшие участие в МПН-2015, по возрастным группам и числу рожденных детей

Возраст, лет	Женщины, указавшие число рожденных детей	Из них с числом рожденных детей					Общее число рожденных детей	Среднее число рожденных детей, на 1000 женщин
		0	1	2	3	4		
18–19	17876	16386	1293	180	17	—	1704	95
20–24	56449	38562	13396	3832	587	61	23123	410
25–29	84205	29864	33388	17180	3051	566	79999	950
30–34	84041	15847	32602	27520	6295	1261	114369	1361
35–39	81643	9786	30469	30743	8008	1767	127851	1566
40–44	77247	6756	29969	30552	7275	1794	125132	1620
45–49	71721	4693	27054	30813	6737	1531	120078	1674
50–54	86694	4700	26837	42378	9410	2049	155377	1792
55–59	99072	4704	26135	50978	12964	2627	186801	1886
<i>Показатели, перевзвешенные с учетом численности женщин соответствующих возрастов в регионах</i>								
18–19	17876	16438	1244	176	18	0	1652	92
20–24	56449	39691	12807	3415	479	47	21319	378
25–29	84205	32183	32926	15931	2601	449	75012	891
30–34	84041	17411	33464	26286	5485	1001	108636	1293
35–39	81643	10586	31930	29833	7157	1459	122637	1502
40–44	77247	7225	31632	29669	6553	1467	120426	1559
45–49	71721	4970	28904	29952	5996	1219	115513	1611
50–54	86694	4978	29559	41210	8289	1634	149101	1720
55–59	99072	4881	29230	49901	11553	2171	179870	1816

Источники: Микрорегионы населения 2015 г. // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-regeris/finish/micro-regeris.html; неопубликованные данные Росстата о возрастном составе населения соответствующих регионов в 2015 г., переданные на дату опроса.

кая доля опрошенных в Москве, Санкт-Петербурге, Московской области может занизить долю высокообразованных в общей выборке.

В табл. 7.7 сведены распределения женщин в возрастных группах от 18 до 59 лет по числу рожденных ими детей и среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину по всем семи опросам начиная с переписи 1979 г., в том числе откорректированные новейшие результаты МПН-2015.

Как видно, число рожденных детей в целом имеет тенденцию к снижению, особенно это очевидно для женщин старших возрастных групп (старше 30 лет). На среднее число рожденных детей в старших возрастных группах следует обращать особое внимание, поскольку накопленная рождаемость для них приближается к фактической величине итоговой рождаемости за весь детородный период, что, собственно говоря, и является исчерпывающим ответом на основной вопрос об уровне рождаемости в стране.

Так, показатели, основанные на результатах опроса 2015 г., для всех возрастных групп, включая и молодежные, оказываются ниже результатов опроса 2002 г.: очевидно снижение рождаемости за 30 лет, отделяющих две точки замеров. Для женщин старше 40 лет результаты опроса 2015 г. также ниже и результатов опроса, проведенного в 2010 г. Результаты 2015 г. по сравнению с 2010 г. показывают чуть большую накопленную рождаемость только в молодом возрасте, до 35 лет (правда, и этот малозаметный положительный сдвиг едва выходит за границы статистической погрешности).

Рисунок 7.9 представляет оценки среднего числа рожденных детей в расчете на одну женщину по возрастным группам от 18 до 60 лет. Он напоминает, в частности, что во второй половине 1980-х годов Россия уже имела дело с повышением рождаемости в молодых возрастах (особо выдающимся — в возрастах до 25 лет). Это повышение было существенно более значимым, чем мы видим по результатам опроса 2015 г., однако тогда оно так и не вылилось в повышение итоговой рождаемости поколений¹³.

¹³ Более детальный анализ этого периода истории российской рождаемости см., в частности: *Захаров С.В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 33—69. URL: <http://spero>.

Таблица 7.7. Распределение женщин в возрастных группах от 18 до 59 лет по числу рожденных детей и среднее число рожденных ими детей по переписям населения 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. и микропереписям 1985, 1994 и 2015 гг.

Возраст, лет	Доля женщин с данным числом детей, %							Среднее число рожденных детей
	0	1	2	3	4	5 и более, в том числе		
						%	среднее число детей	
<i>Перепись 1979 г.</i>								
18—19	90,8	8,7	0,4	0,0	0,0	0,0	0,000	0,097
20—24	51,2	40,0	8,0	0,7	0,1	0,0	5,657	0,586
25—29	19,1	46,7	29,2	3,9	0,8	0,4	5,438	1,221
30—34	11,8	36,7	41,2	7,4	1,8	1,3	5,672	1,556
35—39	8,3	28,2	45,1	12,4	3,5	3,7	5,933	1,918
40—44	8,2	26,9	43,5	14,2	4,6	5,5	6,126	2,087
45—49	9,9	24,3	39,3	16,5	6,5	7,8	6,146	2,262
50—54	12,5	23,8	34,1	17,3	7,8	9,6	6,163	2,343
55—59	16,2	27,2	31,4	17,8	9,2	12,7	6,211	2,588
<i>Микроперепись 1985 г.</i>								
18—19	51,0	45,8	3,0	0,1	0,0	0,0	0	0,522
20—24	22,2	59,6	16,6	0,2	0,2	0,0	6,217	0,976
25—29	7,8	45,5	39,7	1,0	1,0	0,4	5,382	1,478
30—34	4,3	30,9	51,6	2,1	2,1	1,4	5,178	1,801
35—39	3,7	28,4	52,0	2,4	2,4	2,3	5,122	1,890
40—44	4,1	27,1	48,8	3,3	3,3	4,0	5,079	2,002
45—49	5,0	26,9	45,5	4,0	4,0	4,9	5,069	2,046
50—54	6,8	24,9	40,2	5,7	5,7	6,8	5,054	2,162
55—59	10,9	21,3	34,4	6,7	6,7	7,5	5,049	2,140
<i>Перепись 1989 г.</i>								
18—19	87,1	11,8	0,9	0,1	0,0	0,0	0,000	0,140
20—24	46,6	39,7	12,2	1,3	0,2	0,1	5,734	0,690
25—29	17,7	38,3	36,1	6,2	1,2	0,5	5,615	1,366
30—34	10,3	28,4	46,3	11,1	2,4	1,6	5,667	1,728
35—39	8,0	27,2	47,0	12,3	2,9	2,6	5,852	1,848

Продолжение табл. 7.7

Возраст, лет	Доля женщин с данным числом детей, %							Среднее число рожденных детей
	0	1	2	3	4	5 и более, в том числе		
						%	среднее число детей	
40—44	8,1	30,0	45,3	11,1	2,7	2,9	6,037	1,821
45—49	7,9	27,4	43,5	13,0	3,7	4,5	6,129	1,959
50—54	8,4	25,9	41,3	14,0	4,6	5,8	6,195	2,049
55—59	10,2	23,2	36,6	15,9	6,3	7,8	6,203	2,179
<i>Микроперепись 1994 г.</i>								
18—19	86,3	13,1	0,6	0,0	0,0	0,0	0,000	0,144
20—24	50,1	41,9	7,3	0,6	0,1	0,0	5,182	0,586
25—29	19,1	46,6	29,2	4,2	0,7	0,2	5,309	1,214
30—34	10,3	31,8	45,6	9,6	1,8	0,9	5,467	1,640
35—39	7,5	26,2	49,1	12,9	2,6	1,9	5,667	1,839
40—44	7,0	27,7	47,9	12,4	2,6	2,4	5,755	1,851
45—49	7,7	30,9	46,1	10,7	2,3	2,3	5,859	1,780
50—54	7,9	28,8	44,2	12,4	3,2	3,5	5,893	1,878
55—59	8,5	27,5	41,9	13,5	3,9	4,5	5,906	1,945
<i>Перепись 2002 г.</i>								
18—19	91,4	8,0	0,5	0,0	0,0	0,0	0,000	0,092
20—24	62,0	32,3	4,9	0,5	0,1	0,1	6,152	0,448
25—29	26,5	51,3	18,7	2,5	0,5	0,4	6,801	1,013
30—34	12,4	45,7	33,6	6,0	1,4	0,9	6,186	1,421
35—39	7,5	34,8	43,8	9,8	2,4	1,6	5,990	1,713
40—44	6,0	27,9	48,6	12,3	3,0	2,3	6,008	1,875
45—49	5,8	26,7	48,3	13,3	3,1	2,9	5,989	1,928
50—54	6,1	28,8	47,1	12,1	2,8	3,2	6,044	1,895
55—59	6,8	31,1	44,9	11,0	2,7	3,5	6,172	1,861
<i>Перепись 2010 г.</i>								
18—19	92,7	6,7	0,5	0,0	0,0	0,0	0,000	0,079
20—24	69,0	25,6	4,7	0,5	0,1	0,1	5,969	0,374
25—29	35,3	45,0	16,5	2,4	0,5	0,2	6,243	0,886
30—34	18,4	44,1	30,3	5,5	1,1	0,6	5,822	1,289

Окончание табл. 7.7

Возраст, лет	Доля женщин с данным числом детей, %							Среднее число рожденных детей
	0	1	2	3	4	5 и более, в том числе		
						%	среднее число детей	
35—39	11,5	41,1	36,9	7,8	1,8	1,0	5,783	1,508
40—44	8,0	38,7	40,6	9,1	2,2	1,3	5,786	1,637
45—49	6,5	32,1	46,7	10,6	2,5	1,5	5,786	1,761
50—54	6,0	27,3	49,6	12,5	2,7	1,9	5,776	1,859
55—59	6,0	27,3	48,8	12,8	2,7	2,4	5,817	1,879
<i>Микроперепись 2015 г.</i>								
18—19	92,0	7,0	1,0	0,1	0,0	0,0	0,000	0,092
20—24	70,3	22,7	6,1	0,8	0,1	0,0	5,307	0,378
25—29	38,2	39,1	18,9	3,1	0,5	0,1	5,453	0,891
30—34	20,7	39,8	31,3	6,5	1,2	0,5	5,427	1,293
35—39	13,0	39,1	36,5	8,8	1,8	0,8	5,505	1,502
40—44	9,4	40,9	38,4	8,5	1,9	0,9	5,602	1,559
45—49	6,9	40,3	41,8	8,4	1,7	0,9	5,654	1,611
50—54	5,7	34,1	47,5	9,6	1,9	1,2	5,587	1,720
55—59	4,9	29,5	50,4	11,7	2,2	1,3	5,610	1,816

Источник: Расчеты Е.М. Андреева и С.В. Захарова на основе опубликованных и неопубликованных официальных данных соответствующих опросов.

Для большей наглядности изменений рождаемости, произошедших в России за три с половиной десятилетия, приводится график (рис. 7.10), на котором представлены кривые изменения среднего числа рожденных детей в расчете на одну женщину для каждой пятилетней группы старше 30 лет во всем семи опросам, причем эти показатели приводятся относительно точных дат проведения опросов, отложенных на шкале календарного времени (абсцисса рисунка).

socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf; Фрейка Т., Захаров С.В. Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 106—143. URL: <http://demreview.hse.ru/2014-1/120991254.html>; Андреев Е.М. Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России // Мир России. 2016. Т. 25. № 2. С. 68—97. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4903/5268>.

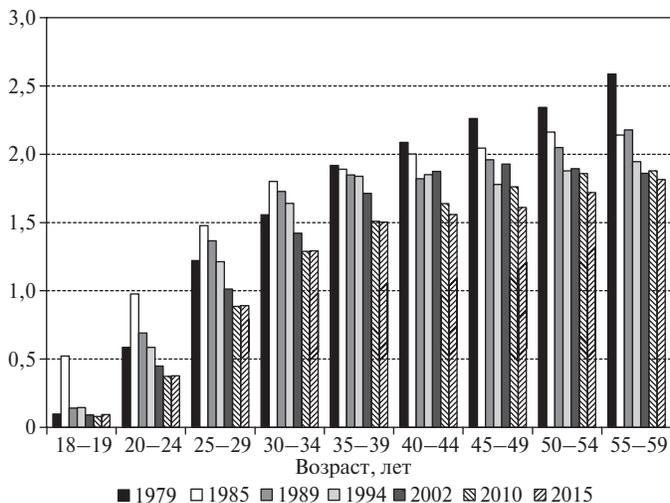

Рис. 7.9. Среднее число детей, рожденных живыми, в расчете на одну женщину указанных возрастных групп от 18 до 60 лет, по данным семи опросов, проведенных в 1979—2015 гг., Россия

Общий долговременный тренд снижения очевиден, хотя отрезки быстрого снижения чередуются с отрезками относительной стабильности. Бросается в глаза несколько исключений. Так, число рожденных детей женщинами в возрасте 40—44 лет по переписи 1989 г. оказалось несколько ниже аналогичного показателя по микропереписи 1994 г., а, в свою очередь, число детей женщин в возрасте 45—49 лет по микропереписи 1994 г. заметно ниже, чем по переписи 2002 г. Оба чересчур низких значения показателя относятся к женщинам, родившимся примерно в 1945—1949 гг. К переписи 2002 г. среднее число детей в этом поколении составило 1,85. Складывается впечатление, что женщины отложили часть рождений и реализовали их позже. Отметим, что в совокупности 45—49-летних в 1994 г. 45—46-летних было гораздо больше, чем 48- и 49-летних, в силу послевоенного подъема рождаемости.

Итак, сомнений нет, что после переписи 2002 г. рождаемость в России снизилась к 2015 г., и для некоторых возрастов было характерно довольно быстрое ее падение. Можно также констатиро-

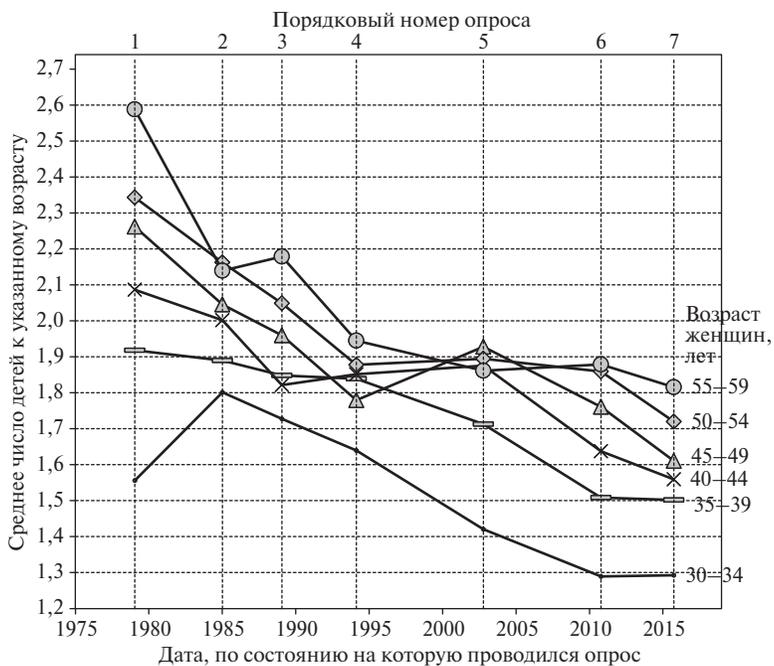

Рис. 7.10. Среднее число детей, рожденных живыми, в расчете на одну женщину в возрастах 30—34, 35—39, 40—44, 45—49, 50—54 и 55—59 лет по данным семи опросов, проведенных в 1979—2015 гг., Россия

Источник: Расчеты Е.М. Андреева на основе опубликованных и неопубликованных официальных данных.

вать, что снижение итоговой рождаемости от поколения к поколению замедлилось в последние пять лет, и фиксируются даже едва заметные обнадеживающие признаки стабилизации, насколько это можно судить по результатам накопленной рождаемости 30-летних женщин.

Возможно, стимулирующие меры демографической политики и привели к росту показателей рождаемости для календарных периодов, в частности коэффициента суммарной рождаемости (так называемые показатели условных поколений, которые бурно комментируются специалистами и политиками с явно положительным

акцентом), но на итоговом числе рожденных детей у женщин реальных поколений они пока сказались очень слабо. В возрасте 30—34 лет микроперепись населения 2015 г. зафиксировала едва заметное увеличение доли женщин с двумя и тремя детьми по сравнению с переписью 2010 г. и с тремя детьми также и по сравнению с переписью 2002 г. В возрасте 35—39 лет слабо увеличилась только доля трехдетных женщин по сравнению с переписью 2010 г. (по сравнению с переписью 2002 г. и всеми предыдущими датами имеется снижение).

Для 40-летних женщин, завершивших или близких к завершению своей репродуктивной карьеры, МПН-2015 не зафиксировала обнадеживающих тенденций — доля матерей с двумя и более детьми снизилась в последнее десятилетие.

Нельзя также не обратить внимание на продолжающийся с начала 2000-х годов рост доли бездетных среди и 30-, и 40-летних женщин, который, по сути, не только перекрывает едва заметный прирост женщин с двумя-тремя детьми, но и ставит под вопрос дальнейшие перспективы уровня рождаемости в стране.

Наконец следует заметить, что широко распространенное мнение о заметном росте истинно многодетных матерей в России, скажем, женщин с четырьмя, пятью и более детьми, не подтверждается проведенными в стране наиболее масштабными опросами. Более того, среднее число детей у матерей, родивших пять и более детей, продолжая долговременную историческую тенденцию, серьезным образом снизилось за последнее десятилетие, т.е. в период действия стимулирующих мер демографической политики.

7.6.2. Межэтнические различия в уровне рождаемости: долговременные тенденции и конъюнктурные изменения

После практического прекращения сбора и централизованной статистической разработки данных текущего учета рождений в разрезе этнонациональных групп в России¹⁴ только переписи

¹⁴ Начиная с 1997 г. запись о национальности была исключена из персонализированных идентификационных документов в России и ее регионах, ее перестают в обязательном порядке указывать и в актах гражданского состояния (рождений, смертей, браков, разводов), а сохранившуюся графу заполняют по желанию заявителя. В результате доля актов с неуказанной национальностью критически возросла (к 2006 г. почти до половины). В 2007 г. офици-

и выборочные опросы населения остаются источниками информации об этнической дифференциации рождаемости в стране. Учитывая, что в России проживают многие народы, сохраняющие существенные отличия от русского большинства в отношении брачно-семейного, репродуктивного поведения, а иногда и в тенденциях их изменения, поддержание регулярного наблюдения тенденций рождаемости, основанного на масштабных опросах населения, примером которых служит микроперепись населения 2015 г., представляет исключительную важность.

К сожалению, корректирующая процедура, которая учитывает особенности территориального дизайна выборки МПН-2015, проведенная выше относительно всех россиянок, неприменима к результатам распределения женщин по возрасту и числу рожденных детей в разрезе национальностей, так как оценки распределения генеральной совокупности женщин в разрезе возраста и национальности по территориям на 2015 г. неизвестны. В силу этого мы вынуждены базировать наш анализ на более грубых исходных данных, которые, как уже было показано выше, представляют собой несколько смещенные, чуть завышенные оценки уровня рождаемости в стране.

На рис. 7.11 и в табл. 7.8 представлено среднее число рожденных детей для женщин в возрасте 50—54 лет для отдельных национальностей, для которых можно провести сравнения за 35-летний период, на основе пяти опросов, проведенных в рамках общенациональных переписей населения 1979, 1989, 2002, 2010 гг. и микропереписи 2015 г. Очевидно, что оценка накопленной рождаемости к данному возрасту представляет собой показатель итоговой рождаемости поколений, полностью завершивших свое деторождение к моменту проведения опросов.

Первый вывод, который представляется очевидным, касается сохранения исторической тенденции сокращения рождаемости в России для 32 из 34 народов, попавших в статистическую разработку результатов опросов. Исключения составили армянки, демонстрирующие стагнацию примерно на одном уровне на протяжении трех десятилетий, и еврейки, у которых рождаемость слегка повысилась в 2000-х годах. Армянки даже перешли из последнего

альная разработка данных естественного движения населения в разрезе национальностей была прекращена.

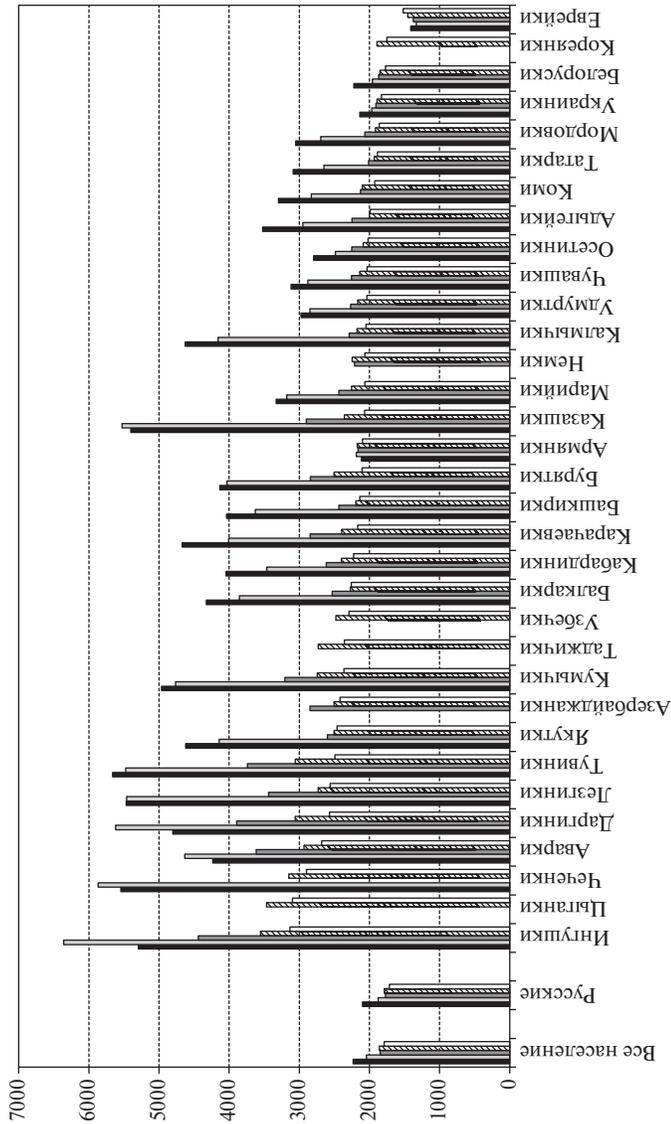

Рис. 7.11. Среднее число детей, рожденных живыми, в расчете на 1000 женщин отдельных национальностей в возрасте 50—54 лет в соответствии с результатами опросов 1979, 1989, 2002, 2010 и 2015 гг.

Таблица 7.8. Среднее число детей, рожденных живыми, в расчете на 1000 женщин отдельных национальностей в возрасте 50—54 лет в соответствии с результатами опросов 1979, 1989, 2002, 2010 и 2015 гг.

Национальность*	1979	1989	2002	2010	2015
Все население	2232	2042	1845	1859	1792**
Русские	2098	1877	1770	1783	1714
Ингушки	5296	6358	4439	3553	3132
Цыганки	—	—	—	3467	3097
Чеченки	5543	5869	—	3148	2898
Аварки	4234	4634	3614	2933	2682
Даргинки	4802	5617	3892	3057	2569
Лезгинки	5467	5461	3438	2729	2560
Тувинки	5661	5476	3739	3057	2491
Якутки	4619	4141	2600	2503	2462
Азербайджанки	—	—	2849	2505	2419
Кумычки	4965	4765	3206	2743	2365
Таджички	—	—	—	2729	2357
Узбечки	—	—	—	2479	2293
Балкарки	4325	3853	2531	2271	2258
Кабардинки	4044	3463	2616	2401	2225
Карачаевки	4668	4007	2845	2396	2166
Башкирки	4037	3628	2434	2194	2136
Бурятки	4132	4029	2840	2505	2104
Армянки	2116	2187	2161	2175	2098
Казашки	5403	5526	2900	2358	2069
Марийки	3331	3179	2435	2257	2065
Немки	—	—	2214	2247	2064
Калмычки	4627	4158	2287	2178	2050
Удмуртки	2977	2847	2268	2166	2037
Чувашки	3118	2876	2255	2136	2032
Осетинки	2797	2484	2253	2089	2021
Адыгейки	3524	2951	2250	2001	1990
Коми	3298	2830	2127	2103	1926
Татарки	3087	2647	2014	1932	1886

Окончание табл. 7.8

Национальность*	1979	1989	2002	2010	2015
Мордовки	3052	2693	2065	1916	1859
Украинки	2138	1967	1908	1891	1830
Белоруски	2223	1956	1869	1850	1772
Корейки	—	—	—	1891	1750
Еврейки	1410	1332	1373	1453	1519

* Национальности, за исключением русских женщин, указаны в порядке убывания числа рожденных детей по данным опроса 2015 г.

** В сравнительных целях приводятся исходные, непереувзвешенные оценки показателя для всего населения.

Примечание. Из представленных национальностей данные опросов в 1979, 1989 и 2002 гг. централизованно не разрабатывались в отношении проживающих на территории России корейцев, таджиков, узбеков, цыганок, данные опросов 1979 и 1989 гг. — в отношении немцев. Кроме того, в 2002 г. не опрашивались чеченки, проживавшие на территории Чеченской Республики.

Источник: Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 181—182; Микрореперись населения 2015 г. // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

квартиля в распределении национальностей по уровню рождаемости в предпоследний, но рождаемость у евреек по-прежнему самая низкая из включенных в таблицу национальностей.

Второй важный вывод заключается в том, что снижение рождаемости наиболее ускоренными темпами происходило в последние десятилетия у тех народов, которые проходили активную фазу демографического перехода — перехода к рождаемости, контролируемой на индивидуальном и внутрисемейном уровне и соответствующей универсальному идеалу двухдетной семьи. В первую очередь это относится к народам, проживающим на Северном Кавказе, в Калмыкии, Сибири и на Дальнего Востоке, а также к казакам и, в меньшей степени, к народам Поволжья.

Очевидно, что, несмотря на имеющееся статистически значимое присутствие в общероссийском населении этнических групп, все еще имеющих существенно более высокую рождаемость, чем у русских, общие долговременные тенденции изменения рождаемости во всем населении России продолжают определяться русским большинством, а также народами, близкими к русским

по своему демографическому поведению (украинцами, белоруса-ми). Более того, вклад народов с рождаемостью, существенно превышающей средний уровень, за последние десятилетия сильно уменьшился, на что, в частности, указывает сокращение разницы между значениями среднего числа рожденных детей в возрасте 50—54 лет для всех женщин России и значениями этого показателя для русских женщин. Если по опросу 1979 г. в расчете на одну русскую женщину указанного возраста приходилось 2,10 рождения, а в расчете на всех россиянок — 2,23; то в 2010 г. — соответственно 1,78 и 1,86; а в 2015 г. — 1,71 и 1,79¹⁵ (см. табл. 7.8).

Сокращение межэтнических различий за три с половиной десятилетия отчетливо прослеживается на рис. 7.12, на котором показано, во сколько раз больше или меньше за разные годы был средний уровень рождаемости у представительниц того или иного народа относительно русских женщин. Если в 1970-х и 1980-х годах у некоторых народов рождаемость превышала показатели для русских в 2,5—3,0 раза (например, у ингушей, чеченцев, аварцев, лезгин, даргинцев, тувинцев, калмыков, казахов), то к 2010 г. уже, видимо, не осталось народов, для которых итоговая рождаемость поколений более чем в 2 раза превышала показатели для русского большинства. Результаты микропереписи 2015 г. зафиксировали продолжение процесса *уменьшения этнической дифференциации итогового уровня рождаемости поколений в России*. По крайней мере если судить об этом по показателю накопленной рождаемости для 50-летних женщин (для женщин 45—49 лет, для которых результаты сравнения здесь не приводятся, вывод об уменьшении относительной вариации между опросами 2010 и 2015 гг. также подтверждается).

Каким образом повлияла пронаталистская демографическая политика на уровень рождаемости у различных народов? Остановимся более подробно на сравнении результатов последних трех опросов женщин отдельных возрастных групп в разрезе национальностей, проведенных в рамках переписей 2002 и 2010 гг. и микропереписи 2015 г., чтобы обсудить вопрос о возможном воздействии

¹⁵ Можно считать, что эти обе неперевзвешенные оценки завышены примерно в одинаковой степени (на 0,07 рождения в расчете на одну женщину, см. предыдущие разделы).

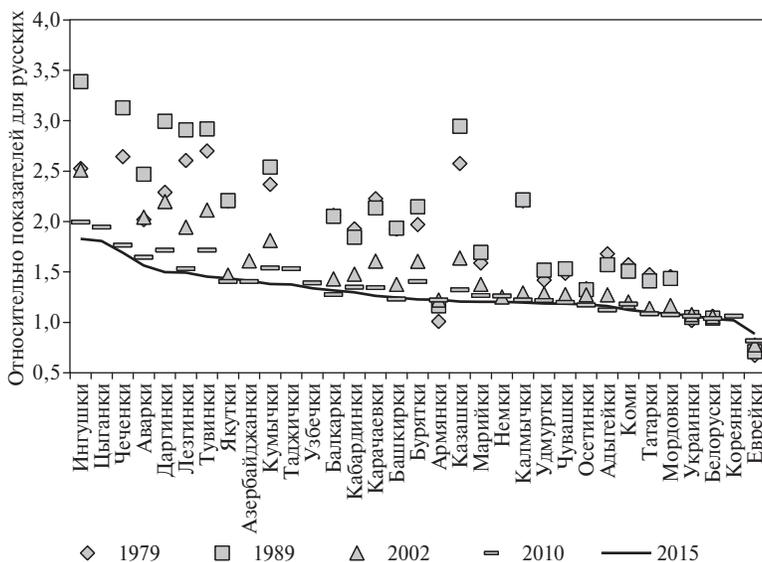

Рис. 7.12. Различия в числе детей, рожденных живыми, у женщин в возрасте 50–54 лет отдельных национальностей относительно русских женщин в соответствии с результатами опросов 1979, 1989, 2002, 2010 и 2015 гг.

Примечание. Национальности указаны в порядке убывания числа рожденных детей для рассматриваемой возрастной группы по данным опроса 2015 г.

мер государственной демографической политики, проводимой после 2006 г. и направленной на стимулирование рождаемости.

За исключением таджиков, семейная миграция которых в Россию усилилась, все этносы в возрасте 45–49 лет продемонстрировали в 2015 г. более низкую рождаемость в сравнении не только с 2002 г., но и с 2010 г. (у казашек и татарок декларируемая рождаемость в 2015 г. осталась на уровне 2010 г.).

По мере снижения возраста женщин все отчетливее прослеживается увеличение показателей накопленной рождаемости в 2015 г. по сравнению с предшествующими двумя опросами. Так, относительные изменения (относительные приросты) числа рожденных детей для женщин русской национальности в последнее десятилетие близки к средним значениям для всех других нацио-

нальностей, в том числе и тех, которые отличаются существенно более высоким, чем у русских, уровнем рождаемости. Такой характер изменений наталкивает на мысль, что именно однонаправленные и единые по своему содержанию и календарю введения в действие меры демографической политики вызвали данный эффект. У 30—34-летних женщин эффект сильнее, чем у 35—39-летних, а у последних сильнее, чем у 40—44-летних. В возрастной группе 30—34 года у целого ряда народов (но не у всех, и русские, в частности, к ним не относятся!) среднее число рожденных детей по опросу 2015 г. стало даже выше, чем в 2002-м.

Следует также отметить хотя и незначительное, но увеличение между опросами 2015 и 2010 гг. межэтнической дифференциации по декларированному числу рожденных детей у женщин моложе 45 лет. Причем чем моложе женщины, тем относительная вариация показателей у разных народов увеличилась сильнее, что можно интерпретировать как неодинаковую по силе реакцию на пронаталистские меры политики в разных возрастах, которую проявили различные российские регионы и народы, населяющие их. Увеличение региональной дифференциации рождаемости в последнее десятилетие, особенно сильно проявившее себя в сельских ареалах и у молодых женщин, уже отмечалось нами ранее¹⁶. Похожую ситуацию некоторого роста межэтнических различий в рождаемости Россия уже переживала в 1980-х годах, также в ситуации усиления государственной политики по отношению к семье. Не исключено, что нынешняя демографическая политика, по крайней мере на время, опять притормозила этносоциальную унификацию уровня и возрастного профиля рождаемости у российского населения.

Означают ли отмеченные факты, что можно ожидать повышение показателей итоговой рождаемости у поколений сегодняшних 30-летних женщин, когда они выйдут из детородного возраста (т.е. достигнут 50 лет), по сравнению с предшествующими поколениями? Только в этом случае можно было бы говорить о переломе исторической тенденции снижения рождаемости у наиболее многочисленных народов России и, в частности, о положительных результатах проводимой демографической политики. Сегодня мы

¹⁶ Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 158—173.

не готовы дать утвердительного ответа на эти принципиальные вопросы. Пока мы лишь можем отметить очевидные и достаточно синхронные, но не одинаковые по величине сдвиги в календаре рождений у большинства народов России в сторону их большей концентрации у 30-летних. Не исключено, что по мере того как представительницы этих поколений будут переживать четвертый десяток лет своей жизни, у многих из них будет наблюдаться компенсаторный спад в детородной активности как следствие повышенной рождаемости в предыдущих возрастах. В этой связи заметим, что, как показывают результаты рассматриваемых нами опросов, когорты, которым было 30—35 лет в момент старта государственных программ по стимулированию рождаемости (2006—2007 гг.), у подавляющего большинства народов России не продемонстрировали значимого повышения накопленной рождаемости в 40-летнем возрасте (т.е., по сути, к моменту завершения их репродуктивной карьеры). В то же время вполне возможно, что у некоторых народов демографическая политика действительно усилила у молодежи стимулы к появлению детей, особенно у этнических групп, в которых еще поддерживаются идеалы и имеются наглядные примеры больших семей, а социальная идентификация взрослого мужчины и женщины сохраняет традиционное смещение в сторону создания многочисленного потомства. Возможно также, что результаты этих изменений еще раскроются по мере взросления этих поколений в росте показателей их итоговой рождаемости. В результате вопрос о демографической результативности пронаталистской политики в России остается открытым не только для населения в целом, но и для отдельных этносов, проживающих в России. Будем надеяться, что результаты очередного опроса населения о числе рожденных детей, который стоит в программе переписи населения 2020 г., поможет с большей уверенностью судить о направленности тенденций в рождаемости у отдельных народов и населения страны в целом.

7.6.3. Дифференциация рождаемости в зависимости от уровня образования: малозаметные сдвиги за последнее десятилетие

Социально-экономическая дифференциация рождаемости всегда представляет особый интерес для исследователей и полити-

ков, пытающихся оценить возможное влияние изменений экономических условий жизнедеятельности семей на результаты их демографического поведения. Особенно востребованы исследования в этом направлении в периоды активизации семейно-демографической политики, связанной с усилением использования ее материально-финансовых инструментов, что характерно для современной России. Более глубокий анализ социально-экономических аспектов рождаемости по данным микропереписи 2015 г. в сравнении с данными предыдущих исследований, в том числе организованных Росстатом, еще предстоит выполнить. Пока мы предлагаем сравнить результаты опросов о числе рожденных детей в разрезе основных образовательных категорий населения России по результатам последних трех опросов, проведенных в рамках переписей населения 2002, 2010 гг. и микропереписи 2015 г. (табл. 7.9).

Оценки по опросам 2002 и 2010 гг. приводятся в соответствии с официальными публикациями. Оценки для 2015 г. произведены по данным Росстата, полученным из открытой для публичного доступа официальной базы индивидуальных данных МПН-2015. К сожалению, при официальной публикации данных переписи населения 2002 г. лица, окончившие ПТУ, включались в число лиц, имеющих среднее полное образование, а ввиду отсутствия открытого доступа к индивидуальным данным этой переписи мы не можем выделить в самостоятельную категорию лиц с начальным профессиональным образованием, как это было сделано Росстатом в отношении результатов опроса 2010 г. Кроме того, при ретроспективном сравнении оценок в разрезе образовательных категорий мы не в состоянии учесть особенности дизайна выборки МПН-2015 подобно тому, как уже было оговорено выше в отношении данных в разрезе национальностей. В связи с этим обстоятельством мы не можем обеспечить полную методологическую сопоставимость результатов трех опросов по всем образовательным категориям.

Тем не менее данные, приведенные ниже, представляют, на наш взгляд, огромный интерес. Они свидетельствуют, что представительницы основных образовательных категорий (с высшим, средним профессиональным и средним общим образованием вне зависимости от включения или невключения в последнюю лиц с начальным профессиональным образованием) не продемонстрировали в 2000-х годах прироста среднего числа рождений

Таблица 7.9. Среднее число детей, рожденных живыми, в расчете на одну женщину указанной возрастной группы по основным образовательным категориям, переписи населения 2002 и 2010 гг. и МПН-2015

Уровень образования	Возраст, лет					
	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
<i>Перепись населения 2002 г.</i>						
Законченное высшее профессиональное	0,30	0,72	1,14	1,40	1,56	1,60
Среднее профессиональное	0,46	1,01	1,39	1,66	1,80	1,83
Среднее общее (полное), включая окончивших ПТУ	0,49	1,15	1,56	1,88	2,00	1,99
<i>Перепись населения 2010 г.</i>						
Законченное высшее профессиональное	0,25	0,68	1,11	1,33	1,43	1,51
Среднее профессиональное	0,45	0,98	1,32	1,51	1,63	1,75
Среднее общее (полное)	0,53	1,20	1,54	1,74	1,92	2,02
Начальное профессиональное	0,54	1,06	1,40	1,62	1,79	1,94
<i>Микроперепись населения 2015 г.</i>						
Законченное высшее профессиональное	0,25	0,72	1,16	1,40	1,46	1,49
Среднее профессиональное	0,50	1,08	1,44	1,58	1,63	1,68
Среднее общее (полное)	0,51	1,35	1,70	1,84	1,86	1,93
Начальное профессиональное	0,63	1,19	1,48	1,65	1,71	1,79

Источники: Рождаемость. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005 (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 12); Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 10. Рождаемость. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; расчеты автора на основе исходных данных, представленных в депersonифицированной базе индивидуальных данных микропереписи 2015 г., размещенных Росстатом на официальном сайте. URL: <http://vprnmicrodata.gks.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (дата обращения: 10.01.2017).

в возрастах старше 35 лет (ср. данные опросов 2002 и 2015 гг., см. табл. 7.7).

Имеющиеся сколько-нибудь значимые подвижки в сторону повышения касаются, во-первых, периода между опросами 2010 и 2015 гг., а во-вторых, почти исключительно женщин в возрастах до 40 лет. Следует заметить, что имеющиеся приросты крайне невелики, в среднем менее 0,1 рождения в расчете на одну женщину, что, строго говоря, не выходит за границы точности оценивания, особенно принимая во внимание, что среднее число рожденных детей по опросу 2015 г., как уже было сказано, слегка завышено (как минимум, на 0,06). Наименьшие изменения относятся к женщинам с законченным высшим образованием (приросты от 0,03 в группе 40—44 до 0,07 в группе 35—39 лет). Наибольший прирост среднего числа рожденных детей между опросами 2010 и 2015 гг. показали 30-летние женщины со средним общим образованием (прирост составил 0,15—0,16 рождения на одну женщину). Заметен прирост у женщин 30—34 лет с начальным профессиональным образованием (на 0,13) и у 30-летних женщин со средним профессиональным образованием (на 0,10—0,12).

Таким образом, если принять во внимание методологические погрешности количественного оценивания результатов массовых опросов россиянок различных образовательных категорий, положительные сдвиги в показателях рождаемости в период действия активной пронаталистской политики едва просматриваются, а если они и имеются, то касаются в основном женщин с низким образовательным статусом, что, в принципе, ожидаемо согласуется с известными экономическими теориями.

7.6.4. Намерения женщин в отношении рождения детей и результаты реального поведения: сравнение результатов микропереписей населения 1994 и 2015 гг.

Программы микропереписей населения 1985, 1994 и 2015 гг. позволяют исследовать не только сведения о фактической рождаемости (со слов респондентов), но также намерения и желания относительно числа детей, основанные на ответах на вопрос об ожидаемом и желаемом числе детей. Вопрос об ожидаемом числе детей вызывает особый интерес у исследователей, потому что

ответы на него могут успешно использоваться при конструировании прогнозных сценариев изменений уровня рождаемости для различных социальных групп и населения в целом¹⁷.

Вопрос об ожидаемом числе детей задавался практически в идентичной форме при опросах 1994 и 2015 гг., а потому у нас нет оснований сомневаться в методологической совместимости ответов на него. Так, в 1994 г. вопрос ставился следующим образом: «Сколько всего детей Вы собираетесь иметь (включая уже имеющих)?», а в 2015 г. — «Сколько всего детей, включая уже имеющих, Вы собираетесь иметь?».

За два десятилетия, разделяющие два опроса, среднее число ожидаемых детей заметно сократилось у россиянок во всех репродуктивных возрастных группах, кроме городских жительниц в возрасте 20—29 лет (табл. 7.10). Однако и у этих женщин прирост среднего ожидаемого числа детей был мало значимым, на уровне статистической точности оценивания — на 0,05—0,06 рождения в расчете на одну женщину. В целом «проседание», т.е. уменьшение величины этого индикатора, составило для женщин 18—44 лет 0,11 рождения, и у городских жителей оно было существенно меньше, чем у сельских. У первых снижение составило 0,08, а у вторых — 0,36 рождения.

Напомним, что 1994 г., когда проводился первый из опросов, был далеко не самым лучшим в отношении экономического положения населения, что могло приводить к более пессимистической оценке перспектив собственного деторождения, чем в более благополучном 2015 г. Тем более разочаровывающими выглядят сравнения результатов опросов на фоне последнего десятилетия проведения активной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости.

Обращает на себя внимание тот факт, что снижение ожидаемого числа детей за период между 1994 и 2015 гг. произошло у по-

¹⁷ *Darsky L.E., Bondarskaya G.A.* Fertility in Russia 1985—1994: Situational crisis or transition continuation? Paper presented at the European Population Conference. Milano, Italy, September 4—8, 1995; *Андреев Е. М., Бондарская Г. А.* Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 56—62; *Андреев Е. М., Харьковская Т. Л.* Сравнительный анализ данных из разных источников о числе рожденных детей // Вопросы статистики. 2013. № 5. С. 38—46.

Таблица 7.10. Среднее ожидаемое число детей по опросам женщин в возрасте 18—44 лет, микропереписи населения 1994 и 2015 г.

Показатель	Возраст в момент опроса, лет						
	18—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	18—44
<i>Микроперепись населения 1994 г.</i>							
Россия	1,382	1,468	1,655	1,851	1,945	1,921	1,767
Городское население	1,337	1,398	1,534	1,712	1,796	1,774	1,642
Сельское население	1,558	1,714	2,007	2,253	2,412	2,455	2,169
Русские	1,343	1,417	1,586	1,871	1,873	1,845	1,699
<i>Микроперепись населения 2015 г.</i>							
Россия	1,333	1,473	1,614	1,719	1,738	1,689	1,643
Городское население	1,314	1,454	1,580	1,662	1,665	1,593	1,589
Сельское население	1,368	1,510	1,691	1,849	1,895	1,883	1,758
Русские	1,259	1,391	1,537	1,639	1,647	1,596	1,561
<i>Разница между 2015 и 1994 гг.</i>							
Россия	-0,049	+0,005	-0,041	-0,132	-0,207	-0,232	-0,113
Городское население	-0,023	+0,057	+0,046	-0,050	-0,131	-0,181	-0,079
Сельское население	-0,190	-0,203	-0,316	-0,404	-0,517	-0,572	-0,361
Русские	-0,084	-0,025	-0,049	-0,232	-0,226	-0,249	-0,163

Примечание. Представленные результаты для обоих опросов не перевзвешивались с учетом особенностей дизайнов выборочных совокупностей.

Источники: Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М.: Госкомстат России, 1995; расчеты автора на основе исходных данных, представленных в деперсонифицированной базе индивидуальных данных микропереписи 2015 г., размещенных Росстатом на официальном сайте. URL: <http://vpmicrodata.gks.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (дата обращения: 10.01.2017).

давящего большинства этнических групп. Причем чем выше были показатели в 1994 г., тем более весомым было снижение к 2015 г. Редким исключением выглядит прирост ожидаемого числа детей у карачаевцев, адыгейцев, калмыков и бурят в возрасте 25—29 лет соответственно на 0,21; 0,04; 0,04 и 0,03 рождения на одну женщину (рис. 7.13).

Можно также сравнить среднее ожидаемое число детей по опросу 1994 г. со средним числом рожденных детей по опросу 2015 г. в разрезе поколений женщин по году их рождения. Наиболее

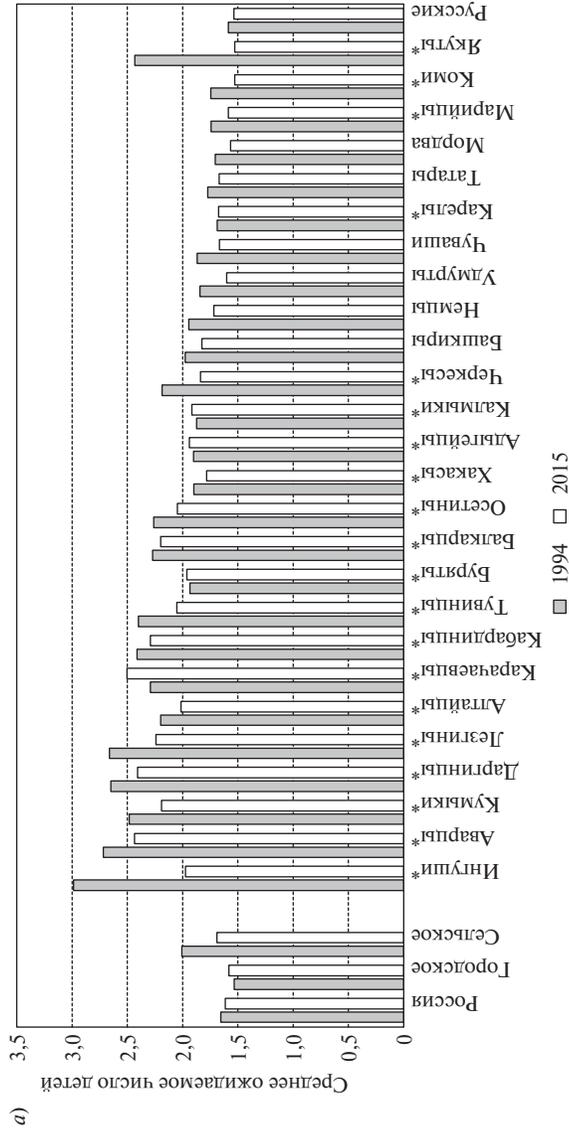

Рис. 7.13. Среднее ожидаемое число детей у женщин отдельных национальностей в возрасте 25—29 лет (а), 30—34 лет (б), 35—39 лет (в) и 40—44 лет (г), по данным микропереписей населения 1994 и 2015 гг.

Примечание. Национальности указаны в порядке снижения среднего ожидаемого числа детей женщин в возрасте 35—39 лет по данному опросу в 2015 г. Показатели для национальностей, отмеченных звездочкой (*), приводятся для их представителей, проживающих на территориях (в субъектах РФ) их основного проживания.

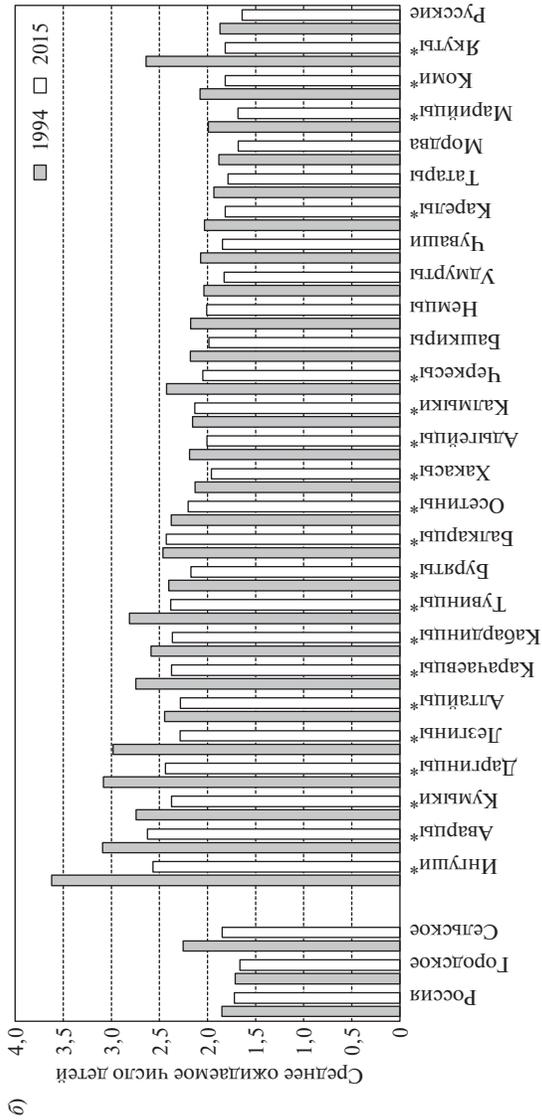

Рис. 7.13. (Продолжение)

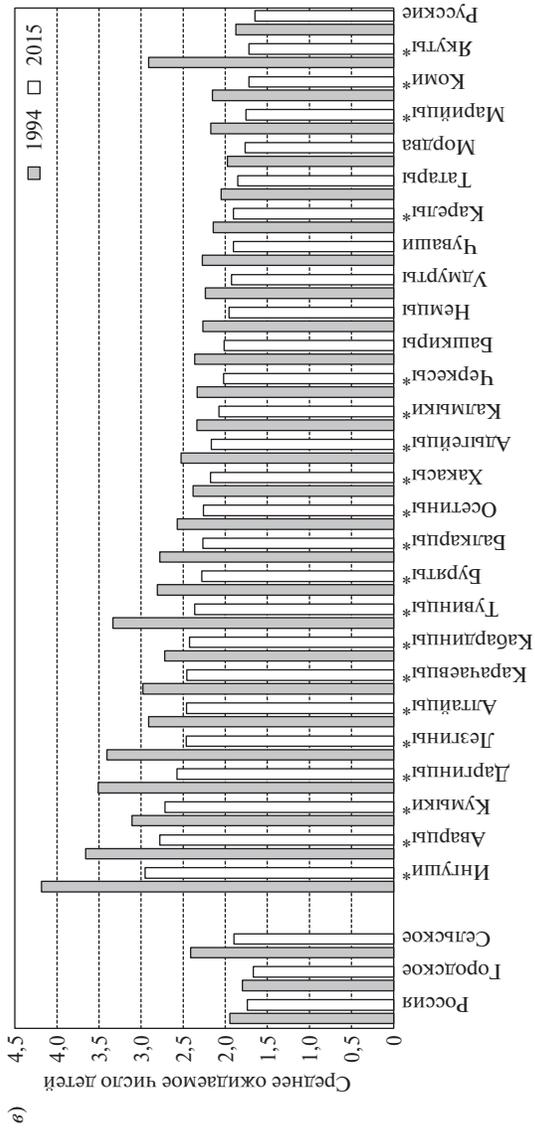

Рис. 7.13. (Продолжение)

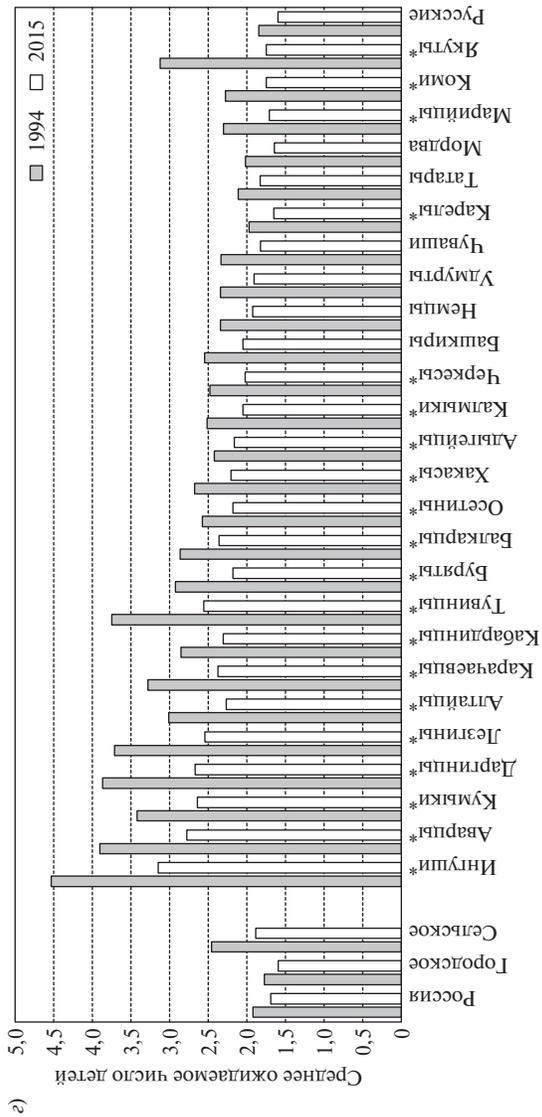

Рис. 7.13. (Окончание)

методологически бесспорным будет сравнение женских когорт, находившихся в активных возрастах деторождения в 1994 г. и завершивших свою репродуктивную биографию к 2015 г. В то же время опрошенные не должны быть слишком пожилого возраста к моменту второго опроса, чтобы избежать искажающего влияния факторов дожития и «забывания» своей репродуктивной биографии. Этим условиям полностью соответствуют поколения женщин 1955—1959, 1960—1964 и 1965—1969 годов рождения (табл. 7.11).

Важный вывод заключается в констатации факта очень хорошей реализации намерений в 20-летней перспективе, в особенности относительно городского населения и представителей русской национальности (т.е. подавляющего большинства населения страны). Отклонения среднего числа фактически рожденных детей от среднего числа ожидаемых детей по отдельным поколениям, находившимся в возрастах 25—39 лет в 1994 г., составляет для данных групп населения менее 0,1 рождения в расчете на одну женщину и, как правило, в меньшую сторону относительно ожиданий (см. табл. 7.11). Сельские женщины указанных поколений продемонстрировали за тот же период существенно больший «недород» относительно продекларированных намерений: от 0,05 рождения в среднем на одну женщину 1965—1969 годов рождения до 0,26 рождения в поколении 1955—1959 годов рождения. Однако в целом следует зафиксировать достаточно высокую степень внутрисемейного контроля рождаемости в России и вполне успешную реализацию намерений, измеряемых средним числом ожидаемых детей, что подтверждает сохранение справедливости выводов, высказанных в более ранних работах российских исследователей на данную тему, на которые указывалось выше.

Социальные, территориальные и этнодемографические группы, которые уже не один десяток лет демонстрируют «постпереходную» низкую рождаемость (в частности, русское и городское население России в целом), показывают и более точную реализацию намерений. Социальные группы россиян, в частности жители села, менее образованные граждане, этнодемографические группы, не завершившие полностью демографический переход, демонстрируют в своем репродуктивном поведении существенно меньшее соответствие намерениям и планам: как правило, они изначально

Таблица 7.11. Среднее число детей, ожидаемых в 1994 г. и рожденных живыми к 2015 г., для поколений женщин 1955—1959, 1960—1964, 1965—1969 годов рождения

Показатель	Среднее ожидаемое число детей по опросу 1994 г.	Среднее число рожденных детей по опросу 2015 г.	Разница между рожденным и ожидаемым числом детей
<i>Женщины 1955—1959 годов рождения (35—39 лет в 1994 г., 55—59 лет в 2015 г.)</i>			
Россия	1,95	1,89	−0,06
Городское население	1,80	1,74	−0,06
Сельское население	2,41	2,15	−0,26
Русские	1,87	1,82	−0,05
<i>Женщины 1960—1964 годов рождения (30—34 года в 1994 г., 50—54 года в 2015 г.)</i>			
Россия	1,85	1,79	−0,06
Городское население	1,71	1,63	−0,08
Сельское население	2,25	2,07	−0,18
Русские	1,87	1,71	−0,16
<i>Женщины 1965—1969 годов рождения (25—29 лет в 1994 г., 45—49 лет в 2015 г.)</i>			
Россия	1,66	1,67	+0,01
Городское население	1,53	1,52	−0,01
Сельское население	2,01	1,96	−0,05
Русские	1,59	1,58	−0,01

Примечание. Представленные результаты для обоих опросов не перевзвешивались с учетом особенностей дизайнов выборочных совокупностей.

Источники: Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М.: Госкомстат России, 1995; расчеты автора на основе исходных данных, представленных в деперсонифицированной базе индивидуальных данных микропереписи 2015 г., размещенных Росстатом на официальном сайте. URL: <http://vnmicrodata.gks.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (дата обращения: 10.01.2017).

преувеличивают ожидаемое число детей, что приводит в последующем к «недореализации» этих намерений.

Проанализировав по когортам соответствие результатов репродуктивного поведения ранее высказанным намерениям, мы теперь с большей долей уверенности можем утверждать, что надеж-

ной оценкой будущей итоговой рождаемости для поколений россиян, находящихся сегодня в возрасте активного деторождения (25—39 лет), будет 1,6—1,7 живорождения в расчете на одну женщину.

По крайней мере именно на эти цифры указывает среднее ожидаемое число детей по опросу в рамках микропереписи населения 2015 г., т.е. самого крупного национального выборочного исследования после 2010 г. Заметим, что на эти значения итоговой рождаемости мы можем рассчитывать при существующей на сегодняшний день семейно-демографической политике и ее субъективной оценке со стороны населения. В то же время возможности повышения рождаемости за счет каких-либо известных инструментов политики весьма ограничены, на что указывает и зарубежный, и отечественный опыт, как более давний, так и современный.

Таким образом, если опираться на результаты опросов россиян об их намерениях, то высказываемая некоторыми российскими экспертами надежда на возможность достижения в России в десятилетней перспективе показателей рождаемости на уровне 1,9—2,0 не имеет никаких оснований.

Для определения верхней границы возможного повышения рождаемости у ныне живущих поколений нередко используется такой индикатор, получаемый также при опросах населения, как желаемое число детей. В свое время В.А. Борисов заметил: «Среднее желаемое число детей очерчивает тот предел, до которого можно поднять уровень рождаемости с помощью привычных экономических способов социальной поддержки семей: пособий, льгот и т.п. Попросту говоря, люди никогда не станут заводить детей больше того числа, которые они хотят»¹⁸. Хотя в свете новейших зарубежных исследований реализации желаний и намерений в отношении деторождения это утверждение выглядит не таким уж бесспорным, чтобы ориентировать государственную политику, тем не менее большинство специалистов в мире согласны с общим выводом *о теоретических пределах* увеличения уровня рождаемости в рамках существующей социально-экономической, институциональной среды и господствующей социальной нормы.

¹⁸ Борисов В.А. Желаемое число детей в российских семьях по данным микропереписи населения России 1994 года // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 2. С. 29—64.

Под желаемым числом детей чаще всего понимают готовность индивида иметь определенное число детей при наличии всех необходимых условий. Некоторые исследователи полагают, что этим индикатором измеряется «потребность» индивида в детях, которая гипотетически может реализоваться в некоторых идеальных условиях.

При опросе в рамках микропереписи населения 1994 г. вопрос о желаемом числе детей ставился в следующей форме: «Сколько всего детей хотели бы иметь?». При микропереписи 2015 г. вопрос задавался так: «Сколько всего детей, включая имеющих, Вам хотелось бы иметь при наличии всех необходимых условий». Как видим, между двумя формулировками вопроса, призванными отразить значение одного и того же индикатора намерений, имеется существенная разница. Прожективная «идеальность» условий более очевидно подчеркивается в формулировке, использованной при опросе 2015 г. Вероятнее всего, полученная оценка индикатора среднего желаемого числа детей при опросе в 1994 г. была несколько занижена, на что в свое время указывали специалисты¹⁹. Таким образом, оценки желаемого числа детей по результатам МПН-2015 при прочих равных условиях должны иметь дополнительный «довесок» относительно оценок для 1994 г. В результате можно выразить сомнение в полной сопоставимости оценок, полученных в двух опросах, а полученную разницу в величинах среднего желаемого числа детей отнести на методологическую погрешность в формулировках вопросах.

Тем не менее результаты, полученные при опросе 2015 г., представляют большой интерес. Так, верхняя и практически недосягаемая планка итогового показателя рождаемости для современных россиян, в том числе тех, кто находится в самом начале периода деторождения, может быть с уверенностью обозначена на уровне 1,9 ребенка в расчете на одну женщину (табл. 7.12). Важно подчеркнуть, что эта планка практически не изменилась за 20 лет, разделяющих два опроса в 1994 и 2015 гг. Если закрыть глаза на неполную методологическую сопоставимость сравнений и оставаться большим оптимистом, приписав все положительные сдвиги в желаниях иметь детей действующей в России государственной политике по стимулированию рождаемости, то можно

¹⁹ Борисов В.А. Указ соч. С. 31—32.

Таблица 7.12. Желаемое число детей согласно опросу женщин 18—44 и 18—29 лет в рамках микропереписей 1994 и 2015 гг.

Показатель	Желаемое число детей женщин в возрасте, лет					
	18—44	18—29	18—44	18—29	18—44	18—29
	1994		2015		Изменение, 1994—2015	
Все население	1,91	1,78	1,92	1,90	+0,01	+0,12
Городское население	1,82	1,72	1,85	1,87	+0,03	+0,15
Сельское население	2,23	1,99	2,08	1,98	-0,03	-0,01

Примечание. Показатели не стандартизованы с учетом специфических особенностей дизайна выборок в 1994 и 2015 гг., а потому к результатам сравнения требуется подходить с осторожностью.

заметить увеличение среднего желаемого числа детей у молодых женщин в 2015 г. по сравнению результатами опроса в 1994 г. на 0,15 ребенка в расчете на одну женщину 18—29 лет, проживающую в городской местности (в расчете на всех женщин 18—44 лет прирост составил едва заметные 0,03 и также фиксируется только в городском населении).

Итак, теоретическим пределом повышения уровня рождаемости в России на обозримую перспективу (20—30 лет) при любых мерах социальной, семейной и демографической политики, которые можно задействовать сегодня, выступает планка, установленная самим населением на уровне 1,9 рождения на одну женщину. Однако, как показывает многолетний мировой и российский опыт, массовая реализация намерений в соответствии со средней величиной идеального числа детей, подобно любым другим идеалам, практически недостижима. Реальным ориентиром ожидаемого уровня рождаемости для России будет величина 1,6 рождения, а при благоприятном стечении обстоятельств — 1,70—1,75 рождения в расчете на одну женщину к возрасту 50 лет.

7.7. Контроль рождаемости: изменения в статистическом учете и неопределенная динамика распространенности аборта в 2016 г.

В 2015 г. Министерство здравоохранения Российской Федерации (Минздрав) разработало, а Росстат утвердил новую форму для статистического учета аборт в учреждениях здравоохранения, входящих в систему Минздрава (форма № 13). Теперь аборты следует называть «беременности с абортивным исходом» взамен «прерываний беременности» в прежних регламентирующих документах. Изменилось не только наименование абортов, но и содержание собираемых сведений о них. С одной стороны, учет стал в большей степени соответствовать Международной классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра (МКБ-10), но, с другой стороны, практически утрачена сопоставимость информации с предыдущими годами, что сильно затрудняет (если не сказать, делает невозможным) дальнейшее изучение динамики абортов в России.

До 2012 г. учету подлежали прерванные беременности в соответствии с кодом О03—О06 МКБ-10. В 2012 г. был начат учет прерываний беременности по расширенному коду: О02—О07. Были добавлены некоторые виды самопроизвольных абортов (выкидышей), при этом другие категории прерванных беременностей остались без изменений²⁰. Вплоть до 2016 г. статистическая форма № 13 предусматривала выделение следующих категорий абортов: самопроизвольные, медицинские (легальные), по медицинским показаниям, по социальным показаниям, другие виды аборта (криминальные) и неуточненные (внебольничные). Указанные категории были разделены на две группы согласно сроку беременности у женщины: до 12 недель и 12—21 неделя включительно.

В 2016 г. список нозологий был снова расширен, и теперь форма № 13 учитывает весь блок «Беременность с абортивным ис-

²⁰ В 2012 г. в связи с переходом России на новое определение живорождения срок беременности, в течение которого женщина имеет право прервать беременность, был снижен с 28 до 22 недель. Это мало сказалось на статистике абортов, потому что прерывание беременности на очень позднем сроке было относительно редким явлением.

ходом» МКБ-10 (коды О00—О07), включая внематочную беременность, пузырный занос, анормальные продукты зачатия, неудачную попытку аборта и др. (табл. 7.13). Разделение на две группы по сроку беременности сохранилось.

Аборты по медицинским и социальным показаниям с 2016 г. включены в широкую категорию «медицинских» (т.е. под медицинским наблюдением) аборт, куда также входят аборты по желанию женщины.

Таблица 7.13. Изменение формы статистического учета аборт в учреждениях Минздрава (в скобках — код по МКБ-10)

2012—2015 гг.	С 2016 г.
<p>Прерываний беременности в сроки до 12 недель, всего (О02—О07) В том числе: самопроизвольный аборт (О02—О03) медицинский аборт (легальный) (О04—часть) аборт по медицинским показаниям (О04—часть) другие виды аборта (криминальный) (О05) аборт неуточненный (внебольничный) (О06)</p>	<p>Беременности с абортивным исходом в срок до 12 недель (О00—О07) В том числе: внематочная беременность (О00) пузырный занос (О01) другие анормальные продукты зачатия (О02) самопроизвольный аборт (О03) медицинский аборт (О04), в том числе по медицинским показаниям другие виды аборта (О05) аборт неуточненный (О06) неудачная попытка аборта (О07)</p>
<p>Прерываний беременности в сроки 12—21 неделя включительно, всего (О02—О03, О04—часть, О05—О07) В том числе: самопроизвольный аборт (О03) аборт по медицинским показаниям (О04—часть) аборт по социальным показаниям другие виды аборта (криминальный) (О05) аборт неуточненный (внебольничный) (О06)</p>	<p>Беременности с абортивным исходом в срок с 12 до 22 недель (О02—О07) В том числе: внематочная беременность (О00) другие анормальные продукты зачатия (О02) самопроизвольный аборт (О03) медицинский аборт по медицинским показаниям (О04), в том числе по социальным показаниям другие виды аборта (О05) аборт неуточненный (О06) неудачная попытка аборта (О07)</p>

Под «другими видами» аборта, по-видимому, теперь понимаются не только криминальные аборты²¹, как было до 2016 г. Как показывают данные отчета Минздрава, число «других видов» аборта за один год в 2016 г. по сравнению с 2015 г. возросло более чем в 20 раз, тогда как до этого криминальные аборты неуклонно снижались.

Еще одним новшеством учетной формы является отсутствие подробного возрастного распределения абортов. Начиная с 1996 г. Минздрав выделял девять возрастных групп женщин, прерывающих беременность: до 14 лет включительно, 15—19, 20—24, 25—29, 30—34, 35—39, 40—44, 45—49, 50 лет и старше; с 2006 г. добавилась еще одна, десятая, группа — 15—17 лет. А в 2015 г. специалисты Минздрава посчитали, что разбивка по возрасту не представляет интереса, и оставили всего пять групп: до 14 лет, 15—17, 18—44, 45—49, 50 лет и старше. Возрастной интервал, на который в последние годы приходится максимум прерванных беременностей, — 25—29 лет, в новой форме не выделен. Таким образом, точный расчет возрастных и суммарного коэффициента абортов стал невозможен.

Новая статистическая форма, принятая Минздравом в 2015 г., также не позволяет оценить число абортов, выполненных наиболее щадящим для здоровья женщин методом — при помощи лекарственных средств, так называемых медикаментозных абортов. В 2015 г. в учреждениях Минздрава доля абортов, проведенных при помощи медикаментозного метода, составила всего 19,4% от всех искусственных абортов, выполненных по желанию женщины в срок до 12 недель беременности. Большинство абортов в России по-прежнему выполняются хирургическим методом выскабливания (кюретажа), который ВОЗ рекомендует использовать лишь в исключительных случаях, когда нет возможности применить другие методы или когда другие методы не привели к нужному результату. Задача более широкого внедрения современных методик прерывания беременности очень актуальна для России, однако новый порядок учета предписывает выделять медикаментозные аборты только среди абортов по медицинским показаниям, которые со-

²¹ Аборт считался криминальным, если было установлено вмешательство самой беременной женщины или других лиц вне медицинского учреждения.

ставляют меньшинство. Так что оценить общее число и долю медикаментозных аборт в 2016 г. не представляется возможным.

Государственную статистику аборт публикует не только Минздрав, но и Росстат. Большинство аборт в стране выполняется в учреждениях, подведомственных Минздраву, сведения об этих абортах содержатся в документах и статистических сборниках Минздрава. Росстат дополняет статистику прерванных беременностей, учтенных Минздравом, данными по медицинским учреждениям других министерств и ведомств, а также по негосударственным организациям, имеющим лицензию на производство аборт, включая частные клиники, не отчитывающиеся перед Минздравом, и для этих учреждений существует своя учетная форма. С 2016 г. Росстат также изменил содержание формы для регистрации прерванных беременностей вне учреждений Минздрава, расширив список наименований «беременностей с абортивным исходом» (коды О00—О07 согласно МКБ-10, тогда как до 2016 г. учет ограничивался кодами О03—О06). Таким образом, число зарегистрированных Росстатом в 2016 г. аборт не сопоставимо с показателями предыдущих лет. Так же, как и в случае аборт, выполненных в учреждениях Минздрава, для аборт, выполненных в других организациях, с 2016 г. ликвидирована подробная возрастная группировка.

Всего в 2016 г. Росстатом учтено 836,6 тыс. беременностей с абортивным исходом. Какую долю из них составляют искусственные аборт, а какую — спонтанные, неизвестно. Также нельзя определить, как изменилось число прерванных беременностей по сравнению с 2015 г. Подотчетные Минздраву организации зарегистрировали в 2016 г. 737,9 тыс. беременностей с абортивным исходом, или 88% от общего числа. В негосударственных медицинских организациях учтено 82,2 тыс. беременностей с абортивным исходом (около 10% от общего числа), оставшуюся небольшую долю аборт добавили клиники других министерств и ведомств.

Важной характеристикой ситуации с абортами является соотношение аборт и родов, которое показывает, какая доля беременностей заканчивается прерыванием. И в 2015, и в 2016 гг. на 100 рождений в России приходилось порядка 44 беременностей с абортивным исходом, т.е. 30—31% зачатий завершилось прерыванием. До 2007 г. в течение нескольких десятилетий годовое число

абортов в стране превышало число родов, в отдельные годы соотношение составляло два и более абортa на одно рождение. Как видим, к сегодняшнему дню ситуация значительно улучшилась.

Далее мы будем ссылаться только на статистику, собранную в учреждениях Минздрава, поскольку она позволяет выделить виды абортa, которые можно изучать в динамике.

Согласно данным Минздрава, общее число абортa в 2016 г. по сопоставимым с предыдущим годом категориям, т.е. с кодами О02—О07 МКБ-10, составило 688,1 тыс. Это почти на 8% меньше, чем в 2015 г. (746,7 тыс.). В расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста число абортa снизилось с 21,0 в 2015 г. до 19,5 в 2016-м.

Общее число абортa в России и в абсолютном, и в относительном выражении неуклонно снижалось на протяжении всего постсоветского периода (табл. 7.14). При этом все больший удельный вес в общем числе абортa занимали самопроизвольные абортa, или выкидыши. В 1992 г. было учтено 206,3 тыс. самопроизвольных абортa, что составляло чуть более 6% от общего числа абортa, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава, а в 2016 г. — уже 247,4 тыс. самопроизвольных абортa (и других анормальных продуктов зачатия), или 36,5% общего числа абортa. Рост вклада самопроизвольных абортa связан как с изменениями в порядке учета, о чем говорилось выше, так и — в меньшей степени — с реальным ростом случаев невынашивания беременности (скорее всего, вследствие роста рождаемости). Включение самопроизвольных абортa завышает российские показатели относительно других стран, поэтому при международных сравнениях их следует исключать из общего числа абортa.

Поскольку динамика искусственных и самопроизвольных абортa была разнонаправленной и удельный вес выкидышей в общем числе учтенных абортa рос, темпы снижения коэффициента абортa без учета самопроизвольных были более значительными, чем коэффициента абортa с включением самопроизвольных. Если коэффициент общего числа абортa за период 1992—2016 гг. уменьшился в 4,6 раза (с 90,0 до 19,5), то коэффициент искусственных абортa — в 6,8 раза (с 84,3 до 12,4).

Распространенность абортa по медицинским показаниям, когда продолжение беременности угрожает здоровью матери и ре-

Таблица 7.14. Общее число зарегистрированных в учреждениях системы Минздрава аборт, в том числе самопроизвольных, России, 1992—2016 гг.

Год	Общее число аборт*, тыс.	В том числе самопроизвольных**, тыс.	Удельный вес самопроизвольных аборт, %	Общее число аборт*	Число аборт без учета самопроизвольных
				в расчете на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет	
1992	3265,7	206,3	6,3	90,0	84,3
1993	2977,9	194,9	6,5	81,5	76,2
1994	2808,1	194,3	6,9	75,3	70,1
1995	2574,8	186,3	7,2	67,7	62,8
1996	2469,2	179,7	7,3	64,1	59,5
1997	2320,9	173,2	7,5	59,8	55,4
1998	2210,2	171,6	7,8	56,5	52,1
1999	2059,7	170,5	8,3	52,4	48,1
2000	1961,5	173,9	8,9	49,7	45,3
2001	1857,0	167,3	9,0	46,9	42,7
2002	1782,3	174,3	9,8	44,9	40,5
2003	1677,0	170,5	10,2	42,3	38,0
2004	1604,5	171,6	10,7	40,6	36,3
2005	1501,6	168,1	11,2	38,3	34,0
2006	1407,0	168,0	11,9	35,9	31,6
2007	1302,5	173,9	13,4	33,5	29,0
2008	1236,4	175,6	14,2	32,2	27,6
2009	1161,7	176,4	15,2	30,6	26,0
2010	1054,8	172,5	16,4	28,2	23,6
2011	989,4	176,6	17,8	26,9	22,1
2012	935,5	222,9	23,8	25,8	19,6
2013	881,4	232,1	26,3	24,6	18,1
2014	803,8	233,2	29,0	22,7	16,1
2015	735,9	234,1	31,8	21,0	14,3
2016	678,4	247,4	36,5	19,5	12,4

* Коды по МКБ-10: O03—O06 до 2012 г., O02—O07 после 2012 г. включительно.

** Коды по МКБ-10: O03 до 2012 г., O02—O03 после 2012 г. включительно.

Примечание. До 2006 г. — без Чеченской Республики, с 2014 г. — без Республики Крым и г. Севастополя.

Источник: Рассчитано на основе неопубликованных данных Минздрава России.

бенка, за последние 25 лет также имела тенденцию к снижению, хотя в отдельные годы наблюдалось кратковременное увеличение этого показателя. В расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста число аборт по медицинским показаниям снизилось с 1,30 в 1992 г. до 0,82 в 2016 г., т.е. в 1,6 раза. В 2004 г. произошел скачок числа аборт по медицинским показаниям, но к 2008 г. показатель значительно снизился и с тех пор мало меняется (рис. 7.14). В 2016 г. он немного увеличился по сравнению с 2015 г. (с 0,77 до 0,82 на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет). Удельный вес таких аборт невелик и не вносит существенного вклада в общее число прерванных беременностей. В 2014—2016 гг. их удельный вес составлял около 4% общего числа аборт, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава.

Всплеск аборт по медицинским показаниям в 2004 г. связывают с изменением законодательства в отношении аборт по социальным показаниям²². В 2003 г. Правительство РФ резко сократило перечень социальных показаний для производства искусственного аборт — с 13 до 4 пунктов²³, и часть из них, вероятно, «перетекла» в категорию медицинских. Затем в 2007 г. было принято решение сократить и перечень оснований для аборт по медицинским показаниям, что привело к снижению их числа.

В 2012 г. Правительство РФ в очередной раз изменило перечень показаний для прерывания беременности по социальным показаниям (постановление от 6 февраля 2012 г. № 98). Теперь в перечне остался всего один пункт — беременность, наступившая в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 131 Уголовного кодекса РФ (изнасилование). В результате законодательных изменений «социальных» аборт у нас почти не осталось. В 2016 г. в медицинских организациях Минздрава было сделано 169 аборт по социальным показаниям, тогда как, например, в 1999 г. — 46,5 тыс. Отметим, что число таких аборт в 2016 г. увеличилось по сравнению с 2015 г. в 6,5 раза (с 26 до 169), что трудно объяснить; вероятно, основной причиной является опять же изменение правил учета.

²² Стародубов В. И., Суханова Л. П. Репродуктивные проблемы демографического развития России. М.: Менеджер здравоохранения, 2012. С. 192—193.

²³ См.: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123/tema03.php>.

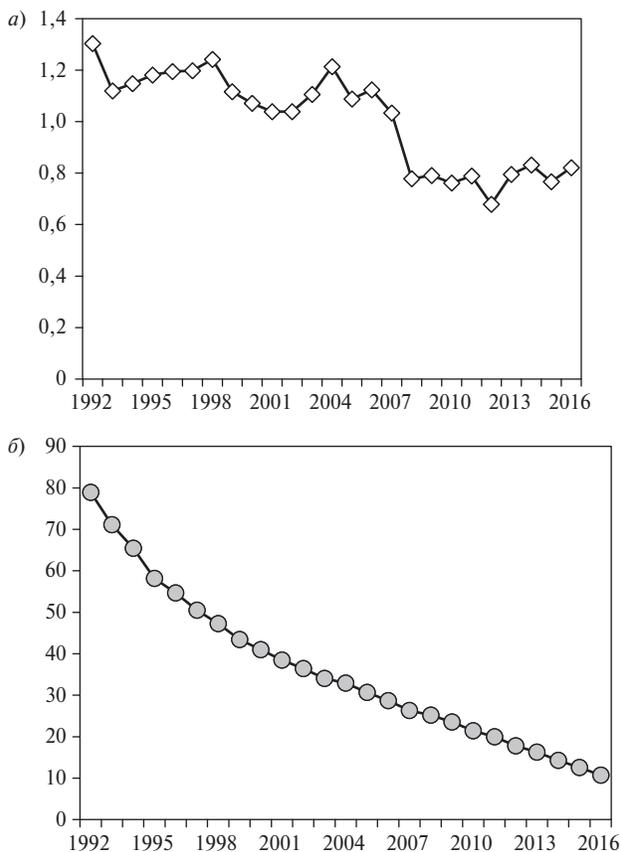

Рис. 7.14. Аборт по медицинским показаниям (а) и медицинские легальные* аборт (б), на 1000 женщин репродуктивного возраста, Россия, 1992—2016 г.

* Искусственные аборт по желанию женщины в срок до 12 недель беременности, выполненные как в стационаре, так и амбулаторно.

Примечание. До 2006 г. — без Чеченской Республики, с 2014 г. — без Республики Крым и г. Севастополя.

Источник: Рассчитано на основе неопубликованных данных Минздрава России.

В действительности отслеживать динамику имеет смысл только в случае искусственных абортов по желанию женщины в срок до 12 недель беременности («медицинских легальных»), выполненных как в стационаре, так и амбулаторно (код О04 по МКБ за вычетом абортов по медицинским показаниям), и эта динамика свидетельствует о существенном изменении ситуации в сфере контроля рождаемости за последние десятилетия.

За период с 1992 по 2016 г. распространенность искусственных абортов по желанию женщины в срок до 12 недель беременности снизилась более чем в 7 раз. В 1992 г. коэффициент таких абортов был равен 78,9 в расчете на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет, а в 2016 г. — всего 10,7 (табл. 7.15, см. рис. 7.14). Среднегодовой темп снижения за рассматриваемый период составил 8%. В 2016 г. их доля в общем числе абортов, зарегистрированных в системе Минздрава, составила 55%, в 2015 г. она равнялась 60%, а 25 лет назад, в 1992 г., — 88%. Как было сказано выше, за последние годы значительно возрос вклад самопроизвольных абортов, тогда как уровень и удельный вес искусственных абортов уменьшились.

Если сравнить значения коэффициента «медицинских легальных» абортов до 12 недель беременности в регионах России, то мы увидим большую региональную дифференциацию. В 2016 г. разница между минимальным и максимальным показателями в Ингушетии и Чечне, с одной стороны, и Еврейской автономной области, с другой, превышала 100 раз (в расчете на 1000 женщин 15—49 лет). Коэффициент вариации, рассчитанный на основе региональных коэффициентов искусственных абортов по желанию женщины до 12 недель беременности, составил 52%, что свидетельствует о значительной неоднородности.

Самым низким уровнем искусственных абортов характеризуются республики Северного Кавказа и Москва. В Чеченской Республике и Ингушетии регистрируется очень мало абортов по желанию женщины, в 2016 г. они составили лишь 2,4 и 3,6% от всех абортов соответственно, подавляющее большинство учтенных в этих республиках прерванных беременностей — либо самопроизвольные, либо по медицинским показаниям. В Москве тоже доля искусственных абортов среди всех прерванных беременностей, зарегистрированных в учреждениях Минздрава, невелика, около 80% прерванных беременностей в Москве составляют вы-

Таблица 7.15. Медицинские легальные* аборт и их удельный вес в общем числе абортов, зарегистрированных в учреждениях системы Минздрава, 1992—2016 гг.

Год	Абсолютное число, тыс.	В расчете на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет	Удельный вес в общем числе абортов, %
1992	2863,2	78,9	88
1993	2598,5	71,2	87
1994	2438,7	65,4	87
1995	2210,9	58,2	86
1996	2104,6	54,7	85
1997	1958,7	50,5	84
1998	1847,7	47,3	84
1999	1707,5	43,4	83
2000	1615,1	41,0	82
2001	1522,1	38,5	82
2002	1445,3	36,4	81
2003	1349,7	34,0	80
2004	1301,1	32,9	81
2005	1202,3	30,7	81
2006	1124,6	28,7	80
2007	1021,8	26,3	78
2008	967,5	25,2	78
2009	893,6	23,6	77
2010	800,4	21,4	76
2011	735,1	20,0	74
2012	644,9	17,8	69
2013	582,0	16,2	66
2014	505,9	14,3	63
2015	440,9	12,6	60
2016	371,5	10,7	55

* Искусственные аборты по желанию женщины в срок до 12 недель беременности, выполненные как в стационаре, так и амбулаторно.

Источник: Рассчитано на основе неопубликованных данных Минздрава России.

кидыши. Кроме указанных регионов низкие показатели искусственных абортс зарегистрированы в 2016 г. в Республике Мордовия, Тульской и Белгородской областях и Санкт-Петербурге. На «противоположном полюсе» от Москвы и Северного Кавказа, более чем вдвое превышая среднероссийский уровень, находятся Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, республики Алтай и Тыва, Сахалинская, Свердловская, Курганская и Псковская области, республики Саха (Якутия) и Марий Эл. Состав «лидеров» мало меняется с течением времени²⁴. В целом прослеживается увеличение уровня абортс с юга на север и с запада на восток страны.

Значительное снижение числа искусственных абортс означает, что аборт постепенно вытесняется из структуры методов сознательного регулирования рождаемости. Россия переживает запоздалую «контрацептивную революцию», наблюдавшуюся в западных странах еще в 1960—1970-е годы и связанную с появлением новых видов контрацепции: оральных гормональных контрацептивов и обновленных внутриматочных спиралей, а также с усовершенствованием методов контрацептивной стерилизации²⁵. Когда в 1990-е годы российские пары получили информацию о возможностях современных контрацептивных средств и стали доступны сами эти средства, регулирование рождаемости в России стало гораздо более эффективным и цивилизованным.

К сожалению, государственную статистику применения методов контрацепции трудно назвать достоверной. Минздрав собирает сведения о числе женщин, имеющих внутриматочные спирали (ВМС), использующих гормональную контрацепцию (ГК), и о годовом числе операций стерилизации. Учитываются только женщины, обратившиеся в государственные медицинские учреждения. Даже если женщина получила рецепт на применение ГК у врача, неизвестно, насколько регулярно и правильно она ее применяет. По нашим расчетам, численность пользователей гормо-

²⁴ Сакевич В.И. Аборты и контрацепция в России: есть ли различия между регионами? // Демоскоп Weekly. 2014. № 623—624. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0623/reprod01.php>.

²⁵ Вишневецкий А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. Контрацептивная революция в России // Демографическое обозрение. 2017. № 1. С. 6—34.

нальных таблеток в отчетах Минздрава завышена²⁶. Тем не менее данные официальной статистики позволяют отследить тенденции в применении указанных видов контрацепции.

Согласно данным Минздрава, на конец 2016 г. 3,8 млн женщин использовали ВМС и 4,6 млн женщин — гормональные противозачаточные средства, или соответственно 10,7 и 13,1% от всех женщин репродуктивного возраста (табл. 7.16). С середины 1990-х годов численность женщин, использующих ВМС, снижалась, тогда как численность и удельный вес женщин, применяющих ГК, по сравнению с 1990-ми существенно возросли. Если на конец 1995 г. Минздрав регистрировал 1747 тыс. россиянок, применяющих ГК, то на конец 2016 г. — 4588 тыс., или в 2,6 раза больше. Вместе с тем общий удельный вес женщин, использующих эти два вида

Таблица 7.16. Использование средств контрацепции, по данным Минздрава

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2014	2015	2016
Численность женщин, применяющих ВМС (на конец года):								
всего, тыс. человек	6202	7235	6323	5399	4749	4072	4001	3774
на 100 женщин в возрасте 15—49 лет	17,2	18,9	16,0	13,8	12,8	11,5	11,3	10,7
Численность женщин, применяющих ГК (на конец года):								
всего, тыс. человек	600	1747	2829	3711	4658	4459	4590	4588
на 100 женщин в возрасте 15—49 лет	1,7	4,6	7,2	9,5	12,5	12,6	13,0	13,1
Число операций по стерилизации женщин:								
всего, тыс.	...	15,1	18,5	16,6	12,5	13,1	14,3	13,5
на 100 тыс. женщин в возрасте 15—49 лет	...	39,7	46,9	42,4	33,4	37,0	40,4	38,4

Примечание. С 2015 г. — включая Республику Крым и г. Севастополь.

Источник: Здравоохранение в России. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 58.

²⁶ См.: Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / под ред. С.В. Захарова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 159.

современной высокоэффективной контрацепции, мало меняется с середины 1990-х годов, оставаясь на уровне около $1/4$ женщин репродуктивного возраста (рис. 7.15). Меняется лишь соотношение методов в пользу гормональной контрацепции. Самый популярный в мире метод планирования семьи — стерилизация — в России не получил распространения: в 2016 г. было проведено всего 13,5 тыс. операций стерилизации женщин, и это меньше, чем в 2015 г. (14,3 тыс.).

Рис. 7.15. Доля женщин, использующих ВМС и ГК, % от числа женщин в возрасте 15—49 лет, 1990—2016 г., на конец года

Источник: Минздрав России.

Главным источником сведений о контрацептивном поведении обычно служат выборочные опросы населения. Российские обследования, содержащие информацию о репродуктивном здоровье, свидетельствуют о том, что распространенность контрацепции в нашей стране высока²⁷. Подавляющее большинство пар для регулирования рождаемости прибегает к методам контрацепции.

²⁷ См. подробнее: Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / под ред. С.В. Захарова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 156—159.

Россия здесь не выделяется на фоне стран с близким уровнем рождаемости.

Самым популярным методом контрацепции в нашей стране является презерватив. Вопрос о том, почему россияне отдают предпочтение презервативу, а не гормональным таблеткам, например, как в западноевропейских странах, требует дополнительного исследования. Одной из версий может быть нежелание лишней раз общаться с государственной медициной, недоверие к ней, стремление избежать «медицинского надзора» в такой приватной сфере, как сексуальная жизнь²⁸, а презерватив можно свободно купить практически круглосуточно не только в аптеках и супермаркетах, но и даже вполне анонимно — в некоторых присутственных местах установлены специальные автоматы в туалетных комнатах (правда, в последнее время их функционирование оставляет желать лучшего). Возможно, какую-то роль играет страх перед угрозой заражения ВИЧ/СПИДом и другими инфекциями, передающимися половым путем, уровень заболеваемости которыми в России высок. К тому же с приемом гормонов связано много мифов, берущих начало еще в советские времена. Презерватив, в отличие от ВМС или ГК, не относится к методам с самой высокой эффективностью защиты от нежелательной беременности, поэтому оптимизация структуры применяемых методов контрацепции могла бы внести определенный вклад в ускорение снижения аборт.

Что касается государственной политики в области контроля рождаемости, то кроме ограничения доступности аборта и сокращения статистической информации об абортах в последние годы никаких мер по продвижению ответственного родительства в России не предпринималось. Напротив, в России усилилась пронаталистская пропаганда, ставшая элементом социальной политики, что, по мнению многих чиновников, несовместимо с пропагандой контрацепции. При этом, как показал анализ Европейского парламентского форума в области народонаселения и развития, Россия занимает одно из последних мест в Европе с точки зрения до-

²⁸ Темкина А. Контрацептивные практики российских женщин: (без)опасность и медиализация // Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы: сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 210—239.

ступности надежной информации о современных методах контрацепции²⁹. Сексуальное образование по-прежнему отсутствует. Тем не менее контрацепция не запрещена, хотя и не входит в систему обязательного медицинского страхования, и при желании современные противозачаточные средства можно приобрести. Несмотря на равнодушие государства, контрацептивная революция в России идет довольно высокими темпами, что благоприятно сказывается на динамике уровня абортс.

²⁹ См.: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/reprod01.php>.

8. Меры семейной политики в России в свете результатов микропереписи населения 2015 г.

8.1. Система мер семейной политики в России, действовавшая в 2016 г.

8.1.1. Федеральные меры семейной политики

С 1 января 2016 г. в России с учетом перспективы экономического кризиса стали меняться сложившиеся в эпоху «сытых нулевых» годов принципы и подходы к мерам материальной поддержки семьи с детьми. Однако прежняя система федеральных пособий для поддержки семьи продолжала действовать в России и в 2016 г.

В декабре 2015 г. был принят ряд решений в духе антикризисной экономии бюджетных средств:

- сократить круг получателей некоторых детских пособий и льгот, сделать их адресными, выплачивать по критериям нуждаемости (Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 388-ФЗ), однако критерии пока разработаны не до конца и реестр нуждающихся не создан;

- не проводить индексацию детских пособий за 2016 г., и с 1 января только доиндексировать их за прошедший 2015 г. на величину фактической инфляции с 1 февраля 2016 г. (Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 371-ФЗ);

- не проводить индексацию материнского капитала в 2016 г., оставив его размер равным 453 026 руб. (Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 359-ФЗ).

До этого с 2008 г. повышение выплат традиционно проводилось опережающим темпом в сравнении с ростом индекса потребительских цен, причем повышающий коэффициент индексации применялся однократно с 1 января в отношении всех установленных размеров социальных выплат. Фактическая инфляция за 2015 г. более чем в 2 раза превысила проведенную с 1 января 2015 г. индексацию (с коэффициентом 1,055) и составила 12,9%. На эту недо-

стающую разницу $1,129 / 1,055 = 1,070$ государственные пособия семьям с детьми были проиндексированы с 1 февраля 2016 г.

Продолжали действовать (табл. 8.1):

- ежемесячные пособия по уходу за ребенком (родным или усыновленным) до достижения им возраста полутора лет: для работающих матерей — 40% среднего заработка, но не менее 2908,62 руб. по уходу за первым ребенком и 5817,24 руб. по уходу за вторым и последующими детьми;

- в 2016 г. также в большинстве регионов (в 69) выплачивались ежемесячные пособия в размере регионального прожиточного минимума на третьего и каждого последующего ребенка в возрасте от полутора до трех лет;

- компенсация родителям, дети которых посещают государственные и муниципальные дошкольные образовательные учреждения. Для семьи с одним ребенком она составляла 20% от внесенной платы, с двумя детьми — 50, с тремя и более — 70% от указанной родительской платы. Часть оплаты за частный детский сад (такие же доли оплаты соответственно для семьи, где один, два и три ребенка) также можно было вернуть в семейный бюджет. Однако процесс получения такой компенсации по-прежнему был бюрократически усложнен, и ее оформляли далеко не все семьи. В 2016 г. также продолжала выплачиваться компенсация за непредоставление места в детском саду, ее размер и сам факт ее наличия зависели от региона;

- пособия по беременности и родам на период 70 дней до родов и 70 дней после родов в 2016 г. составляли 100% от среднего заработка, не превышающего предельную величину базы для начисления страховых взносов в ФСС РФ, установленную на годы, предшествующие рождению ребенка. При усыновлении ребенка выплачивалось такое же пособие (и с тем же «потолком» общих выплат за 140 дней — 228 603,20 руб.). Минимум этого пособия за те же 140 дней составлял 28 952 руб. до 1 июля 2016 г., затем 35 000 руб., он рассчитывался исходя из размера МРОТ. При ликвидации предприятия выплачивались минимальные 581,73 руб., студенткам пособие начислялось исходя из размера стипендии;

- родовые сертификаты. Их стоимость не изменилась и составляла 3 тыс. руб. на оплату медицинских услуг в период бере-

менности, 6 тыс. — в период родов, 2 тыс. передавалось в детскую поликлинику;

- единовременное пособие при рождении (усыновлении, передаче под опеку или в приемную семью) ребенка в 2016 г. составляло 15 512,65 руб. За раннюю постановку на учет по беременности (до 12 недель) выплачивалось, кроме того, 581,73 руб. Повышенное (118 529,25 руб.) пособие при усыновлении предусматривалось в случае усыновления ребенка-инвалида, ребенка в возрасте старше семи лет, а также детей, являющихся братьями и (или) сестрами;

- беременной жене военнослужащего по призыву при сроке беременности более 180 дней выплачивалось единовременное пособие в 24 565,89 руб. Затем ежемесячно ей выплачивалось 10 528,24 руб. с момента рождения ребенка до достижения им возраста трех лет, но только в течение срока службы отца;

- материнский капитал не был проиндексирован и составил 453 026 руб. Была в «антикризисном» порядке увеличена единовременная выплата средств из материнского капитала до 25 тыс. руб. Маткапитал стало можно использовать на оплату услуг и технических средств для социальной реабилитации детей-инвалидов;

- ежемесячные пособия на детей в возрасте от 0 до 16 лет (на учащихся в образовательных учреждениях — до 18 лет). Уже давно эти пособия выплачиваются за счет регионального бюджета, так что их размер и порядок выплаты регулируются региональным законодательством, и они полагаются только малоимущим. Их размер во всех регионах крайне невелик — колеблется в пределах от 90 руб. (например, Республика Алтай) до 13 019 руб. (верхняя граница базового пособия в Санкт-Петербурге). Как правило, базовое пособие составляет 200—500 руб. в месяц на каждого ребенка (табл. 8.2).

8.1.2. Региональные меры семейной политики

Начиная с 2009 г. (в большинстве регионов с 2011 г.) региональные меры семейной политики включают, кроме минимальных по размеру детских пособий для детей в возрасте до 16/18 лет из малоимущих семей, региональные материнские капиталы (РМК), обычно назначаемые независимо от получения женщи-

Таблица 8.1. Материнские и семейные пособия, выплачиваемые из федерального бюджета России, 2001—2015 гг., руб.

	2001	2006	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинские учреждения в ранние сроки беременности (до 12 недель)	100	300	31.12.20008	374,6	412,08	438,87	465,20	490,79	515,33	543,67	581,73
	—	7000				11 000 один ребенок; 13 000 двойня					
Единовременное пособие при рождении ребенка	1500	8000	8680 до 30.06.2008; 8840,58 до 31.12.2008						13741,61	14497,80	15512,65
Единовременное пособие при усыновлении ребенка	—	—	9989,86	10988,85	11703,13	12405,32	13087,61		105 000 усыновление, особые случаи	110755	118529,25
Государственный сертификат на материнский (семейный) капитал	—	—	276 250	312 162	343 378	365 698	387 640	408 960	429 408,5	453 026	
По уходу за первым ребенком			1627,50—65110 до 30.06.2008; 1657,61—6630,40 до 31.12.2008	Мин. 1873,10; макс. 7492,40	Мин. 2060,41; макс. 13833,33	Мин. 2194,34; макс. 13433,33	Мин. 2326,00; макс. 15433,33	Мин. 2453,93; макс. 16250	Мин. 2576,63; макс. 18000	Мин. 2718,34; макс. 19855,82	Мин. 2908,62
			3255—6510 до 30.06.2008; 3315,22—6630,40 до 31.12.2008	Мин. 3746,20; макс. 7492,40	Мин. 4120,82; макс. 13833,33	Мин. 4388,67; Макс. 13433,33	Мин. 4651,99; макс. 15433,33	Мин. 4907,85; макс. 16250	Мин. 5153,24; макс. 18000	Мин. 5436,67; макс. 19855,2	Мин. 5817,24
По уходу за вторым и последующими детьми	200	700		7492,40	13833,33	13433,33	15433,33	16250	18000	19855,2	5817,24

Таблица 8.2. Ежемесячное пособие на детей старше полутора лет в регионах России, 2016 г., руб.

Регион	Базовое	На детей одиноких матерей	На детей военнослужа- щих	На детей, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов
<i>Центральный федеральный округ</i>				
Белгородская область	270	540	595	1185
Брянская область	282	564	423	423
Владимирская область	392	784	588	588
Воронежская область	257	515	386	386
Ивановская область	236	472	354	354
Калужская область	200—5000	400—5000	600	400
Костромская область	115	230	230	173
Курская область	150	300	225	225
Липецкая область	242	484	363	363
Московская область	552—3216	1103—5422	827—4043	827—4043
Орловская область	270	542—676	406	406—676
Рязанская область	166—1066	356—1066	206—1066	206—1066
Смоленская область	233	466	349	349
Тамбовская область	175—379	327	327	327
Тверская область	202	404	404	404
Тульская область	351	701	526	526
Ярославская область	407
г. Москва	1500; 2501	2500; 4501	1900; 3301	1900; 3301

Продолжение табл. 8.2

Регион	Базовое	На детей одиноких матерей	На детей военнослужа- щих	На детей, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>				
Республика Карелия	162	216	216	216
Республика Коми	157—1382	313—1382	235—1304	235—1304
Архангельская область: Ненецкий автономный округ	456	912	684	684
Архангельская область без автономного округа	116	232	174	174
Вологодская область	150	300	225	225
Калининградская область	250	500	500	...
Ленинградская область	362—542	1086—1626	724—1084	1086—1626
Мурманская область	350	701	701	701
Новгородская область	200	400	400	400
Псковская область	225	450	338	338
г. Санкт-Петербург	787—13019	1137—3768	1137—3768	1137—3768
<i>Южный федеральный округ</i>				
Республика Адыгея	115	230	172	172
Республика Калмыкия	225	450	338	338
Республика Крым	532	1596	...	798
Краснодарский край	181	355	262	262

Продолжение табл. 8.2

Регион	Базовое	На детей одиноких матерей	На детей военнослужа- щих	На детей, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов
Астраханская область	214—821	328
Волгоградская область	317	634	476	476
Ростовская область	374	748	561	561
г. Севастополь	532	1596	...	798
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>				
Республика Дагестан	112	224	168	168
Республика Ингушетия	100—150	200—300	150—225	150—225
Кабардино-Балкарская Республика	110	221	165	165
Карачаево-Черкесская Республика	132	282	282	282
Республика Северная Осетия — Алания	150—300	300	225	225
Чеченская Республика	130	260	195	195
Ставропольский край	350—700	700	525	525
<i>Приволжский федеральный округ</i>				
Республика Башкортостан	123	247	185	185
Республика Марий Эл	182	364	273	273
Республика Мордовия	120—240	240	180	180
Республика Татарстан	281—745	745	421	421

Продолжение табл. 8.2

Регион	Базовое	На детей одиноких матерей	На детей военнослужа- щих	На детей, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов
Удмуртская Республика	184	368	368	276
Чувашская Республика	164—230	329—462	247—347	247—347
Пермский край	148	295	221	221
Кировская область	176—1108	352	...	264
Нижегородская область	100	200	150	150
Оренбургская область	300	600	450	450
Пензенская область	290	580	435	580
Самарская область	200	400—660	300—480	300—480
Саратовская область	395	789	592	592
Ульяновская область	200	400	300	300
<i>Уральский федеральный округ</i>				
Курганская область	244	488	366	366
Свердловская область	453—1812	905	679	679
Тюменская область: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	861
Ямало-Ненецкий автономный округ	284—710	568—1420	426—1065	426—1065
Тюменская область без автономных округов	350	583	583	583

Продолжение табл. 8.2

Регион	Базовое	На детей одиноких матерей	На детей военнослужа- щих	На детей, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов
Челябинская область	226	451	338	338
<i>Сибирский федеральный округ</i>				
Республика Алтай	90	180	135	135
Республика Бурятия	155	232	203	203
Республика Тыва	127	254	...	191
Республика Хакасия	197	395	296	296
Алтайский край	155	465	310	232
Забайкальский край	191	382	286	286
Красноярский край	280	392
Иркутская область	235	470	352	352
Кемеровская область	234—521	409	323	323
Новосибирская область	319	478	478	478
Омская область	254	790	790	790
Томская область	126—391	214	170	170
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>				
Республика Саха (Якутия)	325—424
Камчатский край	442	883	883	883
Приморский край	257	772	386	386
Хабаровский край	337	449	...	1124

Окончание табл. 8.2

Регион	Базовое	На детей одиноких матерей	На детей военнослужа- щих	На детей, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов
Амурская область	249	498	373	373
Магаданская область	250	750	375	375
Сахалинская область	394	788	591	591
Еврейская автономная область	120	240	240	180
Чукотский автономный округ	500	750

ной федерального материнского капитала из средств региональных бюджетов. Как правило, РМК можно воспользоваться через 1—3 года после рождения ребенка. Право на РМК обычно дается женщине при рождении (или усыновлении) третьего или последующего ребенка. Однако в Нижегородской, Сахалинской, Смоленской, Московской и Ульяновской областях такое право предоставляется при рождении второго ребенка, а в республиках Алтай, Тыва и Дагестан — только на четвертых и (или) последующих детей. В некоторых регионах размер РМК возрастает при увеличении очередности рождения, размер варьируется в основном в пределах от 50 тыс. до 100 тыс. руб. (62 региона выплачивают именно 100 тыс.), но в отдельных случаях размер бывает больше (до 350 тыс.) или меньше (от 25 тыс.). Кроме того, существуют различающиеся по регионам единовременные выплаты при рождении ребенка дополнительно к федеральному единовременному пособию на рождение ребенка.

8.1.3. Изменения затрат на семейные пособия в России

Семейные выплаты в последние изучаемые годы, несмотря на артикулированное в 2016 г. стремление к экономии, продолжили флуктуировать примерно в области одних и тех же процентных значений по отношению как к ВВП, так и к средней зарплате (табл. 8.3). Именно то, что эта зарплата достаточно низка, обуславливало существенный возможный вес некоторых пособий по отношению к ней и осторожность руководства страны при попытках пересмотреть систему пособий, так как, возможно, довольно большая часть семей полагается на них как на существенную часть семейного бюджета.

Таблица 8.3. Доля семейных пособий в ВВП в общем объеме денежных доходов и соотношение пособий с заработной платой

	1991—1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2013	2014	2015	2016
	<i>Доля, %</i>												
В ВВП	0,8	0,4	0,2	0,2	0,4	0,4	0,6	0,8*	0,8	0,9	0,8	0,8	0,9
В общем объеме денежных доходов населения	1,3	0,7	0,3	0,3	0,6	0,7	0,8	1,1*	1,2	1,3	1,2	1,3	1,4
	<i>Соотношение со средней заработной платой, %</i>												
Единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинские учреждения в ранние сроки беременности (до 12 недель)	—	3,8	3,5	2,8	2,2	1,9	2,0	2,1	1,85	1,63	1,6	1,60	1,6
Единовременное пособие при рождении/усыновлении ребенка	22	119	70	75	59	50	53	55	50	43,4	42,3;	42,6	42,2;
											повы-	повы-	повы-
											шенное	шенное	шенное
											323,17	322,5	322,5

Окончание табл. 8.3

	1991—1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2013	2014	2015	2016
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет	4	8	6	7	11 (1-й ребенок; 22 (другие дети)	9,4 (1-й ребенок; 18,9 (другие дети)	9,9 (1-й ребенок; 19,8 (другие дети)	10,3—(1-й ребенок; 20,6 (2-й ребенок; 69,3 (максимум)	9,3 (1-й ребенок; 18,5 (2-й ребенок; 58,4 (максимум)	8,1 (1-й ребенок; 16,3 (2-й ребенок; 53,9 (максимум)	7,9 (1-й ребенок; 15,9 (2-й ребенок; 55,4 (максимум)	8 (1-й ребенок; 16 (2-й ребенок; 58,3 (максимум)	7,9 (1-й ребенок; 15,8 (2-й ребенок)

* С 2010 г. и далее — с учетом материнского капитала.

Источники: Рассчитано по данным Росстата: Уровень жизни населения России. М., 1996; «Социальное положение и уровень жизни населения России» за 1998—2007 гг. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2008 г. (http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lsswww.exe/Stg/d02/36.htm); 5.1. Численность населения (http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/lssWWW.exe/Stg/d01/05-01.htm); «О социально-экономическом положении субъектов Российской Федерации в 2008 году» (http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/43sub18.htm); а также по: Захарова В. Е. О расходах на поддержку семей с детьми, материнства, отцовства в федеральном бюджете на 2009—2011 гг. (<http://www.owi.ru/rights/discussion2004/804.htm>); для 2009, 2010 и 2011 гг. рассчитано О. Г. Исуповой по оперативным данным Росстата за 2009—2015 гг. о средней реальной зарплате, ВВП, объеме денежных доходов населения и о расходах бюджета на социальную семейную политику по различным статьям (www.budgetrf.ru/Publications/merit_new/2012/MERT_NEW201202031210/MERT_NEW201202031210_p_003.htm); http://www.gks.ru/bgd/regl/b1_44/lsswww.exe/Stg/d01/06-0w7.htm. Начиная с 2013 г. — по данным gks.ru о процентах в ВВП и доходах населения, расчеты О. Г. Исуповой о весе пособий по отношению к заработной плате.

8.2. Отношение населения к мерам семейной политики по результатам опроса мнений, проведенного в рамках микропереписи 2015 г.

8.2.1. Оценка мотивирующих возможностей семейной политики: проблемы методологии и интерпретация полученных результатов¹

В микропереписи 2015 г. вопросы 24 и 25, непосредственно относящиеся к репродуктивным планам, задавались только людям в репродуктивном возрасте, т.е. женщинам 18—44 лет и мужчинам 18—59 лет. Вопрос 23 о том, сколько у человека рожденных детей, задавался только женщинам 15 лет и старше. Количество детей у опрашиваемых мужчин, вероятно, определялось на основании опроса о родственных связях в домохозяйстве. Формулировка вопросов о желанных и планируемых детях учитывает уже имеющих детей.

При анализе нами было обнаружено, что в выборочную совокупность попало 628 649 мужчин в возрасте 15—59 лет и 432 984 женщины в возрасте 15—44 года (соответственно 580 366 мужчин в возрасте 20—59 лет и 386 194 женщины в возрасте 20—44 года). В то же время на вопрос 25, предполагающий оценку различных мер семейной политики и в целом условий для рождения дополнительных детей, ответили только от 48 до 49,9 тыс. мужчин и женщин при оценке каждой меры, т.е. не более 100 тыс. мужчин и женщин в совокупности оценили каждую меру или каждое условие. На наш прямой запрос в Росстат для разъяснения этого несовпадения мы получили ответ, что вопрос о мерах семейной политики задавался только тем людям репродуктивного возраста, кто в вопросе 24 отметил желание иметь больше детей, чем то, которое они собираются иметь. Соответственно, на него не отвечали все те, кто собирается иметь детей вне зависимости от мер политики или вообще не собирается, хотя в реальности политика при ее принятии ведь затронет и их. Более того, вопрос 25 сфор-

¹ Все расчеты в данной главе выполнены на основе открытых данных микропереписи населения 2015 г. См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

мулирован таким образом, что он кажется адресованным абсолютно всем: «Если вы хотели бы иметь детей больше, чем собираетесь, то в какой степени рождению желаемого числа детей могли бы способствовать следующие условия...», даже в большей мере тем, у кого такого желания пока нет, в случае, «если» оно вдруг появится. В целом вопрос сформулирован с большой степенью неопределенности, он как бы не о реальных намерениях и планах, а о какой-то гипотетической ситуации, которая описывается с помощью одного «если» и двух «бы». Таким образом, в данном случае при ответе на вопрос 25 мы имеем дело с ограниченной подвыборкой мужчин и женщин репродуктивного возраста, с одной стороны, выразивших желание иметь больше детей, чем у них уже есть и чем они собираются в принципе, но с другой — отвечающих на вопрос, который как бы предлагает им поставить такое свое желание под сомнение. А ведь мнение всех остальных при оценке предлагаемых мер семейной политики, как минимум, не менее интересно.

Как бы то ни было, мы имеем большое число ответивших на вопрос 25, почти по 50 тыс. мужчин и женщин при оценке каждой альтернативы, и можем проанализировать распределения их ответов по различным другим показателям из перечня вопросов анкеты, отдавая, однако, себе отчет в вышеописанных ограничениях этой выборочной совокупности.

У нас есть возможность проанализировать оценку этими респондентами таких мер, как:

- возможность получения ежемесячного денежного пособия (предоставления оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до трех лет;
- возможность получения федерального материнского (семейного) капитала;
- возможность получения материнского (семейного) капитала, установленного в соответствующем регионе;
- возможность получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка, установленного в соответствующем регионе;
- возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях;
- налоговые льготы работающим родителям;

- предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома;
- возможность иметь гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю или дистанционно, на дому);
- возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до трех лет;
- возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы.

Также рассматривались условия «изменение личных обстоятельств» и «повышение жизненного уровня семьи».

Именно таковы формулировки альтернатив ответа в вопросе 25. Все эти варианты оцениваются по 5-балльной шкале, в дальнейшем при анализе мы используем сопоставление средних баллов различных категорий респондентов.

Можно видеть, что описание конкретных мер семейной политики в данном случае смешано с такими неопределенными и неизмеряемыми однозначно условиями, как «личные обстоятельства». Задумаемся, как может повлиять на рождение ребенка изменение личных обстоятельств и каких именно. Даже если принять, что тут точно имеется в виду только изменение брачного состояния, то одинаково заданный вопрос для не состоящих в браке может означать, что им надо вступить в брак для рождения ребенка, а для состоящих в браке — развестись. Улучшить отношения с партнером? Выйти замуж за другого? Остается только догадываться... То же и с последним подсказом: «повышение уровня жизни» возможно в связи с любыми событиями, частью которых в общем-то могут стать и выплаты в контексте семейной политики.

В связи с такой повышенной неопределенностью мы решили исключить эти «условия» (два последних подсказа) из дальнейшего анализа, поскольку результаты ответов на них нельзя однозначно интерпретировать.

Мы также исключили из анализа альтернативу о профессиональной переподготовке, так как опубликованные Росстатом таблицы позволяют увидеть: она оценивается респондентами наиболее

низко, что соответствует известным из литературы² коллизиям, возникающим для родителей при попытках распределить время на уход за ребенком и получение образования в любой форме, в особенности при ограниченных семейных ресурсах (например, когда ребенка не с кем оставить, чтобы посещать курсы, или требуются деньги на проезд до места образовательной деятельности, или не очевидна экономическая польза от новой профессии в дальнейшей жизни матери и т.д.).

Итак, далее мы проанализируем оценки, которые респонденты давали девяти оставшимся социально-политическим альтернативам. В то же время необходимо оговориться, что ограничения и некие логические несоответствия остаются при интерпретации ответов респондентов на не совсем удачно сформулированные вопросы микропереписи, и это надо принять во внимание.

Мы должны осознавать, что участникам исследования в одном и том же списке предлагается оценить как уже существующие меры, такие как федеральный и региональный материнский (семейный) капитал, ежемесячное пособие на третьего ребенка и последующих детей до трех лет в размере прожиточного минимума, существующее в большинстве регионов, а также предоставление земельного участка при рождении третьего ребенка, так и меры, которые только обсуждаются, — продление оплачиваемой части отпуска по уходу за ребенком до трех лет, налоговые льготы, гибкий график/дистанционная работа, а также гарантированное место в детском саду/яслях (в реальности его наличия для каждого ребенка страны не так просто добиться).

Кроме того, когда вопросы о материнском капитале (федеральном и региональном) задаются людям, имеющим двух-трех детей, которые уже приобрели право на эти выплаты, не очень понятно, как они понимают соответствующий вопрос, ведь речь идет об их следующем ребенке — и нельзя исключить, что им представляется, что у них может появиться возможность получить такой капитал еще раз.

Тем не менее выбранные нами девять семейно-политических альтернатив (федеральный материнский (семейный) капитал; региональный материнский (семейный) капитал; ежемесячная де-

² Серегина Л. В. Профессиональное обучение — гарантия содействия трудоустройству // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 26—35.

нежная выплата на третьего ребенка в размере регионального детского прожиточного минимума; беспрепятственное получение места для ребенка в детском саду, яслях; налоговые льготы работающим родителям; предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома; гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю или дистанционно, на дому); получение беспроцентной ссуды на покупку жилья площадью в размере социальной нормы при рождении второго или последующего ребенка), на наш взгляд, можно подвергнуть осмысленному анализу. Ниже мы представляем его результаты.

**8.2.2. Восприятие предлагаемых мер
семейной политики для желающих иметь
больше детей, чем планируют:
женский и мужской взгляд в городской
и сельской местности**

Рассмотрим сначала восприятие женщинами различных вариантов из списка предлагаемых мер в зависимости от уровня их образования и трудового статуса. В отличие от мужчин, данные микропереписи дают возможность увидеть различия в оценках женщинами мер политики в зависимости от числа рожденных детей. Это важно, так как образ жизни матерей с разным числом детей может существенно отличаться, еще менее он будет похож на образ жизни бездетных женщин.

Первое направление аналитического разделения — наличие трудовой деятельности (рис. 8.1). Наиболее низко и работающие, и неработающие женщины оценивают гибкий график работы, включая дистанционную работу на дому. Можно предположить, что это связано с трудностями при попытках сочетать работу и домашние дела в одном и том же месте и сомнениями в том, что можно будет выполнить и то, и другое качественно, при этом избежав перенапряжения и самоэксплуатации. Кроме того, низкая оценка такой меры, видимо, связана и с ожиданиями, что при этом и заработок будет меньше, чем при работе в течение полного дня. Интересно, что работающие матери с разным количеством детей оценивают гибкий график несколько ниже, чем неработающие. Возможно, это связано с тем, что у них есть такой опыт.

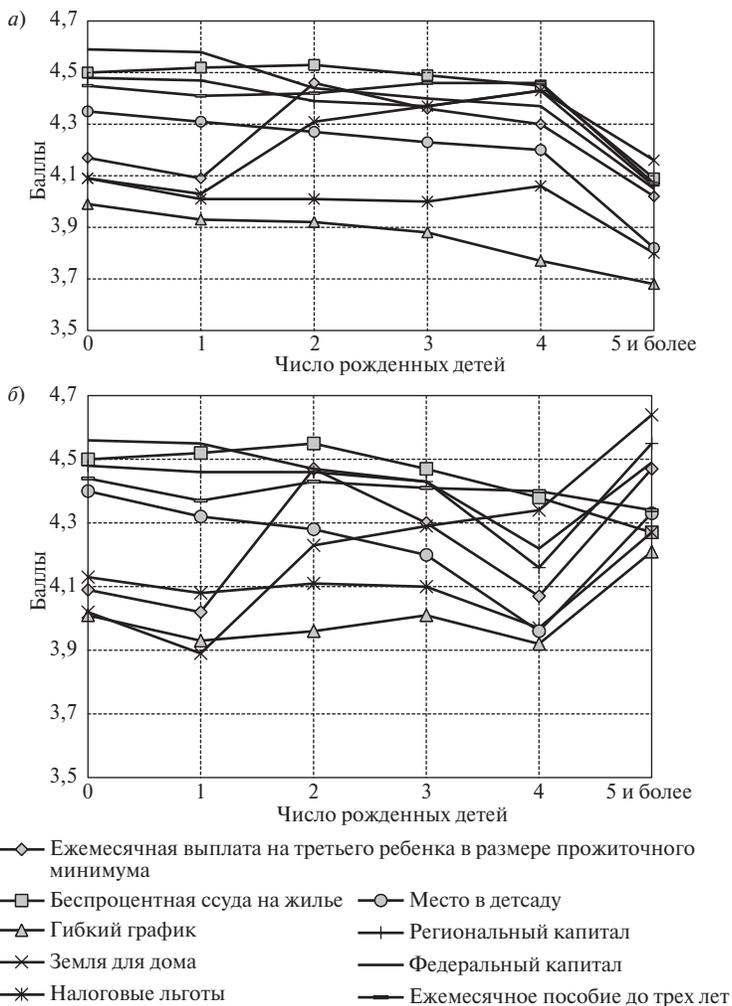

Рис. 8.1. Оценка значимости мер поддержки семьи для экономически активных женщин (а) и женщин, не занятых трудовой деятельностью (б), в зависимости от числа рожденных детей, МПН-2015, средний балл

Наиболее высоко оценивается федеральный материнский (семейный) капитал вне зависимости от наличия у женщины трудовой деятельности, причем его оценка падает у матерей с двумя детьми и более (вероятно, они все-таки не верят, что смогут получить его еще раз). Региональный капитал оценивается немного ниже, а динамика оценок очень похожа.

У матерей двух и трех детей в обеих изучаемых совокупностях лидирует оценка возможности получения беспроцентной ссуды на жилье, что может быть связано с остротой не только жилищного, но и ипотечного вопроса, с закредитованностью населения и пониманием существенной его частью преимуществ именно беспроцентного возвращения займа, а также возможности получения суммы, необходимой для приобретения семейного жилья приемлемого качества и приемлемой величины без многолетнего ожидания. Кроме того, все-таки вопрос о федеральном семейном капитале они, видимо, несмотря на неудачную его формулировку, не интерпретируют как предложение получить деньги второй раз.

Резко увеличивается значимость выплат на третьего ребенка (и у работающих, и у неработающих) в размере прожиточного минимума у матерей двух детей. Напротив, те, у кого пока нет детей или есть только один ребенок, эту меру оценивают невысоко, что может иметь разные причины — как то, что эта мера пока к ним не относится, так и то, что они, в принципе, не собираются иметь более двоих детей. Это может свидетельствовать о сохранении у существенной части населения нормы, согласно которой лучше не иметь более двух детей. Аналогична динамика оценок получения земли под строительство дома, хотя они и несколько ниже по абсолютной величине — характерен рост среднего балла среди женщин с двумя детьми и более. Причем наиболее выражен этот рост у неработающих, возможно, в целом более ориентированных на дом и хозяйство и (или) более часто являющихся сельскими жителями.

Значимость места в детском саду медленно, но очевидно падает с ростом числа детей у женщины, особенно заметно к четвертому ребенку у неработающих, но она весьма велика у пока бездетных и, вероятно, является важным триггером при решении о рождении именно первого ребенка, так как может способствовать иллюзии, что в образе жизни женщины при его рождении мало что изменится.

Довольно низко всеми респондентами при любом числе детей оценивается такая мера, как налоговые льготы. Возможно, это связано с тем, что сами льготы невелики или значительная часть населения продолжает работать в сером секторе экономики, для которого все это неважно. С другой стороны, эта мера людям может быть просто не понятна, в отличие от прямых выплат, предполагаемых другими вариантами.

Ежемесячное пособие на ребенка до трех лет (продление оплачиваемого отпуска по уходу за ним до этого момента) выходит на практически лидирующие позиции к тому моменту, когда у матери появляется четверо детей, особенно явно у неработающих, хотя оценивается достаточно высоко и теми, у кого детей меньше или даже нет совсем. Возможно, это связано с более низким уровнем жизни семей с относительно большим количеством детей, а также с тем, что остальные «денежные» меры к этому моменту уже «освоены».

Следующее направление анализа — различия между оценками предлагаемых мер женщинами с различным числом рожденных детей в зависимости от их уровня образования (рис. 8.2).

Для женщин с начальным и основным общим образованием (9 классов средней школы и менее) характерна низкая оценка гибкого графика работы, особенно при наличии трех детей и более (см. рис. 8.2, *а*, *б*). Не исключено, что это связано именно с их негативным жизненным опытом в этой области — работа по гибкому графику может быть вынужденной и ассоциироваться с частичной безработицей.

Федеральный и региональный материнский капиталы оцениваются аналогично и наиболее высоко бездетными и однодетными, к четвертому ребенку оценка значимости опять растет, нельзя исключить, что это потому, что женщины надеются получить эти выплаты еще раз.

Интересны в этих образовательных категориях группы матерей двух и трех детей. Ко второму ребенку заметно вырастают значения беспроцентной ссуды и ежемесячной выплаты в размере прожиточного минимума, для женщин с начальным образованием — еще и продленного оплачиваемого отпуска по уходу, с основным общим — земли под строительство дома. К третьему ребенку значение всех выплат падает, что может означать, что для этой

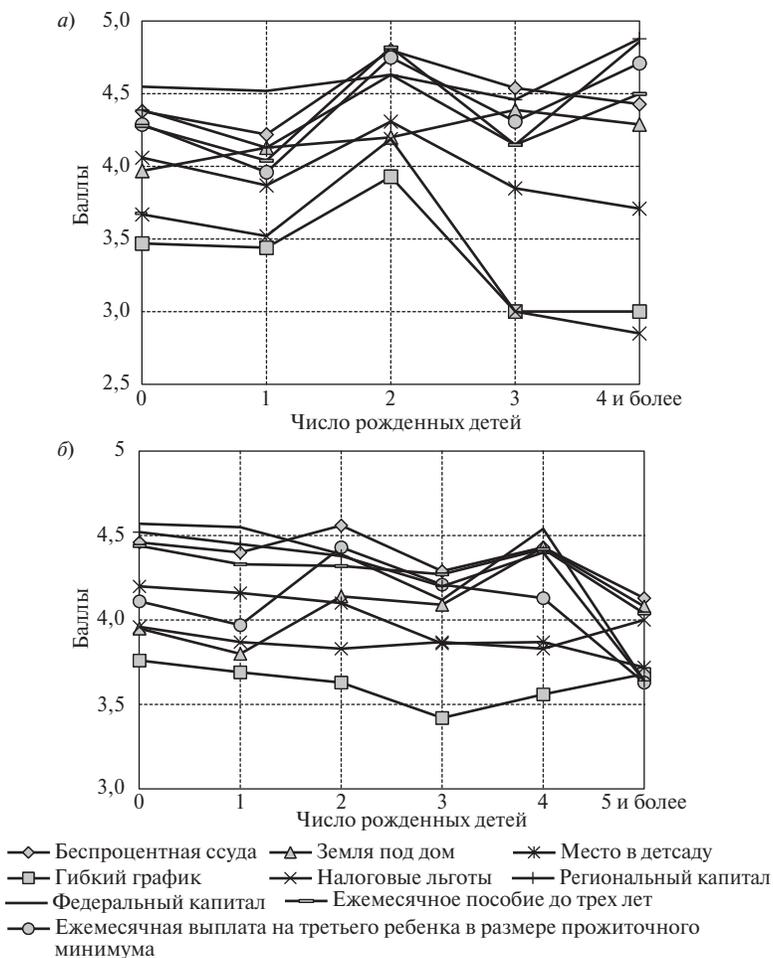

Рис. 8.2. Оценка значимости мер поддержки семьи для женщин в зависимости от числа рожденных детей, МПН-2015, средний балл:

а — с начальным образованием; *б* — с основным общим образованием; *в* — со средним общим образованием; *г* — со средним профессиональным образованием; *д* — с незаконченным высшим образованием; *е* — с высшим образованием

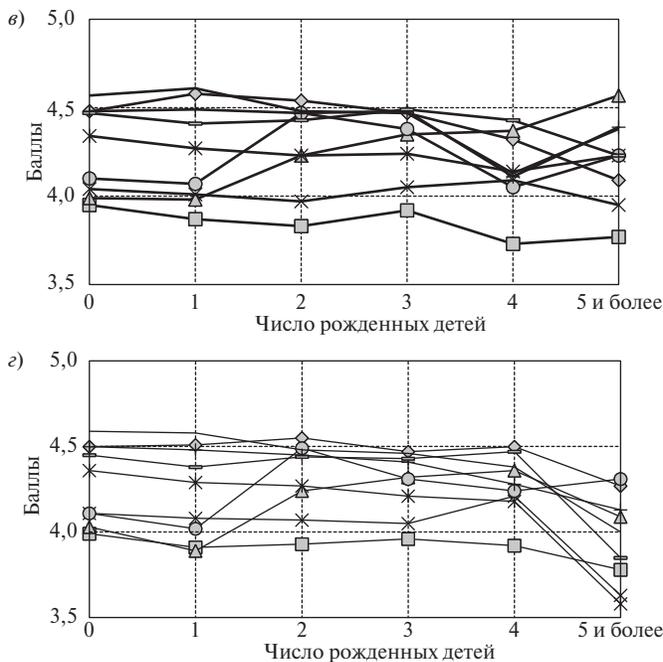

Рис. 8.2. (Продолжение)

образовательной группы нормативным (или иным, но не измеряемым в категориях предлагаемых к оценке мер) барьером является рождение не третьего, а четвертого ребенка. Место в детском саду имеет для этих двух образовательных категорий женщин примерно так же мало значения, как налоговые льготы, но все же опережает по значимости гибкий график.

Женщины со средним общим (законченная средняя школа) и средним профессиональным образованием также наиболее высоко оценивают федеральный семейный капитал, пока у них 0—1 ребенок, и наиболее низко — гибкий график работы, причем несколько ниже в ситуации, когда у них более трех детей, очевидно потому что это физически трудно, а экономически не всегда оправдано (см. рис. 8.2, в, з). Ко второму уже рожденному ребенку особенно заметно растет среди работающих и неработающих женщин значение ежемесячных выплат на третьего ребенка в размере прожиточ-

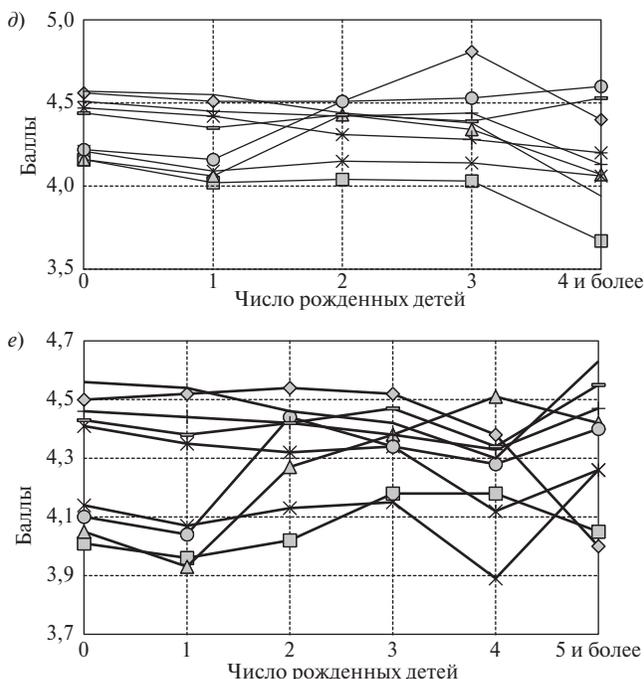

Рис. 8.2. (Окончание)

ного минимума, и тоже довольно заметно — ценность выделения земли под строительство дома. Лидирует, однако, у матерей двух-трех детей как в этих, так и в двух категориях с более низким уровнем образования беспроцентная ссуда на приобретение жилья по социальной норме, видимо, непосредственно более адресованная к одной из наиболее острых проблем — жилищной, чем семейный капитал.

Гибкий график и налоговые льготы по-прежнему наименее важны, а вот значение места в детском саду уже гораздо выше, чем у менее образованных категорий, но медленно падает с увеличением количества детей у женщины. Продление отпуска по уходу с ежемесячными выплатами — в ряду наиболее важных мер и начинает лидировать у женщин с четырьмя детьми, особенно заметно, если у них среднее общее образование.

В категориях женщин с незаконченным высшим и высшим образованием беспроцентная ссуда на приобретение жилья лидирует еще более заметно, все в тех же категориях матерей двух и трех детей (см. рис. 8.2, *д*, *е*). При законченном высшем образовании и наличии четырех детей на первое место выходит земля под строительство дома. Вообще четверо детей и высшее образование — это особенная и довольно любопытная категория, здесь оказываются наименее важны налоговые льготы, даже менее, чем гибкий график и место в детском саду. Складывается образ женщины, осознанно выбравшей «традиционную» жизнь, где дети и дом — ее место в жизни, а работа и все, что ее касается, — прерогатива мужа. При этом хочется иметь именно собственный дом, а не квартиру по беспроцентной ссуде.

Выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума продолжают иметь большое значение для женщин с незаконченным высшим образованием при наличии у них более одного ребенка. У женщин с высшим образованием их значение также резко возрастает при переходе от одного ребенка ко второму (как и значение земли под дом, которое при этом же переходе возрастает у представительниц обеих категорий — работающих и неработающих женщин).

При переходе от 0 детей к первому ребенку в обеих высших образовательных категориях заметно падение значения гибкого графика, земли под дом, выплат на третьего ребенка в размере прожиточного минимума и налоговых льгот, при высшем образовании — также места в детском саду, хотя оно остается важным, при незаконченном высшем — продолжительного оплачиваемого отпуска по уходу. Все это может свидетельствовать о существовании в высокообразованных группах женщин тех, кто рассматривает как норму (именно для «таких, как я») наличие только одного ребенка, хотя их репродуктивные желания могут быть и выше.

При принятии решения о рождении первого ребенка в этих двух группах женщин наличие места в детском саду очевидно занимает лидирующее положение наряду с федеральным семейным капиталом, беспроцентной ссудой на жилье, продлением оплачиваемого отпуска по уходу до трех лет и региональным семейным капиталом. То есть, вероятно, женщины с максимальным человеческим капиталом хотели бы иметь выбор между длительным от-

пуском, проводимым с ребенком, и ранним выходом на работу при том, чтобы и то и другое поддерживалось государством.

В отличие от распределения женщин, микроперепись 2015 г. не дает очевидного распределения мужчин репродуктивного возраста по числу воспитываемых ими детей, поэтому оценка значимости мер политики для мужчин была произведена в общем, только в зависимости от уровня их образования и трудового статуса (рис. 8.3).

Можно видеть, что федеральный материнский (семейный) капитал лидирует только у мужчин с основным общим образованием (9 классов). Для мужчин с начальным образованием все-таки важнее беспроцентная ссуда на приобретение жилья, как и для всех остальных уровней образования. Федеральный семейный капитал занимает в их «рейтинге» второе место, за ним следует региональный семейный капитал. Следующая по важности мера для мужчин с незаконченным высшим и высшим образованием — место в детском саду, для остальных — продленный оплачиваемый отпуск по уходу до трех лет (у мужчин со средним профессиональным образованием эти две меры находятся на одном уровне). Земля под строительство дома имеет высокое значение для таких весьма разных категорий, как мужчины с начальным и с незаконченным высшим образованием. Налоговые льготы и выплата пособия в размере прожиточного минимума на третьего ребенка — следующие по значимости, причем для мужчин с начальным образованием они важны в гораздо меньшей степени, видимо, потому, что они сравнительно чаще заняты в сером секторе экономики. Для мужчин с более высоким уровнем образования налоговые льготы несколько важнее (и важнее, чем для большинства женщин), возможно, потому, что именно они чаще работают официально и разбираются в вопросе. Низшую позицию, как и для большинства женщин, занимает гибкий график, в данном случае почти наверняка потому, что он минимизирует заработок. Вообще в целом значимость всех мер по неочевидным для автора причинам сравнительно важнее для мужчин с незаконченным высшим образованием.

Для мужчин, у которых отсутствует формальная трудовая деятельность, почти все меры семейной поддержки, за исключением продленного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, важнее, чем для тех, кто официально работает (возможно, потому, что они

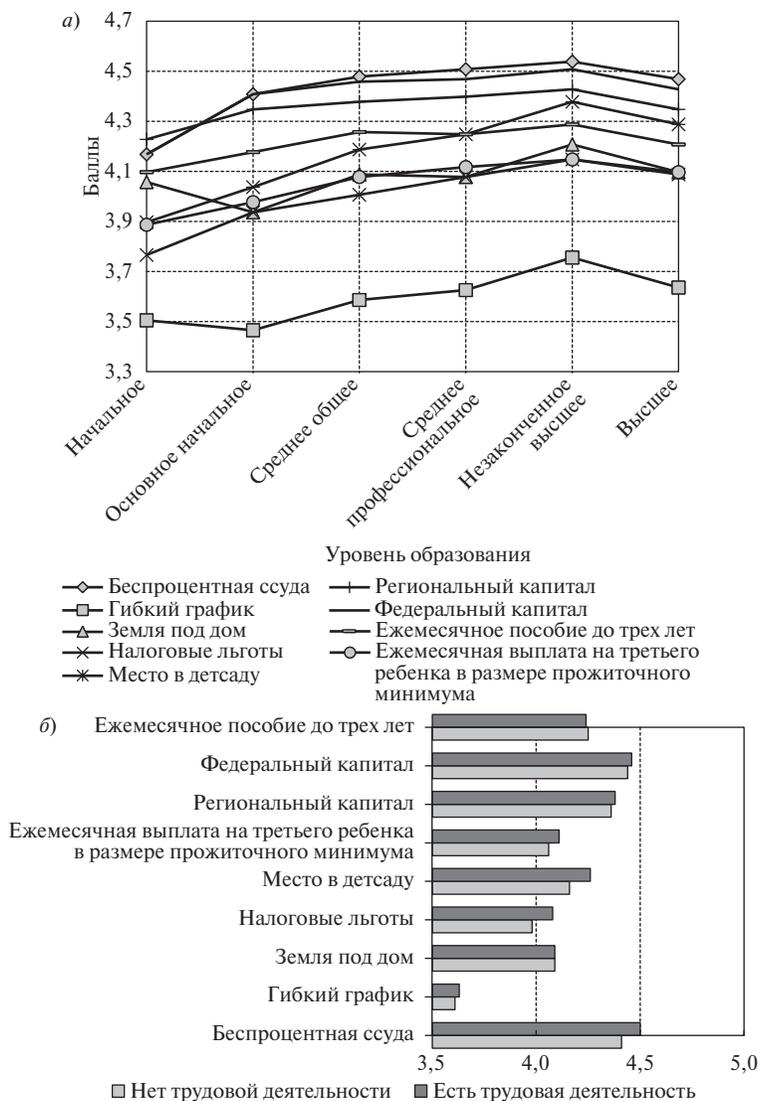

Рис. 8.3. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от уровня образования (а) и наличия трудовой деятельности (б), МПН-2015, средний балл

не вполне уверены в своей способности прокормить столь длительно не работающую женщину, пусть и получающую небольшое пособие). Земля под строительство дома одинаково важна для обеих категорий, работающих и неработающих. При этом различия в оценках между двумя категориями очень невелики, лидирует беспроцентная ссуда на покупку жилья (заметно важнее для формально неработающих), за ней следуют федеральный материнский капитал, региональный семейный капитал и место в детском саду (опять существенно важнее для формально неработающих). Несколько менее важны налоговые льготы (для неработающих особенно, т.е. это, возможно, могло бы побудить кого-то «выйти из тени»), ежемесячная выплата на третьего ребенка и земля под строительство дома. Наименее важен, с большим отрывом, гибкий график почти одинаково для обеих сравниваемых категорий.

Если посмотреть на распределение оценок по возрасту отдельно для мужчин и женщин, то можно увидеть, что для женщин в целом характерна наиболее высокая оценка беспроцентной ссуды на жилье в возрасте 30—39 лет и федерального материнского капитала в остальных репродуктивных возрастах (рис. 8.4, а). Самые молодые женщины оценивают все меры более высоко по сравнению со всеми категориями женщин 30 лет и старше. Падение значения регионального материнского капитала происходит к возрасту 35 лет и далее не возрастает. Наиболее высоко оценивают продление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до трех лет самые молодые женщины — 18—24 лет, к 25—29 годам его значение падает, и наиболее низко оно у женщин 35 лет и старше. С возрастом также падает значение места в детском саду, в целом это средняя по привлекательности мера, если смотреть на возрастном распределении. Наименее привлекательны гибкий график, земля под строительство дома и налоговые льготы (последние относительно более важны для женщин 40—44 лет). Ежемесячная выплата на третьего ребенка в размере прожиточного минимума также относится к мерам средней степени привлекательности.

Возможно, такие оценки можно соотнести с оптимизмом, свойственным молодости, но интересно внимание молодежи ко всем формам именно денежных выплат, включая даже и выплаты в течение отпуска по уходу за ребенком, по сравнению с косвен-

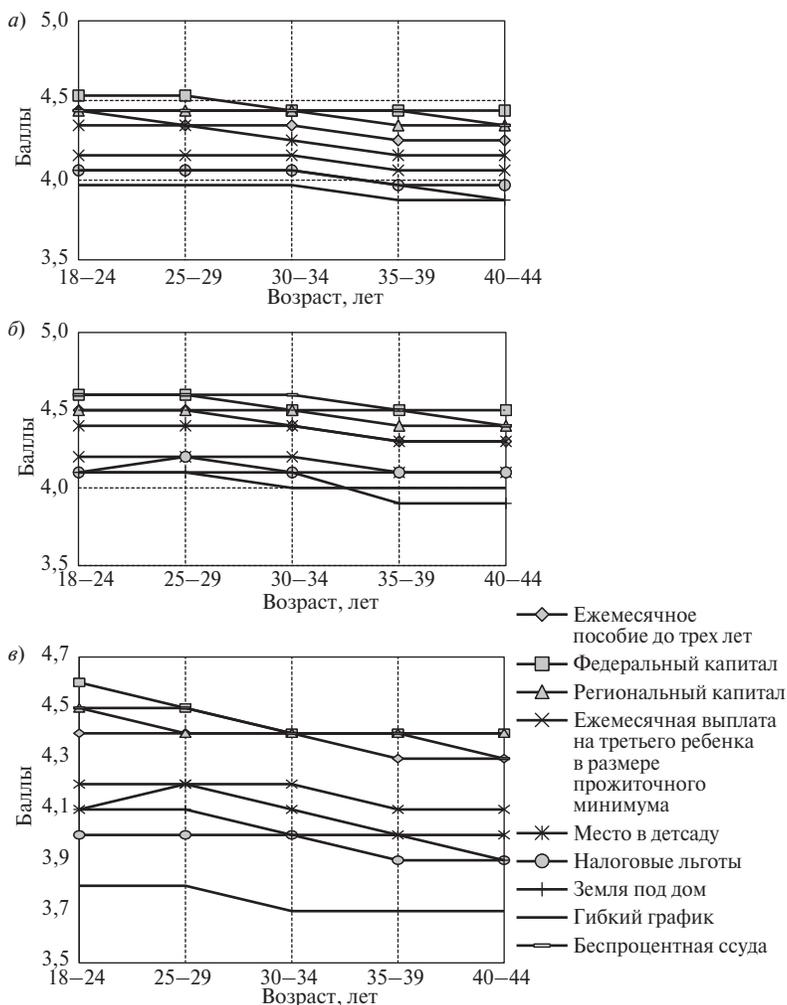

Рис. 8.4. Оценка значимости мер поддержки семьи женщинами в зависимости от возраста, МПН-2015, средний балл:
а — все женщины; *б* — жительницы городских поселений; *в* — жительницы сельских поселений

ными мерами, которые не так легко представить себе в «живых» деньгах.

Если теперь рассмотреть городских и сельских женщин отдельно (см. рис. 8.4, б), то видим, что у горожанок беспроцентная ссуда становится явным лидером во всех возрастах, за исключением группы 40—44 года. Наиболее заметна разница между горожанками и селянками в оценке ссуды и федерального материнского капитала в возрасте 30—34 года. Значимость федерального маткапитала горожанки оценивают ниже. Затем у горожанок идет региональный семейный капитал, затем — ежемесячное пособие в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, более привлекательное для молодых женщин. Место в детском саду оценивается так же высоко, как и это пособие, только женщинами 30 лет и старше. Средними по привлекательности для горожанок остаются ежемесячное пособие на третьего ребенка и налоговые льготы, а земля под строительство дома для женщин старше 35 лет даже менее привлекательна, чем гибкий график.

Картина у сельских жительниц несколько отличается (см. рис. 8.4, в). Гибкий график работы как мера политики здесь является аутсайдером с особенно большим отрывом, видимо, потому, что эта мера нерелевантна современному образу жизни большинства сельчанок. Беспроцентная ссуда на жилье остается у них одним из лидеров во всех возрастных группах, только у 18—24-летних ее опережает федеральный материнский капитал, а у 40—44-летних — региональный. Ежемесячное пособие для всех детей до трех лет также уверенно занимает важнейшее место во всех возрастах.

Остальные меры — в группе средних по привлекательности, причем с 25—29 лет возрастает значение ежемесячной выплаты на третьего ребенка, а значение места в детском саду после этого возраста падает. Удивительно, что с этого же возраста падает и значимость выделения земли под строительство дома, и в целом оцениваемого достаточно низко. Возможно, это связано с тем, что люди начинают понимать, что одной земли недостаточно и сам процесс строительства долгов и потребует вложения больших денег. Наименее привлекательны в этой «средней» группе налоговые льготы, примерно в равной степени для всех возрастов.

Распределение оценок у мужчин несколько отличается (рис. 8.5). Во-первых, по России в целом гибкий график они оце-

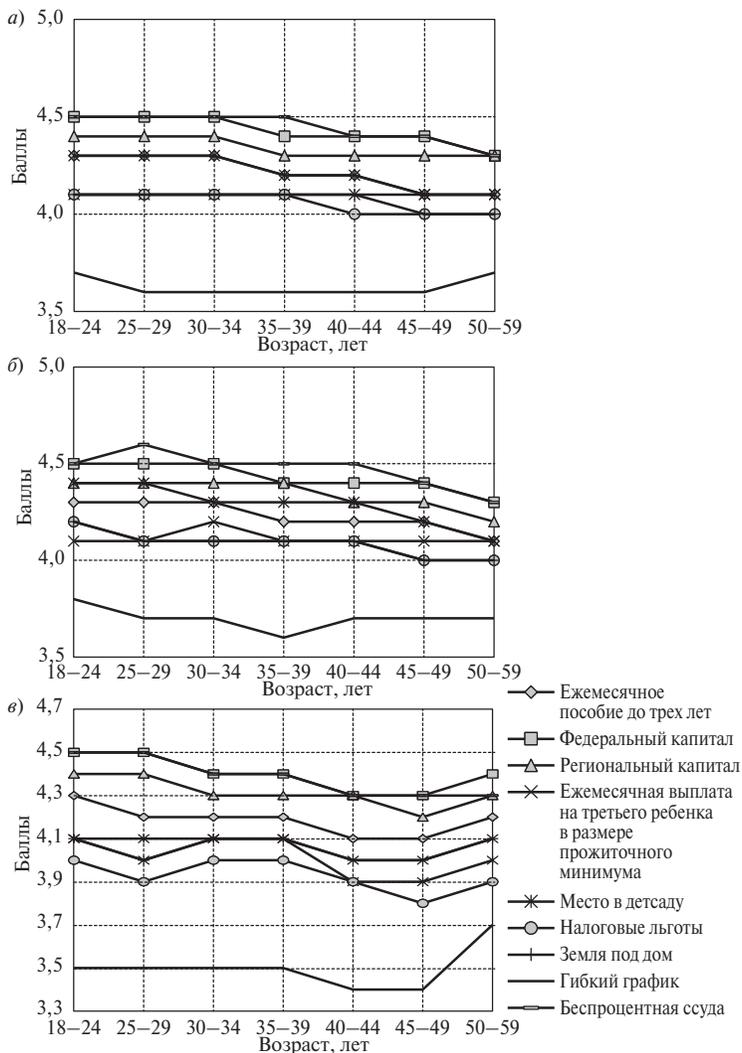

Рис. 8.5. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от возраста, МПН-2015, средний балл:
а — все мужчины; *б* — жители городских поселений; *в* — жители сельских поселений

нивают еще более низко, чем женщины, что вполне объяснимо различиями в существующих в нашем обществе гендерных ролях и ожиданиях, предполагающих, что основная задача мужчины в семье — обеспечение дохода, а не участие в домашних делах, предполагаемое гибким графиком.

И по России в целом, и особенно по городскому населению у мужчин всех возрастов в оценках лидирует беспроцентная ссуда на приобретение жилья. У сельских мужчин лидирует она же, за исключением группы старше 49 лет (им больше нравится федеральный материнский капитал). Федеральные и региональные семейные капиталы — следующие после ссуды по привлекательности как в городской местности, так и в сельской.

Молодые мужчины (до 30 лет) также, как и молодые женщины, несколько более позитивны в своих оценках всех предлагаемых мер, однако у сельского населения эта тенденция практически не выражена.

Налоговые льготы, земля под строительство дома и ежемесячное пособие на третьего ребенка по России в целом и по городскому населению (которое ожидаемо несколько ниже, чем такое пособие, оценивает землю под строительство дома) воспринимаются как относительно непривлекательные меры во всех возрастных группах, однако все же намного выше, чем гибкий график. Оценка места в детском саду и продленного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до трех лет оценивается средне и абсолютно идентично для населения России в целом, постепенно снижаясь с увеличением возраста отцов. Горожане, особенно самые молодые, все же несколько выше оценивают место в детском саду по сравнению с сельскими жителями. Налоговые льготы особенно низко оценивают возрастная группа 40—44 года (по России в целом), а также все сельские мужчины — для них эта мера, видимо, практически совсем нерелевантна. До 35 лет мужчины на селе несколько выше ценят место в детском саду, в более старших возрастах — предоставление земли под строительство дома. Но оценки этих двух мер очень близки друг к другу, и они средние. Ежемесячное пособие до трех лет на каждого ребенка (продленный отпуск по уходу) сельские мужчины всех возрастов оценивают несколько выше — почти так же высоко, как региональный семейный капитал.

Осталось рассмотреть оценки предлагаемых мер семейной политики различными группами мужчин и женщин в зависимости от числа уже имеющихся и желаемых ими детей (рис. 8.6, 8.7).

Для России в целом без разделения на городское и сельское население опять лидирует беспроцентная ссуда, причем тем более очевидно, чем больше у женщины детей и чем больше детей она желает иметь (см. рис. 8.6, *a*). Для тех, у кого пока нет детей, но они хотели бы иметь от одного до трех, более привлекателен федеральный семейный капитал. Земля под строительство дома наименее привлекательна для тех, кто в целом хочет иметь не более двух детей, и заметно более привлекательна при желании иметь трех и более. Примерно одинаково и ровно для всех категорий малоинтересны гибкий график и налоговые льготы, хотя первый наименее привлекателен для желающих иметь только одного ребенка, а вторые именно для этой категории более привлекательны. Оценки ежемесячной выплаты на третьего ребенка минимальны у тех, кто хочет не более одного ребенка и не более двух (и при этом пока имеет меньше, чем хочет), и максимальны у тех, кто хочет трех детей и более. Место в детском саду желающие иметь трое и более детей оценивают даже выше, чем те, кто хочет только одного или двоих (а также чем те, кто уже имеет троих и хочет еще больше). Значимость ежемесячной выплаты на каждого ребенка до трех лет (продления отпуска по уходу) высока, особенно у желающих иметь троих детей и более. Примерно на этом же уровне оценивается региональный семейный капитал.

Можно видеть заметную связь между желаемым числом детей и оценкой мер семейной политики.

Если посмотреть отдельно на горожанок и жительниц села, то увидим, что первые практически не отличаются в своих оценках от россиянок в целом (см. рис. 8.6, *b*, *в*): та же характерная низкая оценка мер, направленных на рождение третьего ребенка у тех, кто имеет одного и хотел бы максимум двоих, и одинаково высокая — практически всех мер у тех, кто пока не имеет детей, но хочет троих.

У жительниц села низкая оценка при наличии одного ребенка и желании иметь только двоих также присутствует, однако прослеживается не столь очевидно. Размазан и максимум при желании иметь троих детей, когда пока нет ни одного. Вплоть до ситуации «имеет двоих детей, хочет троих» лидирует федеральный семейный

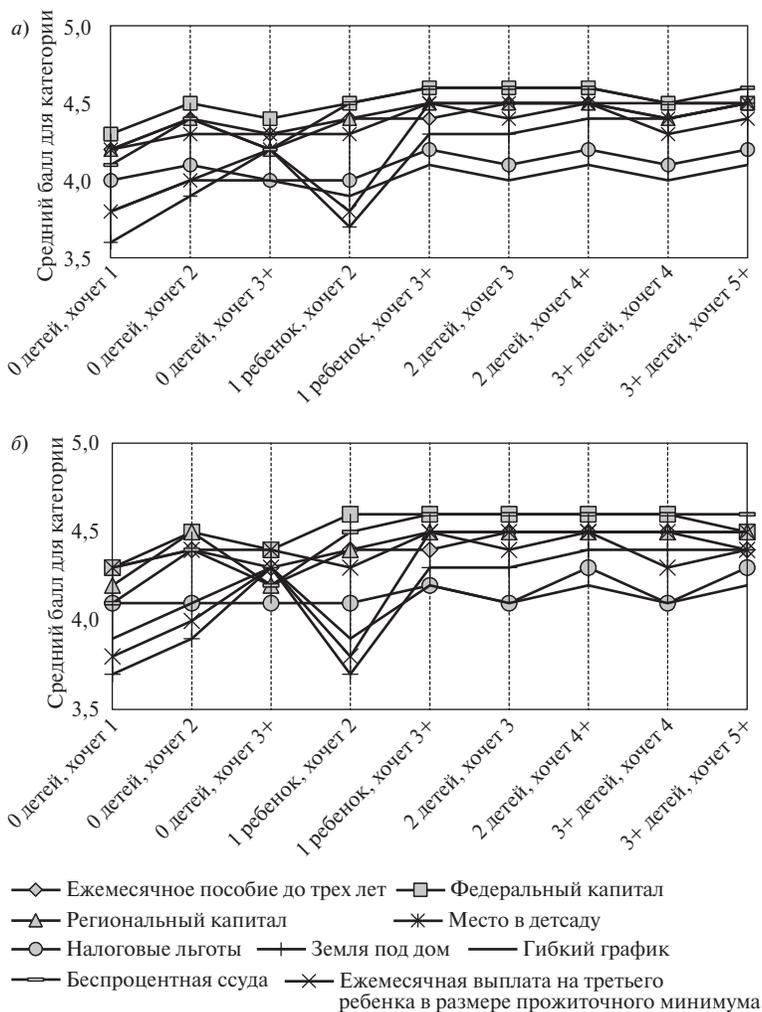

Рис. 8.6. Оценка значимости мер поддержки семьи женщинами в зависимости от числа рожденных и числа желаемых детей, МПН-2015, средний балл:

а — все женщины; б — жительницы городских поселений; в — жительницы сельских поселений

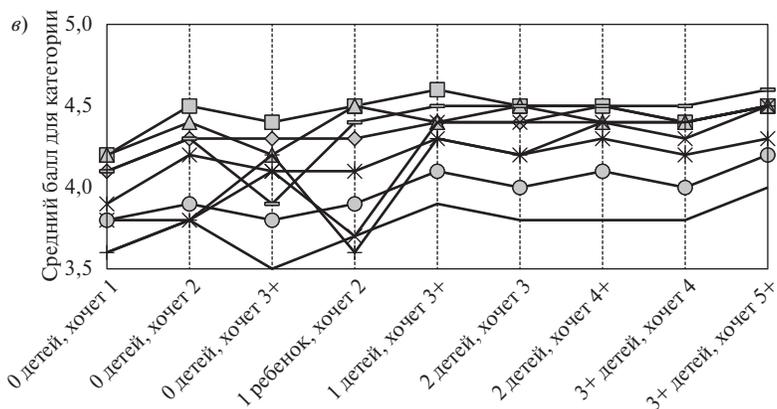

Рис. 8.6. (Окончание)

капитал, за ним следует при малом количестве имеющихся и желаемых детей региональный семейный капитал, ссуда на покупку жилья выходит в лидеры, только когда и имеющихся, и желаемых детей больше одного, наряду с ежемесячным пособием на каждого ребенка (продленным отпуском по уходу). Чуть менее, но привлекателен для желающих иметь большую семью и мало привлекателен для желающих иметь маленькую вариант с пособием в размере прожиточного минимума на третьего ребенка. Место в детском саду занимает ровные средние позиции, и почти параллельно этой мере политики, но ниже по привлекательности — налоговые льготы и еще ниже для всех категорий — гибкий график.

Посмотрим на распределения у мужчин (см. рис. 8.7).

Для России в целом характерно лидерство беспроцентной ссуды (см. рис. 8.7, а). Она лидирует у всех категорий мужчин, кроме тех, у кого нет детей, но они хотят троих (им важнее федеральный семейный капитал). Гибкий график работы уже привычно для нас оценивается наиболее низко. В то же время мужчины, у которых двое детей, а хотят они четырех и более, выделяются относительно более высокой оценкой этой меры. Возможно, это аргумент в дискуссиях с партнершей о том, что при увеличении количества детей они будут уделять больше внимания семейным делам. Относительно низко оценивают выделение земли под строительство дома все те, кто не хочет иметь более двух детей, и высоко —

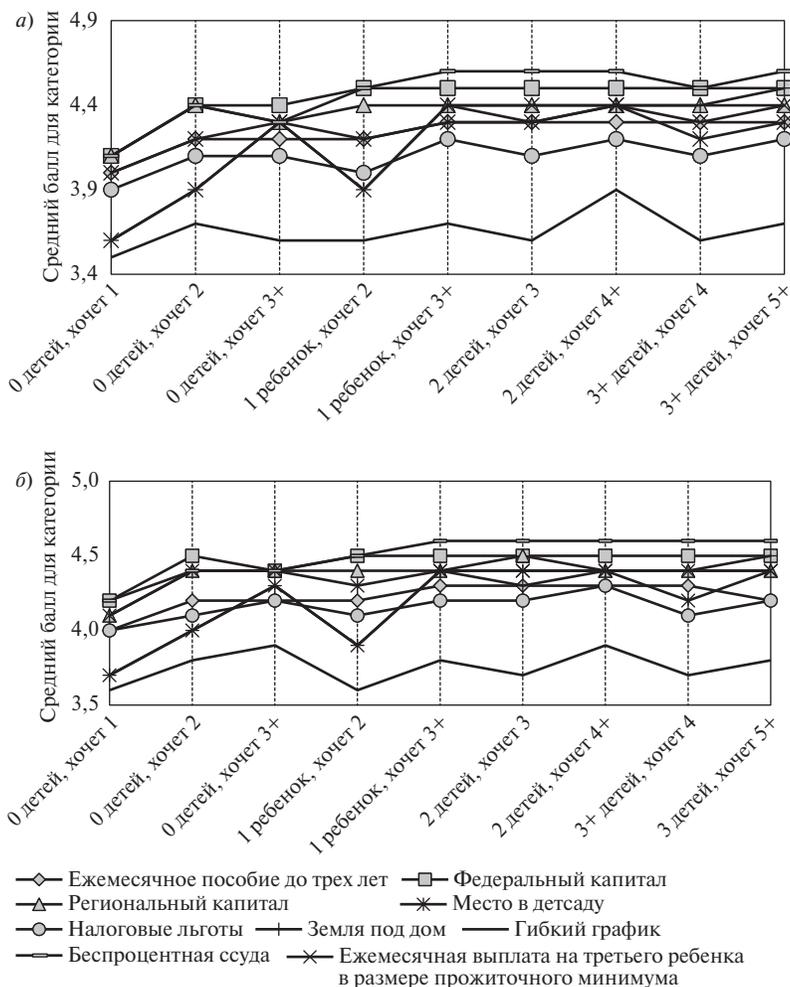

Рис. 8.7. Оценка значимости мер поддержки семьи мужчинами в зависимости от числа имеющихся и числа желаемых детей, МПН-2015, средний балл:
 а — все мужчины; б — жители городских поселений; в — жители сельских поселений

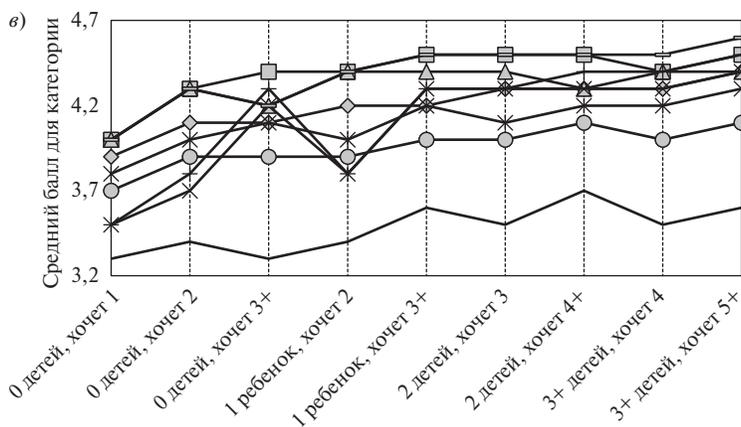

Рис. 8.7. (Окончание)

остальные. Налоговые льготы — вторые по непривлекательности в среднем, их оценка распределена по категориям примерно равномерно. Довольно высоко все оценивают место в детском саду, ежемесячное пособие для всех до трех лет и региональный семейный капитал. Пособие на третьего ребенка в размере прожиточного минимума значимо для сторонников больших семей. Есть тот же минимум оценок при ситуации «имеется один ребенок, хочет двоих» и максимум в ситуации «нет детей, хочет троих», но они не столь выражены, как у женщин. Значение всех мер несколько увеличивается у имеющих троих детей и желающих в общей сложности не менее пяти.

У городских мужчин позиция «беспроцентная ссуда на покупку жилья» становится лидирующей уже на позиции «имеется один ребенок, хочет двоих», что и понятно в городских условиях. Динамика привлекательности земли под строительство дома такая же, как по России в целом: наблюдаются (в относительно размытом виде) минимум оценок у тех, кто имеет одного ребенка и хочет двоих, а максимум у тех, кто не имеет детей, но хочет троих. Гибкий график оценен низко, налоговые льготы — тоже, хотя и с заметным отрывом. На втором и третьем местах по привлекательности у большинства категорий федеральный и региональный семейные капиталы. Весьма привлекательно для всех, за исключе-

нием тех, у кого уже трое детей и хочется еще больше, место в детском саду, за ним следуют ежемесячное пособие на каждого ребенка до трех лет и земля под дом, а также прожиточный минимум на третьего — для желающих многодетности.

Беспроцентная ссуда лидирует и у сельских мужчин: только не имеющие детей, но желающие троих оценивают федеральный семейный капитал выше (региональный капитал, как обычно, следует за федеральным). Эта категория вообще оценивает все меры максимально, а те, кто имеет одного ребенка, а хотят двоих, минимально оценивают землю и пособие на третьего ребенка. Привычно очень низко оценивается гибкий график и просто низко — налоговые льготы. Место в детском саду оценивается на среднем уровне, пособие до трех лет на всех детей — на несколько более высоком. Желающие многодетности высоко ценят землю и пособие на третьего ребенка в размере прожиточного минимума.

8.2.3. Неоднозначные выводы для политиков

Какую бы категорию респондентов мы ни выбирали, лидирует беспроцентная ссуда на приобретение жилья по социальной норме, причем не только в городе, но и на селе. Это не удивительно, учитывая масштабы жилищной проблемы на российских просторах, а также близкое знакомство граждан нашей страны с проблемами ипотеки и кредитования в целом. Респонденты принимают во внимание тот факт, что размеры выплат по материнскому (семейному) капиталу как федерального, так и, тем более, регионального уровня не покрывают затраты на приобретение необходимого жилья в большинстве регионов.

Обращает на себя внимание относительно негативная оценка некоторыми категориями родителей и потенциальных родителей мер, открыто направленных на поддержание рождения третьего и последующих детей, что особенно заметно с учетом не только числа уже имеющих детей, но и числа желаемых ими при благоприятных обстоятельствах. Видимо, те, кто выбрал для себя модель «семья только с одним ребенком» или «семья только с двумя детьми», отрицают такие меры как не имеющие к ним отношения, и по-

тому эти меры никак не могут стимулировать рождение у них числа детей, большего, чем запланированное. Особенно четко эта закономерность прослеживается у женщин, и у городских женщин в особенности.

Более молодые люди относительно позитивнее оценивают все меры, вероятно, вследствие оптимизма, присущего молодости.

Такая мера, как гибкий график, в том числе и работа дистанционно на дому, является аутсайдером в оценках при любых распределениях, особенно ярко это проявляется у мужчин, но и у женщин тоже. Это может быть связано с тем, что люди не верят, что при такой организации труда смогут достаточно заработать, при этом они осознают трудности, которые будут связаны с попыткой одновременно работать на дому и полноценно без помощников растить в этом же доме детей, хорошо знакомые всем, кто когда-либо пытался это делать.

Вообще люди в целом выше оценивают меры, связанные с денежными выплатами, такие как беспроцентная ссуда (это деньги, получаемые сразу, а как их потом придется возвращать, можно пока не задумываться), федеральный и региональный материнские (семейные) капиталы, ежемесячные выплаты на каждого ребенка до трех лет и ежемесячные выплаты на третьего и последующих детей в размере прожиточного минимума. Место в детском саду оценивается почти так же высоко, но все-таки несколько ниже — особенно высоко молодыми и пока бездетными женщинами. Впрочем, ежемесячные выплаты на ребенка оцениваются ими так же, т.е. женщины хотели бы иметь возможность выбирать, сидеть ли с ребенком дома или отдать его в детский сад, при том, что обе альтернативы поддерживались бы государством.

Такая опция, как выделение земли под строительство дома, оценивается противоречиво горожанами, а также ориентированными на меньший размер семьи — более низко, ориентированными на многодетность — более высоко. Интересно, что не так уж высоко ее оценивают сельские жители, например, сельские мужчины с возрастом начинают считать эту меру все менее привлекательной. Такие различия в оценках не удивительны, поскольку сама по себе земля не означает, что у людей автоматически откуда-то появляются время, деньги и силы на то, чтобы именно строить на ней дом, да и не все так уж хотят такой дом. К тому же большую роль играет

неопределенность места, в котором будет расположен выделяемый участок земли.

Налоговые льготы почти всеми проанализированными категориями оцениваются почти так же низко, как гибкий график, несколько выше — только городскими мужчинами 40—49 лет. Видимо, только этот сегмент достаточно часто работает не в сером секторе экономики, в то время как, например, сельские и формально не работающие мужчины, а также большинство женщин не видят в этой мере для себя преимуществ, либо потому, что действительно не работают, либо в связи с работой в сером секторе экономики.

В группах женщин с образованием не выше 9 классов средней школы некоторые признаки позволяют выделить существование модели «семья не более чем с тремя детьми», интересно, что у более высокообразованных женщин такая модель не выделяется. Женщины, ориентированные на большее количество детей, конечно, существуют, но их, вероятно, немного и их характеристики индивидуальны, по крайней мере в тех «координатах», которые задают исследуемые нами меры семейной политики.

В целом наш анализ позволяет предположить, что наиболее интересной, универсальной и перспективной мерой из числа предложенных может быть именно беспроцентная ссуда на приобретение жилья. Можно рекомендовать принимающим решения в области семейной политики подумать и разработать конкретные механизмы проведения ее в жизнь (выделение суммы уже при рождении первого ребенка; сроки платежей; ежемесячные платежи в некоем фиксированном размере; погашение части задолженности при рождении каждого ребенка так, чтобы, например, при рождении ребенка определенной очередности можно было эти деньги не возвращать совсем, и т.д.).

Важно также, чтобы эта мера не оказалась единственной. Привлекательны для потенциальных родителей также ежемесячное пособие для всех детей до трех лет и гарантированное место в детском саду, яслях, что позволило бы людям выбирать образ жизни при рождении ребенка: возможность сосредоточиться или на зарботке, или на собственно родительстве.

Стимулирующий потенциал гибкого графика (надомной работы) и налоговых льгот родителям невелик. Выплаты, акцентиру-

ющие свою направленность именно на третьего ребенка, отталкивают некоторых потенциальных родителей. Федеральный и региональный семейные капиталы сохраняют свою привлекательность, но уступают беспроцентной ссуде как более конкретной мере и, в отличие от них, однозначно лучше помогающей решать одну из наиболее важных проблем семей — жилищную.

9. Смертность и продолжительность жизни в России: исторические успехи, бремя старых и новых проблем и их анализ с учетом результатов микропереписи населения 2015 г.

9.1. Сокращение числа умерших и коэффициентов смертности продолжается, но не во всех возрастах

В 2016 г. абсолютное число умерших в России составило 1882,3 тыс. человек, что было на 35 тыс., или на 1,8%, меньше, чем в 2015 г. При этом снижение числа умерших от внешних причин в относительном выражении было более значимо, чем от болезней. Так, если число умерших от внешних причин в 2016 г. по сравнению с 2015 г. уменьшилось на 5,7%, или на 10,1 тыс., то число умерших от болезней — только на 1,4%, но в абсолютном измерении это составляло 24,9 тыс.

Если посмотреть длительную динамику¹, то ежегодное число умерших в России сокращается с 2005 г. (исключение 2010 г., когда волна жары и многочисленные пожары в лесах и на торфяниках привели к его увеличению). В то же время в последние пять лет отмечаются замедление темпов снижения и тенденция к относительной стабилизации, а абсолютное число смертей в России остается при несколько меньшей численности населения все еще выше, чем в начале 1990-х годов (рис. 9.1).

Динамика числа умерших в значительной степени находится под влиянием изменений возрастной структуры населения России. Так, за последние 30 лет увеличение числа и доли пожилых и престарелых людей практически всегда приводило к росту общего

¹ Здесь и далее в этом разделе при описании многолетнего тренда для полной территориальной сопоставимости данные за 2014–2016 гг. приводятся без учета Республики Крым и г. Севастополя.

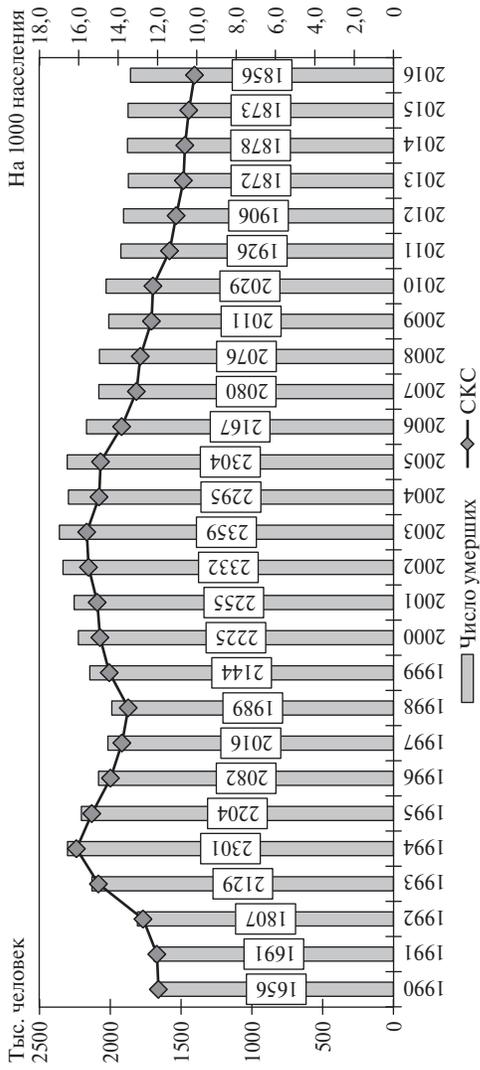

Рис. 9.1. Число умерших в России (левая ось) и стандартизованные коэффициенты смертности от всех причин (правая ось)

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

числа умерших, т.е. к неблагоприятным изменениям². Однако определяющее значение все же оказывали колебания возрастных интенсивностей смертности, то увеличивая, то снижая общее число умерших. Стандартизованный коэффициент смертности (СКС), позволяющий освободиться от влияния изменений возрастного состава, более наглядно демонстрирует снижение уровня смертности (см. рис. 9.1).

На протяжении последних 30 лет (2003—2016 гг.) снижение коэффициентов смертности разной степени интенсивности отмечалось во всех возрастных группах и более значимо у мужчин, чем у женщин. При этом и у мужчин, и у женщин более весомо смертность снизилась в молодых (20—29 лет) по сравнению с пожилыми (65—79 лет) возрастными группами (рис. 9.2). В детских возрастах (1—4 и 5—9 лет) отмечалось снижение коэффициентов устойчивыми темпами в течение всего рассматриваемого периода.

В 2016 г. по сравнению с 2015-м смертность у мужчин снизилась во всех возрастных группах, кроме групп 10—14 и 65—69 лет, в которых коэффициенты увеличились соответственно на 1,6 и 0,9 п.п. В то же время у женщин снижение произошло во всех возрастах, кроме группы 65—69 лет, в отношении которой можно говорить о практической стабилизации. При этом у женщин более всего смертность снизилась в возрастных группах 20—24 и 30—34 года, соответственно на 12,8 и 8,2% (рис. 9.3).

² Население России 2007: пятнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 176—178.

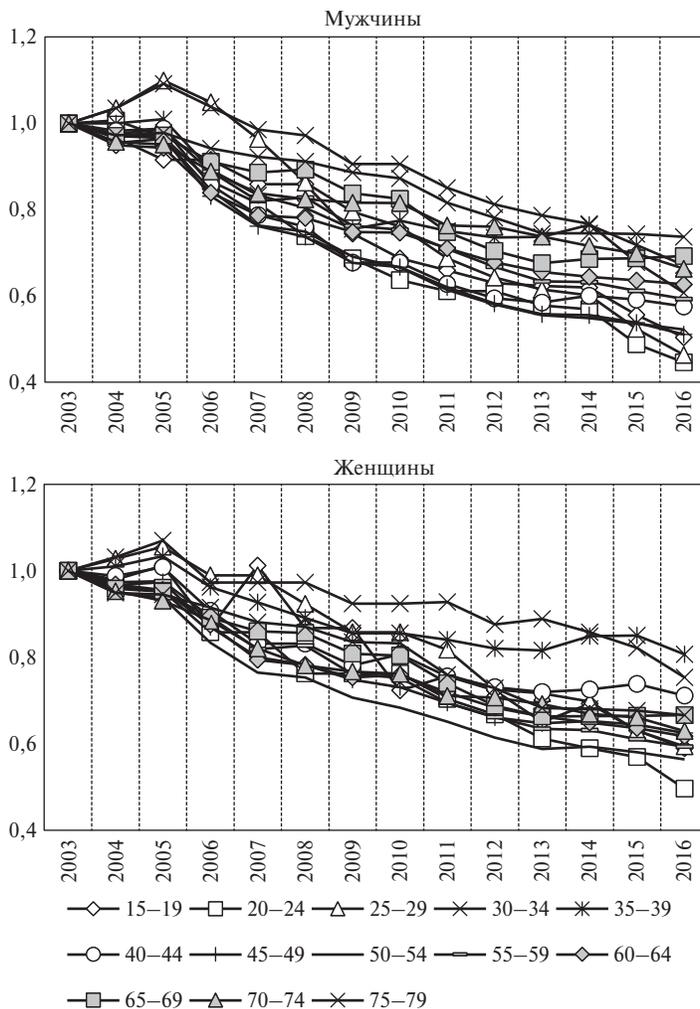

Рис. 9.2. Изменение возрастных коэффициентов смертности в возрастах от 15 до 80 лет, 2003–2016 гг., 2003 г. = 1

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

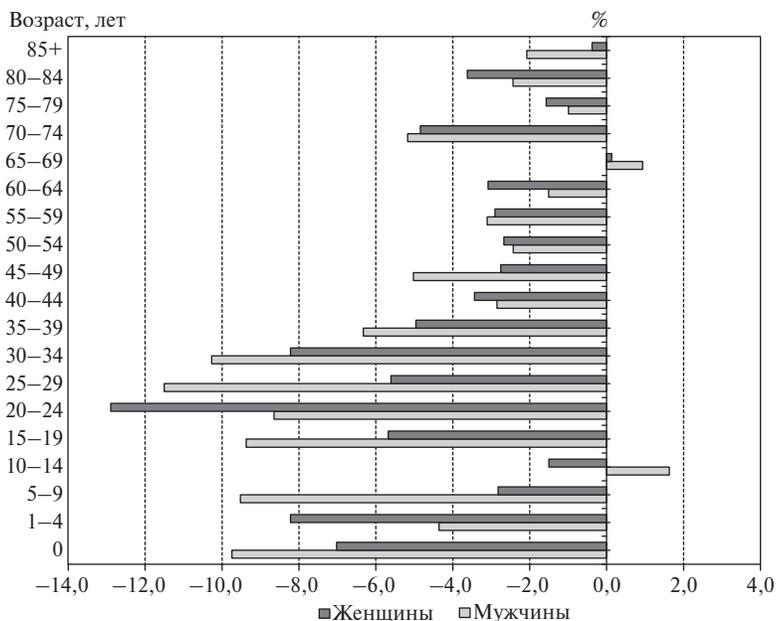

Рис. 9.3. Изменение возрастных коэффициентов смертности в возрастных группах в 2016 г. по сравнению с 2015 г.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

9.2. Рост ожидаемой продолжительности жизни: успехи восстановительного периода и новые горизонты

На восстановительный характер изменений смертности после 2003 г. помимо динамики числа умерших, стандартизованного и возрастных коэффициентов указывает и динамика ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения России (рис. 9.4, табл. 9.1).

Темпы роста продолжительности жизни существенно различаются у мужчин и женщин по годам, различны они в городах и сельской местности. Так, за период с 2003 по 2016 г. рост ОПЖ у мужчин был в 1,5 раза выше, чем у женщин, как в городах, так

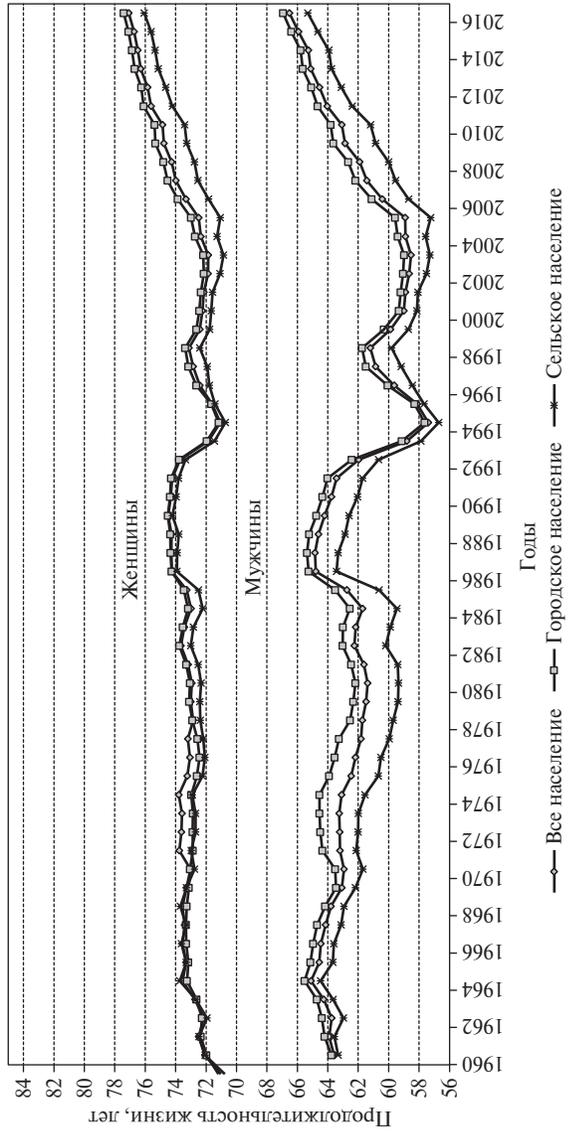

Рис. 9.4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего, городского и сельского населения России, 1960—2016 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Таблица 9.1. Ожидаемая продолжительность жизни в России по расчетам Института демографии НИУ ВШЭ, лет

Год	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
1987	69,90	64,83	74,28	70,21	65,36	74,33	68,84	63,32	73,90
1988	69,74	64,61	74,26	70,12	65,23	74,36	68,48	62,87	73,79
1989	69,59	64,20	74,50	69,91	64,75	74,52	68,47	62,60	74,21
1990	69,22	63,76	74,32	69,59	64,35	74,37	67,99	62,05	73,96
1991	68,97	63,42	74,23	69,35	64,01	74,30	67,70	61,70	73,81
1992	67,85	61,96	73,71	68,17	62,42	73,78	66,82	60,67	73,36
1993	65,09	58,81	71,85	65,37	59,14	71,95	64,21	57,88	71,46
1994	63,83	57,40	71,07	64,07	57,64	71,16	63,12	56,71	70,74
1995	64,54	58,13	71,61	64,71	58,30	71,65	64,01	57,66	71,42
1996	65,81	59,63	72,42	66,22	60,07	72,63	64,64	58,44	71,78
1997	66,74	60,86	72,85	67,30	61,50	73,17	65,16	59,17	71,92
1998	67,06	61,21	73,12	67,53	61,74	73,37	65,74	59,80	72,40
1999	65,94	59,88	72,42	66,35	60,32	72,64	64,75	58,70	71,76
2000	65,32	59,00	72,24	65,67	59,33	72,44	64,33	58,13	71,65
2001	65,21	58,90	72,15	65,54	59,20	72,35	64,25	58,07	71,57
2002	64,92	58,65	71,88	65,36	59,05	72,15	63,66	57,52	71,08
2003	64,84	58,53	71,84	65,34	58,98	72,18	63,41	57,28	70,85
2004	65,30	58,90	72,35	65,85	59,40	72,72	63,77	57,56	71,27
2005	65,37	58,92	72,48	66,09	59,58	72,99	63,46	57,23	71,06
2006	66,68	60,42	73,33	67,42	61,11	73,87	64,73	58,68	71,84
2007	67,59	61,44	73,99	68,35	62,18	74,52	65,56	59,54	72,53
2008	67,98	61,90	74,27	68,75	62,65	74,81	65,91	59,99	72,76
2009	68,77	62,86	74,78	69,56	63,64	75,33	66,66	60,86	73,27
2010	68,93	63,08	74,87	69,68	63,81	75,38	66,91	61,18	73,41
2011	69,83	64,04	75,61	70,51	64,67	76,10	67,99	62,40	74,21
2012	70,23	64,55	75,84	70,82	65,08	76,26	68,60	63,11	74,65
2013	70,76	65,12	76,29	71,33	65,64	76,69	69,18	63,75	75,14
2014	70,93	65,28	76,48	71,48	65,78	76,87	69,37	63,93	75,35
2015	71,40	65,93	76,73	71,93	66,40	77,10	69,89	64,65	75,61
2016	71,89	66,51	77,08	72,37	66,94	77,41	70,48	65,32	76,07

Примечание. Как отмечалось в докладах «Население России», наши оценки продолжительности жизни несколько отличаются от официальных, но отличие невелико. Главное преимущество представленных показателей в том, что продолжительность жизни населения России за длительный период рассчитана по единой методике. По официальным данным, с учетом Республики Крым и г. Севастополя ожидаемая продолжительность жизни в 2016 г. составила меньше для мужчин на 0,01 и для женщин на 0,02 года, чем по нашим расчетам.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

и в селах (у мужчин прирост составил 7,96 года в городской местности и 8,04 года в сельской, а у женщин — соответственно 5,23 и 5,22 года). Рост в 2003—2005 гг. был весьма медленным, особенно в сельской местности, и в отношении сельских женщин вообще до 2005 г. можно говорить о стабильности уровня. После 2005 г. скорость заметно возросла, но неустойчивость сохранилась. Замедление роста в 2010 г. можно рассматривать как следствие необычной жары, это подтверждается также и тем, что коснулось оно только городского населения. В 2016 г. по сравнению с 2015-м рост ОПЖ незначительно отличался от среднегодового уровня 30-летнего периода: у мужчин прирост составил 0,58 года, а у женщин — 0,35 года. При этом и у мужчин, и у женщин ОПЖ значительно выросла среди сельских жителей, чем среди городских (у мужчин — соответственно на 0,67 против 0,54 года, у женщин — соответственно 0,46 и 0,31 года). Начиная с 2013 г. у мужчин и с 2009 г. у женщин значение продолжительности жизни в каждый последующий год было выше, чем когда-либо в прошлом (рис. 9.5).

Конечно, росту продолжительности жизни существенно способствовало снижение детской смертности, но в последний период большее влияние на рост продолжительности жизни оказывало снижение смертности взрослого населения, о чем свидетельствует динамика ОПЖ для лиц, достигших 15 лет (рис. 9.6).

ОПЖ 15-летних росла в течение 23 календарных лет из 50 у мужчин и 25 лет соответственно у женщин, в том числе 12 успешных лет у мужчин и 13 лет у женщин пришлось на период после 2003 г. В настоящее время продолжительность жизни 15-летних женщин выше, чем когда-либо в прошлом, но продолжительность жизни 15-летних мужчин все еще несколько ниже, чем в 1960—1964 гг.

Как неоднократно нами подчеркивалось в предыдущих публикациях, изменения смертности с 2003 г. носили восстановительный характер, поскольку в значительной части рост продолжительности жизни лишь компенсировал потери, понесенные в предыдущие годы. Заметим, что достигнутый к 2016 г. уровень продолжительности жизни в России все еще значительно отстает от уровня развитых стран. Так, российский уровень ожидаемой продолжительности при рождении 2016 г. отмечался во Франции

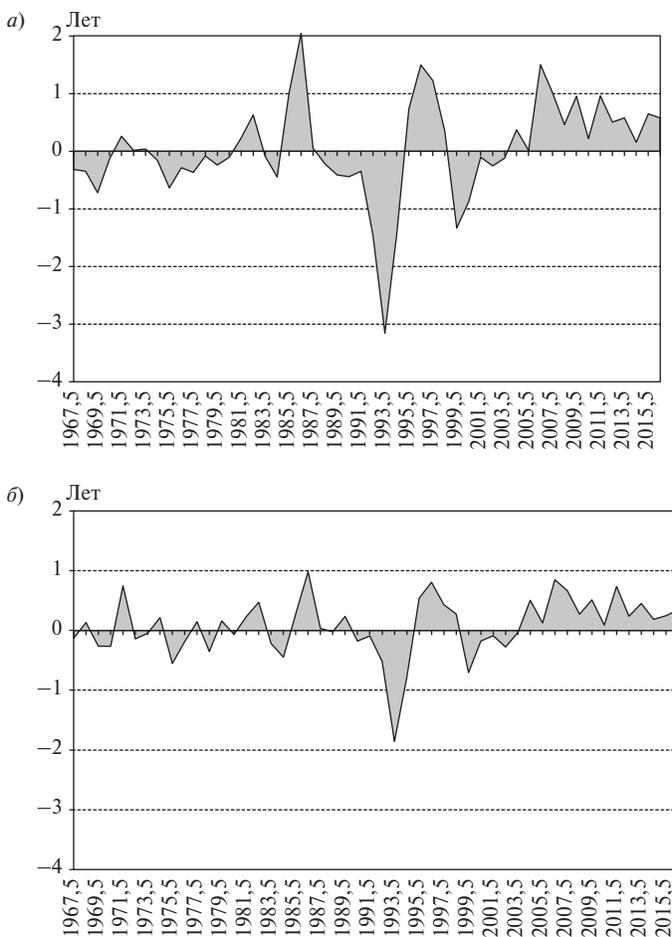

Рис. 9.5. Ежегодные изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении мужчин (а) и женщин (б), 1967—2016 г.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

у мужчин почти 60 лет назад, в 1958 г., а у женщин — 40 лет назад, в 1976 г. Помимо ожидаемой продолжительности жизни весьма наглядно и сравнение одного из основных показателей таблиц

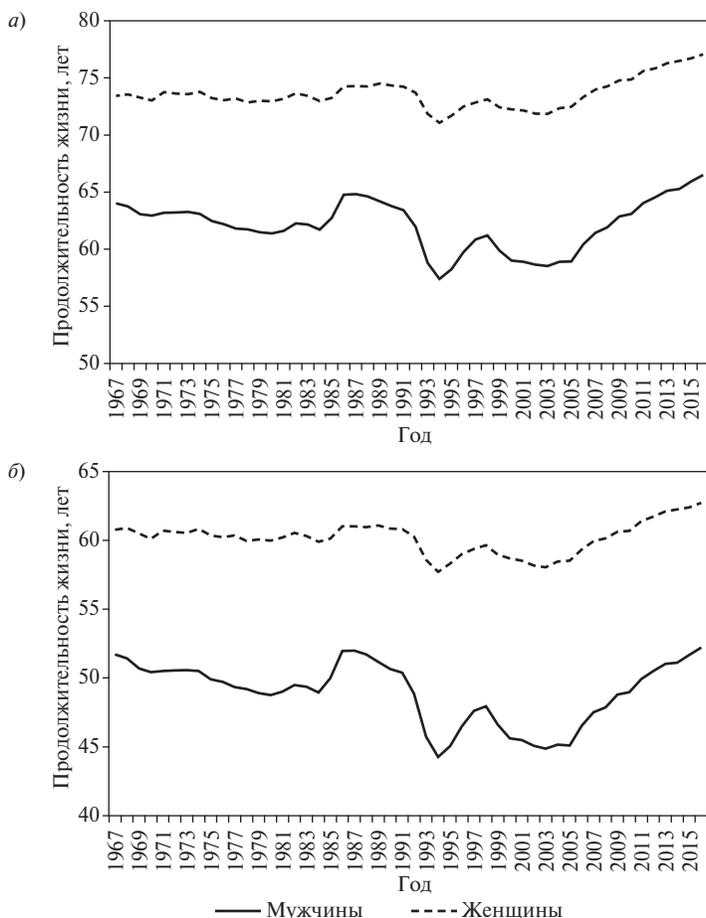

Рис. 9.6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (а) и в возрасте 15 лет (б) в России, 1967—2016 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

смертности (дожития), а именно чисел доживающих до определенного возраста, которое показывает, с одной стороны, успехи по снижению смертности в России, а с другой — еще сохраняющееся значительное отставание ее от развитых стран, в том числе от Франции, что хорошо видно на рис. 9.7.

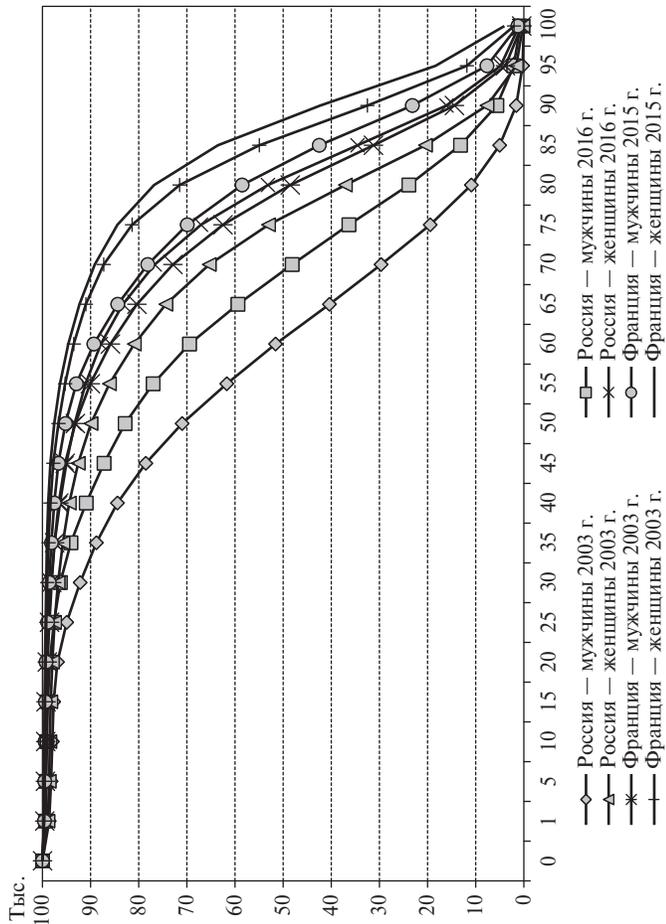

Рис. 9.7. Числа доживающих до определенного возраста в России (2003 и 2016 гг.) и Франции (2003 и 2015 гг.)

Источники: Данные Росстата, NMD; расчеты авторов.

Если в России в 2016 г. у мужчин доживало до возраста 70 лет немного менее половины (48,2%), а у женщин до 80 лет чуть больше половины (53,2%), то во Франции до этих возрастов доживало более $\frac{3}{4}$ и мужчин (78,1%), и женщин (76,8%).

Существенны и различия в ОПЖ между мужчинами и женщинами: в России разница почти в 2 раза выше, чем во Франции, соответственно 10,6 года против 6,1. Примечательно, что средняя продолжительность жизни российских женщин даже ниже, чем французских мужчин.

9.3. Вклад изменений смертности по возрастам и причинам смерти в динамику ожидаемой продолжительности жизни: проблемы интерпретации сдвигов из-за качества данных нарастают

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении с 2003 по 2016 г., как отмечалось выше, выросла у мужчин на 7,98 года, а у женщин — на 5,24 года³. При этом у мужчин основной вклад в рост ОПЖ в период в 2003—2015 гг. внесла возрастная группа 45—59 лет, значимо меньше, но примерно одинаковые вклады внесли возраста 60—74 года и 30—44 года. У женщин более значимым был вклад пожилых лиц 60—74 лет, и несколько меньше, но почти одинаковыми были вклады возрастов 75 лет и старше и 40—59 лет.

Однако в 2016 г. возрастная структура снижения смертности изменилась: у мужчин наибольший вклад в увеличение продолжительности жизни внесли люди в более молодых возрастах, в частности 30—44 лет, и в равной степени, но несколько менее значимо — в возрастах 15—29 и 45—59 лет. У женщин же основной вклад, как и ранее, вносили пожилые возраста 65 лет и старше. Вклад

³ Приводимые здесь значения приростов для мужчин и женщин получены на основании расчета таблиц смертности (дожития) для однолетних возрастных групп и потому более точны, чем приводимые в табл. 9.2, которые, в свою очередь, рассчитаны с учетом причин смерти, но для пятилетних возрастных групп. К сожалению, в силу отличий в методиках невозможно избежать расхождений в получаемых значениях показателей, которые в то же время незначительны и на практике не влияют на интерпретацию изменений.

детских возрастов на всем протяжении рассматриваемого периода оставался практически стабильным, мало меняясь год от года и у мужчин, и у женщин (табл. 9.2).

Таблица 9.2. Вклад отдельных возрастных групп в рост продолжительности жизни в России, 2003—2016 гг., лет

Годы	Всего	В том числе в возрасте, лет					
		0—14	15—29	30—44	45—59	60—74	75+
<i>Мужчины</i>							
2003—2015	7,42	0,71	1,07	1,38	2,36	1,44	0,47
В среднем за один год	0,62	0,06	0,09	0,11	0,20	0,12	0,04
2015—2016	0,62	0,06	0,13	0,19	0,13	0,07	0,04
2003—2016	8,04	0,76	1,20	1,57	2,49	1,51	0,51
<i>Женщины</i>							
2003—2015	5,00	0,58	0,32	0,33	1,16	1,44	1,17
В среднем за один год	0,42	0,05	0,03	0,03	0,10	0,12	0,10
2015—2016	0,38	0,04	0,04	0,07	0,06	0,08	0,08
2003—2016	5,37	0,62	0,37	0,40	1,21	1,52	1,25

Примечание. Эта и последующие таблицы, содержащие разложение прироста ожидаемой продолжительности жизни на компоненты, рассчитаны с числом знаков после запятой больше двух. Мы не проводили подгонку округленных показателей, так как эта операция снижает их точность.

Что касается определения вклада изменений смертности от отдельных причин, то в этом случае после 2013 г. придется сталкиваться с некоторыми проблемами, связанными с тем обстоятельством, что многие регионы России, стремясь достичь целевых показателей смертности от отдельных причин, прежде всего снижения смертности от болезней системы кровообращения, заданных в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», начали пересматривать в выгодную для себя сторону практику кодирования причин смерти⁴. Так, некоторые регионы стали широко ис-

⁴ Вишневецкий А. Г., Андреев Е. М., Тимонин С. А. Влияние болезней системы кровообращения на демографическое развитие России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. С. 61—78; Ка-

пользовать диагноз «старость», и рост доли смертей от «неустановленных болезней» ускорился. Но, несмотря на это, мы все же воспользуемся данными о причинах смерти, при этом с некоторой осторожностью оценивая полученные результаты.

Таблицы 9.3 и 9.4 представляют результаты разложения общего роста продолжительности жизни в России в 2003—2015 гг. и 2015—2016 гг. по возрастным группам и причинам смерти. Оговоримся, что мы не делали подгонку показателей, представленных в таблице, таким образом, чтобы сумма вкладов трех возрастных групп совпадала с указанной точностью — два знака после запятой — совокупному вкладу каждой причины смерти.

Как было показано в предыдущих докладах «Население России», общее снижение смертности в России в 2004—2013 гг. можно разложить на три качественно различных слагаемых⁵:

1) снижение смертности от ситуаций и болезней, связанных с опасным потреблением алкоголя, в качестве индикатора которого рассматривается уровень смертности от случайных отравлений алкоголем;

2) снижение смертности пожилых от болезней системы кровообращения: у женщин вначале значительное снижение смертности от цереброваскулярных болезней и затем и от ишемической болезни сердца, а у мужчин также снижение, но в большей степени от ишемической болезни сердца;

корина Е.П. Старость не причина // Медицинский вестник. 2013. № 8 (621). URL: http://www.medvestnik.ru/articles/starost_ne_prichina (дата обращения: 16.04.2016).

⁵ *Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьковова Т.Л.* Смертность и продолжительность жизни // Население России 2009: семнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 223—237; *Андреев Е., Кваша Е.А., Харьковова Т.Л.* Смертность и продолжительность жизни // Население России 2010—2011: восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 420—434; *Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьковова Т.Л., Рамонов А.В.* Смертность и продолжительность жизни // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 253—266; *Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьковова Т.Л., Тимонин С.А.* Смертность и продолжительность жизни // Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / под ред. С.В. Захарова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 194—214.

Таблица 9.3. Вклад отдельных причин смерти в трех крупных возрастных группах в рост продолжительности жизни в 2003—2015 гг., лет

Причина	Всего	В том числе в возрасте, лет		
		0—14	15—64	65 и старше
<i>Мужчины</i>				
Все причины	7,42	0,71	5,45	1,27
Болезни системы кровообращения	2,92	0,00	1,75	1,17
В том числе:				
Ишемическая болезнь сердца	1,58	0,00	1,05	0,53
Инсульты	0,97	0,00	0,42	0,55
Другие болезни системы кровообращения	0,38	0,00	0,28	0,09
Новообразования	0,31	0,01	0,24	0,05
Инфекции	0,12	0,03	0,07	0,01
Болезни органов дыхания	0,50	0,08	0,35	0,07
Болезни органов пищеварения	-0,02	0,00	0,00	-0,02
Внешние причины	2,89	0,19	2,62	0,08
В том числе случайные отравления алкоголем	0,45	0,00	0,44	0,01
Другие и неустановленные болезни	0,75	0,40	0,45	-0,10
<i>Женщины</i>				
Все причины	5,00	0,58	2,27	2,15
Болезни системы кровообращения	3,36	0,00	1,03	2,33
В том числе:				
Ишемическая болезнь сердца	1,33	0,00	0,47	0,86
Инсульты	1,69	0,00	0,42	1,27
Другие болезни системы кровообращения	0,34	0,00	0,14	0,20
Новообразования	0,19	0,01	0,17	0,02
Инфекции	-0,06	0,04	-0,09	0,00
Болезни органов дыхания	0,20	0,07	0,10	0,03
Болезни органов пищеварения	-0,05	0,00	0,00	-0,05
Внешние причины	1,04	0,12	0,85	0,07
В том числе случайные отравления алкоголем	0,19	0,00	0,18	0,01
Другие и неустановленные болезни	0,33	0,34	0,24	-0,26

Таблица 9.4. Вклад отдельных причин смерти в трех возрастных группах в рост ожидаемой продолжительности жизни в 2016 г. по сравнению с 2015-м, лет

Причина	Всего	В том числе в возрасте, лет		
		0—14	15—64	65 и старше
<i>Мужчины</i>				
Все причины	0,62	0,06	0,47	0,09
Болезни системы кровообращения	0,19	0,00	0,08	0,11
В том числе:				
Ишемическая болезнь сердца	0,12	0,00	0,06	0,06
Инсульты	0,05	0,00	0,01	0,04
Другие болезни системы кровообращения	0,02	0,00	0,01	0,01
Новообразования	0,03	0,00	0,03	0,00
Инфекции	0,00	0,00	-0,01	0,00
Болезни органов дыхания	0,06	0,00	0,03	0,03
Болезни органов пищеварения	0,06	0,00	0,06	0,01
Внешние причины	0,23	0,01	0,21	0,00
В том числе случайные отравления алкоголем	0,02	0,00	0,02	0,00
Другие и неустановленные болезни	0,04	0,04	0,06	-0,06
<i>Женщины</i>				
Все причины	0,38	0,04	0,20	0,13
Болезни системы кровообращения	0,29	0,00	0,07	0,23
В том числе:				
Ишемическая болезнь сердца	0,13	0,00	0,03	0,11
Инсульты	0,11	0,00	0,02	0,09
Другие болезни системы кровообращения	0,04	0,00	0,02	0,02
Новообразования	0,06	0,00	0,03	0,02
Инфекции	-0,03	0,00	-0,03	0,00
Болезни органов дыхания	0,03	0,00	0,01	0,02
Болезни органов пищеварения	0,05	0,00	0,04	0,01
Внешние причины	0,09	0,01	0,08	0,01
В том числе случайные отравления алкоголем	0,01	0,00	0,01	0,00
Другие и неустановленные болезни	-0,11	0,03	0,01	-0,15

3) снижение смертности детей, в первую очередь на первом году жизни, а также взрослых от разнообразных и зачастую не связанных между собой причин смерти — болезни органов дыхания, новообразования, туберкулез, не связанные с алкоголем несчастные случаи и др.

Однако снижение смертности, отмечавшееся в 2014—2015 гг., несколько изменило ситуацию. Так, в 2015 г. по сравнению с 2013-м снижение смертности от болезней системы кровообращения в возрастах старше 65 лет не увеличило ОПЖ для мужчин, но на 0,25 года увеличило у женщин⁶. При этом другие или неустановленные болезни снизили ее на 0,07 года. Согласно оценке, основанной на анализе региональных данных, этот рост был результатом изменения практики кодирования причин смерти. Скорее всего, в действительности вклад болезней системы кровообращения не превосходил 0,15 года.

Видимо, усилия Минздрава России по преодолению увлечения врачей неопределенными диагнозами отчасти увенчались успехом⁷. В 2015 г. по сравнению с 2014-м рост смертности женщин от болезней системы кровообращения в возрасте 65 лет и старше уменьшил продолжительность жизни на 0,18 года, но вклад «других и неустановленных болезней» оказался положительным — 0,24 года. Расчеты для мужчин в том же возрасте показывают обратную ситуацию: положительный вклад снижения смертности от болезней системы кровообращения (рост ОПЖ на 0,19 года) и отрицательный вклад «других и неустановленных болезней» (снижение ОПЖ на 0,14 года). Однако в целом и в 2014, и в 2015 г. изменения в смертности пожилых мужчин и женщин на продолжительность жизни почти не влияли.

Таким образом, в целом за период 2004—2015 гг. рост ожидаемой продолжительности жизни у женщин почти наполовину (2,33 года, что составило 46,8% общего роста) был обеспечен сни-

⁶ Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 232—235.

⁷ Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Минздрава России направил два письма, адресованных руководителям органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере здравоохранения, от 19 декабря 2014 г. № 13-03/1750 и от 9 апреля 2015 г. № 13-03/206, разъясняющих правила использования кода МКБ-10 R54 «Старость» при кодировании первоначальной причины смерти.

жением смертности в возрастах 65 лет и старше от болезней системы кровообращения, в том числе на четверть от снижения смертности от инсультов и на 17% от ишемической болезни сердца. У мужчин наибольший вклад в рост продолжительности жизни внесло снижение смертности в трудоспособных возрастах от внешних причин и несколько меньше — от болезней системы кровообращения, в первую очередь от ишемической болезни сердца. Меньшей значимости, но все же на рост продолжительности жизни мужчин повлияло и снижение смертности в старших возрастах от инсультов и ишемической болезни.

Вместе с тем рост смертности в старших возрастах от других и неустановленных причин смерти снизил продолжительность жизни у женщин на 0,26 года и у мужчин на 0,10 года, а от болезней органов пищеварения — соответственно на 0,05 и 0,02.

Как следует из ранее приведенной табл. 9.2, в 2016 г. продолжительность жизни мужчин увеличилась по сравнению с 2015 г. на 0,62 года, а женщин — на 0,38 года. Разложение данного прироста продолжительности жизни в результате изменений смертности от отдельных причин в трех крупных возрастных группах представлено в табл. 9.4.

У мужчин основным источником роста продолжительности жизни было снижение смертности в средних возрастах от внешних причин и почти втрое меньше по значимости — от болезней системы кровообращения. Кроме того, снижение смертности от ишемической болезни и инсультов в старших возрастах также определило рост продолжительности жизни мужчин на 0,10 года.

Как и в предшествующие годы, у женщин наибольший по значимости вклад в рост продолжительности жизни внесло снижение смертности в старших возрастах от болезней системы кровообращения, в том числе несколько больше от ишемической болезни сердца, чем от инсультов. Также увеличило продолжительность жизни женщин на 0,08 года снижение смертности от внешних причин смерти в средних возрастах. В то же время в 2016 г. и у женщин, и у мужчин указанный выше рост смертности в старших возрастах от других и неустановленных болезней способствовал снижению продолжительности жизни соответственно на 0,15 и 0,06 года.

9.4. Динамика региональных различий в ожидаемой продолжительности жизни: конвергенция неочевидна

За период с 1990 по 2015 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличилась в 73 регионах у мужчин и в 82 у женщин. В 2016 г. по сравнению с 2015-м в подавляющем большинстве регионов рост ожидаемой продолжительности жизни продолжился. Однако отмечалось также и снижение ОПЖ у мужчин в Ставропольском крае (-0,23 года), Вологодской области (-0,23) и Ненецком автономном округе (-1,17) и у женщин в Курской (-0,20 года), Вологодской (-0,04), Мурманской (-0,11) областях и республиках Коми (-0,34), Адыгее (-0,14), Кабардино-Балкарии (-0,01). Кроме того, несколько регионов так и не преодолели максимальные значения данного показателя, отмечавшиеся в 1990 г.: у мужчин это Курганская, Оренбургская, Свердловская и Челябинская области, а также и у мужчин, и женщин — Чукотский автономный округ.

Как следует из табл. 9.5, изменения ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 и 60 лет в 2016 г. по сравнению с 2015-м имели некоторые различия по регионам.

Что касается продолжительности жизни в возрасте 60 лет, то у мужчин в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом она снизилась в 24 регионах (от -0,02 до -0,44 года), а у женщин — в 12 (от -0,01 до -0,31 года).

До сих пор продолжает существовать огромный разрыв в продолжительности жизни между регионами России, особенно если рассматривать городское и сельское население каждого региона как независимый объект наблюдения. В 2003—2015 гг. разрыв между минимальным и максимальным значениями у мужчин колебался в интервале от 21,9 до 25,7 года, у женщин — от 18,7 до 24,6 года при общей тенденции к увеличению разрыва со временем, в 2016 г. у мужчин разрыв еще больше увеличился и достиг 29,4 года, а у женщин, напротив, немного снизился, до 22,5 года (рис. 9.8).

Как следует из характера кривых, представленных на рис. 9.8, со временем межквартильное расстояние медленно уменьшается, но в последние четыре года наблюдаются скорее незначительные

Таблица 9.5. Регионы России с максимальными и минимальными изменениями (рост «+», снижение «-») ожидаемой продолжительности жизни в возрастах 0 лет (e_0), 15 лет (e_{15}) и 60 лет (e_{60}) в 2016 г. по сравнению с 2015-м, лет

Регион	e_0	Регион	e_{15}	Регион	e_{60}
<i>Максимальные значения</i>					
Республика Алтай	2,19	Республика Алтай	2,09	Ингушская республика	1,05
Калининградская область	1,49	Калининградская область	1,44	Ханты-Мансийский автономный округ	0,73
Ханты-Мансийский автономный округ	1,37	Ханты-Мансийский автономный округ	1,39	Республика Алтай	0,71
Мурманская область	1,25	Республика Татарстан	1,06	Камчатская область	0,63
Республика Марий Эл	1,16	Оренбургская область	1,05	Магаданская область	0,53
<i>Минимальные значения</i>					
Архангельская область	0,10	Чувашская Республика	0,01	Вологодская область	-0,25
Чувашская Республика	0,08	Камчатская область	-0,01	Чукотский автономный округ	-0,32
Ставропольский край	-0,04	Ставропольский край	-0,01	Калужская область	-0,32
Вологодская область	-0,23	Вологодская область	-0,15	Еврейская автономная область	-0,33
Ненецкий автономный округ	-1,17	Ненецкий автономный округ	-0,87	Ненецкий автономный округ	-0,44

Окончание табл. 9.5

Регион	e_0	Регион	e_{15}	Регион	e_{60}
<i>Женщины</i>					
<i>Максимальные значения</i>					
Республика Калмыкия	1,67	Ненецкий автономный округ	1,61	Магаданская область	1,03
Ненецкий автономный округ	1,61	Республика Калмыкия	1,67	Ямало-Ненецкий автономный округ	1,00
Магаданская область	1,18	Республика Алтай	0,94	Ингушская республика	0,72
Калининградская область	1,14	Республика Хакасия	1,14	Читинская область	0,62
Республика Хакасия	1,14	Магаданская область	1,18	Республика Хакасия	0,53
<i>Минимальные значения</i>					
Чукотский автономный округ	-0,13	Вологодская область	-0,12	Кабардино-Балкарская Республика	-0,10
Республика Адыгея	-0,14	Республика Коми	-0,18	Мурманская область	-0,13
Курская область	-0,20	Республика Адыгея	-0,21	Белгородская область	-0,14
Орловская область	-0,34	Мурманская область	-0,25	Орловская область	-0,26
Республика Коми	-0,34	Орловская область	-0,38	Еврейская автономная область	-0,31

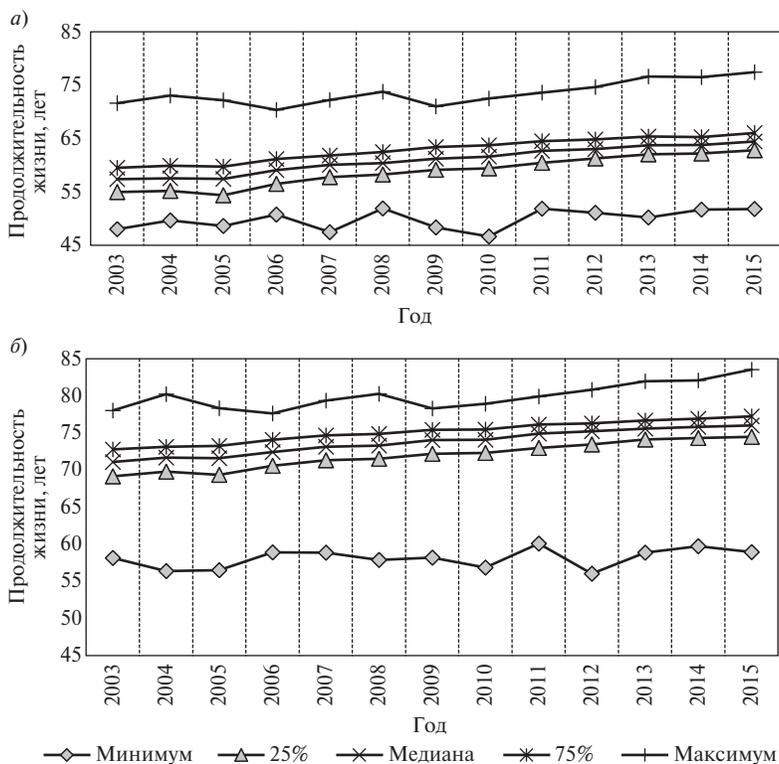

Рис. 9.8. Минимальные и максимальные значения, медиана и квартили распределения субъектов РФ по величине ожидаемой продолжительности жизни при рождении для мужчин (а) и женщин (б), Россия, 2003—2016 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

колебания. В частности, в 2016 г. у мужчин разница между квартилями немного увеличилась, а у женщин, напротив, снизилась. Также отметим, что медиана распределения меньше ожидаемой продолжительности жизни во всем населении России: у мужчин — в среднем на 1,4 года, а у женщин — на 0,75.

Еще одной из мер оценки межрегиональных различий является дисперсия, или стандартное отклонение, отражающее именно различия между субъектами РФ, если при его расчете не принима-

ется во внимание численность проживающего в них населения. Уменьшение величины стандартного отклонения свидетельствует о сближении регионов, т.е. конвергенции, увеличение — напротив, о росте межрегиональных различий, т.е. дивергенции.

Как было отмечено в предыдущем докладе «Население России 2015», в период последнего роста продолжительности жизни в России (2003—2015 гг.) максимальное значение стандартного отклонения было зафиксировано в 2005 г., что связано с тем, что не все регионы одновременно вступили в долгожданный период снижения смертности⁸. Первый период снижения межрегионального неравенства (2005—2006 гг.) совпадает с моментом, когда впервые во всех субъектах РФ был отмечен рост продолжительности жизни.

Вместе с тем расчеты, проведенные для всех регионов, показывают увеличение дисперсии с начала 2000-х годов, особенно для мужчин. Детальный анализ изменений стандартного отклонения по возрастам и причинам смерти показал, что отмеченная тенденция связана с ростом межрегиональных различий в смертности (главным образом между Москвой и Санкт-Петербургом, с одной стороны, и другими субъектами РФ, с другой) от болезней системы кровообращения в старших возрастах⁹.

Общая картина региональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни при рождении и в возрасте 15 лет мужчин и женщин в России в 2016 г. хорошо видна на картах, представленных на рис. 9.9, 9.10.

⁸ Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 271—281.

⁹ Вишневецкий А., Андреев Е., Тимонин С. Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России // Демографическое обозрение. 2016. № 3 (1). С. 6—34. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1761>.

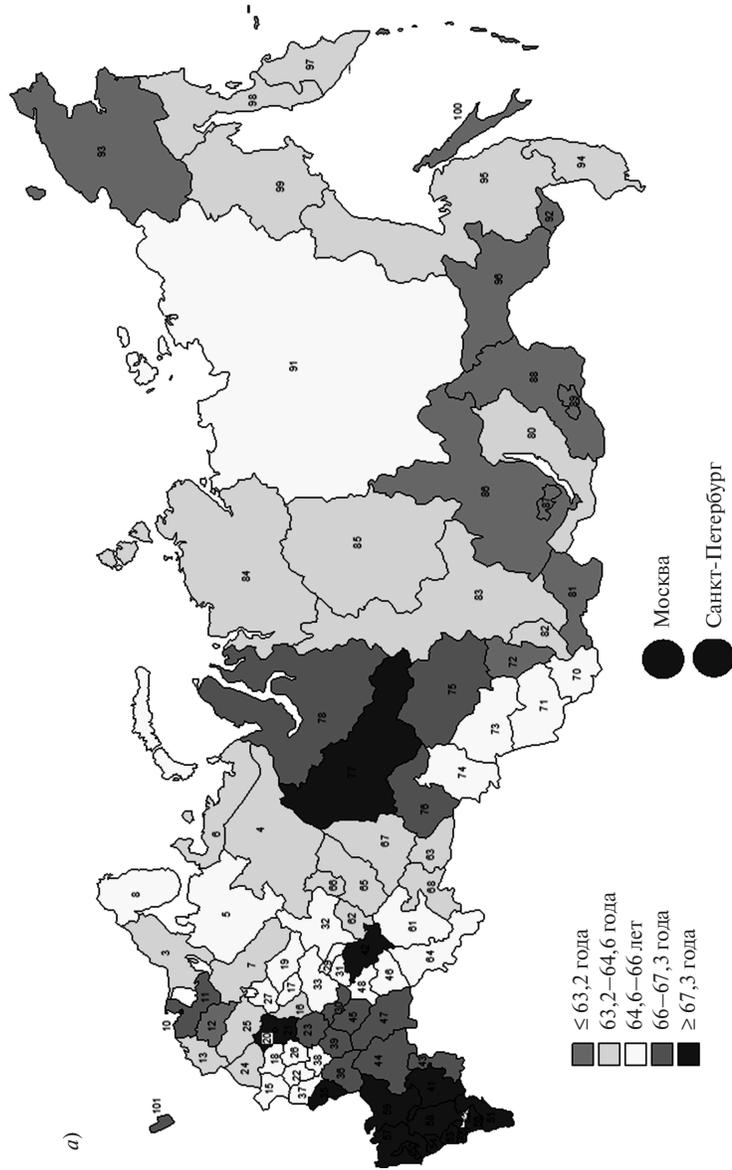

Рис. 9.9. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин (а) и женщин (б), Россия, 2016 г.

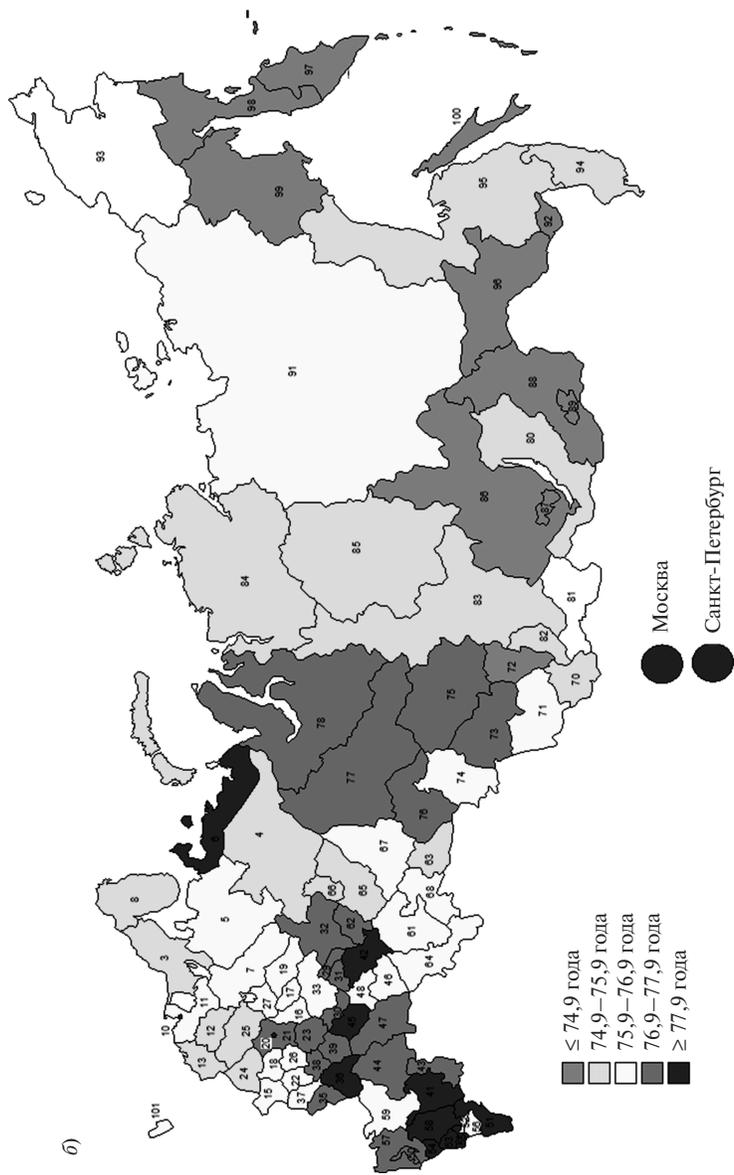

Рис. 9.9. (Окончание)

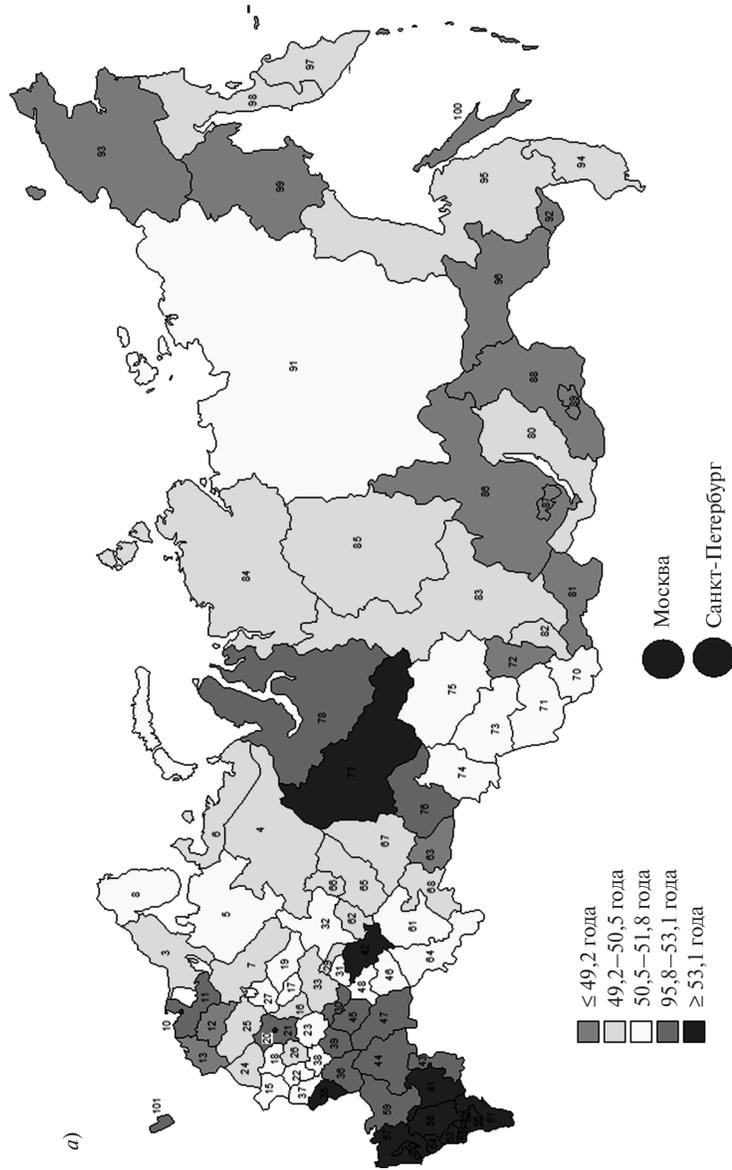

Рис. 9.10. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 15 лет для мужчин (а) и женщин (б), Россия, 2016 г.

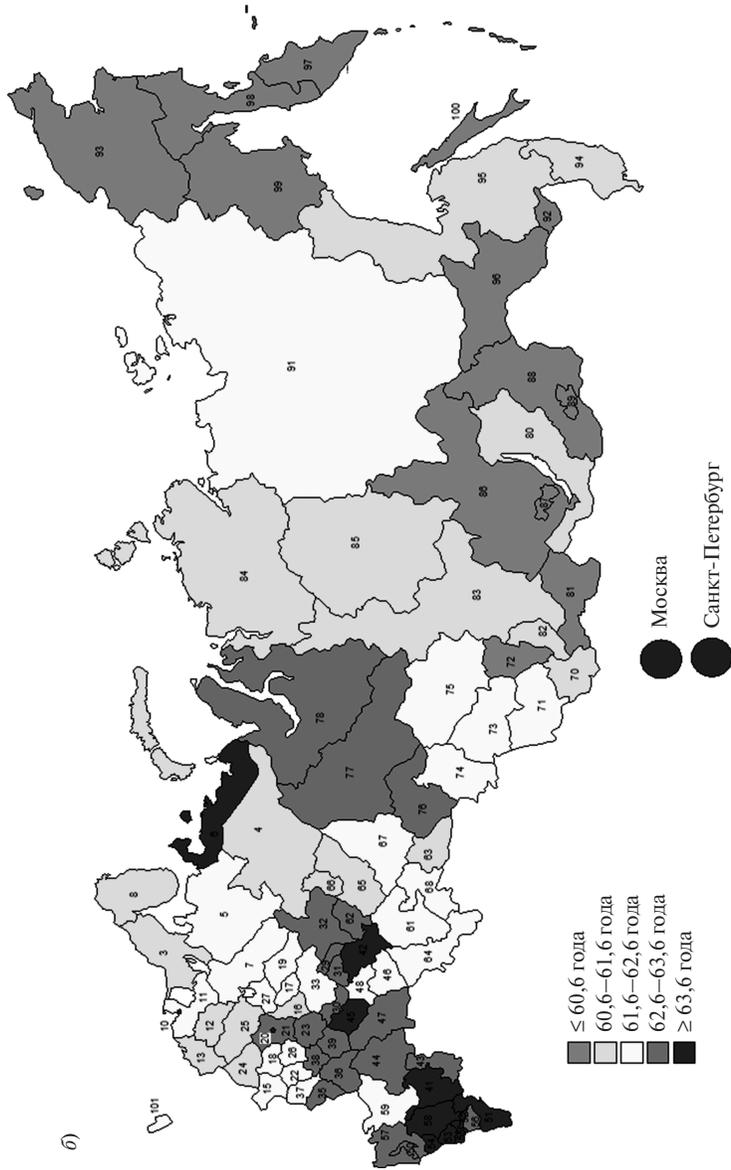

Рис. 9.10. (Окончание)

9.5. Долговременные тенденции младенческой смертности в России: успехи и проблемы

9.5.1. Историческое отставание от других промышленно развитых стран преодолевается тяжело

Младенческая смертность — единственная характеристика уровня смертности в России, которая имеет самую длительную положительную динамику (снижение) с середины 1970-х годов, хотя и с некоторыми точками перерыва. В то же время снижение младенческой смертности все время отстает от развитых стран, и в результате разрыв в значениях показателей сохраняется не в пользу России.

Еще в середине 1960-х годов Россия среди промышленно развитых, в том числе и европейских, стран входила в группу со средним уровнем младенческой смертности. В части развитых стран коэффициент младенческой смертности полвека назад был выше, чем в России. Мы неоднократно писали о примере Португалии¹⁰, которой за два десятилетия удалось снизить младенческую смертность с высокого уровня (в 2,4 раза выше, чем в России) до среднего, а еще за десятилетие и до низкого. Младенческая смертность за эти полвека снизилась в Португалии в 23 (!) раза. В результате сегодня уже российский уровень младенческой смертности выше португальского в 2,3 раза. Но Португалия — не единственный пример такого снижения. Также к странам, с которых Россия могла бы брать пример быстрого снижения младенческой смертности, относятся Италия, Польша, Австрия и Испания. Во всех этих странах младенческая смертность в середине 1960-х годов была выше, чем в России, а к 2015 г. стала существенно ниже, чем в России. Больших успехов добилась и Япония: здесь за полвека младенческая смертность снизилась почти в 9 раз. В России же уровень смертности детей снизился за полвека всего в 4 раза.

В конце XX — начале XXI в. большая часть развитых стран стала использовать при расчете младенческой и перинатальной смертности единые определения живо- и мертворождения, реко-

¹⁰ Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 244.

мендованные Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Россия использует определение ВОЗ при расчете показателей младенческой смертности в государственной статистике только с 2012 г. Переход на это определение и объясняет рост младенческой смертности в России в 2012 г. Поскольку переход произошел только в 2012 г., это означает, что значения коэффициента младенческой смертности за предшествующие годы в реальности должны были быть еще выше, чем официально публиковались, а различия по уровню младенческой смертности между Россией и развитыми странами были более существенными¹¹. Из стран, представленных на рис. 9.11, только в Молдавии и Румынии в настоящее время младенческая смертность остается более высокой, чем в России. При этом в Румынии коэффициент уменьшился почти в 6 раз. «Догнала» Россию по уровню младенческой смертности и Болгария. Уровень младенческой смертности в России сегодня близок к наблюдаемому в США (см. рис. 9.11). Но надо иметь в виду, что в США используется более широкое определение живорождения, чем во многих странах Европы и России (в США в число живых включается плод, продемонстрировавший признаки жизни, и с длительностью беременности у матери уже начиная с 20-й недели).

В целом отставание России по уровню смертности младенцев в возрасте до одного года за более чем вековой период уменьшилось, но ненамного (рис. 9.12). Если в очень далеком 1910 г. разница по этому показателю между Россией и странами с наименьшими уровнями была почти 5 раз, то к середине 1960-х удалось добиться снижения этого отставания до 2 раз. Потом опять это отставание увеличилось (за счет более быстрого и непрерывного снижения в развитых странах), и к 2016 г. российский коэффициент младенческой смертности на уровне 6,0‰ примерно в 3 раза превышал показатели для стран с наименьшими показателями и в 1,5—2,0 раза для других развитых стран. Согласно сведениям из базы данных Евростата¹² за 2015 г., минимальные уровни младенческой смертности были зафиксированы в Словении (1,6‰), Финляндии

¹¹ Андреев Е. М., Кваша Е. А., Харьковская Т. Л., Тимонин С. А. Смертность и продолжительность жизни // *Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад* / под ред. С. В. Захарова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 201—223.

¹² См.: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>.

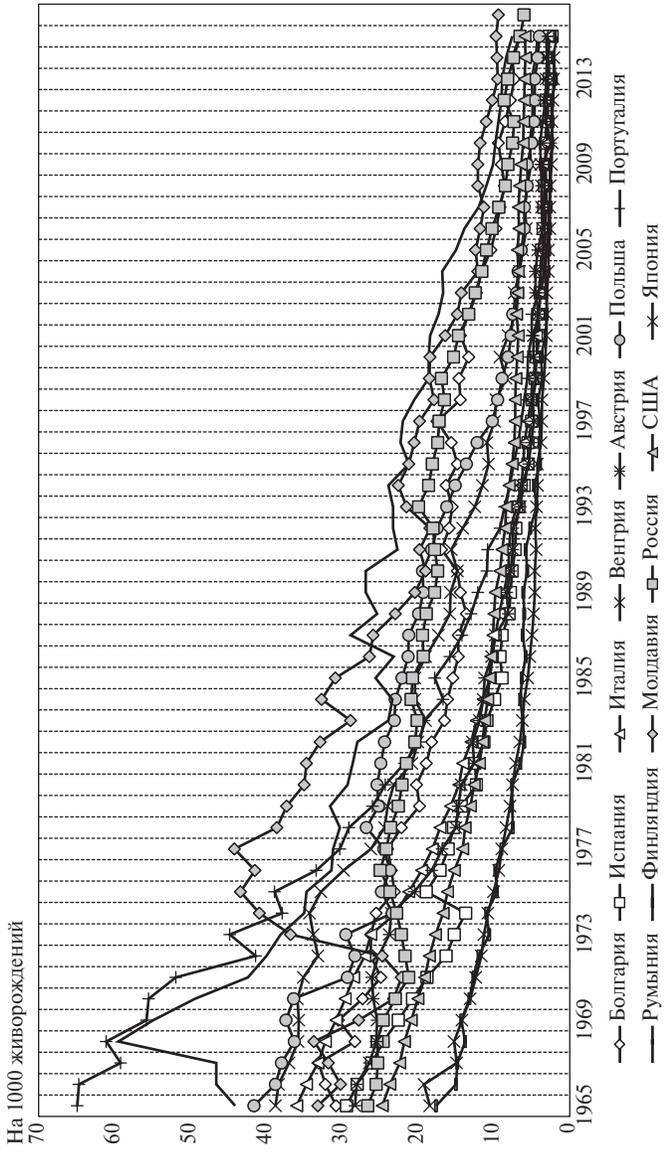

Рис. 9.11. Младенческая смертность в ряде развитых стран, 1965—2015 гг.

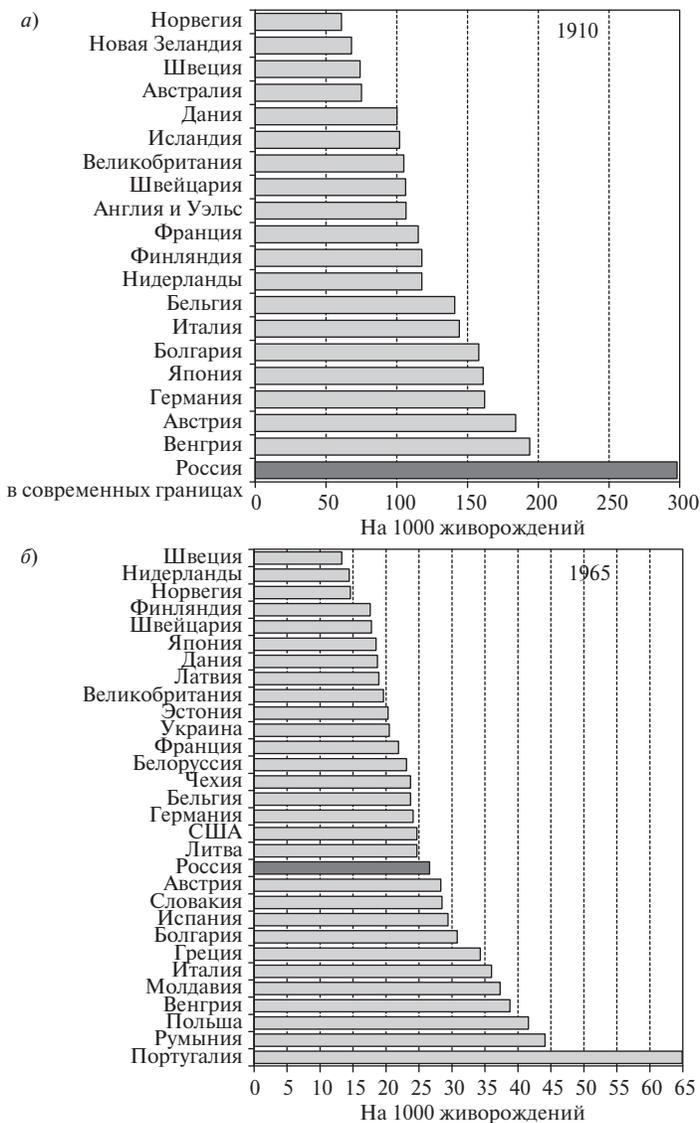

Рис. 9.12.

Коэффициент младенческой смертности в развитых странах и России в 1910 г. (а), 1965 г. (б) и 2015 г. (в)

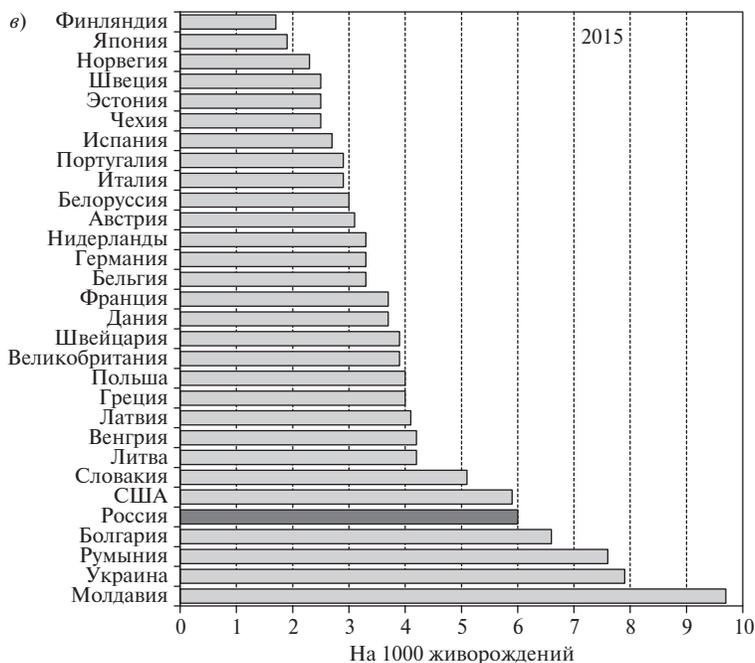

Рис. 9.12. (Окончание)

Источники: 1910 г., Россия в современных границах — расчеты авторов на основе: Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1910 год. Петроград, 1916 (Статистика Российской империи. Вып. 93); Италия, Бельгия, Нидерланды, Финляндия, Франция, Англия и Уэльс, Швейцария, Исландия, Дания, Швеция, Норвегия — расчеты авторов на основе базы данных Human Mortality Database (<http://www.mortality.org/>); другие страны — Куркин П.И. Санитарно-статистические таблицы: атлас диаграмм с объяснительным текстом. М.: изд. Пироговского комитета по распространению гигиенических знаний, 1910; 1965, 2015 гг. — расчеты авторов на основе данных Евростата и Росстата.

(1,7‰), Исландии и Черногории (по 2,2‰), Норвегии (2,3‰). Напомним, что в 2015 г. коэффициент смертности детей в возрасте до одного года в России был равен 6,5‰.

9.5.2. Структура младенческой смертности по возрасту умерших детей как индикатор развития системы здравоохранения

Как мы отметили выше, в 2012 г. Россия перешла на использование определений живо- и мертворождений, рекомендованных ВОЗ. Коррекция этих определений влияет в первую очередь на характеристики перинатального периода жизни ребенка и соответственно на коэффициент перинатальной смертности. Эти изменения затрагивают и часть младенческой смертности — ее раннюю неонатальную составляющую, на которую в последние десятилетия в странах с наименьшим уровнем младенческой смертности приходится основная доля умирающих младенцев.

Современные медицина и здравоохранение научились выявлять патологии развития ребенка на ранних стадиях беременности и бороться за жизнь младенцев, которые раньше умирали в первые часы или дни жизни. Пережив первые дни (точнее, первые 168 ч жизни, или ранний неонатальный период) как наиболее опасный период жизни и получив необходимое лечение, младенцы в странах с развитой системой здравоохранения сегодня имеют намного большие шансы на выживание, чем несколько десятилетий назад. Смерть таких детей отодвигается в настоящее время на все более и более старший возраст. Сейчас доля неонатального компонента (0—28 дней жизни) в большинстве стран Европейского региона составляет в среднем 60—70% значения коэффициента младенческой смертности (рис. 9.13, б), а ранней неонатальной — 40—55% (см. рис. 9.13, а).

В России доля как ранней неонатальной смертности (которая характеризует во многом эффективность работы системы здравоохранения с беременными и детьми в ранний неонатальный период жизни), так и всей неонатальной смертности ниже, чем во многих развитых странах. Из стран, представленных на рис. 9.13, выделяется Белоруссия, где при довольно низком уровне младенческой смертности регистрируется низкая доля и ранней неонатальной, и неонатальной смертности.

В России за последние 50 лет не наблюдается стабильной динамики возрастных компонентов младенческой смертности

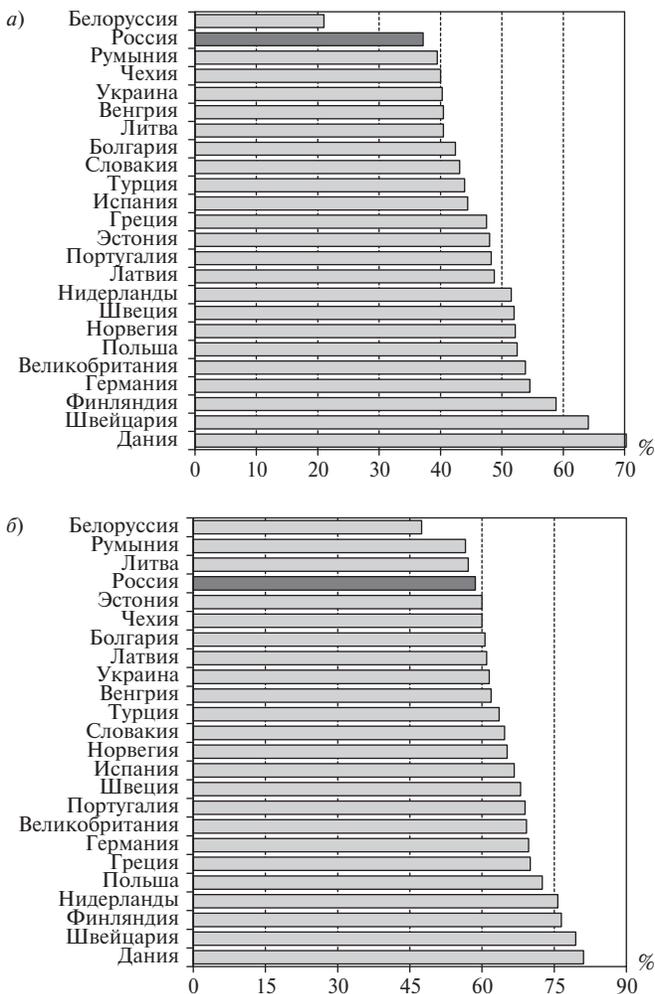

Рис. 9.13. Доли ранней неонатальной (а) и неонатальной (б) смертности в младенческой смертности в ряде европейских стран, 2015 г.

Источник: Расчеты авторов на основе данных Евростата и Росстата.

(рис. 9.14). Ее постнеонатальный компонент с середины 1960-х до середины 1970-х годов показывал разнонаправленную динамику, но с середины 1970-х фиксируется снижение постнеонатальной смертности в России (с небольшими скачками в течение нескольких лет). Другая составляющая младенческой смертности — ранняя неонатальная смертность — была на почти неизменном уровне с середины 1960-х годов, затем росла с 1983 по 1993 г. Только после 1993 г. отмечается постоянное снижение этой составляющей младенческой смертности. На фоне разнонаправленных тенденций постнеонатальной и ранней неонатальной смертности с 1986 по 1998 г. уровень ранней неонатальной смертности был выше, чем постнеонатальной. Далее показатели смертности в эти периоды жизни ребенка постепенно сравнялись. В результате за эти годы младенческая смертность в целом в стране снизилась в 4,4 раза, постнеонатальная — в 6,7 раза, ранняя неонатальная — в 3,2 раза.

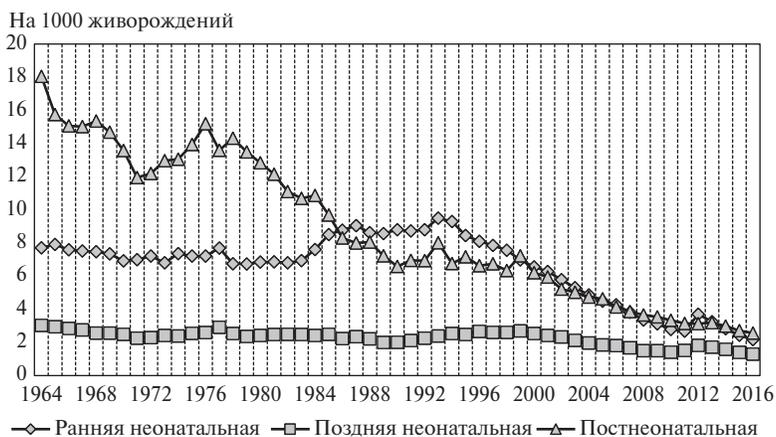

Рис. 9.14. Динамика компонентов младенческой смертности в России, 1964—2016 гг.

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

Поздняя неонатальная смертность за полвека снизилась всего в 2,2 раза, и это самые низкие темпы снижения среди всех компонентов младенческой смертности. Поздняя неонатальная смерт-

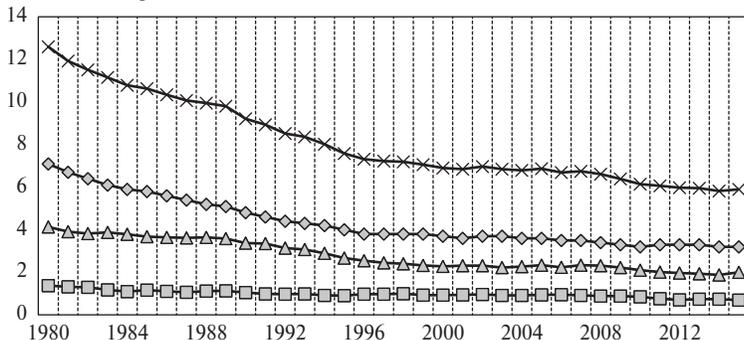
ность выросла в 2011—2012 гг., но связать этот скачок только с изменением определений живо- и мертворождения, произошедшим в России в 2012 г., не получается, так как рост начался раньше. На наш взгляд, связать этот рост можно с несколькими факторами. Прежде всего с тем, что современная медицина старается до последнего бороться за жизнь новорожденных, в результате чего смерти, которые раньше происходили в первые дни и часы жизни, теперь отодвигаются во времени¹³. На такие скачки в показателях должны реагировать как медицинские работники, так и представители органов власти. Надо учитывать и то, что возраст старше 7 дней — это возраст, когда ребенок уже, как правило, развивается дома, и ответственность медиков за эти смерти формально меньше. При этом молодые родители по разным причинам не всегда могут обеспечить новорожденному уход, адекватный для его возраста и состояния здоровья.

Необходимо отметить еще одну особенность динамики компонентов младенческой смертности, появившуюся с 2014 г., — превышение уровня постнеонатальной смертности над ранней неонатальной, что не характерно для других развитых стран. Это подтверждает наличие проблем в наблюдении, уходе, лечении детей в возрасте до одного года по разным периодам жизни.

Среди рассмотренных на рис. 9.12 развитых стран ближе всех по уровню младенческой смертности к российскому уровню были США (5,9 против 6,5‰ в России). Поэтому чтобы понять, насколько структура младенческой смертности в России отличается от других развитых стран с более низкими показателями младенческой смертности, мы выбрали именно США. Смертность по всем возрастным компонентам младенческой смертности в США в течение 35-летнего периода снижалась (рис. 9.15). В начале 2000-х годов уровень младенческой смертности там стабилизировался. При этом на постоянном уровне находились показатели для всех периодов жизни младенца до одного года. Затем младенческая смертность продолжила снижение, и оно происходило в основном за счет постнеонатальной и поздней неонатальной составляющей. В России же до начала 2000-х наблюдалась

¹³ *Andreev E. M., Kingkade W. W.* Average age at death in infancy and infant mortality level: Reconsidering the Coale — Demeny formulas at current levels of low mortality. MPIDR Working Paper WP-2011-016. 2011.

а) На 1000 живорождений

б) На 1000 живорождений

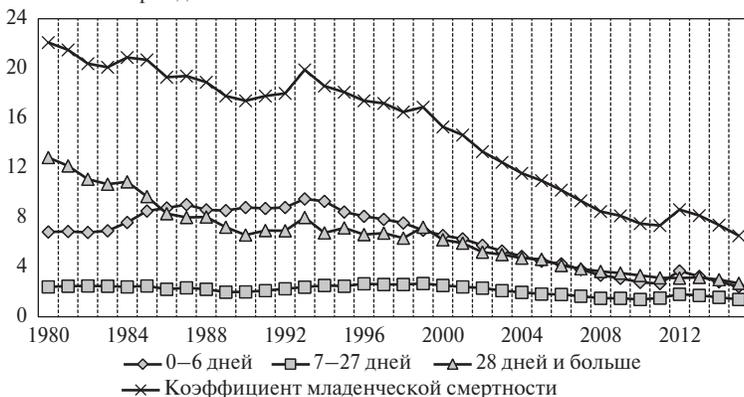

Рис. 9.15. Ранняя неонатальная, поздняя неонатальная, постнеонатальная и младенческая смертность в США (а) и России (б), 1980—2015 гг.

Источники: Данные CDC (США), Росстата; расчеты авторов.

разнонаправленная динамика раннего неонатального и постнеонатального компонентов, а поздняя неонатальная смертность оставалась примерно на одном уровне. Соответственно различается и динамика относительного вклада возрастных компонентов младенческой смертности в России и США (рис. 9.16): в США это почти не меняющийся вклад компонентов, в России — скачки и медленный рост вклада поздней неонатальной смертности.

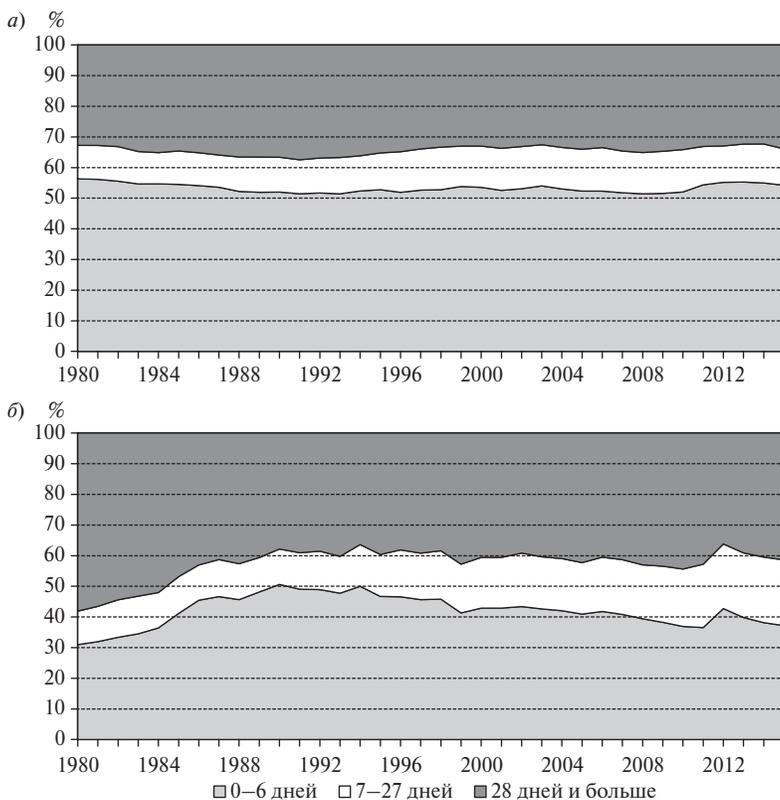

Рис. 9.16. Структура младенческой смертности по возрасту умерших детей в США (а) и России (б), 1980—2015 гг.

Источники: Данные CDC (США), Росстата; расчеты авторов.

В целом вклад раннего неонатального компонента значительно выше в США.

9.5.3. Территориальная дифференциация младенческой смертности в России в 2015—2016 гг.: регионы-лидеры приближаются к среднеевропейскому уровню

Как и в предыдущие годы, в 2015—2016 гг. в субъектах РФ продолжались разнонаправленные изменения младенческой

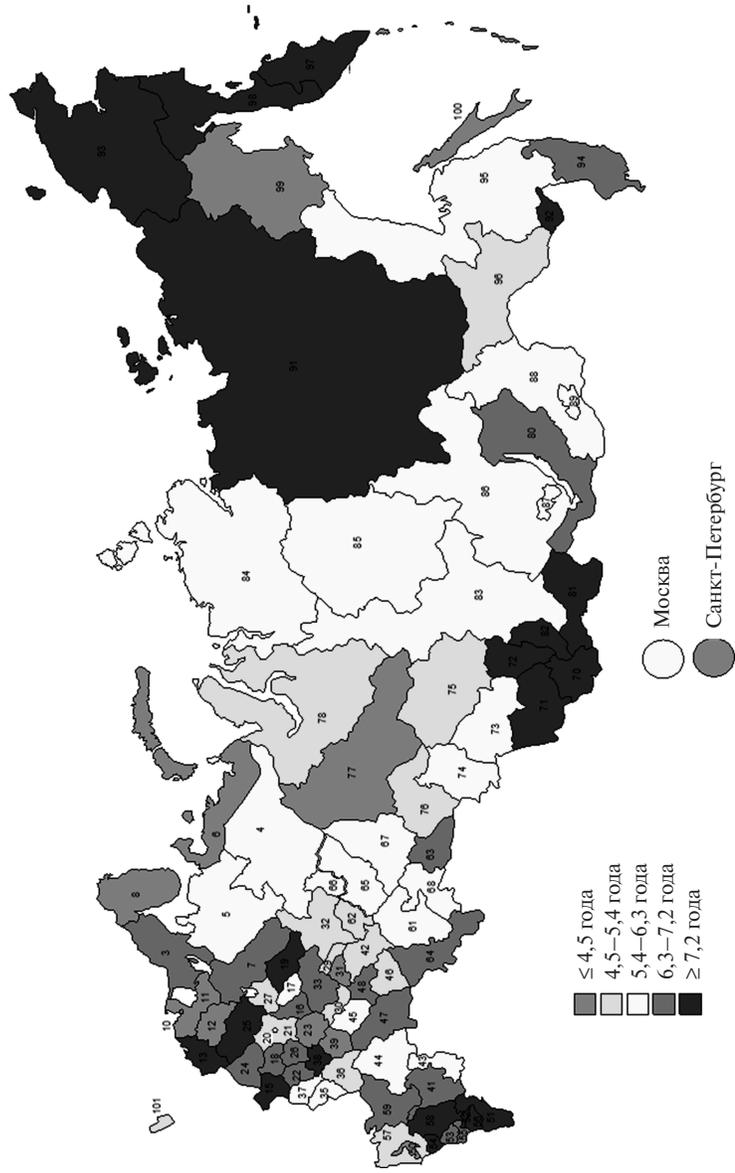

Рис. 9.17. Младенческая смертность в России в 2016 г., на 1000 живорождений

Источники: Данные Росстата; расчеты авторов.

смертности. В подавляющем большинстве регионов (57) зафиксировано уменьшение младенческой смертности. Максимальным оно было в Республике Адыгея (на 3,4‰), Республике Тыва (на 3,3‰) и Ненецком автономном округе (на 2,8‰). В пяти регионах коэффициент младенческой смертности остался без изменений, а в 22 субъектах РФ уровень смертности детей до одного года вырос. Наибольший рост был в Курской области, Республике Карелия, Пензенской области (по 1,1‰) и Еврейской автономной области (на 2,5‰). При этом в предыдущем 2015 г. Пензенская область входила в число регионов с уровнем младенческой смертности ниже среднего по стране. Минимальные показатели младенческой смертности в 2016 г. зафиксированы в Ненецком автономном округе (2,5 на 1000 родившихся живыми), Чувашской Республике (3,2), Магаданской (3,5), Сахалинской (3,7) и Тамбовской (3,8) областях (рис. 9.17). Заметим, что Чувашская Республика постепенно становится регионом со стабильно наименьшим уровнем младенческой смертности, отодвинув с этого места Санкт-Петербург. Уровень младенческой смертности в регионах с минимальными ее показателями примерно равен коэффициенту младенческой смертности для 28 стран Европейского союза — 3,6‰ в 2015 г.

К регионам с максимальными показателями младенческой смертности в 2016 г. относятся Республика Тыва (11,2‰), Еврейская автономная область (15,7‰) и Чукотский автономный округ (16,1‰).

9.5.4. Структура младенческой смертности по причинам смерти: историческое противостояние причин эндогенной и экзогенной этиологии и проблемы интерпретации статистических данных

Вклад в изменение уровня младенческой смертности в России на протяжении последних пяти десятилетий вносили различные причины смерти, сила влияния которых также менялось с течением времени. Если с середины 1960-х и до начала 1980-х годов динамика младенческой смертности в России находилась под влиянием по большей части экзогенных причин смерти (в 1964, 1970 и 1980 гг. болезни органов дыхания, органов пищеварения, инфекционные болезни определяли около или даже выше 50% всех

смертей в возрасте до одного года), то в последние десятилетия все возрастающая доля смертей стала приходиться на другие, по преимуществу эндогенные причины смерти, и именно они сейчас вносят наибольший вклад в изменение младенческой смертности в стране (табл. 9.6).

Лидирующее место среди причин смерти детей в возрасте до одного года в современной России продолжают занимать два класса причин смерти: «отдельные состояния, возникающие в перинатальный период» и «врожденные аномалии (пороки развития) деформации и хромосомные нарушения» (далее — врожденные аномалии). Суммарно на их долю приходится примерно $\frac{3}{4}$ всех умерших в младенческий период детей. На третьем месте с 2014 г. находятся внешние причины смерти, далее следуют болезни органов дыхания.

По сравнению с другими развитыми странами в России до сих пор остается довольно высоким уровень и относительный вклад инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов дыхания и внешних причин.

В последние годы в России постепенно увеличиваются доля и уровень смертности от новообразований. И хотя вклад этой причины пока минимальный, на это следует обратить внимание. В 2016 г. смертность от новообразований для детей до одного года составила 0,6 на 10 тыс. родившихся живыми и превысила смертность от болезней органов пищеварения.

Также заметна в последние годы тенденция роста вклада умерших от такой группы, как «другие причины смерти».

Как и в России, в развитых странах в структуре младенческой смертности по причинам преобладают два класса причин смерти эндогенного характера — отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде, и врожденные аномалии (табл. 9.7). В большинстве рассматриваемых стран на долю этих причин приходится более $\frac{4}{5}$ всех младенческих смертей. В России в последние годы эта доля лишь немного уступает развитым странам. Так, в 2015 г. среди стран, представленных в табл. 9.7, минимальная доля смертей от этих причин зафиксирована в Румынии, стране с самым высоким уровнем младенческой смертности. При этом в Румынии самая большая доля умерших детей в возрасте до одного года от болезней органов дыхания. Возможно, такое отличие связано со спе-

Таблица 9.7. Доля различных причин смерти в общем числе умерших детей в возрасте до одного года в некоторых странах в 2015 г. и в России в 2016 г., %

Страна	Доля различных причин смерти в общем числе умерших детей в возрасте до одного года в некоторых странах в 2015 г. и в России в 2016 г., %													
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Австрия	1,5	0,7	1,9	3,7	1,5	0,4	0,0	34,2	50,2	5,2	0,4	0,4	3,1	
Бельгия**	1,2	0,7	1,4	4,5	2,4	1,2	0,2	23,6	51,5	9,5	3,1	0,7	3,4	
Болгария**	3,3	1,4	0,0	2,5	5,2	10,6	1,5	19,0	50,7	2,7	2,9	0,2	7,6	
Великобритания	1,5	0,6	1,5	3,1	1,2	1,6	0,5	26,1	53,2	7,8	2,3	0,7	3,9	
Венгрия	1,3	1,5	1,1	2,2	0,7	2,2	0,0	21,6	61,5	4,6	2,6	0,7	5,0	
Германия	1,2	0,8	1,5	2,3	1,1	0,6	0,3	26,4	52,2	10,9	1,9	0,7	3,3	
Дания	0,5	0,0	0,5	1,4	1,4	0,5	0,0	20,2	52,8	21,1	0,9	0,9	3,7	
Испания	1,5	1,0	1,9	3,9	1,6	1,7	0,6	22,7	57,0	5,4	1,9	0,8	2,7	
Италия**	1,4	0,9	1,3	2,4	3,8	1,6	1,5	24,1	56,9	3,3	1,0	1,9	3,1	
Казахстан	4,2	0,6	0,1	1,9	2,2	6,9	1,3	21,1	53,3	3,0	5,2	0,3	9,4	
Киргизия	3,4	0,1	0,2	1,3	0,0	8,9	0,3	7,4	75,5	0,8	1,9	0,3	18,0	
Молдавия	6,1	1,1	0,0	1,3	0,8	10,9	0,3	25,3	46,9	2,4	4,5	0,3	9,7	
Нидерланды	1,1	1,1	2,0	2,1	1,8	1,1	0,2	25,8	59,4	2,7	2,7	0,2	3,3	

Окончание табл. 9.7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Польша	0,7	1,0	0,6	0,9	0,4	2,4	0,1	34,9	52,8	4,3	1,9	0,1	4,0
Россия	3,8	0,9	0,6	3,4	1,1	4,7	0,6	22,3	52,0	4,4	5,4	0,7	6,0
Румыния	2,5	0,5	0,5	2,1	1,1	24,4	2,5	23,6	36,5	2,2	3,7	0,4	7,6
США	2,4	0,4	0,8	1,4	1,8	2,3	0,8	20,6	49,5	12,0	7,1	0,9	5,9
Украина	2,9	1,2	0,8	3,3	1,4	3,7	0,3	52,1	24,5	3,0	5,8	1,0	8,1
Финляндия	0,0	0,0	2,1	5,2	1,0	0,0	0,0	31,3	51,0	9,4	0,0	0,0	1,7
Франция**	0,8	0,8	2,1	3,7	1,3	0,7	0,2	20,7	53,3	13,6	2,3	0,5	3,3
Чехия	2,2	2,6	1,8	2,2	1,5	1,8	1,1	19,5	54,4	9,2	3,3	0,4	2,5
Швейцария**	0,9	0,6	1,5	2,4	0,0	1,8	0,3	32,3	53,8	3,9	1,2	1,2	3,9
Швеция	0,4	1,1	2,5	2,5	0,7	2,5	0,7	19,5	50,4	17,4	2,1	0,4	2,5
Япония	2,6	1,8	0,4	2,0	3,0	5,0	2,7	37,3	25,4	12,9	6,0	0,8	1,9

* 2016 г.

** 2014 г.

циффикой кодирования причин смерти. Остается довольно высокой и доля умерших от болезней органов дыхания в Молдавии и Болгарии. Обращает на себя внимание также Украина, где в отличие от других стран первое место в структуре причин смерти принадлежит врожденным аномалиям, а не причинам перинатальной смерти. И здесь, скорее всего, причина в специфике установления причины смерти и соответственно ее кодирования.

В части стран не снижается и доля умерших от такого класса причин смерти, как «симптомы и неточно обозначенные состояния». В этот класс чаще всего включаются умершие, причины смерти которых не были отнесены к другим классам. Часто такой высокий уровень смертности от этих причин связывают с качеством кодирования причин смерти в стране. Удивление вызывает высокая доля умерших младенцев от этого класса причин смерти в таких странах, как Швеция, Япония, Франция, Бельгия, Финляндия, Германия, США, в которых довольно высокий уровень как развития медицины и медицинских технологий, так и качества учета смертей.

9.6. Новые данные о здоровье, смертности и продолжительности жизни населения России, полученные на основе результатов микропереписи населения 2015 г.

9.6.1. Заболеваемость и инвалидность по данным микропереписи 2015 г.: региональное неравенство большое и усиливается для старших возрастных групп

Микроперепись населения России, проведенная в 2015 г. (МПН-2015), дает представление о распространенности хронических заболеваний и инвалидности не только в России в целом, но и на определенных территориях — субъектах РФ. Ответы на вопросы об инвалидности, хронической заболеваемости и потребности в уходе, содержащиеся в программе МПН-2015, хотя и косвенно, характеризуют здоровье населения и рассматриваются далее как его показатели. Задача данного раздела — на основе данных МПН-2015 охарактеризовать здоровье населения в 2015 г. как

в России в целом, так и в субъектах РФ с учетом половозрастных характеристик.

Все показатели в разрезе субъектов РФ¹⁴ рассчитаны совместно для городского и сельского населения. Показатель потребности в уходе не использовался в региональном анализе, поскольку представлен незначительным количеством ответивших на данный вопрос в субъектах РФ.

На рис. 9.18 демонстрируется распространенность инвалидности, хронических заболеваний и потребности в уходе для обоих полов по результатам опроса. Показатели рассчитаны авторами как отношение числа указавших на ту или иную проблему со здоровьем к общему числу респондентов, опрошенных в определенном возрасте.

Рис. 9.18. Доли указавших на наличие диагностированных хронических заболеваний, инвалидности или имеющих потребность в уходе по возрасту, Россия, МПН-2015

¹⁴ Город Севастополь не участвовал в анализе ввиду небольшого количества респондентов (невозможно разбиение по дробным половозрастным группам).

Рисунок 9.19 представляет результаты расчета показателей для мужчин и женщин в отдельности при использовании информации об их величине в регионах РФ (вертикальные линии у каждой точки показывают регионы с наибольшей и наименьшей распространенностью соответствующей проблемы со здоровьем).

Результаты говорят о существенном региональном неравенстве по выделенным показателям, которое увеличивается с возрастом, и указывают на наличие регионов-аутсайдеров, принимая во внимание значения половозрастных показателей в них, это, в частности, республики Алтай и Ингушетия (см. рис. 9.19).

На рис. 9.20 приведены значения распространенности инвалидности и заболеваемости в трудоспособных возрастах — от 20 до 54 лет. При этом для сопоставимости использованы средневзвешенные значения (веса — выборочные доли пятилетних возрастных групп в общем числе респондентов 20—54 лет по России в целом).

Регионами-аутсайдерами по заболеваемости среди мужчин в трудоспособных возрастах стали Республика Тыва, Кировская область, Карачаево-Черкесия и Алтайский край со значениями от 11,3% в Тыве (на 60% выше среднероссийского) до 15% в Алтайском крае (в 2 раза выше среднероссийского). Среди женщин в возрастах 20—54 лет аутсайдерами стали Чеченская Республика, республики Тыва, Карачаево-Черкесия и Алтайский край со значениями от 11% (на 70% выше среднероссийского) в Чечне до 13,2% в Республике Алтай (в 2 раза выше). По инвалидности мужчин наиболее отстающими регионами стали республики Алтай, Тыва, Карачаево-Черкесия и Алтайский край со значениями от 7% в Республике Алтай (в 2 раза выше среднероссийского) до 9% в Карачаево-Черкесии (в 2,5 раза выше). Инвалидность женщин оказалась существенно выше в республиках Дагестан, Карачаево-Черкесия, Ингушетия и Чечня со значениями от 6,5% в Республике Дагестан (в 2,9 раза выше среднероссийского значения) до 9,4% в Чеченской Республике (в 3,9 раза выше).

Интересно, что по инвалидности женщин в четверке отстающих оказались только южные регионы. Этот факт требует объяснения в дальнейших исследованиях. Интерпретация осложняется тем, что мы не можем быть до конца уверены в надежности полученных ответов при опросах в разных регионах. Рисунок 9.19 дает лишь некоторое косвенное представление об их вариации.

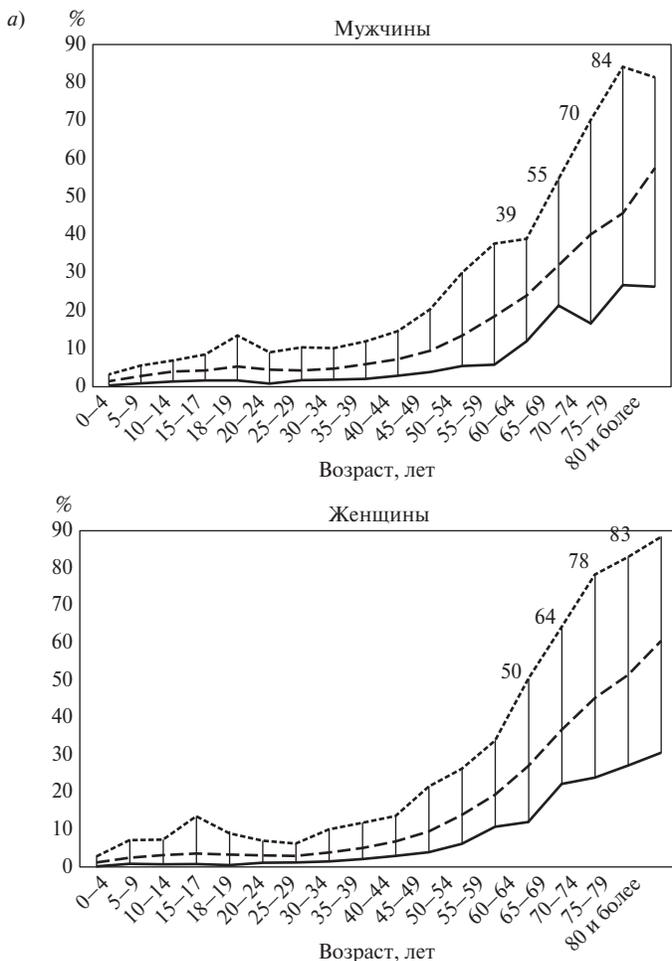

Рис. 9.19.

Доли указавших на наличие диагностированных хронических заболеваний (а) и установленной инвалидности (б) к общему числу опрошенных лиц указанного возраста в России и регионах с максимальными и минимальными значениями, МПН-2015

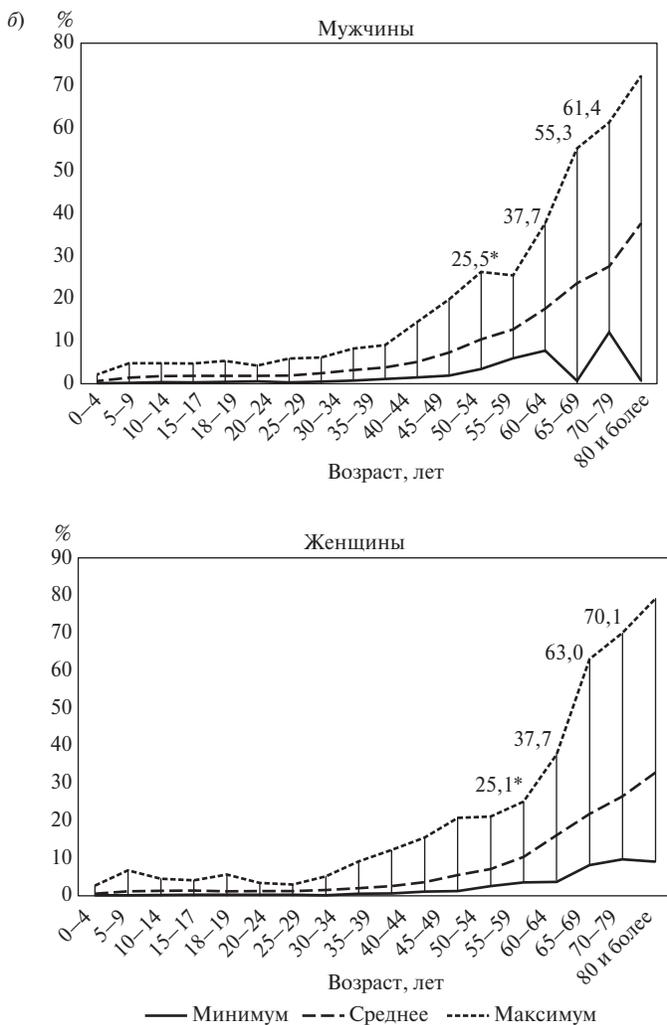

Рис. 9.19. (Окончание)

* Значения для Республики Ингушетия.

Примечание. В детских возрастах (до 19 лет) встречались нулевые значения указавших на проблему со здоровьем, в связи с чем доли в соответствующих ячейках были заменены средними по группе от 0 до 19.

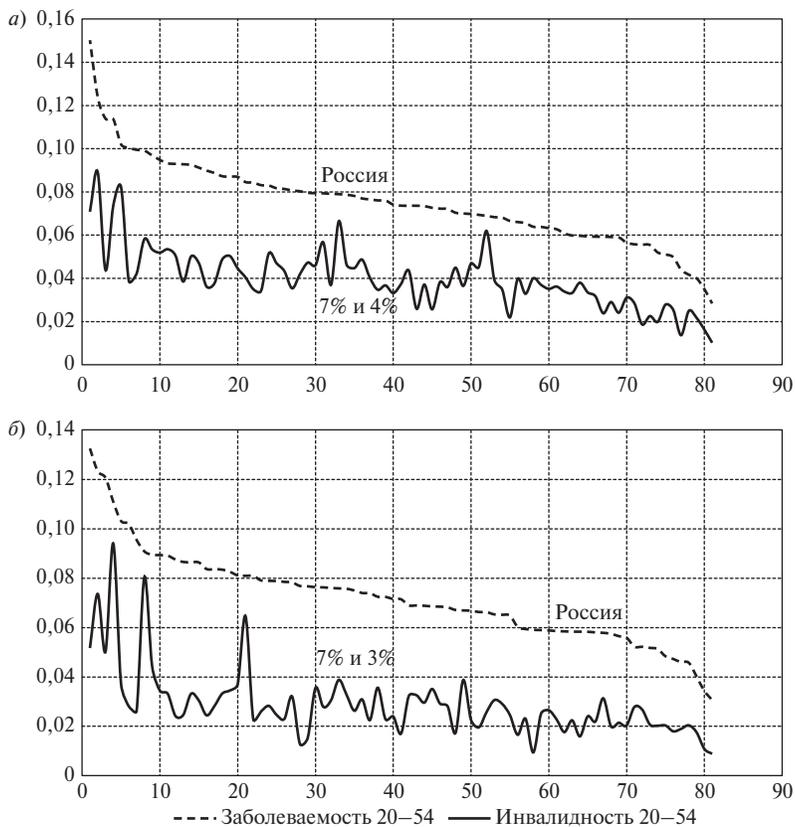

Рис. 9.20. Средневзвешенные значения распространенности инвалидности и заболеваемости в субъектах РФ в возрастной группе 20–54 лет для мужчин (а) и женщин (б), МПН-2015

Примечание. По оси x — порядковый номер субъекта РФ согласно приложению 3.

9.6.2. Ожидаемая продолжительность жизни и уровень образования: преимущество высшего образования растёт, различия между образовательными группами усиливаются

Уже длительное время внимание исследователей многих стран привлекает проблема неравенства в смертности между различными социальными группами населения¹⁵. В частности, наиболее разработанным направлением в этой области является изучение различий смертности по уровню образования благодаря тому, что необходимые данные для проведения такого анализа доступны во многих странах. Исследования показали, что люди с более низким уровнем образования обычно имеют значительно более высокие показатели смертности и более низкую продолжительность жизни, чем люди с более высоким уровнем образования¹⁶.

К сожалению, возможности российской демографической статистики для такого рода исследований весьма ограничены. Так, исследование, проведенное в России почти 20 лет назад, показало, что различия смертности по уровню образования у нас не ниже, а скорее выше, чем в западных странах, причем максимум различий приходится на возраста от 25 до 50 лет¹⁷.

Также исследование дифференциации смертности мужчин, выполненное на основе анализа данных, полученных в результате эпидемиологического обследования (Lipid Research Clinics) по Москве и Санкт-Петербургу (период наблюдения 1975—1997 гг.)

¹⁵ Commission on social determinants of health. Closing the gap in a generation. Health equity through the social determinants of health, World Health Organization, Geneva, 2008; *Mackenbach J.P.* Health inequalities. Europe in profile, Department of Health. L., 2006.

¹⁶ *Kohler I.V., Martikainen P., Smith K.P., Elo T.* Educational differences in all-cause mortality by marital status — evidence from Bulgaria, Finland and the United States // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. Art. 60. P. 2011—2042; *Mackenbach J.P., Menielle G., Jasilionis D., De Gelder R.* Measuring educational inequalities in mortality. Statistics directorate OECD. STD/DOC. 8. 2 November, 2015. P. 5.

¹⁷ Неравенство и смертность в России / под ред. В.М. Школьников, Е.М. Андреева, Т.М. Малеевой. М.: Сигналь, 2000; *Shkolnikov V.M., Leon D.A., Adamets S., Andreev E., Deev A.* Educational level and adult mortality in Russia: An analysis of routine data 1979 to 1994 // *Social Science & Medicine*. 1998. No. 47 (3). P. 357—369.

и аналогичных данных на основе регистров населения (когорты мужчин, родившихся в 1916—1935 гг. и проживавших в Хельсинки (1976—1995 гг.) и Осло (1975—1991 гг.)), показало, что межгрупповые различия в смертности мужчин российских городов намного выше, чем в двух других городах¹⁸.

Учитывая важность проблемы, мы провели анализ новых доступных данных, позволяющих проследить последние тенденции неравенства смертности в зависимости от уровня образования в России. Анализ основан на данных государственной статистики о распределении населения и умерших по уровню образования и возрасту. В частности, использовались данные об умерших за 1979 и 1989 гг., которые содержатся в таблицах годового отчета органов статистики о естественном движении населения, и за 1998 и 2015 гг., полученные путем дополнительной разработки анонимных микроданных об умерших, собранных Росстатом. Конечно, в нашем анализе сочетаются никак не связанные данные о живущих, полученные из переписей, и об умерших, полученные из ежегодной статистики смертности, и потому нет уверенности, что человек при переписи указал тот же уровень образования, который будет установлен при регистрации его смерти¹⁹. Но, несмотря на это, мы сочли возможным, используя определенные методические подходы и корректирующие расчеты, провести анализ на доступных данных²⁰. Мы исходили из того, что масштаб расхождений во всех четырех случаях сопоставим и даже по неточным данным можно судить о динамике процесса.

¹⁸ *Shkolnikov V.M., Deev A.D., Kravdal Ø., Valkonen T.* Educational differentials in male mortality in Russia and northern Europe. A comparison of an epidemiological cohort from Moscow and St. Petersburg with the male populations of Helsinki and Oslo // *Demographic Research*. 2004. Vol. 10. Art. 1.

¹⁹ *Vallin J.* Socio-economic determinates of mortality in industrialized countries // *Readings in Population Research Methodology*. 1979. Vol. 2. P. 9.57—9.71; *Shkolnikov V.M., Jasilionis D., Andreev E.M., Jdanov D.A., Stankūnienė V., Ambrozaitienė D.* Linked versus unlinked estimates of mortality and length of life by education and marital status: Evidence from the first record linkage study in Lithuania. *Social Science and Medicine*. 2007. No. 64 (7). P. 1392—1406.

²⁰ *Харькова Т.Л., Нукитина С.Ю., Андреев Е.М.* Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // *Вопросы статистики*. 2017. № 8. С. 61—69.

Оценки структуры населения по образовательному уровню в возрастных группах, полученные на основе данных МПН-2015, и данные регистрации смертей по уровню образования позволяют построить таблицы смертности (дожития) российских мужчин и женщин, дифференцированные по уровню образования, и сравнить их с показателями, полученными аналогичным образом ранее, в том числе на основе данных советских переписей населения 1979 и 1989 гг.

Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 30 лет с учетом уровня образования

В целом за период с 1979 по 2015 г. ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 30 лет (e_{30}) в России увеличилась практически одинаково у мужчин и женщин — соответственно на 2,2 и 2,3 года (табл. 9.8). При этом рост ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 30 лет отмечался только в группе с высшим образованием, тогда как в группе со средним и особенно в группе с образованием ниже среднего современные значения показателей e_{30} оказываются ниже, чем в начале рассматриваемого периода.

Таблица 9.8. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 30 лет (e_{30}) по группам образования в России, 1979, 1989, 1998 и 2015 гг., лет

Год	Всего	В том числе по уровню образования		
		Высшее	Среднее	Ниже среднего
<i>Мужчины</i>				
1979	35,7	41,3	36,2	34,5
1989	37,6	43,0	38,5	35,3
1998	35,0	43,7	34,9	31,2
2015	38,0	44,3	35,9	31,2
Изменение за 1979—2015 гг.	2,2	3,0	-0,4	-3,3
<i>Женщины</i>				
1979	45,6	47,9	46,2	45,2
1989	46,6	50,6	48,5	45,4
1998	45,4	48,3	46,9	42,4
2015	47,9	50,3	45,1	44,2
Изменение за 1979—2015 гг.	2,3	2,4	-1,0	-1,0

В то же время изменения смертности в течение более чем 35-летнего периода в группах с различным уровнем образования были разнонаправленными (рис. 9.21). У мужчин в группе с высшим образованием рост e_{30} отмечался постоянно, хотя темпы и не были одинаковыми.

Иначе складывалась картина в группах со средним образованием и ниже среднего. Если в 1989 г. по сравнению с 1979-м e_{30} у мужчин в данных группах увеличилась, причем рост в группе со средним образованием был почти в 3 раза выше, чем в группе с образованием ниже среднего, то снижение e_{30} в 1998 г. по сравнению с 1989-м было значительным шагом назад. В следующий период неравенство в смертности проявилось еще более, что подтверждается частичным восстановительным уровнем e_{30} у мужчин в группе со средним образованием в 2015 г. и практически стагнацией уровня показателя в группе с образованием ниже среднего. В результате в 2015 г. различия в e_{30} между группой с высшим образованием по сравнению с группой со средним образованием достигла 8,5 года, а с группой ниже среднего — 13,2 года, тогда как в 1979 г. эта разница составляла соответственно 5,0 и 6,8 года.

У женщин ситуация развивалась несколько иначе. В период 1979—1989 гг. во всех образовательных группах отмечался рост e_{30} , а в 1989—1998 гг. — снижение, однако темпы различались. В последний период с 1998 по 2015 г. наибольший рост e_{30} отмечался у женщин в целом, немного меньше — в группе с высшим образованием и далее — в группе с образованием ниже среднего. Напротив, в группе со средним образованием продолжилось снижение e_{30} . Также весьма интересный факт проявляется при сравнении e_{30} женщин в 2015 г. по отношению к 1989 г. Так, во всех образовательных группах уровень e_{30} 1989 г. не был достигнут в 2015 г., но в целом у женщин ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 30 лет в 2015 г. была выше, чем в 1989 г., на 1,3 года. Однако это может быть, с одной стороны, результатом изменений в распределении населения по группам образования, а с другой — вызвано неточностями сведений об образовании пожилых.

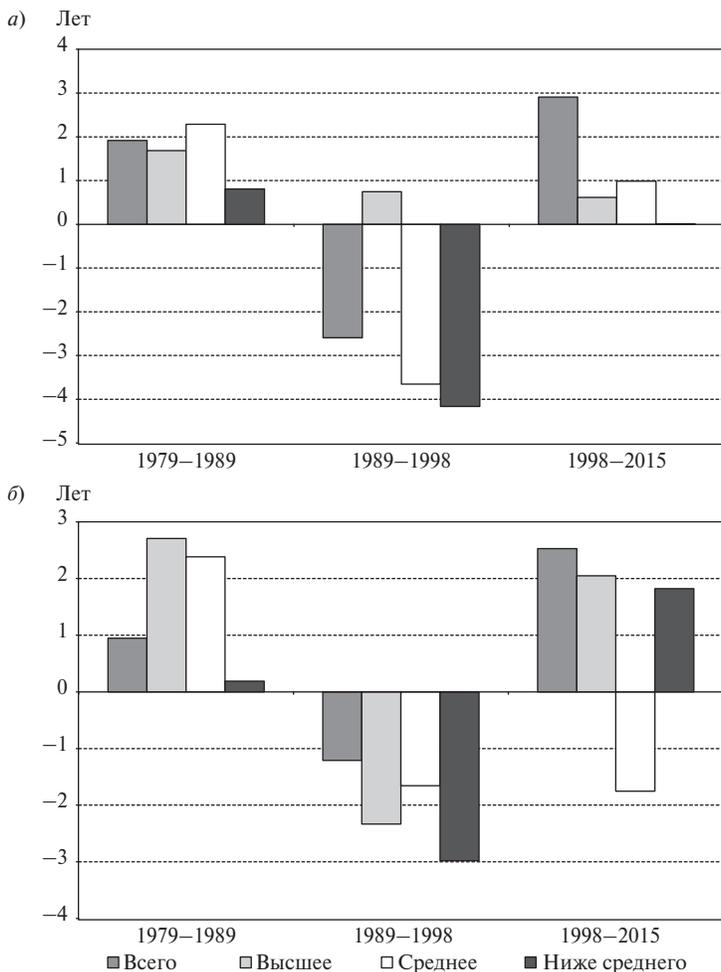

Рис. 9.21. Изменение ожидаемой продолжительности жизни мужчин (а) и женщин (б) в возрасте 30 лет (e_{30}) по группам образования, Россия, три периода с 1979 по 2015 г.

Ожидаемая продолжительность жизни в возрастном интервале 30—69 лет с учетом уровня образования

Динамика ожидаемой продолжительности жизни в возрастном интервале от 30 до 70 лет (e_{30-69}) в группах с разным уровнем образования неравномерна и несколько различается для мужчин и женщин (рис. 9.22).

Из потенциальных 40 лет жизни в указанном интервале мужчины с высшим образованием проживают 36,5 года, а женщины — 38,6 года, в то время как лица со средним образованием — соответственно 31,7 и 36,6 года, а лица с образованием ниже среднего — 26,8 и 33,1 года (все оценки на основе текущей регистрации смертей по уровню образования и образовательной структуры населения по МПН-2015). Таким образом, размах недоиспользования потенциала времени жизни между образовательными группами населения достигает почти 10 лет у мужчин и 5,5 года у женщин.

Если сравнить последние оценки, полученные для 2015 г., с оценками для 1979 и 1989 гг., то можно сделать вывод, что в настоящий момент продолжительность жизни лиц с высшим образованием ненамного, но все же выше, чем в советский период. А вот в отношении мужчин и женщин наиболее массовой образовательной группы — со средним образованием, увы, сказать этого нельзя. Но еще более катастрофически выглядит динамика e_{30-69} для лиц с образованием ниже среднего. Видимо, эта образовательная группа быстро маргинализируется за счет того, что в ней во все возрастающей степени концентрируются люди с крайне плохим уровнем здоровья, не позволяющим им получать даже базовое школьное образование.

Естественно, что среднероссийская величина e_{30-69} тяготеет к показателям для наиболее многочисленной группы населения со средним образованием. Однако в силу того что в последние пару десятилетий быстро росла доля россиян с высшим образованием, среднероссийские показатели смертности стали заметно сдвигаться в пользу более высоких величин, о чем свидетельствуют новейшие оценки, выполненные на базе данных об образовательном составе населения, полученном по результатам МПН-2015 (см. рис. 9.22).

Итак, при анализе тенденций смертности и продолжительности жизни всего населения необходимо учитывать не только долго- и краткосрочные изменения смертности в зависимости

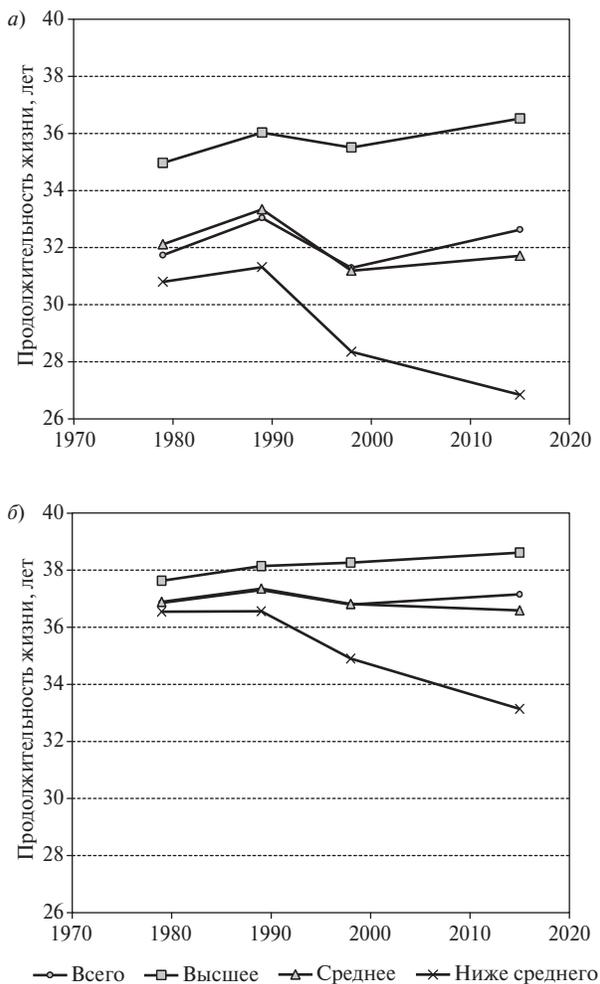

Рис. 9.22.

Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 30—69 лет (e_{30-69}) мужчин (а) и женщин (б) по группам образования, Россия, 1979—2015 гг.

от уровня образования, но и существенные сдвиги в составе населения по группам образования.

Используя пошаговый метод декомпозиции, мы попытались оценить вклад как изменений смертности в разных образовательных группах, так и самой образовательной структуры населения в e_{30-69} за период, который разделяет перепись населения 1979 г. и микроперепись 2015 г. Отрицательное влияние на e_{30-69} оказал рост смертности в более молодых возрастах в группах ниже среднего и среднего образования (30—44 лет у мужчин и 30—49 лет у женщин), а в более старших возрастах и у мужчин, и у женщин — рост смертности только в группе с образованием ниже среднего (рис. 9.23).

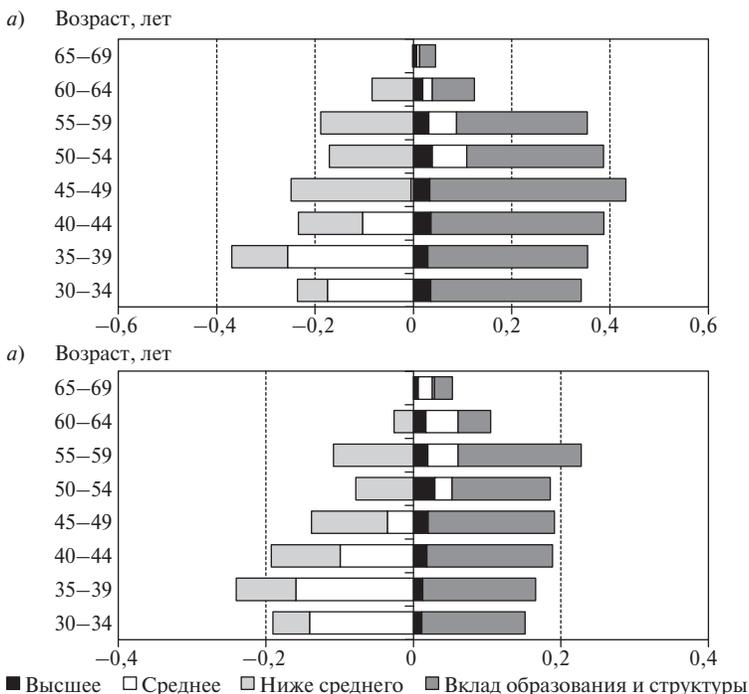

Рис. 9.23.

Декомпозиция изменения продолжительности жизни мужчин (а) и женщин (б) в возрастном интервале 30—69 лет по группам образования и возрасту за период с 1979 по 2015 г., лет

Расчеты показали, что в целом значение e_{30-69} для мужчин к 2015 г. выросло по сравнению с 1979 г. на 0,89 года, в том числе за счет изменения образовательной структуры — на 2,04 года, снижения смертности лиц с высшим образованием — на 0,23 года. Рост смертности в группах со средним и более низким образованием сократил e_{30-69} на 0,39 и 0,99 года соответственно.

В последний проанализированный период с 1998 по 2015 г. вклад образовательной структуры составил 1,03 года из 1,34 года общего прироста продолжительности жизни мужчин, а у женщин — 0,58 при общем росте 0,36 года. При этом вклад группы с образованием ниже среднего у мужчин и со средним и ниже среднего у женщин был отрицательным.

Смертность по причинам смерти с учетом уровня образования

Соотношение стандартизованных коэффициентов смертности (СКС) по всем причинам для наименее и наиболее образованных мужчин составляет 2,9 раза, для женщин — 2,8. Причем отношение СКС лиц со средним образованием и высшим даже больше (1,8 раза для обоих полов), чем с образованием ниже среднего и средним (1,6 раза для обоих полов).

СКС по причинам смерти показывают существенные различия в уровне смертности разных образовательных групп (табл. 9.9). СКС мужчин и женщин с низким уровнем образования не только выше, но они несут и основное бремя таких причин смерти, как инфекционные и паразитарные болезни (отношение СКС наименее и наиболее образованной группы составляет 17,9 раза у мужчин и 17 раз у женщин), болезни органов дыхания (5 раз и у мужчин, и у женщин) и внешние причины (5,3 раза у мужчин и 6,1 раза у женщин).

Наименьший разрыв в СКС между наиболее и наименее образованными группами населения наблюдается среди таких классов причин смерти, как новообразования, болезни мочеполовой системы, нервной системы и болезни системы кровообращения.

СКС от всех причин у мужчин с высшим образованием в 1,9 раза выше, чем у женщин с аналогичным уровнем образования, то же соотношение характерно для остальных образовательных групп. Если рассматривать отношение СКС мужчин и женщин

Таблица 9.9. Стандартизованные коэффициенты смертности для разных образовательных групп, на 100 тыс. населения соответствующего пола

Причины	Мужчины, образование			Отноше- ние 4=3/1	Женщины, образование			Отноше- ние 4=3/1
	Высшее	Среднее	Ниже среднего		Высшее	Среднее	Ниже среднего	
	1	2	3		1	2	3	
Все причины	766	1389	2194	2,9	395	697	1103	2,8
Болезни системы кровообращения	387	642	909	2,4	190	343	512	2,7
Новообразования	159	230	291	1,8	96	121	151	1,6
Внешние причины	70	186	371	5,3	17	44	105	6,1
Болезни органов пищеварения	38	83	142	3,7	17	45	86	5,0
Болезни органов дыхания	27	74	138	5,2	8	19	42	5,3
Болезни нервной системы	20	36	59	2,9	13	24	40	3,0
Болезни мочеполовой системы	8	12	17	2,2	4	7	13	3,3
Инфекционные и паразитарные болезни	5	37	89	17,9	2	15	40	17,0
Другие причины	59	102	172	2,9	42	74	125	3,0

Источник: Рассчитано авторами на основе неопубликованных данных Росстата и микропереписи 2015 г.

среди разных образовательных групп по причинам смерти, то оно варьируется в зависимости от класса причин смерти. Для наиболее образованной группы соотношение СКС между мужчинами и женщинами выше, чем для наименее образованной, особенно среди внешних причин смерти, болезней органов пищеварения и мочеполовой системы.

В итоге чем выше уровень образования, тем ниже вклад экзогенных причин смерти (внешние причины, инфекционные заболевания, болезни органов дыхания и пищеварения) в структуре стандартизованного коэффициента смертности. Для лиц с высшим образованием доля этих причин составила в 2015 г. 18,3%, и она возрастает по мере снижения уровня образования: для лиц со средним образованием доля составила 27,3%, с образованием ниже среднего — 33,6%.

10. Международная миграция населения: регулярное наблюдение и результаты микрореписи населения 2015 г.

10.1. Фиксируемые статистикой миграционные потоки стабилизировались

После того как в 2013 г. была введена, а в 2014 г. окончательно отлажена система автоматизированного учета мигрантов, пересекающих государственную границу, миграционный баланс, согласно данным Росстата, практически стабилизировался (табл. 10.1). Миграционные потоки в этот период варьировались незначительно. Стоит обратить внимание лишь на заметный рост числа выбывших в страны СНГ в кризисном 2015 г.

Таблица 10.1. Международные миграционные связи России, 2012—2016 гг., тыс. человек

Год	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
		<i>Всего</i>	
2013	482,3	186,4	295,9
2014	578,5	308,4	270,1
2015	598,6	353,2	245,4
2016	575,2	313,2	262,0
		<i>Страны СНГ</i>	
2013	422,7	147,9	274,8
2014	517,5	257,3	260,2
2015	536,1	298,8	237,3
2016	511,8	256,5	255,3
		<i>Другие страны</i>	
2013	59,5	38,5	21,0
2014	61,0	51,1	9,9
2015	62,5	54,4	8,1
2016	63,4	56,7	6,7

Источник: Росстат.

Что касается стран, не входящих в СНГ, то и здесь мы видим стабилизацию миграционного баланса после введения антироссийских санкций. Противоположные потоки стали почти симметричными: число выбывших быстро подтянулось к числу прибывших, а миграционный прирост за счет этих стран откатился к уровню 2010 г., составив лишь 6,7 тыс. человек (рис. 10.1).

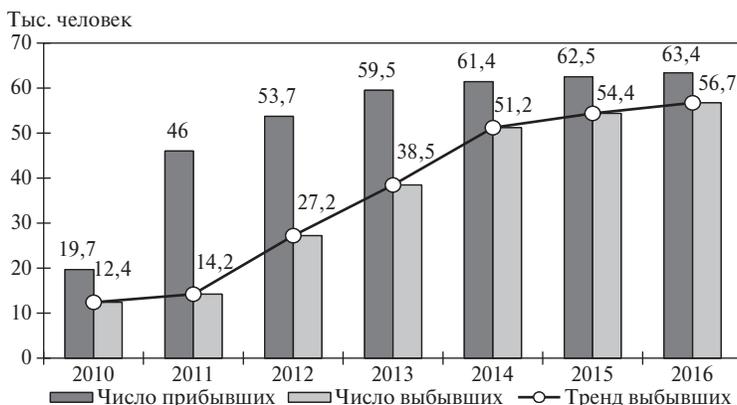

Рис. 10.1. Миграционный обмен России с зарубежными странами, кроме стран СНГ, 2010—2016 гг.

Источник: Росстат.

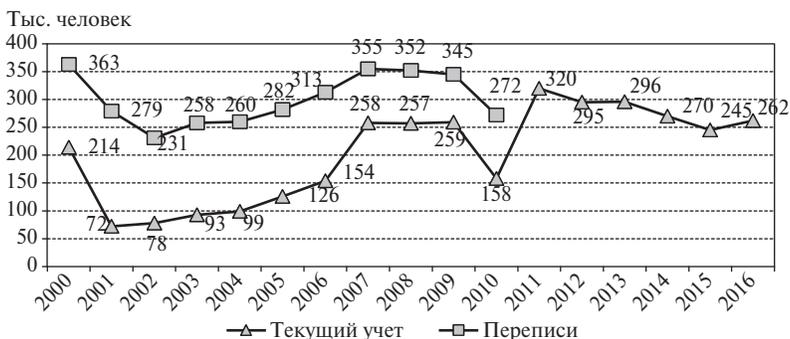

Рис. 10.2. Чистая миграция (нетто-миграция) по данным текущего учета и по оценке, основанной на данных всероссийских переписей населения, 2000—2016 гг.

Источник: Росстат.

В 2016 г., возможно, закончился нисходящий тренд нетто-миграции, продолжающийся с 2011 г., обозначилась тенденция к росту показателя, пока довольно слабая (рис. 10.2).

10.2. МВД России учитывает прибывающих полнее по сравнению с Росстатом. Основные доноры мигрантов для России — Украина, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан

Согласно данным Главного управления по вопросам миграции МВД России (ГУВМ МВД России), полученным на основе автоматизированного пограничного учета, в России в 2016 г. было поставлено на миграционный учет 14 337 тыс. человек, из них 10 772 тыс. прибывших из СНГ и 3565 тыс. прибывших из других стран. Данные о количестве зарегистрированных по месту жительства, на которых базируется статистический учет, довольно близки к данным Росстата, но структурно не совпадают (табл. 10.2).

Таблица 10.2. Мигранты, зарегистрированные по месту жительства, по данным МВД России и Росстата, 2016 г., тыс. человек (%)

	ГУВМ МВД России	Росстат
Всего	622,8 (100)	575,2 (100)
В том числе:		
из СНГ	585,3 (94,0)	511,8 (89,0)
из других стран	37,5 (6,0)	63,4 (11,0)

Источники: ГУВМ МВД РФ, Росстат.

Как видим, мигрантов из других стран Росстат учитывает значительно полнее, тогда как в отношении учета прибывших из СНГ преимущество у МВД России. Как бы то ни было, через учет Росстата проходит лишь 5,3% общего потока мигрантов, прибывших из СНГ.

Мигранты из СНГ чаще всего едут в Россию работать. Заявивших об этом прямо в 2016 г. было почти 4 млн человек из 6,2 млн поставленных на миграционный учет впервые, т.е. $\frac{2}{3}$. Немало мигрантов, едущих в поисках работы, скрывается и среди

декларирующих частные цели, — 1,7 млн человек (26,8% потока). На учебу в Россию из СНГ приехало всего 233,1 тыс. человек (3,7%), и еще меньше (200,1 тыс., или 3,1%) отметили в качестве цели въезда туризм. Это на порядок меньше по сравнению с приехавшими из других стран. Например, учебный поток из Казахстана более чем в 3 раза перекрыл туристический поток и был при-

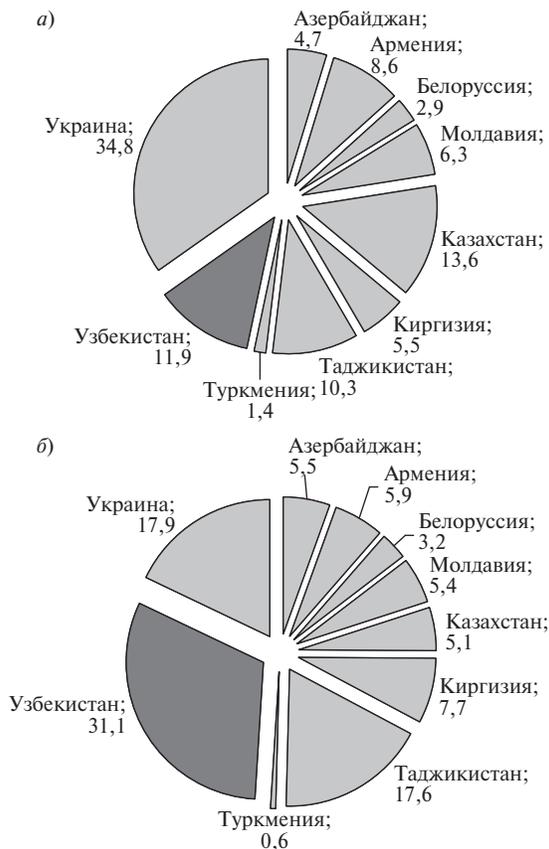

Рис. 10.3. Структура прибывших в Россию по странам въезда, по данным Росстата (а) и ГУВМ МВД России (б), 2016 г., %

Источники: Росстат, ГУВМ МВД России.

мерно равен трудовому потоку. Вероятно, вытолкнул выпускников в Россию переход на латиницу в этой стране.

Структуры мигрантов по странам исхода в соответствии с данными Росстата и МВД России в 2016 г. разошлись больше, чем раньше (рис. 10.3). Среди зарегистрированных по месту жительства Росстатом лидирует Украина (более трети), тогда как в общем потоке ее доля в 2 раза меньше. Здесь лидеры — Узбекистан и Таджикистан, чья доля в регистрации по месту жительства сильно уступает их доле в общем потоке. Довольно неожиданно на второе место в регистрации по месту жительства вышел Казахстан, опередив и Узбекистан, и Таджикистан, в то время как в суммарном потоке его роль весьма скромна.

В 2016 г. обозначились признаки выхода России из экономического спада. Маркируют этот процесс восстановившиеся прежние объемы потоки мигрантов из Таджикистана и Узбекистана — одних из главных доноров России (табл. 10.3). Особенно впечатляет возобновление притока населения из Узбекистана на фоне аналогичных по объему потерь в 2015 г.

Сохранили свою функцию главных миграционных доноров России Украина и Казахстан. За два года (2015, 2016) Украина по-

Таблица 10.3. Миграционный прирост России в обмене со странами СНГ, 2015 и 2016 гг.

	Тыс. человек		%	
	2015	2016	2015	2016
СНГ, всего	237,4	255,3	100,0	100,0
В том числе:				
Азербайджан	10,6	10,4	4,4	4,1
Армения	20,6	12,0	8,7	4,7
Белоруссия	4,9	2,1	2,1	0,8
Казахстан	34,9	37,1	14,6	14,6
Киргизия	9,9	11,0	4,2	4,3
Молдавия	17,4	14,4	7,3	5,6
Таджикистан	11,3	27,3	4,8	10,7
Туркменистан	2,3	2,4	1,0	0,9
Узбекистан	-20,7	19,7	-8,7	7,7
Украина	146,2	118,8	61,6	46,6

Источник: Росстат. Численность и миграция населения, табл. 2.6.

полнила население России на 265 тыс. человек, обеспечив основную часть ее миграционного прироста.

10.3. Трудовая миграция в Россию продолжает сокращаться

Объемы временной миграции в Россию после резкого сокращения в 2015 г. не только не вышли на докризисный уровень, но даже уменьшились еще на 5—7%. Количество иностранцев, пребывавших с различными целями на территории России в течение 2016 г., колебалось вокруг отметки в 10 млн человек (максимум наблюдался в конце сентября — 10,4 млн, минимум — в конце декабря — 9,6 млн). Однако в отличие от предыдущего 2015 г. в 2016 г. вновь проявилась сезонность пребывания иностранцев, т.е. рост их численности летом и падение к концу года.

Численность группы, статистически определенной как «трудо-вые мигранты» (т.е. иностранцы, кто при въезде в Россию указал в миграционной карте цель «работа по найму»), менялась в 2016 г. от 3,6 млн до 4 млн человек (в 2015 г. показатель колебался в пределах от 3,7 млн до 4,1 млн). Подавляющее большинство мигрантов данной категории (около 96%) были выходцами из стран СНГ, из дальнего зарубежья число пребывавших с трудовыми целями мигрантов не превышало 150—170 тыс. Пятерка стран-лидеров из числа доноров трудовой миграции в Россию выглядит следующим образом, % мигрантов: Узбекистан — около 36, Таджикистан — 19, Киргизия — 10, Украина — 9, Армения — 7. Из стран дальнего зарубежья в лидерах — Китай, КНДР и Вьетнам.

Далеко не все из тех, кто указывал при въезде в Российскую Федерацию цель «работа», оформляли затем разрешительные документы для трудоустройства. Число оформленных патентов и разрешений на работу (РНР) по сравнению с 2015 г. вновь уменьшилось, хотя и не так резко, как в прошлом году (рис. 10.4).

В 2016 г. снизилось не только общее число оформленных разрешений на работу, но в том числе и выданных разрешений для квалифицированных и высококвалифицированных специалистов (табл. 10.4). России так и не удалось достичь сколько-нибудь значимых объемов в привлечении мигрантов с квалификацией.

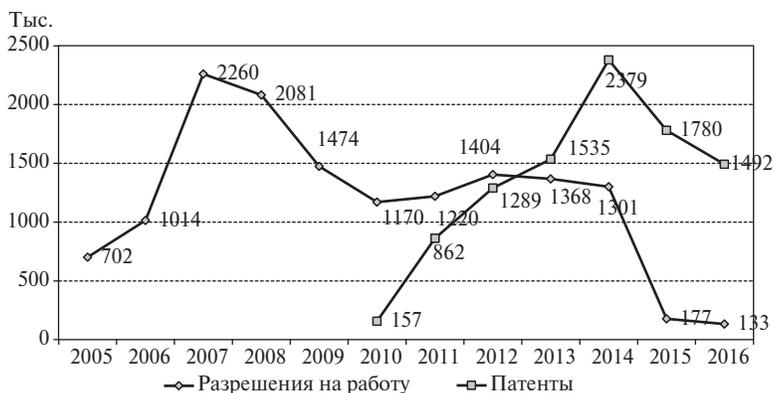

Рис. 10.4. Число оформленных разрешений на работу и патентов, 2005—2016 гг.

Источник: Данные ФМС России и ГУВМ МВД России.

Таблица 10.4. Число оформленных разрешений на работу для квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, 2011—2016 гг., тыс.

Год	Число оформленных разрешений для специалистов	
	квалифицированных	высококвалифицированных
2011	43,6	11,3
2012	44,0	11,8
2013	129,4	26,3
2014	158,6	34,2
2015	22,1	41,8
2016	14,2	25,5

Источник: Данные ФМС России и ГУВМ МВД России.

На конец 2016 г. число действительных документов (разрешений на работу и патентов), находившихся на руках у трудовых мигрантов, составило 1,58 млн. Еще около 850 тыс. мигрантов, пребывавших в это время на территории России с целью «работа по найму», были выходцами из стран ЕАЭС (Казахстана, Белоруссии, Армении, Киргизии), граждане которых имеют право работать в России без оформления разрешительных документов. Таким образом, только 2,4 млн из находившихся в Российской Федерации

в это время 3,6 млн трудовых мигрантов имели потенциальную возможность трудоустроиться официально. Оставшиеся 1,2 млн вместе с еще как минимум миллионом тех, кто въехал в Россию с иной целью (частной, например) и, следовательно, в принципе не мог оформить официальное трудоустройство¹, совершенно точно работали «в тени». Наличие столь большого контингента мигрантов, сознательно выбирающих теневую занятость, объясняется как сохранением высокой цены за оформление разрешительных документов на фоне почти не растущих мигрантских зарплат, так и отсутствием явного «бонуса» за оформление мигрантов, например, в виде получения ими долгосрочного статуса в Российской Федерации или встречного стремления работодателей легализовать работников, имеющих на руках разрешительные документы.

Подавляющее большинство патентов оформляли граждане Узбекистана и Таджикистана (рис. 10.5) — на их долю пришлось 82% всех патентов, выданных мигрантам за 2016 г. (в 2015 г. — 77%). При этом граждане Украины получили только 11% патентов (в 2015 г. — 12%), хотя общая численность граждан этой страны на территории России близка к суммарной численности граждан Узбекистана и Таджикистана. Еще больше снизилась доля выходцев из Молдавии, использующих патент как инструмент легализации, — с 6% в 2015 г. до 4% в 2016-м.

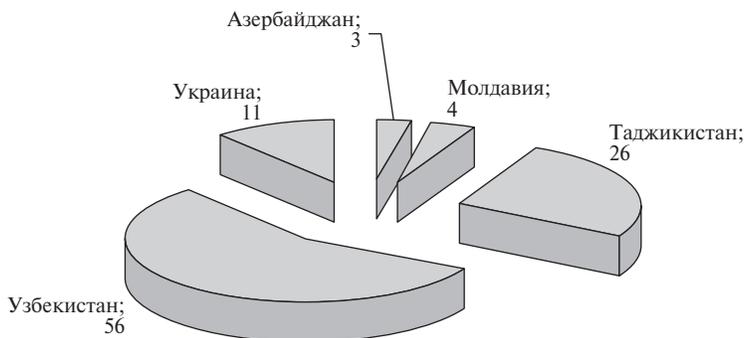

Рис. 10.5. Получение патентов гражданами стран СНГ, 2016 г., %

Источник: Данные ГУВМ МВД России.

¹ С 2014 г. российское законодательство запрещает оформлять разрешения на работу и патенты тем, кто при въезде не указал цель «работа по найму».

Таким образом, основной вклад в региональные бюджеты в виде ежемесячных платежей за патенты (44,9 млрд руб. в 2016 г., 33,3 млрд — в 2015-м) вносят именно выходцы из Узбекистана и Таджикистана.

Как мы уже писали в докладе за 2015 г., после 2014 г. отраслевая статистика занятости трудовых мигрантов не собирается и не публикуется. Поэтому говорить об изменениях в этой сфере возможно только на основании каких-либо выборочных социологических опросов. Так, крупномасштабный опрос трудовых мигрантов, проведенный НИУ ВШЭ в начале 2017 г. (8577 респондентов в 19 регионах), подтвердил отмечавшееся нами еще в прошлом году снижение занятости мигрантов в строительстве (до 16%) и рост занятости в сфере услуг (доля выросла до 15%). На первом месте продолжают оставаться розничная и оптовая торговля и ремонт (треть занятых мигрантов).

Территориальное распределение трудовых мигрантов практически не изменилось с прошлого года. По-прежнему почти половину из них (46%) привлекает Центральный федеральный округ, при этом только в Москве работают, судя по оформленным разрешительным документам, 27%, а в Московской области — 10%, т.е. в сумме столичный регион использует труд более трети всех иностранных мигрантов. На втором месте с большим отрывом — Северо-Западный округ (15% работающих мигрантов), на Санкт-Петербург вместе с Ленинградской областью приходится 13,5%. Третья и четвертая позиции, как и в прошлом году, у Приволжского (10%) и Сибирского (8%) федеральных округов, пятое место делят Южный и Уральский федеральные округа (по 7%). Помимо двух столиц с областями активно привлекают мигрантов также такие регионы, как Свердловская область (2,6% работающих мигрантов), Краснодарский край (2,5%), Иркутская (2,1%) и Новосибирская (2%) области.

10.4. Микрореперись 2015 г. подтверждает: тяготение к России выходцев из стран СНГ восстанавливается

По оценкам ООН в 2015 г. международных мигрантов во всем мире было 244 млн человек (так называемых межгосударственных

пожизненных мигрантов²). Россия по этому показателю в разные годы занимала 2—4-е места в мире³.

По числу пожизненных эмигрантов из страны Россия занимает 3-е место в мире (10,5 млн человек⁴), уступая таким странам, как Индия (15,5 млн) и Мексика (12,4 млн), и опережая такие традиционно «отдающие» страны, как Китай (9,6 млн), Бангладеш (7,2 млн), Пакистан (5,9 млн) и др.⁵

Распад СССР существенно изменил масштабы миграции — массово вернулись домой украинцы и белорусы, из стран Центральной Азии и Закавказья выехало большинство русских, ощутивших стресс несколько запоздало.

На рис. 10.6 можно наглядно проследить историю миграций на постсоветском пространстве после распада страны: повсеместное возвратное движение русских, украинцев и белорусов, затем после 2002 г. некоторое возобновление российского вектора, но в более скромных размерах. Кроме того, наконец сдвинулись с места под давлением нужды и безработицы, а где-то и гражданской войны (Таджикистан, Киргизия) народы Средней Азии, о которых в советское время часто говорили, что они никогда из своей страны не уедут, так как «очень ее любят».

В 2010 г. в России насчитывалось 10,5 млн уроженцев стран бывшего СССР (7,4% населения). По микропереписи 2015 г. таких оказалось 6,3%, из них выходцев из Украины — 28,4% (в 2010 г. — 27,3%), из Казахстана — 24,2% (в 2010 г. — 23%). Каждый 10-й родился в Узбекистане.

² То есть тех, у которых место рождения и место жительства на момент проведения переписи населения не совпадают. Промежуточные и возвратные переселения при использовании данного критерия игнорируются.

³ В случае с бывшим СССР, а также с Югославией эксперты ООН делают оговорку, что частично речь идет о внутренних мигрантах, передвигавшихся в пределах единой на момент перемещения страны. См.: International Migration 2013. UN. N.Y., 2013. ST/ESA/SER. A/338.

⁴ Из них в Украине — 3,3 млн человек, Казахстане — 2,4 млн, Германии — 1,1 млн, Узбекистане — 878 тыс., Белоруссии — 682 тыс., США — 403 тыс., странах Балтии — 340 тыс.

⁵ Migration and remittances factbook 2015. World Bank, 2015; Trends in international migrant stock: The 2015 Revision. N.Y.: United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2015.

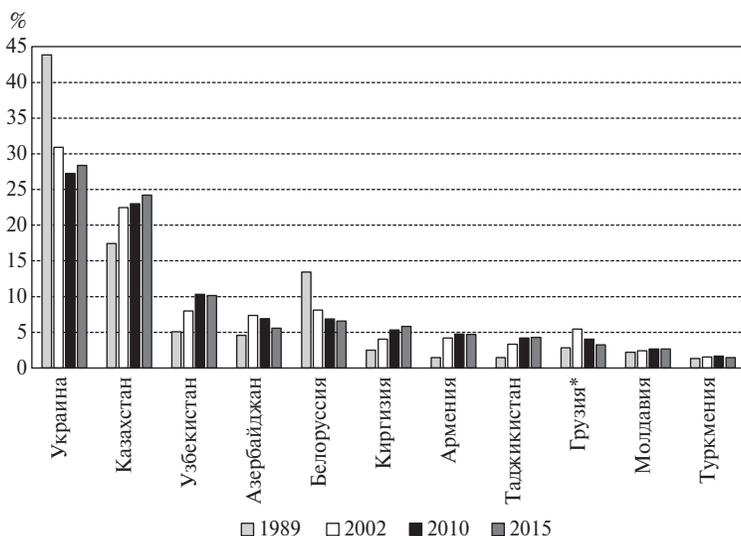

Рис. 10.6. Структура уроженцев стран ближнего зарубежья, проживающих в России, по странам выхода

* Грузия — на момент 2002 г., включая Абхазию и Южную Осетию.

Источник: Переписи населения 1989, 2002, 2010 гг. и микроперепись 2015 г.

По данным переписи 2010 г., чуть менее полумиллиона жителей России являлись уроженцами дальнего зарубежья. Среди них преобладали выходцы из Германии (33,6%), Китая (13,4%), Польши (6,9%), Венгрии (4%) и Вьетнама (3,3%). Микроперепись 2015 г. зафиксировала повышение доли уроженцев Германии до 37%.

Проведенный анализ позволил структурировать миграционные потоки в Россию по периодам: из 11 млн человек, родившихся за пределами Российской Федерации, в 2010 г. лишь не более 3,1 млн являлись иммигрантами в привычном смысле этого слова. Остальные 7,9 млн — либо репатрианты, либо внутренние мигранты, пересекавшие границу РСФСР в рамках еще единого государства СССР (т.е. до 1991 г.).

Из 135,5 тыс. уроженцев стран бывшего СССР, охваченных микропереписью 2015 г., 41,4% приехали в Россию до 1991 г., а еще 35,8% являются представителями этнических групп, традиционно проживающих на территории России, 24,8% — уроженцы других

стран, которые составляют около 1,6% населения Российской Федерации.

Микроперепись населения 2015 г. подтвердила главную роль Украины в качестве российского донора. На уроженцев этой страны пришлось самая высокая в СНГ доля сменивших место жительства с 2010 по 2015 г. — 31,2%. В первую тройку стран по этому показателю, но со значительным отставанием от Украины вошли Казахстан (17,6%) и Узбекистан (13,7%).

На рис. 10.7 отражена возрастная структура мигрантов из стран СНГ в разбивке на три возрастные группы. Наибольшая доля людей в старших возрастах у выходцев из Белоруссии и Украины, наиболее высока доля лиц в трудоспособном возрасте у выходцев из Таджикистана, Узбекистана и Армении — свыше 80%. Обращает на себя внимание недобор детской группы среди мигрантов, поскольку согласно статистическому учету ее доля колеблется в миграционном приросте от 8,4% (Туркмения) до 23,7% (Белоруссия), в среднем она составляет 15,6% (2016 г.).

За пятилетие между переписью 2010 г. и МПН-2015 среди уроженцев стран бывшего СССР заметно выросла доля имеющих об-

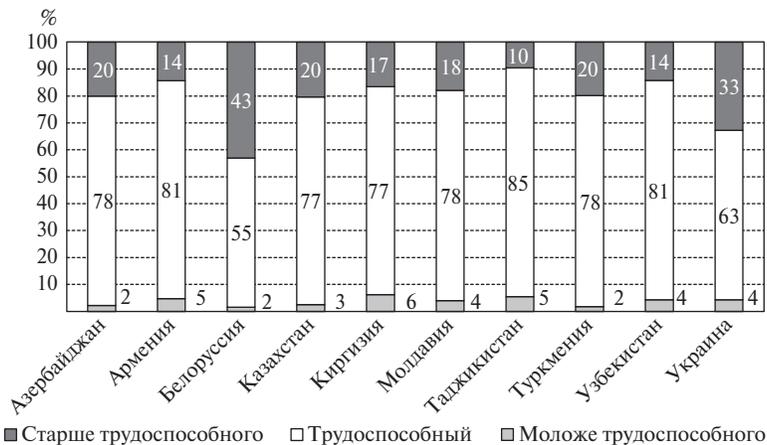

Рис. 10.7. Возрастная структура уроженцев стран ближнего зарубежья, проживающих в России, по странам выхода, 2015 г.

Источник: МПН-2015.

разование не ниже среднего (табл. 10.5). Но произошло это во многом за счет роста доли среднего профессионального и сокращения доли лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование.

Таблица 10.5. Уровень образования уроженцев стран СНГ в населении России, %

Страна	Начальное общее (в том числе лица без образования)	Основное общее (неполное среднее)	Среднее общее (среднее полное общее)	Среднее профессиональное	Высшее и неоконченное высшее
Азербайджан	2,7	8,3	29,4	35,7	23,9
Армения	3,8	8,6	30,7	31,2	25,7
Белоруссия	5,7	10,0	15,6	40,7	28,0
Казахстан	3,4	7,6	18,9	42,9	27,2
Киргизия	4,9	9,6	22,8	38,0	24,7
Молдавия	3,0	9,3	22,3	41,5	23,9
Таджикистан	4,7	9,6	27,1	35,2	23,4
Туркмения	2,0	5,9	15,0	42,3	34,8
Узбекистан	3,5	8,4	21,8	40,2	26,1
Украина	4,2	7,4	16,2	42,9	29,3

Источник: МПН-2015.

Наибольшая доля имеющих высшее образование — у приехавших из Туркмении и Украины. Но туркменский поток очень небольшой, а вот украинский вносит весьма весомый вклад в качество рабочей силы в России. Отметим, что среди выходцев из Туркмении много этнических русских, которые выехали из республики еще до 1991 г., в основном это квалифицированные специалисты, проживающие в крупных городах⁶. Уроженцы Киргизии, Таджикистана, Азербайджана, Армении, Молдавии на фоне остальных республик выделяются пониженным уровнем высшего образования.

⁶ Абылкаликов С.И. Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 42—49.

11. Внутрirosсийская миграция населения и новые данные микропереписи населения 2015 г. о миграционной активности россиян

11.1. Общие объемы внутреннего движения населения по данным учета остаются стабильными, однако меняющаяся регистрационная практика мигрантов оставляет вопросы

Объемы внутренней миграции в 2016 г. не изменились по сравнению с предыдущим годом. Общее число переселений, учитываемых статистикой, составило 4131 тыс. человек (рис. 11.1). Не поменялись и пропорции между внутри- и межрегиональной миграцией: как и год назад, эти потоки почти равновесны. Таким

Рис. 11.1. Число переселений в пределах России, 2005—2016 гг.

Источники: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 гг.

образом, внешне соблюдены все признаки полной стабилизации объемов внутренней миграции, о которых мы писали ранее¹.

Несмотря на это, нельзя утверждать, что достигнут «потолок» роста числа внутренних переселений, наблюдавшийся с 2011 г., и, главное, что параметры внутренних переселений россиян стали окончательно понятны. На это указывают изменения структуры миграционных потоков по видам и срокам регистрации. В частности, на 6,2 п.п. снизилось число перемещений россиян, сопровождающихся сменой регистрации по месту жительства, до изменения методики в 2011 г. это свидетельствовало бы о серьезном сокращении объемов миграции.

Но главное, продолжается рост доли мигрантов, учтенных статистикой как «возвращающиеся после временного пребывания на другой территории» (табл. 11.1). Если в 2012 г., когда новый порядок статистического учета миграции только «справлял» свою первую годовщину, доля таких мигрантов в прибывших составляла 11,3%, то в 2016 г. их было уже 25,2%. Это означает, что фактически каждое четвертое внутреннее переселение может являться перемещением только «на бумаге»: люди могут оставаться в своих новых местах пребывания, но их учетные документы² будут свидетельствовать, что они вернулись домой, так как закончился срок их регистрации, при этом какая-то доля, вероятно, возвращается реально. В целом удельный вес этой не вполне понятной категории «возвращающихся» мигрантов нарастает. Для ее понимания и корректного анализа в текущих миграционных параметрах нужны специальные исследования.

Соотношение по срокам регистрации внутренних временных мигрантов при этом достаточно стабильно и начиная с 2011 г. меняется несильно: 44—48% всех мигрантов, регистрирующихся по месту пребывания, делает это на срок до двух лет, еще 11—15% — на пять лет и больше, остальные — на два-четыре года. При этом в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской

¹ Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 309.

² Листки статистического учета с 2011 г. заполняются на всех регистрирующихся по месту жительства и месту пребывания на срок свыше девяти месяцев. Выбытия учитываются «автоматически» — по истечении срока регистрации, указанного в листе прибытия.

Таблица 11.1. Распределение прибывших во внутренней миграции по видам и срокам регистрации, Россия, 2011—2016 гг., %

Год	Зарегистрированы по месту жительства	Возвратились после временного пребывания на другой территории	Зарегистрированы по месту пребывания	Из них на срок					
				от 9 месяцев до 1 года	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет и более
2016	45,5	25,2	29,3	4,2	8,7	3,9	5,0	2,1	5,4
2015	48,5	21,3	30,2	4,6	8,8	3,9	5,3	2,3	5,3
2014	51,8	20,2	28,0	4,4	8,7	3,7	4,8	2,0	4,4
2013	54,8	14,5	30,7	5,3	9,5	4,3	5,3	2,2	4,1
2012	59,3	11,3	29,4	4,9	9,2	4,3	5,4	2,0	3,6
2011	67,3	0,4	32,3	5,2	11,0	4,7	5,6	2,2	3,6

Источник: Данные Росстата.

областях, а также в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Ненецком округах особенно велика во всех временных регистрациях доля «длинных» регистраций. На севере это связано, по-видимому, с по-прежнему высокой долей ведомственного жилья и регистрацией людей в нем на время найма на работу, в столичных регионах и особенно Москве (51,4% из всех зарегистрированных по месту пребывания в 2016 г. сделали это на срок свыше четырех лет) — со значительными контингентами иногородних студентов, а также, вероятно, отчасти с людьми, являющимися, по сути, уже резидентами этих территорий, но не имеющими в них собственного жилья и вынужденными заниматься долговременной арендой.

В целом регионы явно разделились по типу регистрации: в республиках Северного Кавказа, Татарстане, Оренбургской области, на юге Сибири преобладают мигранты с регистрацией по месту жительства. И наоборот, такого типа мигрантов мало в Москве, северных регионах, Томской области с ее высокой долей учебной миграции. Показательна разница между столицами: в Москве доля регистрирующихся по месту жительства составила в 2016 г. 23,2%, в Санкт-Петербурге — 45,7%. Она отражает различия в строительстве и вводе нового жилья в последние годы. В столицах (особенно Москве), в северных регионах, Свердловской, Тюменской, Томской областях больше трети всех мигрантов относятся к малопонятной категории «возвращающихся» мигрантов.

11.2. Внутренняя миграция стала меньше перераспределять население между регионами

Возросшие масштабы регистрируемой миграции после изменения методики учета в 2011 г. привели к увеличению перераспределения населения между территориями страны и росту показателей встречных потоков³. Однако в 2016 г. перераспределение населения между федеральными округами снизилось.

Результаты внутренней миграции показывают, что в 2016 г. население продолжало перераспределяться в пользу Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов. По сравнению

³ Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / под ред. С. В. Захарова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 304—308.

с началом 2010-х годов приток в Центр был несколько ниже, примерно на уровне 2000-х, зато Северо-Запад усилил притягательность и уже почти не теряет население в миграции с Центральным федеральным округом (табл. 11.2). Увеличение миграционного прироста Южного федерального округа по сравнению с прошлыми годами обеспечило включение в его состав Республики Крым и г. Севастополя, по привлекательности эти территории сравнимы с причерноморскими территориями Краснодарского края.

Сибирский и Приволжский федеральные округа лидируют по абсолютным масштабам оттока населения. В 2016 г. Сибирский федеральный округ впервые стал «абсолютным донором» всех округов — он имел миграционную убыль со всеми прочими округами. До сих пор таковым был Дальневосточный федеральный округ. Но по интенсивности миграционной убыли Дальневосточный округ все равно опережает Сибирский, среди его регионов нет ни одного с положительным балансом как внутривососсийской, так и всей (внешней для региона) миграции.

«Западный дрейф» (переток населения из округов азиатской части страны в европейскую) составил 88,6 тыс. человек (в 2015 г. — 101 тыс.). В 2000-е годы масштабы «западного дрейфа» были меньше, но результаты переписи потребовали их пересмотра в сторону увеличения. Устойчиво теряли население территории Крайнего Севера и приравненные к ним местности, в 2016 г. в результате внутривососсийской миграции они потеряли 63,2 тыс. человек, этот отток был частично компенсирован международной миграцией (17,8 тыс.). Все территории Севера теряли население за счет миграции, и только в Ханты-Мансийском автономном округе этот отток был перекрыт притоком международных мигрантов. Даже региональные столицы большинства северных регионов не имеют устойчивого миграционного прироста во внутренней миграции, хотя в 2010-е годы их миграционный баланс несколько улучшился⁴.

Центрами притяжения мигрантов остаются две крупнейшие агломерации и Краснодарский край (табл. 11.3), но постепенно разрыв между Московской и Санкт-Петербургской агломерациями сокращается. Остальные центры, выделявшиеся устойчивым притоком внутривососсийских мигрантов в 1990—2000-е годы, очень

⁴ Денисов Е. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990—2010-е гг. // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 44—55.

Таблица 11.2. Нетто-миграция между федеральными округами России в 2016 г., тыс. человек

В обмене с территориями:	Получено или потеряно территориями:								
	Россия	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Россия	0,0	85,2	38,5	37,0	-25,4	-46,8	-15,9	-47,4	-25,3
Центральный	-85,2	0,0	-2,4	-8,2	-10,8	-32,6	-8,4	-15,1	-7,7
Северо-Западный	-38,5	2,4	0,0	-1,7	-4,3	-10,4	-6,4	-10,8	-7,2
Южный	-37,0	8,2	1,7	0,0	-7,4	-7,7	-8,0	-14,9	-8,9
Северо-Кавказский	25,4	10,8	4,3	7,4	0,0	0,9	2,0	0,0	0,0
Приволжский	46,8	32,6	10,4	7,7	-0,9	0,0	0,1	-2,0	-1,3
Уральский	15,9	8,4	6,4	8,0	-2,0	-0,1	0,0	-4,3	-0,4
Сибирский	47,4	15,1	10,8	14,9	0,0	2,0	4,3	0,0	0,4
Дальневосточный	25,3	7,7	7,2	8,9	0,0	1,3	0,4	-0,4	0,0

Источник: Данные Росстата.

Таблица 11.3. Нетто-миграция по основным центрам притяжения внутрirosсийских мигрантов, 1991—2016 гг., тыс. человек

Центр	1991—2000*	2001—2010*	2011—2015	2016
Москва и Московская область	186	189	159,2	105,5
Санкт-Петербург и Ленинградская область	20	50	62	61,3
Краснодарский край	30	20	37,2	42
Белгородская область	7,5	5,5	1,8	-0,2
Республика Татарстан	5	3,5	3,2	3,5
Калининградская область	3	1,5	2,8	3,7
Нижегородская область	2	1	0	-1,8
Ставропольский край	16,5	5	-3,2	-3,8
Самарская область	7	4	-0,8	-3,8
Новосибирская область	2,5	2,5	7,8	2,6

* Оценка от итогов переписей 2002 и 2010 гг.

Источник: Расчеты на основе данных текущего учета (Росстат) и данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

сильно отстали от лидеров, а некоторые из них (Самарская, Нижегородская области, Ставропольский край) больше не являются притягательными. На их место в последние годы выдвигаются Воронежская и Тюменская области, однако устойчивость их роста должна пройти проверку в ходе предстоящей переписи населения 2020 г. Миграционный баланс Тюменской области, помимо этого, сильно зависит от притока из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Также в последние годы существенный миграционный прирост во внутрirosсийской миграции имели Севастополь и Республика Крым, но у их миграционного прироста во внутрirosсийской миграции еще очень недолгая история.

Самые значительные абсолютные масштабы миграционного оттока населения в другие регионы страны имели Республика Дагестан (-11,1 тыс. человек), Омская (-10,2 тыс.) и Кемеровская (-9,4 тыс.) области. В то же время наиболее интенсивная убыль во внутрirosсийской миграции была у Магаданской области и Чу-

котского автономного округа (соответственно 12,0 и 11,9 на 1000 жителей) и Еврейской автономной области (10,1 на 1000).

Усилившееся после 2011 г. перераспределение населения между крупными, средними и малыми городами, а также сельской местностью как будто пошло вспять. В 2016 г. миграционный прирост Москвы и Санкт-Петербурга, а также региональных столиц более походил на данные за вторую половину 2000-х годов, чем на первую половину 2010-х (рис. 11.2). Напротив, крупные города, не являющиеся региональными столицами, увеличили миграционный прирост. Существенно улучшился миграционный баланс сельской местности, сократился отток в города как своих регионов, так и других регионов страны. Однако долгое время отток населения из сельской местности недоучитывался, часть населения, числящегося сельским, на самом деле не проживает в селе⁵.

Видимо, свою роль в нарастании перетока населения из сельской местности, пгт, малых и средних городов сыграло изменение методики учета миграции. Увеличившийся в 2012—2013 гг. отток поначалу не сопровождался возвратным движением, так как возвращение к месту жительства после временного пребывания на другой территории может произойти только после окончания срока регистрации, в 2011—2013 гг. таких «возвращений» было мало, что обеспечивало повышенную эффективность миграции (перераспределение населения между регионами и территориями страны). Но в последующие годы число вернувшихся достигло порядка 1 млн человек, что улучшило миграционный баланс тех мест, откуда мигранты ранее выбыли. То, что новая методика учета миграции с определенным лагом ведет к росту числа выбытий, можно видеть на примере международной миграции в 2015 г. (миграционная убыль у России с Узбекистаном и резко сократившийся прирост с Таджикистаном)⁶.

Среди федеральных городов и городов — региональных столиц самый высокий по интенсивности миграционный прирост

⁵ *Фомкина А.А.* Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2016.

⁶ 2016: социально-экономическое положение населения — продолжающийся кризис или новая реальность? / под ред. Т.М. Малевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017.

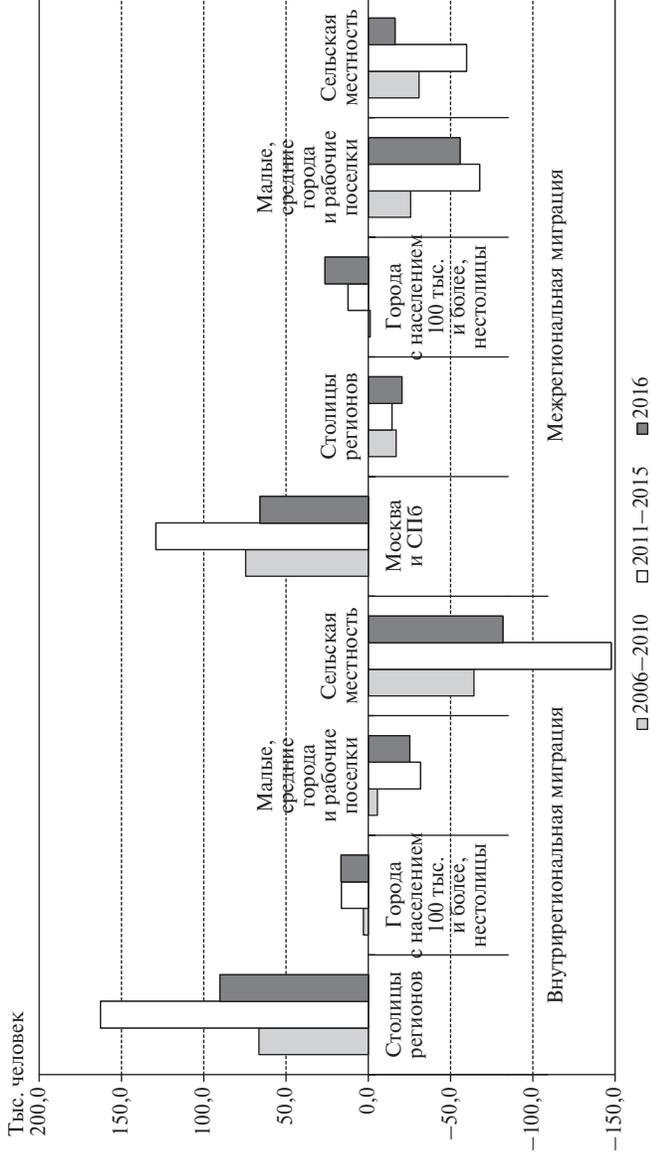

Рис. 11.2. Миграционный прирост (убыль) во внутрироссийской миграции по типам поселений, 2006—2016 г., в среднем за год

Источник: Данные Росстата.

за счет внутренней миграции имели Краснодар (23,3%), Севастополь (18,2%), Тюмень (16,5%) и, как ни странно, Абакан (11,5%). Среди крупных, с населением свыше 100 тыс. жителей, городов лидировали города Московской области — Домодедово (50%), Красногорск (48,6%), Балашиха (36,9%), Люберцы (28,6%) и Раменское (24,3%). Помимо них, среди нестоличных городов быстро прирастают мигрантами Сочи, Новороссийск и ряд крупных южных городов. Санкт-Петербург является первым среди городов с населением свыше 1 млн человек, но находится только на 7-м месте среди столиц и на 23-м — среди крупных городов. Москва занимает соответственно 4-е (уступая, помимо Санкт-Петербурга, Ростову-на-Дону и Новосибирску), 35-е⁷ и 64-е места. Среди крупных городов наиболее интенсивно теряли население за счет внутрисредней миграции Ноябрьск, Курган, Находка, Мурманск и Кызыл, их миграционная убыль превысила 10 на 1000 жителей.

Малые города и сельская местность имеют разный миграционный баланс в зависимости от их удаленности от региональных столиц и иных крупных городов. Это касается не только крупнейших агломераций европейской части, пригороды быстро растут и в регионах на востоке страны, например в Иркутске⁸, Улан-Удэ⁹.

Получается, что новая методика учета миграции не стала надежным инструментом анализа перераспределения населения между регионами и отдельными муниципальными образованиями. Это, видимо, вновь приведет к расхождениям в оценке данных, полученных в ходе очередной (2020 г.) Всероссийской переписи населения, и текущей оценке населения на ее дату и к последующим пересчетам населения и миграции за межпереписной период. Изменения, принятые в 2011 г., позволили улучшить оценку структурных компонентов миграции, однако пока не понятно, насколько они адекватны применительно к категории «возвратив-

⁷ Не учитывались столицы регионов с населением менее 100 тыс. человек.

⁸ Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгиск, 2013.

⁹ Бреславский А. С. Незапланированные пригороды, сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.

шихся». А долгосрочное перераспределение населения по территории страны будет по-прежнему обеспечивать миграция, связанная со сменой регистрации по месту жительства.

11.3. Возрастные особенности миграции и события жизненного пути россиян

Распределение мигрантов по возрасту в 2016 г. сохраняло особенности прошлых лет. Трансформация методики статистического учета миграции в 2011 г. способствовала изменению интенсивности миграции во всех возрастах, но особенно сильно — в самых молодых трудоспособных (студенческих)¹⁰. Профили внутривососсийской миграции (рис. 11.3) характеризуются острым пиком в возрасте 18 лет, что соответствует возрасту окончания школы и поступления в высшие учебные заведения. Большая часть выпускников продолжает обучение в вузах, значительная их доля переезжает с целью получения образования в крупные города, зачастую — в другие регионы страны.

Внутрирегиональная миграция характеризуется сравнительно более ранним подъемом интенсивности потока, так как часть молодых людей переезжает в города для поступления в последний класс школы, а также в целях поступления в учреждения среднего профессионального образования. Межрегиональная миграция имеет второй пик в возрасте 21—22 лет, который связан либо с возвратной миграцией после окончания бакалавриата (специалитета), либо с переездом с целью обучения в магистратуре в другой регион. Межрегиональная миграция по сравнению с внутрирегиональной имеет более высокую интенсивность в возрастах 25—45 лет.

Во внутрирегиональной миграции более активно участвуют женщины, особенно в возрасте до 35 лет. В межрегиональной миграции различия по полу менее выражены, но женская миграция в молодых возрастах также несколько более интенсивна. Причины различий в миграции по полу не вполне понятны. Возможно, женщины чаще участвуют в учебной миграции. Но более вероятно,

¹⁰ Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. С. 297—298.

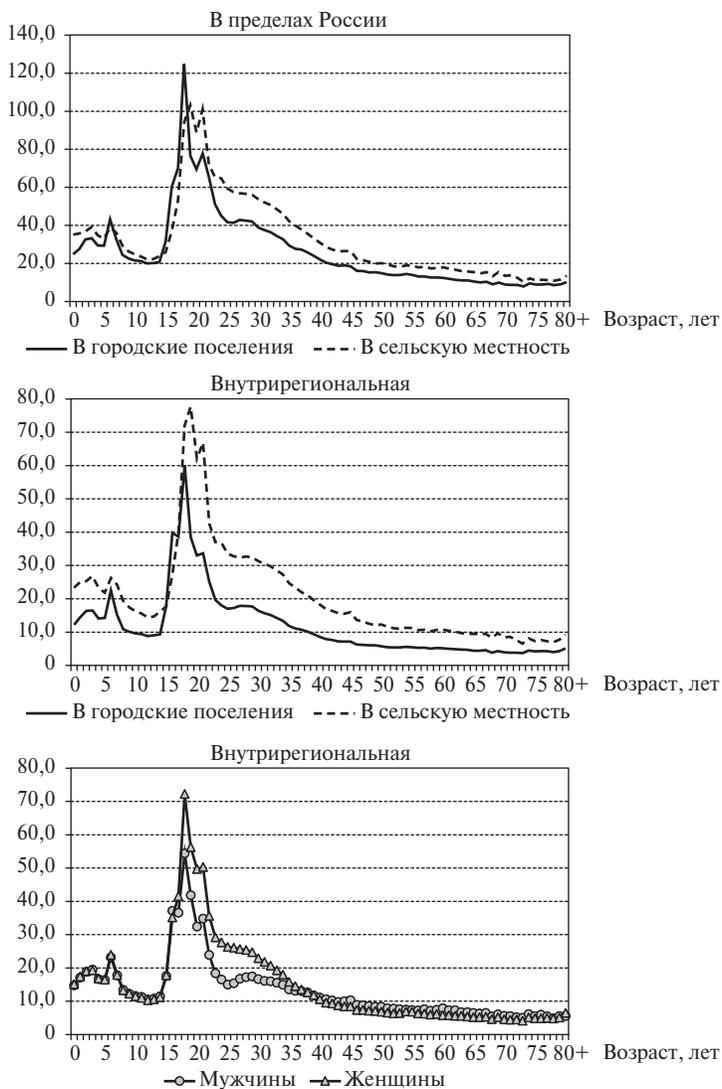

Рис. 11.3. Прибывшие во внутри- и межрегиональных перемещениях, на 1000 человек населения соответствующего возраста, 2016 г.

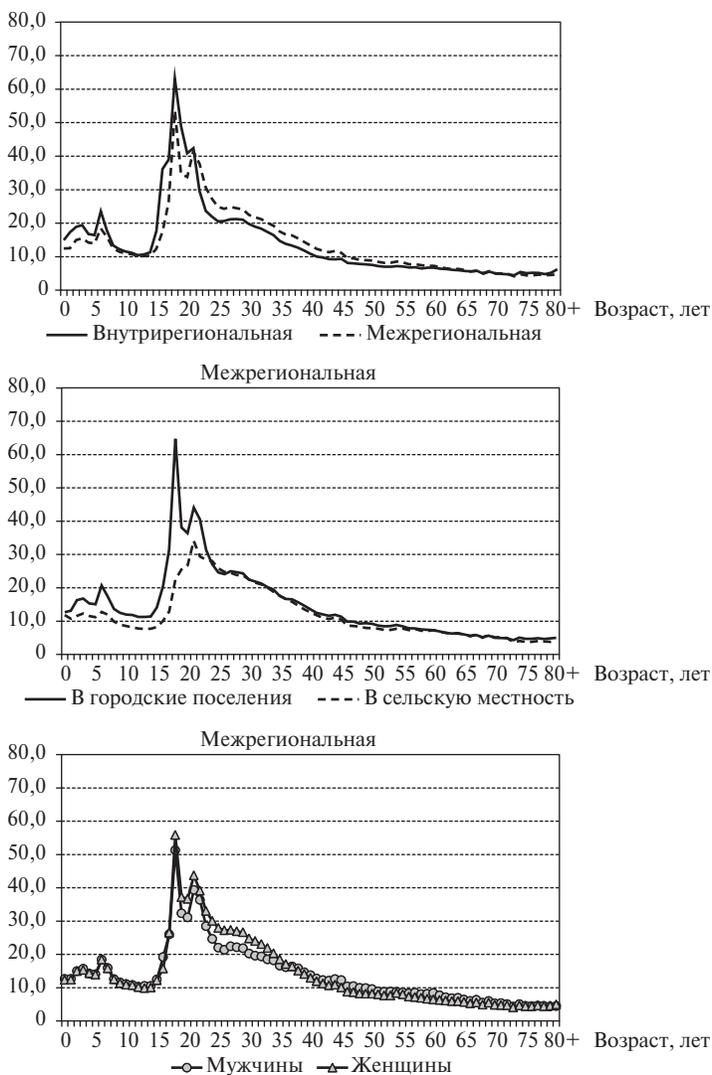

Рис. 11.3. (Окончание)

Источник: Данные Росстата.

что они чаще, чем мужчины, оформляют регистрацию по месту пребывания, так как могут больше нуждаться в предоставлении ряда социальных услуг (поликлиники, устройство детей в детские дошкольные учреждения и школы), связанных с наличием регистрации. С особенностями регистрации мигрантов может быть связан и пик миграции в возрасте 7 лет — время устройства детей в школу, для которого часто требуется регистрация по месту пребывания.

В межрегиональной миграции прибытия в городские поселения имеют выраженный студенческий пик (так как вузы располагаются в крупных городах), в сельской местности пик приходится на возраст 21—22 года и связан, видимо, с возвращением получающих образование в городах. Этот пик может быть фиктивным, как и значительная часть возвратной миграции: после реформы учета в 2011 г. по окончании срока регистрации мигрант считается «вернувшимся к месту жительства после временного пребывания на другой территории». В реальности «возвращение» может не состояться, что является проблемой современной статистики миграции.

На возраст 16—29 лет приходится 37% учтенных внутри- и межрегиональных мигрантов. Доля мигрантов в этом возрасте больше для прибывших в городские поселения и меньше для переезжающих в сельскую местность.

В старших возрастах интенсивность миграции невысока, в целом по России «пенсионный» пик миграции отсутствует. Однако, как показывает анализ по регионам, во многих регионах севера и востока страны в возрасте 50—60 лет есть выраженные пики выбытий в другие регионы, а в ряде регионов юга (Краснодарский край, Ростовская, Белгородская области и др.) — пик прибытий в этом же возрасте¹¹. Еще более выражен пенсионный пик миграции бывает в отдельных муниципальных образованиях, например в курортных районах Краснодарского края, крупных городах севера Урала и Сибири.

¹¹ Подробнее см.: Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. № 4. С. 47—65.

11.4. Уровень образования внутренних мигрантов почти не меняется

Как и в предыдущие годы, уровень образования межрегиональных мигрантов несколько выше, чем внутрирегиональных (для мигрантов старше 14 лет): у мигрантов выше доля лиц с высшим образованием и ниже со средним и основным общим и начальным (рис. 11.4). Как правило, считается, что в средних возрастах в миграции на большие расстояния несколько более активны люди с высоким образовательным уровнем¹². Эту гипотезу, однако, данные об уровне образования и возрастной структуре мигрантов, участвующих в соответствующих переселениях в России, доказывают не вполне. Гораздо больше различий, чем между внутри- и межрегиональной миграцией, по уровню образования имеют потоки, направленные в города и сельскую местность (рис. 11.5). Например, среди женщин 25—49 лет, прибывших в города, в рамках внутрирегиональных переселений высшим образованием обладают 48%, в сельскую местность — 35,9%, для мужчин аналогичные параметры — 37,8 и 28,1%.

Региональный анализ уровня образования мигрантов затрудняется высокой и очень различающейся по регионам долей мигрантов, не указывающих уровень своего образования. Если в целом по стране среди мигрантов, перемещающихся между регионами, в 2016 г. таковых было 17,1%, то в отдельных регионах число таких мигрантов достигало четверти или даже, как в Москве, 73,3%. В этих условиях было принято решение рассматривать региональную образовательную структуру мигрантов только по указавшим уровень образования.

В таком случае получается, что в рамках межрегиональной миграции самый высокообразованный миграционный поток направляется в Московскую, Калининградскую, Ленинградскую об-

¹² Подробнее см.: *Clark W.A.V., Huang Y.* The life course and residential mobility in British housing markets // *Environment and Planning*. 2003. Vol. 35. P. 323—339; *Nivalainen S.* Determinants of family migration: Short moves vs long moves // *Journal of Population Economics*. 2004. Vol. 17. P. 157—175; *Niedomysl Th.* How migration motives change over migration distance: Evidence on variation across socioeconomic and demographic groups // *Regional Studies*. 2011. Vol. 45 (6). P. 843—855.

Рис. 11.4. Уровень образования мигрантов, прибывших в рамках внутри-, межрегиональной, международной миграции, Россия, 2016 г.

Источник: Данные Росстата.

ласти, Санкт-Петербург, Крым и Севастополь. Москва же по доле лиц с высшим образованием в потоке тех редких прибывших в нее, кто указал свой уровень образования, находится в конце первой десятки регионов (рис. 11.6). Если это так, то главная причина заключается в том, что в Москву едут, не столько имея за плечами

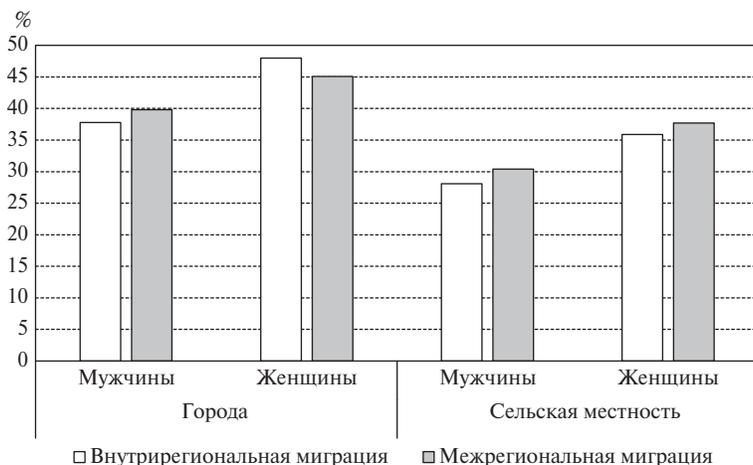

Рис. 11.5. Доля мужчин и женщин с высшим образованием среди мигрантов 25—49 лет, прибывших в города и сельскую местность, внутри- и межрегиональная миграция, Россия, 2016 г.

Источник: Данные Росстата.

высшее образование, сколько за ним и последующей адаптацией в столице. В том числе из-за этого так велика доля лиц с высшим образованием в потоке в Московскую область. В значительной степени ее формируют покупающие жилье в Подмоскowie молодые специалисты, получившие высшее образование в Москве. В целом во многом благодаря двум столичным городам и их областям миграционный поток, направленный из других регионов страны в Центр и на Северо-Запад, является существенно более высокообразованным, чем в Поволжье и на Урал. Самой низкой долей мигрантов с высшим образованием среди прибывших межрегиональных мигрантов отличаются республики юга Сибири, Поволжья, Северного Кавказа. И наоборот, именно в этих регионах среди прибывших максимально высока доля людей со средним общим неполным и начальным образованием.

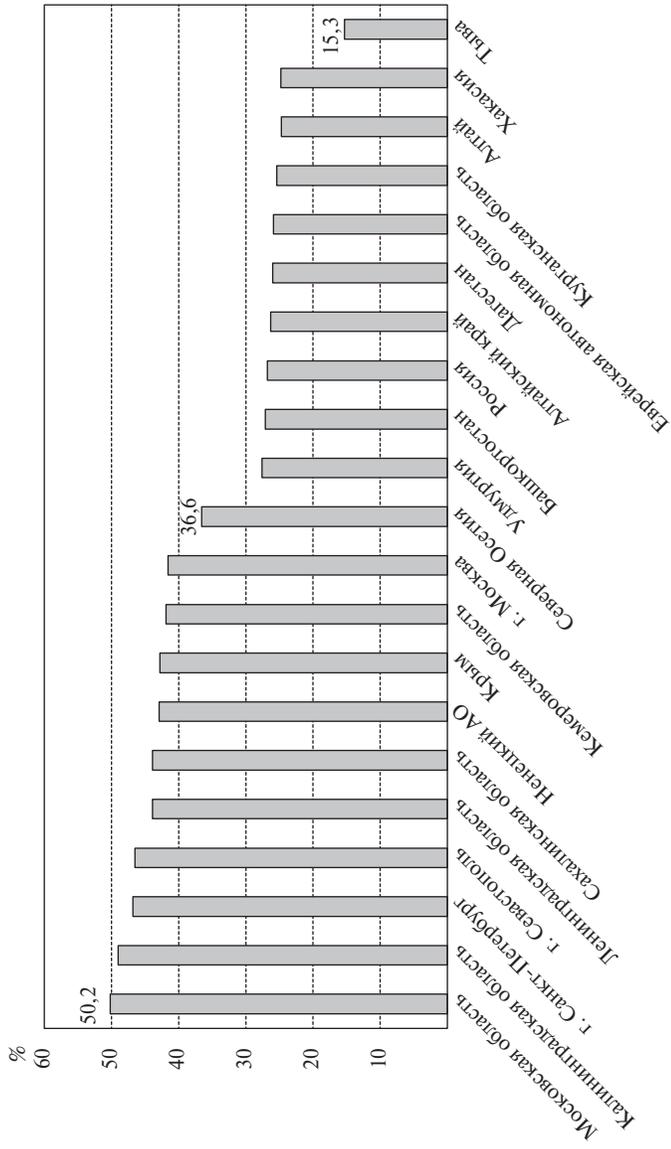

Рис. 11.6. Доля мигрантов с высшим образованием среди прибывших в рамках межрегиональной миграции (из указавших уровень образования), первые и последние 10 регионов России, 2016 г.

Источник: Данные Росстата.

11.5. Причины, вызвавшие смену места жительства: личные, учебные, трудовые, жилищные

Структура обстоятельств, вызвавших переселение (у мигрантов старше 14 лет), между внутри- и межрегиональными мигрантами существенно отличается в двух местах (табл. 11.4): для внутрирегиональных мигрантов менее значимой причиной является смена работы (6,6 против 10,6% мигрантов, переселившихся в другие регионы). При этом для них гораздо более важными, чем для межрегиональных мигрантов, являются причины, связанные с жильем (наследованием, покупкой и проч.). При этом различий между переселяющимися в село или город для внутрирегиональных мигрантов практически нет, но они ощутимы для межрегиональных потоков.

В целом же набор главных обстоятельств, вызывающих переселения, стандартен: личные (семейные) причины, учебные, трудовые. Изменение порядка статистического учета миграционных событий не только выделило в структуре обстоятельств миграции в качестве отдельной причины «возврат после временного отсутствия», но и вывело эту причину на второе по значимости место после личных (семейных) причин и для внутри-, и для межрегиональных мигрантов.

11.6. Микрперепись населения 2015 г.: новые данные о миграционной активности россиян

11.6.1. 62% людей к концу своей жизни проживают не в том населенном пункте, где родились

В соответствии с данными микрпереписи 2015 г. в России к концу жизненного цикла накопленное число мигрантов в 1,5 раза превышает число никогда не менявших место жительства (рис. 11.7). Мы видим крутой взлет кривой к 24 годам, когда в основном завершается профессиональная учеба, приобретается специальность, молодежь обзаводится семьей и решает, где ей жить. Далее процесс накопления мигрантов несколько замедляет-

Таблица 11.4. Обстоятельства, вызвавшие смену места жительства, прибывшие старше 14 лет, Россия, 2016 г., %

Обстоятельства, вызвавшие смену места жительства	Внутрирегиональная миграция			Межрегиональная миграция		
	Всего	В город	В сельскую местность	Всего	В город	В сельскую местность
Личные (семейные)	38,7	37,0	41,5	31,1	29,8	35,4
В том числе:						
в связи с переменной места работы супруга(и)	2,2	2,6	1,6	4,7	5,0	3,8
в связи с вступлением в брак	5,3	5,0	5,7	4,5	4,5	4,6
к детям	3,7	3,9	3,3	5,0	5,3	4,0
к родителям	7,0	6,0	8,4	6,4	5,8	8,3
Возвратились после временного отсутствия	22,9	118,9	29,4	30,0	27,9	37,4
В связи с учебой	10,0	15,0	1,7	7,9	9,8	1,2
В связи с работой	6,6	7,9	4,5	10,6	11,2	8,4
Приобретение жилья (покупка, наследование и проч.)	7,5	7,7	7,1	3,5	3,4	4,0
Возврат к прежнему месту жительства	2,9	2,2	4,0	2,5	2,1	3,9
Несоответствие природно-климатическим условиям, экологическое неблагополучие	0,3	0,2	0,6	0,7	0,6	1,1
Иные	8,8	8,8	9,0	9,0	9,8	6,6
Не указано	2,3	2,3	2,2	4,7	5,4	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные Росстата.

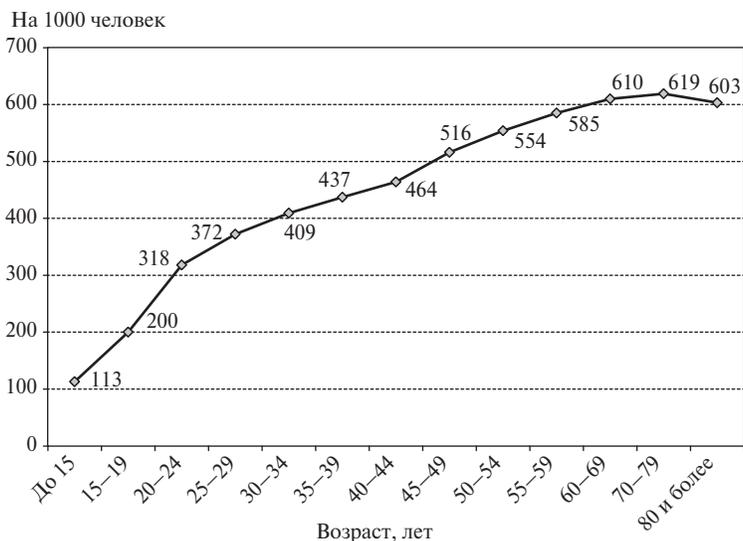

Рис. 11.7. Накопленные мигранты, на 1000 населения в соответствующем возрасте

Источник: МПН-2015.

ся, но и в старших возрастах остается довольно быстрым. К возрасту 46 лет половина российского населения проживает не в том месте, где родилось. К 80 годам на 1000 жителей накапливается 619 мигрантов, хотя бы раз переезжавших, и соответственно никогда не менявших место жительства — 381 человек. Последняя цифра не слишком низка. В ней отражаются трудности с жилищной обеспеченностью, проблемы с пропиской и другие факторы, сдерживающие мобильность, например большая роль личного подсобного хозяйства в материальном обеспечении значительной части россиян.

С другой стороны, 619 переезжавших из 1000 к 80 годам — высокая величина. Речь идет о поколении родившихся перед самой войной и переживших ее, будучи детьми. На это поколение пришлось восстановление разрушенной войной экономики, освоение целинных земель, организация добычи нефти и газа в широких масштабах и др. и, наконец, распад огромной страны. Все это сопровождалось массовыми перемещениями людей.

Кумулятивную возрастную кривую доли мигрантов в населении интересно сопоставить с кривой современной миграционной активности по возрасту (рис. 11.8). На последней видны высокий пик к 19 годам, затем быстрый спуск к 50, низкая мобильность от 50 к 70 годам и затем некоторый ее рост. Очевидно, часть стариков в преклонном возрасте переезжает к детям или в дома престарелых. Если по таким показателям возрастной интенсивности построить накопленную жизненную кривую, она, вероятно, будет круче примерно до 50 лет — в период профессиональной учебы и карьерного роста, а затем станет более пологой, чем нынешняя, полученная по данным микрорепериси 2015 г. Таким образом, можно предположить, что накопленная мобильность в России, скорее всего, продолжает возрастать, и прежде всего за счет растущей подвижности в молодом возрасте.

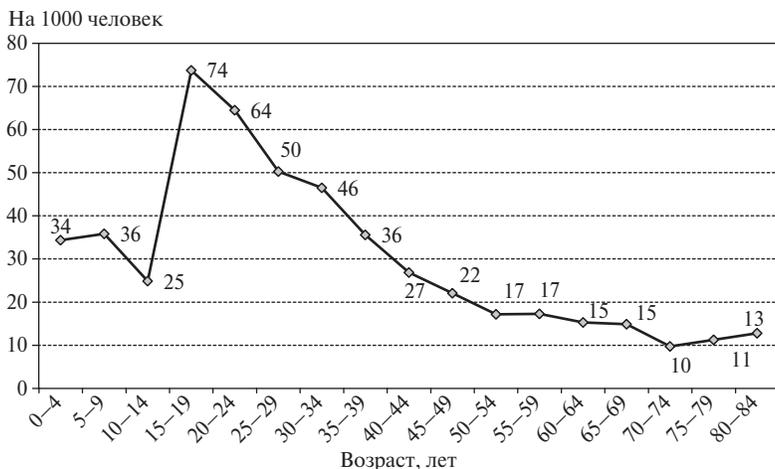

Рис. 11.8. Прибывшие мигранты по возрасту в 2016 г., на 1000 населения в соответствующем возрасте

Источники: Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2016 г. М.: Росстат, 2017.

На рис. 11.9 представлены доля мигрантов и доля населения, никогда не менявшего места жительства, для каждой возрастной группы и в разбивке по полу (график построен на основе данных микрорепериси 2015 г.). Линии симметричны относительно друг

Рис. 11.9. Доля проживающих в месте проведения опроса с рождения (немигранты) и не с рождения (мигранты), МПН-2015, на 1000 населения в соответствующем возрасте

Источник: МПН-2015.

Мужчины и женщины	Старше трудоспособного	396	604
	Трудоспособного	563	437
	Моложе трудоспособного	884	116
Мужчины	Старше трудоспособного	366	634
	Трудоспособного	545	455
	Моложе трудоспособного	885	115
Женщины	Старше трудоспособного	407	593
	Трудоспособного	582	418
	Моложе трудоспособного	884	116

□ С рождения □ Не с рождения

Рис. 11.10. Доля проживающих в месте проведения опроса с рождения (немигранты) и не с рождения (мигранты) по укрупненным возрастным группам, МПН-2015, на 1000 человек соответствующей возрастной группы, %

Источник: МПН-2015.

друга и перекрещиваются в возрасте 45–49 лет. Кроме того, почти идентичны мужская и женская линии: мобильность мужчин и женщин отличается мало. Этот график наглядно демонстрирует принцип переписной выборки. Тем не менее мужчины не намного, но все-таки мобильнее по сравнению с женщинами: их накопленная мобильность в пожилом возрасте на 6,9% превышает женскую. В трудоспособном возрасте разница достигает 8,8% (рис. 11.10).

11.6.2. Сельское население мобильнее городского

До 24-летнего возраста население города и села накапливает мигрантов почти с равной скоростью, затем село быстро опережает город. В возрасте 30–34 лет жители села по мобильности уже на треть опережают городских, к старшим возрастам разница сокращается до 20%, а в 70-летнем возрасте показатели сравниваются (рис. 11.11). В течение почти всего жизненного пути мобильность горожан ниже, чем у сельчан.

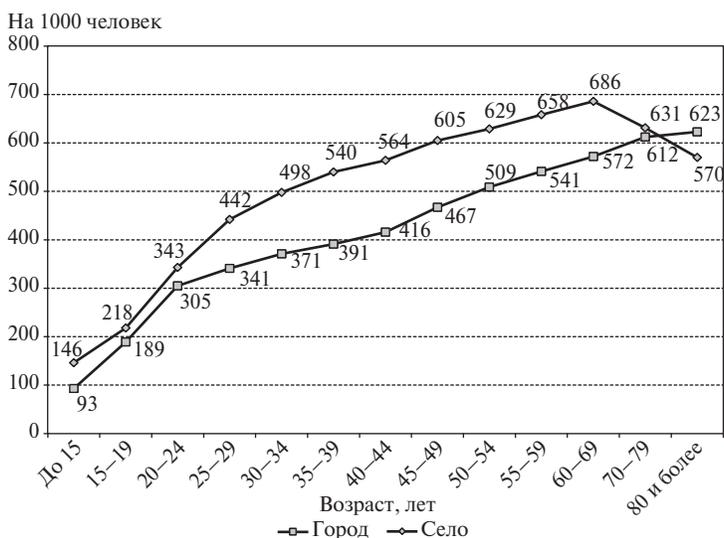

Рис. 11.11. Накопленное количество мигрантов в городском и сельском населении, на 1000 человек соответствующей возрастной группы

Источник: МПН-2015.

Сельское население опережает городское по мобильности уже в детской группе: на селе мигрантов в 1,5 раза больше, чем в городе. Значительны различия и в трудоспособном населении — на селе на 29% больше мигрантов в этой возрастной группе. Старшая группа объединяет людей с разной мобильностью, в итоге «ножницы» сжимаются до 13%, но преимущество остается за селом (рис. 11.12).

Рис. 11.12. Мигранты и немигранты по городу и селу и по основным возрастным группам

Источник: МПН-2015.

В среднем же в селе 482 мигранта на 1000 жителей, а в городе — 395. Все это очевидные свидетельства формирования гомогенного населения в отношении уровня образования, насыщения специалистами и требований к условиям жизни.

Итак, микроперепись населения 2015 г. подтвердила сохраняющиеся различия в миграционной мобильности россиян, проживающих в городских и сельских поселениях. Возможно, она зафиксировала значимый разворот в сторону формирования гомогенного населения через высокую мобильность сельчан и насыщения села специалистами из города, но это должно быть подтверждено на данных Всероссийской переписи населения 2020 г.

11.6.3. Впервые собраны данные о месте регистрации россиян и причинах длительного отсутствия в домохозяйстве

Согласно данным МПН-2015, 57,5% опрошенных проживали в месте постоянного жительства с рождения, 42,5% — не с рождения. Такое соотношение местных и неместных уроженцев более похоже на данные переписи населения 2002 г. (когда доля местных уроженцев составила 55,8%), чем на данные переписи 2010 г. (46,2%)¹³. Возраст, в котором число неместных уроженцев начинает превышать число местных, по МПН-2015 составил 46 лет, по переписи 2010 г. уже начиная с 30-летнего возраста большинство имело хотя бы единичный миграционный опыт (рис. 11.13).

Причины расхождений в результатах переписи и микрорепериси этого не вполне ясны: они могут заключаться в разных подходах к учету отдельных мобильных категорий населения, например студентов (в переписях населения 2002 и 2010 гг. они могли быть переучтены¹⁴, а в МПН-2015 — недоучтены), или в специфике выборки домохозяйств в МПН-2015.

Данные микрорепериси 2015 г. показывают, что пик миграции приходится на возраст 18 лет (рис. 11.14), а в целом картина миграции полностью повторяет классический возрастной профиль миграции, предложенный А. Роджерсом¹⁵. Однако этот пик не такой острый, как показывают данные текущего учета (ср. с данными рис. 11.8), возможно, это связано с недоучетом в ходе МПН-2015 студентов, обучающихся вне места постоянного проживания. Отчасти этим может объясняться высокая доля среди опрошенных не имеющих миграционного опыта. В целом подтверждаются спад

¹³ Население России 2010—2011: восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

¹⁴ *Мкртчян Н.В.* Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / под общ. ред. М.Б. Денисенко. Вып. 22. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197—214.

¹⁵ *Rogers A., Castro L.* Model migration schedules. Research report RR-81-30, IIASA, Laxenburg, Austria, 1981.

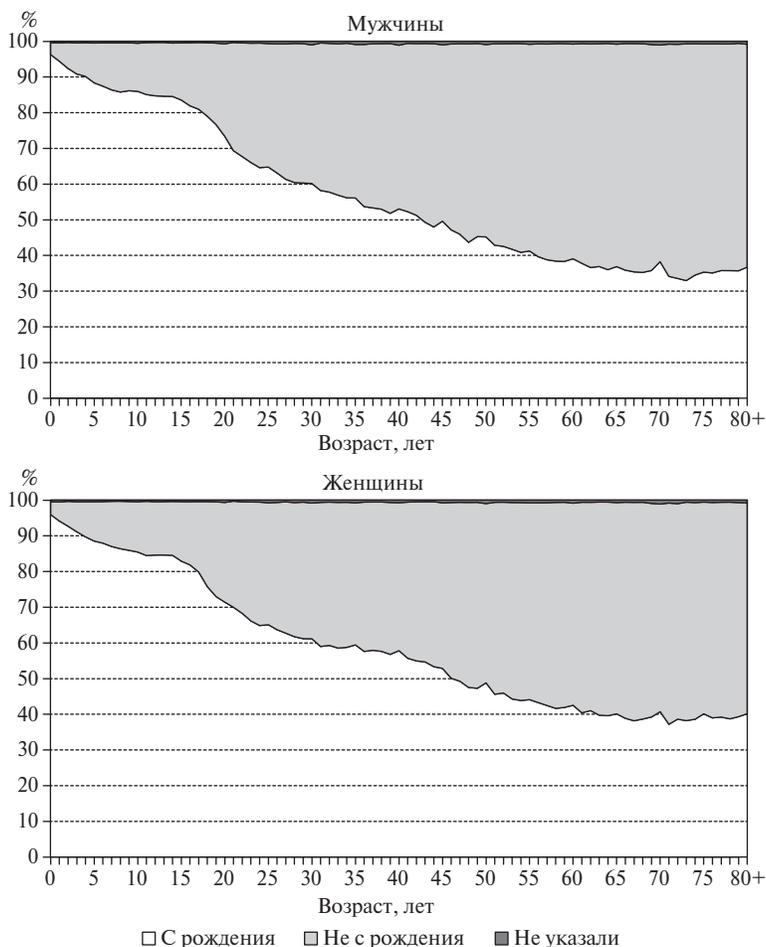

Рис. 11.13. Проживающие в месте постоянного жительства с рождения и не с рождения, по полу и возрасту, 2015 г.

Источник: МПН-2015 (база микроданных).

миграционной активности к школьным возрастам, а также отсутствие всплеска миграции в пред- и пенсионных возрастах.

Второе отличие возрастного профиля миграции по данным МПН-2015 от данных текущего учета — повышенная интенсив-

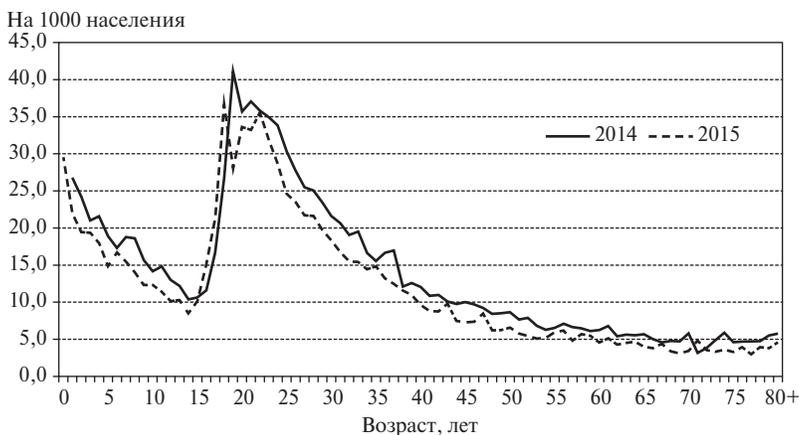

Рис. 11.14. Сменившие место жительства в 2014—2015 гг., на 1000 человек соответствующего возраста

Источники: МПН-2015 (база микроданных); расчеты авторов.

ность миграции в возрасте 0—4 года и практически отсутствие «пика» миграции в возрасте 7 лет. Видимо, последнее отличие базируется на особенностях регистрации: для приема детей в школу часто требуется регистрация по месту пребывания, она оформляется родителями именно в год поступления, что отражается на статистике миграции.

В ходе микрорепериси 2015 г. впервые были собраны данные о месте регистрации населения: 85% опрошенных располагали регистрацией в помещении, в котором проживали, подавляющее большинство (83,7%) имели регистрацию по месту жительства по месту фактического проживания. Регистрацию по месту пребывания имели только 1,1%, что явно говорит о недоучете этой категории населения при МПН-2015. Только в 2015 г., согласно данным формы 1-РД, в жилом секторе было зарегистрировано по месту пребывания 2,7 млн граждан Российской Федерации, регистрацию по месту пребывания можно получать на срок до пяти лет.

Среди тех, кто не имел регистрации в помещении, где постоянно проживал, большая часть имели регистрацию по месту жительства в том же населенном пункте (9,2% опрошенных) и в том же регионе Российской Федерации (4,5%). МПН-2015 выявила

только 0,9% не имеющих регистрации в помещениях, где проживают, указавших наличие регистрации по месту жительства в другом регионе России. Это не удивительно: в соответствии с действующим законодательством проживание сроком более 90 суток без регистрации (за исключением отдельных случаев) является основанием для административного наказания в виде штрафа.

Чаще всего отсутствие регистрации в помещении отмечено у лиц в возрасте 20—39 лет, т.е. в возрасте наиболее высокой миграционной активности. Мужчины и женщины в равной мере проживают без регистрации. Реже всего регистрации в помещении, в котором проживают, не имеют люди в возрасте 60 лет и старше. Чаще проживали без регистрации в городах, чем в сельской местности. При этом в Москве без регистрации в помещении проживало только 13,2%; в Московской области — 16,3; Санкт-Петербурге — 16,4; Краснодарском крае — 11,1%. Самая высокая доля проживающих без регистрации — в Республике Тыва (28,2%), Бурятии (24%), ниже всего — в Чечне, Ингушетии и других республиках Северного Кавказа. Но при этом в Махачкале доля проживающих без регистрации одна из самых высоких. В целом в столицах регионов доля проживающих без регистрации выше, чем в остальных поселениях регионов.

В ходе МПН-2015 в домохозяйствах задавался вопрос об отсутствующих в помещении сроком более одного месяца. Отсутствующие такой срок составили 1,4% опрошенных, представляется, что эта цифра занижена, даже ниже, чем по данным Обследований рабочей силы (ранее — ОНПЗ). Согласно им количество работающих в других регионах и посещающих дом реже одного раза в месяц в 2015 г. составляло 684 тыс. человек, или около 1% всего занятого населения.

Среди причин отсутствия в помещении на сравнительно короткий срок (до одного года) преобладает работа, на срок 1—5 лет — учеба (табл. 11.5).

Таким образом, микроперепись 2015 г. продемонстрировала те же ограничения данных для изучения миграции, что и всероссийские переписи, прежде всего недостаточный охват отдельных категорий населения, включая не имеющих регистрации в помещении, и, по всей вероятности, — домохозяйств, члены которых длительно отсутствуют по месту постоянного жительства.

Таблица 11.5. Отсутствующие в помещении на срок один месяц и более по сроку отсутствия и причине отсутствия, 2015 г.

Показатель	Всего, тыс. человек	На 1000 человек соответствующего пола и длительности отсутствия, с указанной причиной отсутствия, приходится лиц, отсутствующих по причине						
		работы	учебы	лечения и туризма	военной службы по призыву	нахождения в местах лишения свободы	семейных обстоятельств	иной
Мужчины и женщины, отсутствующие, всего	29,8	344	355	26	65	25	168	17
В том числе в течение:								
1—3 месяцев	6,7	458	315	86	—	5	120	16
4—6 месяцев	2,0	542	74	35	—	19	281	49
7—11 месяцев	1,4	453	175	10	—	33	291	38
1—2 лет	8,7	272	305	8	217	32	153	13
3—5 лет	8,2	223	602	2	5	29	129	10
6 лет и более	2,8	453	176	5	4	41	297	24

Источник: МПН-2015.

Заключение

В центре внимания представленной коллективной монографии находились анализ данных и систематизированное обсуждение важнейших результатов крупномасштабного Всероссийского выборочного социально-демографического исследования (микрорепериси) 2015 г. (МПН-2015). Главной задачей авторов было оценить качество данных последней микрорепериси и интегрировать полученную новейшую статистическую информацию в общий контекст результатов фундаментальных исследований долговременной демографической динамики в России. Фактически в работе представлено исследование изменений в демографических и миграционных процессах в России в последние десятилетия, выполненное на базе текущей (ежегодной) и переписной статистики населения, дополненное углубленным анализом данных микрорепериси населения 2015 г.

Главную методологическую проблему анализа и использования данных микрорепериси 2015 г. представляет варьирующий по территориям размер выборки, который совсем не обязательно пропорционален доле численности регионов в общей численности страны. В выборочной совокупности систематически завышено представительство малочисленных территориальных единиц и соответственно занижено представительство крупных регионов, в том числе крупных городских агломераций. Такое организационно-методологическое решение было принято в ответ на низкое общее число опрошенных и с целью обеспечения возможности получить репрезентативные итоги по обобщающим демографическим и социально-экономическим характеристикам на уровне муниципальных районов и городских округов с численностью населения не менее 70 тыс. человек. В результате, как показало разностороннее изучение результатов микрорепериси, страдает репрезентативность данных МПН-2015 по стране в целом, наблюдается большая или меньшая смещенность характеристик населения: по территориальному распределению, возрасту, брачному состоянию, демографической структуре домохозяйств, длительности проживания населения в месте опроса, распределению женщин по числу рожденных и ожидаемых детей и др.

Опросный лист содержал 28 вопросов, при этом в дополнение к стандартным для переписей населения вопросам (родственные отношения, пол, дата рождения, состояние в браке, национальная принадлежность, источники средств к существованию, число рожденных детей, образование, обучение в образовательных учреждениях и посещение дошкольных учреждений, наличие работы и поиск работы в случае ее отсутствия) были добавлены расширенные блоки о гражданстве (история получения российского гражданства и прежнее гражданство), миграции (предыдущие места жительства), месте регистрации (для оценки отклонения численности постоянного населения от юридического), пользовании различными языками в повседневной жизни, об оценке состояния здоровья и факторах, влияющих на принятие решения о рождении детей. Итоги МПН-2015 опубликованы на сайте Росстата www.gks.ru в виде таблиц с абсолютными нераспространенными на генеральную совокупность и прямыми относительными данными.

По сравнению с микропереписью 1994 г., в 2015 г. были сокращены два важнейших и традиционных раздела программы — брачность и рождаемость. Так, в разделе «Рождаемость» спрашивалось только о числе рожденных детей, без указания на то, сколько из них живы, сколько из них живут отдельно, очередности и года их рождения, месяца и года смерти, если ребенок умер, и о числе ожидаемых и желаемых детей. Однако был добавлен вопрос о факторах, влияющих на принятие решения о рождении детей, в том числе получение материнского капитала. В первоначальном проекте программы, рекомендованном экспертной комиссией, этот вопрос отсутствовал, но на последнем этапе был добавлен по требованию Минтруда России, отвечающего за проведение демографической политики в стране. В разделе «Брачность» учитывались только категории брачного состояния (как и прежде), а вопросы о годе вступления в первый брак, годе и причине его прекращения и времени вступления в повторный брак в вопроснике МПН-2015 отсутствовали (в первоначальном проекте программы они были).

В то же время программа МПН-2015 содержала новые вопросы о распространенности хронических заболеваний и инвалидности, которые впервые задавались российскому населению в рамках переписей и микропереписей населения. В международной прак-

тике они считаются полезными, потому что хотя и косвенно (по самооценке), но характеризуют здоровье населения. Также по сравнению с микропереписью 1994 г. были расширены блоки вопросов о гражданстве (добавлены вопросы об истории получения российского гражданства и прежнем гражданстве) и о миграции (добавлены вопросы о месте жительства в год ВПН-2010 и месте регистрации).

Следует особо подчеркнуть, что данные микропереписей, хотя и масштабных, но все-таки выборочных исследований, совершенно не предназначены для уточнения оценок численности населения всей страны или его отдельных регионов. Микроперепись населения 2015 г. характеризуется наименьшим объемом выборки (1,5%) на фоне прошлых микропереписей 1985 и 1994 гг. (5%) и тем самым еще менее предназначена для оценки абсолютных показателей: численности населения, рождений, смертей и мигрантов. Главная задача микропереписей населения — дать представление о направленности изменений базовых структурных характеристик населения: состояния в браке, этнической структуры, структуры домохозяйств по числу проживающих, распределения женщин по числу рожденных детей, распределения населения по продолжительности проживания, группам здоровья и проч. К этим данным, как правило, добавляется полезная информация результатов опроса мнений населения о предпочитаемом и ожидаемом числе детей, о системе мер проводимой государством семейной и демографической политики. В той или иной степени микроперепись населения 2015 г. выполнила задачи, свойственные подобного рода обследованиям населения и, как показывают результаты исследования, представленные в докладе, способствовала лучшему пониманию происходящих социально-демографических перемен в российском обществе.

Сформулируем основные выводы, которые вытекают из углубленного анализа изменения абсолютных, интенсивных и структурных характеристик населения, демографических и миграционных процессов в России за последние десятилетия.

Преращение роста населения. Население России на начало 2017 г. составляло 146,8 млн человек. Долгое время население России росло: немногим более чем за 40 лет (с 1950 по 1993 г.) оно увеличилось в 1,5 раза — со 101,4 млн до 148,6 млн человек. Затем

рост населения прекратился. Это прекращение было не временным случайным событием, а закономерным результатом длительного демографического неблагополучия. Население страны давно уже увеличивалось лишь благодаря инерции, накопленной в возрастной структуре, уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства населения России начиная с середины 1960-х годов. С середины 1970-х годов некоторый вклад в рост населения вносила также миграция из бывших советских республик.

После 1993 г. началось сокращение населения страны, которое продолжалось 14 лет. Последние восемь лет (2009—2016 гг.) население росло, но рост невелик: оно увеличилось всего на 1,8 млн человек (без учета Крыма), и даже с учетом населения Крыма оно не вернулось к уровню 1993 г., после которого началась убыль населения. Главная же проблема заключается в том, что длительное сохранение даже этого небольшого роста маловероятно.

Нынешний рост обеспечивается почти исключительно за счет миграции. Положительный естественный прирост, появившийся в 2013 г., имел, скорее, символическое значение, по своей величине он был ничтожен, достиг 32 тыс. человек в 2015 г. (для сравнения: в 1985 г. он составлял 745 тыс. человек, в 1975-м — 809 тыс.), а в 2016 г. снова была зарегистрирована небольшая естественная убыль. Как показывают прогнозы (Росстата, ИДЕМ НИУ ВШЭ), она неизбежно будет быстро нарастать и даже по самому оптимистическому прогнозу к 2035 г. может приблизиться к 400 тыс. человек, а в случае если реализуется наиболее пессимистический вариант — может достичь 1 млн человек. В любом случае, возможности роста населения России в ближайшие десятилетия весьма ограничены. Определяющим фактором изменения численности населения России становится миграционный прирост. Он не только определяет изменение общей численности населения, но и при достаточной интенсивности и длительности оказывает существенное влияние на состав населения и его воспроизводство.

Изменения в демографической структуре домохозяйств. Основные изменения в демографическом составе домохозяйств в 1990-е годы были связаны с ростом доли неполных семей, главным образом материнских. Рост доли неполных семей происходил под влиянием нескольких факторов, к которым относятся высокий

уровень разводов и вдовства, а также рост числа внебрачных рождений. Кроме того, это десятилетие характеризовалось процессом, который можно назвать частичной «антинуклеаризацией» частных домохозяйств: объединение нескольких домохозяйств в одном жилище чаще всего по экономическим причинам.

Тенденции последнего десятилетия в основном продолжают тренды предыдущего за одним исключением — стабилизировалась доля неполных частных домохозяйств. Сложные многопоколенные домохозяйства также, видимо, не увеличивают свое присутствие в общей структуре.

Микроперепись 2015 г. по сравнению с переписью 2010 г. зафиксировала увеличение доли домохозяйств с двумя детьми и более среди как полных домохозяйств, так и домохозяйств одиноких супругов. Возможно, это есть результат активной демографической политики последнего десятилетия (усиление финансовой поддержки семей и, в частности, предоставление права на материнский капитал при рождении второго или последующих детей). Правда, сомнения в такой интерпретации вызывают увеличение доли многодетных среди неполных семей практически в той же пропорции, что и среди полных семей. В то же время нельзя проигнорировать и возможное влияние на оценку демографической структуры домохозяйств, в том числе и по числу детей в них, специфических особенностей дизайна выборки МПН-2015. Из-за небольшого объема выборки в структуре населения, участвовавшего в микропереписи, недопредставлены крупные регионы и городские агломерации, а также излишне представлены лица пожилого возраста. Так или иначе среднее число детей до 18 лет, принадлежащее на одно домохозяйство в 2015 г., лишь едва заметно больше, чем по результатам переписей 2002 и 2010 гг. (1,5 ребенка в 2015 г. против 1,4 в 2002 и 2010 гг.), и ниже, чем по оценке 1994 г. (1,6 ребенка).

Брачная структура населения и вероятность вступить в брак.

Данные МПН-2015 свидетельствуют о некотором повышении доли тех, кто имел опыт брака (супружества) в возрастах до 25 лет у мужчин и до 35 лет у женщин. Однако говорить о переломе тенденции в сторону более молодой брачности пока преждевременно. Нужны дополнительные исследования этого вопроса. Тем более что по данным официальной регистрации браков снижение возраста

женихов и невест не наблюдалось, а, напротив, продолжался устойчивый рост с середины 1990-х годов. Так, не исключено, что очевидное расширение понятия брака до «супружеского союза» при формулировке вопроса, впервые использованное в 2015 г., могло увеличить число молодых людей, решившихся отнести свои сожительства/партнерские союзы к числу браков/супружеских союзов, тем самым доля никогда не состоявших в «браке» снизилась.

Новейшие тенденции пока не привели к существенному изменению доли окончательного безбрачия. Доля лиц, никогда не состоявших в браке, в возрасте 50—54 лет и у мужчин, и у женщин увеличилась едва заметно, оставаясь в пределах 4—5%, т.е. на очень низком уровне в сравнении с другими развитыми странами.

Вплоть до переписи 2010 г. доля лиц, относящих себя к категории разведенных/разошедшихся, росла практически во всех возрастах. Перепись 2010 г. зафиксировала существенное изменение тенденции, которое подтвердилось данными МПН-2015. Так, среди мужчин до 40 лет (в особенности среди 20-летних) в последние годы наблюдается снижение относительного числа разведенных и разошедшихся как по сравнению с переписью 2010 г., так и по сравнению с еще более ранними опросами. У женщин, как свидетельствуют более свежие данные микропереписи 2015 г., мы имеем дело, скорее, с некоторыми колебательными и неочевидными трендами в разных возрастах.

По мере старения поколений — непосредственных свидетель Второй мировой войны и, тем более, предыдущих социально-политических и экономических кризисов число вдовствующих в России естественным образом сокращалось. В то же время данные опросов о брачном состоянии, проведенных в рамках переписей населения, включая перепись 2002 г., свидетельствовали о кризисной ситуации со смертностью, которая становилась все более острой, о чем говорил рост доли вдовствующих мужчин старше 50 лет. Повторные браки овдовевших мужчин, конечно, сглаживали ситуацию, в особенности учитывая наличие широкого выбора потенциальных невест — разведенных и вдовствующих женщин, однако не полностью. Перепись населения 2010 г. засвидетельствовала наконец-то первые признаки улучшения ситуации для мужчин и женщин. Микроперепись населения 2015 г. подтвердила сохранение положительных тенденций: во всех возрастах до 70 лет

число вдовствующих мужчин и женщин продолжило сокращаться и, что особенно отраднo, среди лиц среднего возраста, трудоспособного и репродуктивно активного.

Если верить результатам опроса, проведенного в рамках МПН-2015, то в эволюции брачной структуры российского населения произошел качественный перелом — доля состоящих в браке (зарегистрированном и незарегистрированном суммарно) мужчин и женщин повысилась во всех возрастных группах, кроме тех, кому было к моменту опроса 70 лет и более. Положительную роль сыграли и повышение интенсивности заключения браков, прослеживаемое с начала 2000-х годов, и снижение риска овдовения в силу достаточно быстрого снижения смертности и некоторой стабилизации показателей разводимости.

Следует особо остановиться на распространенности неформальных союзов в России. Микропереписи 1994, 2015 гг. и переписи населения 2002 и 2010 гг. позволяют проследить рост распространенности таких союзов за два десятилетия на основе наиболее репрезентативных для России данных выборочных исследований. Из данных МПН-2015 следует, что сегодня более чем каждый десятый брак не имеет официального оформления. Этот показатель удвоился по сравнению с 1994 г. Поэтому не удивительно, что в России каждый четвертый-пятый ребенок рождается вне официального брака. Новость, которую принесли данные микропереписи 2015 г., заключается в том, что среди 30-летних мужчин и женщин, 40-летних мужчин, среди женщин и мужчин 50 лет и старше отмечается снижение доли тех, кто декларирует, что союз, в котором они состоят с партнером, не имеет формального оформления. Возможно, мы имеем дело с признаками торможения или даже консервативного отката в процессе деинституционализации брака в России, отражающими складывающиеся в стране общественные настроения. А возможно, особенности дизайна построения выборочной совокупности опрошенных в рамках МПН-2015 сыграли определенную роль. Дальнейшие исследования, в том числе и данные очередной всеобщей переписи населения, ожидаемой в 2020 г., помогут лучше понять тенденции.

Наиболее принципиальные исторические тренды, подтвержденные и данными МПН-2015, заключаются в увеличении для россиянина времени пребывания в одиночестве как по причине

роста риска развода и соответствующего увеличения длительности пребывания в категории разведенных/разошедшихся, так и по причине усиливающегося откладывания брака. Период одиночества после развода отнимает у брачной жизни в репродуктивном возрасте более четырех лет у женщин и почти три года у мужчин. Еще пару десятилетий назад, следуя традициям, в брак вступали существенно раньше, чем сегодня: время ожидания суженой и суженого увеличилось на два-три года и у мужчин, и у женщин.

Совмещение данных переписей/микрореперисей населения о числе лиц, никогда не состоявших в браке, с данными текущей статистики регистрации браков позволяет построить по аналогии с классическими таблицами смертности (дожития) вероятностные таблицы брачности. Сравнение возрастных функций вероятности зарегистрировать первый брак для мужчин и женщин, полученных из таблиц брачности, базирующихся на данных переписей населения 1989, 2010 гг. и микрореперисей населения 2015 г., показывает, что за 20 лет, разделяющих две первые исторические точки сравнения, произошли очень большие изменения: 1) падение общей интенсивности вступления в первый брак (двукратное в возрастах до 25 лет); 2) увеличение на несколько лет показателей среднего возраста женихов и невест; 3) расширение разнообразия возрастов при регистрации первого брака. За пять лет, отделяющих МПН-2015 и перепись 2010 г., отмеченные тенденции сохранялись, хотя и были менее заметны, в особенности для женщин.

По результатам серии таблиц брачности можно предположить, что показатель окончательного безбрачия для россиян повышается. Особенно проблематично выглядят перспективы для сельских мужчин — доля никогда не состоявших в зарегистрированном браке к возрасту 50 лет может превысить 10% (в соответствии с таблицами для 2015 г. — даже достигнуть 17%). Для женщин ожидаемая доля не имеющих опыта пребывания в официальном браке к 50 годам пока остается очень низкой по мировым меркам — 6—7%. Для большинства развитых стран ожидаемые оценки, как минимум, в 2 раза, а для некоторых стран с особо высоким распространением неформальных супружеских отношений — и в 3 раза выше.

Этнический состав населения через призму межнациональных семей. Процессы межэтнического взаимодействия, с одной сторо-

ны, оказывают влияние на формирование национального состава населения страны и его перспективы, а с другой — являются результатом длительных исторических событий и многочисленных специфических особенностей страны как многонационального государства. В работе были представлены результаты во многом инновационного исследования межэтнических взаимодействий на основе предложенных авторами различных индикаторов и характеристик этнически смешанных семей: метода декомпозиции и алгоритмов расчета межэтнических дистанций. Описанные новые показатели позволили существенно уточнить прежние выводы относительно распространенности межэтнических семей, обнаружить новые свойства и закономерности их формирования. Так, причина существенных различий в распространенности смешанных пар у разных национальностей, видимо, заключается не только во взаимной близости рассматриваемых этносов и народностей, населяющих Россию, которым они отдают предпочтения, но и в числе межэтнических барьеров, их высоте и силе. Эти барьеры носят различную природу — языковую, культурно-бытовую, профессиональную и проч. Многие из них «отдаляют» один этнос от другого и могут существенно препятствовать образованию смешанного брака или, по крайней мере, снижать его шансы. В результате того, что часть этнических групп имеет большее число таких барьеров, они выше или их труднее преодолеть, у них существенно снижается число таких смешанных браков. Кроме того, во многих этнических комбинациях число смешанных семей может объясняться не столько каким-либо взаимным межэтническим предпочтением потенциальных супругов, сколько их географической разделенностью, вызванной тем, что существенная часть этих народностей проживает в разных регионах страны. За счет этого вероятность их потенциальной встречи, проживания в одном населенном пункте, совместной работы или учебы существенно снижается, а значит, и существенно снижаются для них шансы формирования моноэтнической семьи.

Рождаемость и планирование семьи. Россия в 1990-х годах вступила на путь фундаментальной структурной трансформации модели рождаемости и брака, выразившейся в изменении ее возрастного профиля, интервалов времени между началом совместной жизни партнеров и рождением первенца, интервалов между рожде-

ниями детей различной очередности, структуре рождений в первом и повторном союзе, вне брака и многого другого. Безусловно, эти изменения, как и в других постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, шли рука об руку с радикальными политическими и социально-экономическими изменениями в обществе, происходившими в то время, и не в последнюю очередь инициировались ими.

В то же время структурные трансформации модели рождаемости, как теперь уже можно с уверенностью утверждать, опираясь в том числе и на данные микропереписи 2015 г., слабо сказались на итоговых показателях рождаемости реальных поколений (или истинном уровне рождаемости), но в то же время вызвали серьезные колебания в показателях рождаемости для условных/гипотетических поколений и, в частности, такого широко известного показателя, как коэффициент суммарной рождаемости (КСР) для календарных лет, используемого сегодня в качестве целевого индикатора при формировании направлений и ориентиров демографической политики в России. Данный показатель не фактического, а весьма абстрактного, ожидаемого уровня рождаемости несовершенен и в условиях активно протекающей трансформации возрастного профиля деторождения способен давать дезориентирующие сигналы для политиков, на что неоднократно указывали специалисты.

Десятилетие, прошедшее после принятия радикальных пронаталистских мер в России, продемонстрировало их низкую демографическую результативность. Сомнений нет, что между переписью 2002 г. и МПН-2015 рождаемость в России снизилась, и для некоторых возрастов было характерно довольно быстрое ее падение. Можно также констатировать, что снижение итоговой рождаемости от поколения к поколению замедлилось в последние пять лет, и фиксируются даже едва заметные обнадеживающие признаки стабилизации, насколько об этом можно судить по результатам накопленной рождаемости 30-летних женщин.

По самой оптимистической оценке, основанной на надежных расчетах ожидаемых изменений в величине итоговой рождаемости реальных поколений, максимальная оценка демографического результата политики 2007—2016 гг. может быть оценена в раз-
мере 0,15 рождения на одну женщину. Эта оценка получена

отнесением *всего ожидаемого* положительного прироста итогового показателя рождаемости поколений на счет благотворного влияния политики по стимулированию рождаемости. Эта же оценка поддерживается наиболее надежными замерами мнений о желаемом числе детей, базирующимися на данных микропереписей 1994 и 2015 гг.

Однако, вероятнее всего, вклад политики в изменение уровня рождаемости в России в последнее десятилетие должен оцениваться скромнее. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты углубленного анализа долгосрочных тенденций рождаемости реальных поколений в России и других странах, в том числе соседей по Восточной Европе, также переживающих восстановительный рост показателей рождаемости для условных и реальных поколений, а также результаты наиболее надежных выборочных исследований семьи и рождаемости, проведенных в России (в частности, речь идет о замерах ожидаемого числа детей у женщин, проведенных в рамках МПН-2015, и др.). Скорее всего, действительный эффект политики по стимулированию рождаемости не превышает 0,1 рождения на одну женщину в терминах итоговой рождаемости поколений. Похожий эффект в прошлом имели инновационные меры советской семейной политики в 1980-х годах.

Действующая сегодня в России семейно-демографическая и социальная политика в целом имеет очень скромное влияние на уровень итоговой рождаемости поколений, но в то же время она оказывает серьезное воздействие на календарь или, точнее, на темпы деторождения, а также на некоторые структурные характеристики рождаемости. С достаточной уверенностью можно утверждать, что в России, по крайней мере временно, приостановилась тенденция постарения материнства, сократились до исторического минимума интервалы между первыми и вторыми рождениями у матери, несколько увеличилась вероятность повторных рождений (особенно заметно третьих по счету), в том числе в очень молодом возрасте и в первую очередь в группах населения с низким образовательным статусом, в сельской местности, а также среди представителей национальных меньшинств, не завершивших исторический переход к идеальной модели двухдетной семьи на основе эффективного внутрисемейного контроля рождаемости. Как следствие, Россия столкнулась с фактом увеличения социальной, ре-

гиональной и этнодемографической неоднородности, в особенности сельского населения, объясняемой неодинаковой реакцией на финансовые меры молодежных групп населения: социальные группы с рождаемостью выше средней отреагировали на стимулирующие меры сильнее, чем социальные группы с рождаемостью ниже средней.

Сохранят ли в дальнейшем самые молодые поколения россиян робко высказываемый ими сегодня оптимизм в отношении перспектив своего деторождения, покажет будущее. Приведет ли позитивный настрой молодежных групп к положительным сдвигам в фактическом демографическом поведении и к более высоким показателям рождаемости, совершенно не очевидно. Не исключено, что все отмеченные выше подвижки сведутся к хорошо известным конъюнктурным, календарным сдвигам в деторождении. Однако даже если надежды на подвижки в отношении уровня рождаемости подтвердятся, сами эти изменения не будут иметь принципиального значения с точки зрения режима воспроизводства населения страны. Более того, можно с уверенностью утверждать, что в средне- и долгосрочной перспективе при сохранении нынешних репродуктивных намерений и установок, а также при условии ожидаемых и возможных изменений жизненных условий, политики помощи семье не следует ожидать сдвигов в уровне рождаемости россиян, выходящих за границы колебаний, наблюдаемых в последние полвека. В обозримой перспективе нескольких десятилетий уровень рождаемости в России не будет достаточным для воспроизводства населения, тем самым постоянно будут актуализироваться проблемы негативного естественного прироста и роста населения страны в целом.

Изменение числа рождений обычно справедливо связывают с меняющимся числом вновь создающихся брачных пар и со сдвигами в брачной структуре населения. При этом исходят из того, что лица, находящиеся в браке, традиционно более склонны к рождению детей. В последние десятилетия в связи с массовым распространением супружеских союзов, не основанных на официальном браке (сожительств), жесткая связь рождаемости с тенденциями зарегистрированной брачности может быть поставлена под сомнение, на что, в частности, указывает динамика внебрачной рождаемости.

Снижение и рост общего числа рождений в России в послевоенное время сопровождались как ростом, так и снижением доли внебрачных рождений. В какие-то периоды изменения этих показателей были синхронными, а в какие-то — асинхронными, как, например, во второй половине 1990-х годов, когда число внебрачных рождений быстро увеличивалось, а общее число рождений (в браке и вне брака) снижалось.

В последнее десятилетие на фоне общего роста числа рождений в России наблюдается сокращение доли детей, рожденных вне официального брака, среди всех родившихся. Казалось бы, можно ставить вопрос о снижении интенсивности внебрачных рождений. Однако специальные расчеты, опирающиеся на информацию о состоянии в зарегистрированных браках, полученную в переписях населения 2002, 2010 гг. и микропереписях 1994 и 2015 гг., свидетельствуют, что рождаемость условных поколений в зарегистрированном браке за последнюю четверть века в целом мало изменилась, хотя и претерпела существенные колебания в рассматриваемый период, в том числе и по причине конъюнктурных изменений социально-экономической и политической среды (в пределах 0,4 рождения в расчете на одну женщину), а рождаемость женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, напротив, демонстрировала монотонный рост, хотя и с замедлением темпа: в 2015—2016 гг. он стал на 60%, или почти на 0,2 рождения на одну женщину, выше по сравнению с началом 1990-х годов: 0,42 против 0,26.

Особое место в наших исследованиях занимает изучение инструментальной основы контроля рождаемости на внутрисемейном и индивидуальном уровне — меняющейся практики в области планирования семьи. В то же время информационная основа таких исследований никогда не была особенно широкой, а в последнее время обозначилось ее целенаправленное сужение со стороны Министерства здравоохранения РФ. В 2015 г. специалисты Минздрава России разработали, а Росстат утвердил новую форму для статистического учета аборт в учреждениях здравоохранения, входящих в систему Минздрава. Теперь аборт следует называть «беременностями с абортивным исходом» взамен «прерываний беременности» в прежних регламентирующих документах. Изменилось не только наименование абортов, но и содержание собирае-

мых сведений об абортах. Широкий блок «Беременность с абортивным исходом» включает помимо прерванных беременностей всеми способами еще и внематочную беременность, пузырный занос, анормальные продукты зачатия, неудачную попытку аборта и др. С одной стороны, учет стал в большей степени соответствовать Международной классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра (МКБ-10), но с другой — практически утрачена сопоставимость информации с предыдущими годами, что сильно затрудняет (если не сказать, делает невозможным) дальнейшее изучение сопоставимых рядов динамики аборт в России, в том числе по его основным видам. Всего в 2016 г. Ростатом было учтено 836,6 тыс. беременностей с абортивным исходом. Какую долю из них составляют искусственные аборты, неизвестно. Также нельзя определить, как изменилось число прерванных беременностей по сравнению с 2015 г.

Что касается государственной политики, то кроме ограничения доступности аборта, в том числе за счет навязывания дополнительных консультаций немедицинского профиля, и сокращения статистической информации об абортах в последние два десятилетия никаких мер по продвижению ответственного родительства в России не предпринималось. Напротив, Россия усилила пронаatalистский курс в социальной политике, что, по мнению многих чиновников, несовместимо с пропагандой контрацепции. Как показал анализ Европейского парламентского форума в области народонаселения и развития, Россия занимает одно из последних мест в Европе с точки зрения доступности надежной информации о современных методах контрацепции. Сексуальное образование по-прежнему отсутствует. Тем не менее контрацепция не запрещена, хоть и не входит в систему обязательного медицинского страхования, и при желании современные противозачаточные средства можно приобрести. Несмотря на равнодушие государства, контрацептивная революция в России продолжается, что благоприятно сказывается на динамике уровня аборт — их число сокращается.

Отношение к мерам семейной политики. Анализ ответов на специальный вопрос микропереписи 2015 г. показал, что наиболее привлекательна для населения такая предполагаемая мера семейной политики, как беспроцентная ссуда на приобретение жилья согласно социальным нормам на человека. Она опережает по популярно-

сти такие следующие за ней меры, как федеральный и региональный материнский капитал, возможно, потому, что предлагает альтернативу приобретению жилья посредством ипотеки, довольно рискованному в условиях нестабильной экономики. Наименее популярным среди респондентов оказался гибкий график занятости, в том числе надомная работа, видимо, в связи с тем, что участникам кажется, что в этом случае и зарплата будет меньше, и детям все равно будет сложно уделять достаточно внимания, а усталость может получиться большей, чем от ненормированного рабочего дня. Важно отметить, что на вопрос о предпочитаемых пронаталистских мерах политики отвечали только те респонденты, которые выразили желание иметь больше детей, чем у них уже есть, и поэтому на основе анализа данных МПН-2015 мы не можем сказать, каким было бы мнение о различных мерах семейной политики всех остальных людей (большинства), а ведь оно тоже имеет значение. При этом о количестве рожденных детей напрямую спрашивали только женщин, что тоже ограничивает возможности анализа. Наш анализ позволяет увидеть, что есть существенная дифференциация в восприятии мер семейной политики в зависимости от числа уже имеющихся детей, такая, что можно гипотетически выделить тех, кто не хочет иметь более двоих детей ни при каких условиях (их реакция на меры, нацеленные именно на третьего ребенка, существенно менее позитивная, чем у других групп), и тех, кто, возможно, хочет не более одного (они особенно высоко оценивают детские сады и другие меры, поддерживающие женскую работу), и (в сельской местности и при низком уровне образования) тех, кто хочет не более троих детей, поскольку их восприятие тоже существенно отличается от мнений тех, кто хочет больше детей.

В целом можно сказать, что приобретение жилья по беспроцентной ссуде, возможно, могло бы действительно повлиять на некоторые молодые семьи и ускорить рождение у них детей, особенно если рождение каждого ребенка позволяло бы не возвращать какую-то часть ссуды. Но нельзя утверждать, что результирующий рост рождаемости стал бы по-настоящему существенным, учитывая тот факт, что большинство имеет довольно четко определенные пределы того количества детей, которое им хотелось бы иметь.

Смертность, продолжительность жизни и здоровье населения. За последние полвека продолжительность жизни в России росла

у мужчин в общей сложности на протяжении 25 лет, а у женщин — 28 лет, и более половины из этих лет приходится на 2004—2016 гг.

Изменения смертности с 2003 г. носили восстановительный характер, поскольку в значительной части рост продолжительности жизни лишь компенсировал потери, понесенные в предыдущие годы. Заметим, что достигнутый к 2016 г. уровень продолжительности жизни в России все еще значительно отстает от уровня развитых стран. Так, российский уровень ожидаемой продолжительности при рождении 2016 г. отмечался во Франции у мужчин почти 60 лет назад, в 1958 г., а у женщин — 40 лет назад, в 1976 г.

За период с 2003 по 2016 г. рост ожидаемой продолжительности жизни у мужчин был в 1,5 раза выше, чем у женщин, как в городах, так и в сельской местности (соответственно у мужчин — 7,96 и 8,04 года и у женщин — 5,23 и 5,22 года). Начиная с 2013 г. у мужчин и с 2009 г. у женщин продолжительность жизни в каждый последующий год была выше, чем когда-либо в прошлом. Однако темпы роста продолжительности жизни существенно различаются и у мужчин, и у женщин по календарным годам, а также у городских и сельских жителей. Рост в 2003—2005 гг. был весьма медленным, особенно в сельской местности, а у сельских женщин вообще до 2005 г. можно говорить о стабильности уровня. После 2005 г. скорость заметно возросла, но неустойчивость сохранилась. В 2016 г. по сравнению с 2015-м рост ожидаемой продолжительности жизни незначительно отличался от среднегодового уровня 30-летнего периода: у мужчин рост составил 0,58 года, а у женщин — 0,35. При этом и у мужчин, и у женщин ожидаемая продолжительность жизни значительно выросла среди сельских жителей, чем среди городских (у мужчин соответственно на 0,67 против 0,54 года и у женщин — 0,46 и 0,31 года).

Росту продолжительности жизни существенно способствовало снижение детской смертности, но в последний период большее влияние на рост продолжительности жизни оказывало снижение смертности взрослого населения, о чем наглядно свидетельствует динамика ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет. В настоящее время продолжительность жизни 15-летних женщин выше, чем когда-либо в прошлом, но продолжительность жизни 15-летних мужчин в 1960—1964 гг. была несколько выше, чем сегодня.

В целом за период 2004—2015 гг. рост ожидаемой продолжительности жизни у женщин почти на половину (2,33 года, или 46,8% общего прироста) был обеспечен снижением смертности в возрастах 65 лет и старше от болезней системы кровообращения, в том числе на четверть от снижения смертности от инсультов и на 17% от ишемии. У мужчин наибольший вклад в рост продолжительности жизни внесло снижение смертности в трудоспособных возрастах от внешних причин и несколько меньше от болезней системы кровообращения, в первую очередь от ишемии. Меньшей значимости было снижение смертности в старших возрастах у мужчин от инсультов и ишемии.

Вместе с тем рост смертности в старших возрастах от других и неустановленных причин смерти снизил продолжительность жизни у женщин на 0,26 года и у мужчин на 0,10 года, а от болезней органов пищеварения — соответственно на 0,05 и 0,02 года.

У женщин наибольший по значимости вклад в рост продолжительности жизни вносит снижение смертности в старших возрастах от болезней системы кровообращения, в том числе несколько больше от ишемии, чем от инсультов. Также увеличило продолжительность жизни женщин на 0,08 года снижение смертности от внешних причин в средних возрастах. В то же время у женщин, как и у мужчин, отмечается рост смертности в старших возрастах от других и неустановленных болезней, что способствовало снижению продолжительности жизни соответственно на 0,15 и 0,06 года.

Серьезную проблему для России продолжает представлять огромный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между регионами, особенно если рассматривать городское и сельское население каждого региона как независимый объект наблюдения. В 2003—2015 гг. разрыв между минимальным и максимальным значениями у мужчин колебался в интервале от 21,9 до 25,7 года, у женщин — от 18,7 до 24,6 года при общей тенденции к увеличению этих различий. Так, в 2016 г. у мужчин разрыв еще больше увеличился и достиг рекордных 29,4 года, а у женщин, напротив, немного снизился по сравнению с предыдущим годом — до 22,5 года, но тем не менее он остается чрезвычайно высоким для развитой страны.

Анализ данных микропереписи населения России 2015 г. показал существенное региональное неравенство распространенно-

сти хронических заболеваний и инвалидности, увеличивающееся с возрастом и указывающее на наличие регионов-аутсайдеров (республики Алтай и Ингушетия).

Анализ тенденций неравенства смертности по образованию в России на основе доступных данных, в том числе с использованием данных МПН-2015 об образовательном составе населения, свидетельствует, что в целом ожидаемая продолжительность жизни для мужчин в возрастах от 30 до 70 лет (ОПЖ30—69) к 2015 г. выросла по сравнению с 1979 г. на 0,89 года, в том числе за счет благотворного изменения образовательной структуры населения на 2,04 года и снижения смертности лиц с высшим образованием на 0,23 года. Рост смертности в группах со средним и более низким уровнем образования сократил ОПЖ30—69 на 0,39 и 0,99 года соответственно.

Международная миграция. После того как в 2013 г. была введена, а в 2014 г. окончательно отлажена система автоматизированного учета мигрантов, пересекающих государственную границу, миграционный баланс, согласно данным Росстата, практически стабилизировался. Мигрантов из стран дальнего зарубежья и Балтии Росстат учитывает значительно полнее, чем МВД России, тогда как в отношении учета прибывших из СНГ преимущество у МВД.

Мигранты из СНГ чаще всего едут в Россию работать. Заявивших об этом прямо в 2016 г. было почти 4 млн человек из 6,2 млн поставленных на миграционный учет впервые, т.е. $\frac{2}{3}$. Немало едущих в поисках работы скрывается и среди декларирующих частные цели — 1,7 млн человек (26,8% потока). На учебу в Россию из СНГ приехало всего 233,1 тыс. человек (3,7%), и еще меньше (200,1 тыс., или 3,1%) отметили в качестве цели въезда туризм. Это намного меньше по сравнению с приехавшими из других стран. Например, учебный поток из Казахстана более чем в 3 раза перекрыл туристический поток и был примерно равен трудовому потоку.

Микроперепись 2015 г. подтвердила главную роль Украины в качестве российского донора. На уроженцев этой страны пришлось самая высокая в СНГ доля сменивших место жительства с 2010 по 2015 г. — 31,2%. В первую тройку стран по этому показателю, но со значительным отставанием от Украины вошли Казахстан (17,6%) и Узбекистан (13,7%).

Согласно Всеобщей переписи населения 2010 г., в России насчитывалось 10,5 млн уроженцев стран бывшего СССР (7,4% населения). По микропереписи 2015 г. таковых оказалось 6,3%, из них выходцев из Украины — 28,4% (в 2010 г. — 27,3%), из Казахстана — 24,2% (в 2010 г. — 23%), каждый 10-й родился в Узбекистане.

По данным ВПН-2010 чуть менее полумиллиона жителей России являлись уроженцами дальнего зарубежья. Среди них преобладали выходцы из Германии (33,6%), Китая (13,4%), Польши (6,9%), Венгрии (4%), Вьетнама (3,3%). Микроперепись 2015 г. зафиксировала повышение доли уроженцев Германии до 37%.

Из 135,5 тыс. уроженцев стран бывшего СССР, охваченных МПН-2015, 41,4% приехали в Россию до 1991 г., а еще 35,8% являются представителями этнических групп, традиционно проживающих в России, 24,8% — уроженцы других стран, которые составляют около 1,6% населения Российской Федерации.

За пятилетие между переписью 2010 г. и микропереписью 2015 г. среди уроженцев стран бывшего СССР заметно выросла доля имеющих образование не ниже среднего. Но произошло это при росте доли среднего профессионального и сокращении имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Наибольшая доля мигрантов с высшим образованием — у приехавших из Туркмении и Украины. Но туркменский поток очень небольшой, а вот украинский вносит весьма весомый вклад в качество рабочей силы в России. Отметим, что среди выходцев из Туркмении много этнических русских, которые выехали из республики еще до 1991 г., в основном это квалифицированные специалисты, проживающие в крупных городах. Уроженцы Киргизии, Таджикистана, Азербайджана, Армении и Молдавии на фоне остальных республик выделяются пониженным уровнем высшего образования.

Объемы временной миграции в Россию после резкого сокращения в 2015 г. так и не вышли на докризисный уровень, более того, по сравнению с предыдущим годом в 2016 г. они уменьшились еще на 5—7%. Количество иностранцев, прибывавших с различными целями на территории России в течение 2016 г., колебалось вокруг отметки в 10 млн человек (максимум наблюдался в конце сентября — 10,4 млн, минимум — в конце декабря — 9,6 млн). Однако в отличие от предыдущего 2015 г. в 2016-м вновь проявилась

сезонность пребывания иностранцев, т.е. рост их численности летом и падение к концу года.

Численность группы, статистически определенной как «трудо­вые мигранты» (т.е. те иностранцы, кто при въезде в Россию указал в миграционной карте цель «работа по найму»), менялась в 2016 г. от 3,6 млн до 4 млн человек (в 2015 г. показатель колебался в пределах от 3,7 млн до 4,1 млн). Подавляющее большинство мигрантов данной категории (около 96%) были выходцами из стран СНГ, из дальнего зарубежья число прибывавших с трудовыми целями мигрантов не превышало 150—170 тыс. Пятерка стран — лидеров из числа доноров трудовой миграции в Россию выглядит следующим образом: Узбекистан (около 36% мигрантов), Таджикистан (19%), Киргизия (10%), Украина (9%), Армения (7%). Из стран дальнего зарубежья в лидерах Китай, КНДР и Вьетнам.

Далеко не все из тех, кто указывал при въезде в Российскую Федерацию цель «работа», оформляли затем разрешительные документы для трудоустройства. Число оформленных патентов и разрешений на работу (РНР) в 2016 г. по сравнению с 2015-м вновь уменьшилось, хотя и не так резко.

Подавляющее большинство патентов оформляли граждане Узбекистана и Таджикистана: на их долю пришлось 82% всех патентов, выданных мигрантам за 2016 г. (в 2015 г. — 77%). При этом граждане Украины получили только 11% патентов (в 2015 г. — 12%), хотя общая численность граждан этой страны на территории России близка к суммарной численности граждан Узбекистана и Таджикистана. Еще больше снизилась доля выходцев из Молдавии, использующих патент как инструмент легализации, — с 6% в 2015 г. до 4% в 2016-м.

Основной вклад в региональные бюджеты в виде ежемесячных платежей за патенты (44,9 млрд руб. в 2016 г., 33,3 млрд руб. — в 2015-м) вносят именно выходцы из Средней Азии — Узбекистана и Таджикистана.

Внутрироссийская миграция. С формальной точки зрения объемы внутренней миграции в 2016 г. не изменились по сравнению с предыдущим годом и составили 4131 тыс. человек. Однако в этой величине, характеризующей общее число переселений, чуть более четверти теперь составляет категория «возвратившиеся после временного пребывания на другой территории», появившаяся после

изменения методики учета миграции в 2011 г. Это означает, что фактически каждое четвертое внутреннее переселение может являться перемещением только «на бумаге»: люди могут оставаться в своих новых местах пребывания, но их учетные документы будут свидетельствовать, что они вернулись домой, так как закончился срок их регистрации, при этом какая-то доля, вероятно, возвращается реально, а какая-то оформляет новую регистрацию по месту пребывания на новый срок. Удельный вес этой не вполне понятной категории «возвращающихся» мигрантов, появившейся после изменения методики статистического учета миграции в 2011 г., нарастает.

Возросшие масштабы регистрируемой миграции (результат изменения упомянутой выше методики учета) в целом начиная с 2011 г., вели к увеличению перераспределения населения между территориями страны и росту показателей встречных потоков. Однако в 2016 г. перераспределение населения между федеральными округами и регионами снизилось.

В 2016 г. население продолжало перераспределяться в пользу Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов. Однако по сравнению с началом 2010-х годов приток в Центр был несколько ниже, зато Северо-Запад усилил притягательность и уже почти не теряет население в миграции с Центральным федеральным округом. Увеличение миграционного прироста Южного федерального округа по сравнению с прошлыми годами обеспечило включение в его состав Республики Крым и г. Севастополя, по привлекательности эти территории сравнимы с причерноморскими территориями Краснодарского края. В 2016 г. впервые «абсолютным донором» всех округов стал Сибирский федеральный округ — он имел миграционную убыль со всеми прочими округами. До сих пор таковым был Дальневосточный федеральный округ, но по интенсивности миграционной убыли он все равно опережает Сибирский.

«Западный дрейф» (переток населения из округов азиатской части страны в европейскую) несколько уменьшился по сравнению с 2015 г. и составил 88,6 тыс. человек (в 2015 г. — 101 тыс.).

Центрами притяжения мигрантов остаются две крупнейшие агломерации и Краснодарский край. При этом постепенно разрыв между Московской и Санкт-Петербургской агломерациями сокра-

щается. Остальные центры, выделявшиеся устойчивым притоком внутрироссийских мигрантов в 1990—2000-е годы, очень сильно отстали от «лидеров», а некоторые из них (Самарская, Нижегородская области, Ставропольский край) больше не являются притягательными.

Распределение мигрантов по возрасту в 2016 г. сохраняло особенности прошлых лет. Возрастные профили внутристрановой миграции характеризуются острым пиком в возрасте 18 лет, что соответствует возрасту окончания школы и поступления в высшие учебные заведения. При этом внутрирегиональная миграция характеризуется сравнительно более ранним подъемом интенсивности потока, так как часть молодых людей переезжает в города для поступления в последний класс школы, а также в целях поступления в учреждения среднего профессионального образования. Межрегиональная миграция имеет второй пик в возрасте 21—22 лет, который связан либо с возвратной миграцией после окончания бакалавриата (специалитета), либо с переездом с целью обучения в магистратуре в другой регион, либо с иными перемещениями. Межрегиональную миграцию по сравнению с внутрирегиональной характеризует более высокая интенсивность в возрастах 25—45 лет.

В старших возрастах интенсивность миграции невысока, в целом по России «пенсионный» пик миграции не выражен. Однако он присутствует в выбытиях из северных регионов и прибытиях в соответствующих возрастах в некоторых южных регионах.

Согласно данным микропереписи 2015 г., 57,5% опрошенных проживали в месте постоянного жительства с рождения, 42,5% — не с рождения. Такое соотношение местных и неместных уроженцев более походит на данные ВПН-2002, когда доля местных уроженцев составила 55,8%, чем на данные ВПН-2010, — 46,2% соответственно.

Данные микропереписи 2015 г. позволили оценить накопленный уровень миграций к тому или иному возрасту. Так, кривая накопленной частоты когда-либо менявших место жительства круто взлетает вверх к 25 годам, достигая трети опрошенных, — это возраст, когда в основном завершается профессиональная учеба, приобретает специальность, молодежь обзаводится семьей и решает, где ей жить. Процесс накопления мигрантов с возрастом и далее остается довольно быстрым. К 80 годам в населении накапливается

619 мигрантов, хотя бы один раз переезжавших, на 1000 жителей (и соответственно 381 никуда не переезжавших из 1000). Доля россиян, не имевших опыта территориальной мобильности, — более трети, представляется весьма высокой. Здесь отражаются трудности с жилищной обеспеченностью, проблемы с пропиской и другие факторы, сдерживающие мобильность.

Мужчины заметно мобильнее по сравнению с женщинами: их накопленная мобильность в пожилом возрасте на 6,9 п.п. превышает женскую, в трудоспособном возрасте разница достигает 8,8 п.п.

До 24-летнего возраста городские и сельские поселения накапливают мигрантов почти с равной скоростью, затем село быстро опережает город. В возрасте 30—34 лет село по мобильности уже на треть опережает город, к старшим возрастам разница сокращается до 20%, а в 70-летнем возрасте показатели сравниваются. В преддверии периода, когда в стране будет отсутствовать естественный прирост молодежи в возрасте 20—29 лет, высокая мобильность сельских жителей особенно важна.

В ходе МПН-2015 впервые были собраны данные о месте регистрации населения: 85% опрошенных располагали регистрацией в помещении, в котором проживали, подавляющее большинство (83,7%) имели регистрацию по месту фактического проживания. Регистрацию по месту пребывания имели только 1,1%, что явно говорит о недоучете этой категории населения при микропереписи 2015 г.

В программе МПН-2015 также впервые был поставлен вопрос об отсутствующих в помещении сроком более одного месяца. Отсутствующие такой срок составили 1,4% опрошенных. На основании сравнения с другими источниками информации представляется, впрочем, что и эта цифра занижена. Среди причин отсутствия в помещении на сравнительно короткий срок (до одного года) преобладает работа, на срок 1—5 лет — учеба. Таким образом, микроперепись 2015 г. продемонстрировала те же ограничения для изучения миграции, что и всероссийские переписи населения.

Актуальные задачи. И сегодняшняя, и завтрашняя демографическая ситуация в России и, соответственно, порождаемые ею вызовы определяются, с одной стороны, тенденциями трех главных демографических процессов — рождаемости, смертности и мигра-

ции — и их взаимодействием, а с другой — сложившимся половозрастным составом населения.

Ответ общества на стоящие перед ним вызовы также может быть двояким.

Можно попытаться изменить тенденции демографических процессов, воздействуя на них мерами экономической, социальной, демографической и культурной политики, с тем чтобы привести эти тенденции в большее соответствие с неоспоримыми интересами общества. Примером такого ответа могут служить меры, направленные на снижение смертности.

Но не менее важно, воздействуя на те процессы и тенденции, которые поддаются изменениям, осознать, что современное демографическое развитие в России, как и во всех странах, порождает и такие тенденции, которые изменить нельзя. Пример — демографическое старение. В подобных случаях ответ на вызовы заключается не в том, чтобы противиться объективно неизбежным переменам, даже если они кажутся нежелательными, а в том, чтобы наилучшим образом приспособиться к необратимо изменившейся ситуации. Соответственно, и политика должна способствовать скорейшей адаптации общества к новым условиям его демографического бытия.

Россия, как и любое другое современное государство, сталкивающееся с демографическими вызовами, стоит перед необходимостью выработать и реализовывать политику в отношении всех трех демографических процессов: рождаемости, смертности миграции. И во всех трех случаях необходимо учитывать, что политика — это искусство возможного, хотя возможности каждого из трех направлений политики не одинаковы.

Наиболее ограничены возможности политики в области рождаемости, особенно если понимать ее как пронаталистскую, направленную на увеличение среднего числа рождений. Количественные цели такой политики не имеют большой перспективы. Возврат к высокой рождаемости прошлых эпох невозможен, потому что огромное снижение смертности сделало такую рождаемость ненужной. Речь может идти только о небольших подвижках в рамках низкой рождаемости, которые могут служить некоторым индикатором социального благополучия семей и в этом смысле оцениваться как позитивные, когда рождаемость растет,

или как негативные, когда она падает. Именно в этом смысл подерживаемого нами смещения акцента с «демографической» на «семейную» политику с точки зрения целей политики и используемых инструментов. Но сколько-нибудь существенного вклада в решение проблем недонаселенности России или структурных дисбалансов ее возрастной пирамиды такие подвиги внести не могут.

Намного больше нереализованных возможностей у политики охраны здоровья и снижения смертности. Об этом говорит сам факт отставания России по продолжительности жизни и по продолжительности здоровой жизни от очень многих стран, в которых эти возможности реализованы в гораздо большей степени. Ликвидация этого отставания — очевидная цель политики, однако учитывая, что в очень многих странах этот показатель уже сейчас превышает 80 лет и продолжает расти, достижение такой цели — очень непростая задача. Оно предполагает масштабный прорыв в эффективности всей деятельности, направленной на охрану здоровья и жизни людей, но он возможен только при концентрации на решении этой задачи намного большего внимания и больших ресурсов, чем сейчас.

И наконец, еще больше возможностей у миграционной политики, по крайней мере теоретически. Применительно к российской ситуации это вопрос об использовании иммиграции как демографического ресурса для компенсации естественной убыли и обеспечения демографического роста. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о временной трудовой миграции, необходимой для покрытия дефицита на рынке труда (это, скорее, экономический, а не демографический вопрос, хотя это тоже область миграционной политики), а о постоянной миграции, заканчивающейся натурализацией мигрантов и их превращением в полноправных граждан России. Здесь от политики зависит очень много, ее возможности весьма велики, хотя тоже не безграничны. Потенциальными источниками миграции в Россию, как и во все развитые страны, могут стать многие перенаселенные регионы Азии (в том числе и ближней к нам Азии) и Африки. Главные же ограничения связаны с «интеграционной емкостью» российского социума, она определяет порог, до которого прием мигрантов — представителей другой культуры, религии и т.п. не вызывает не-

довольства местного населения, не порождает напряжений и конфликтов. Расширение «интеграционной емкости» само становится важнейшей задачей миграционной политики, и от того, насколько успешно удастся решить эту задачу, зависит, в какой степени Россия сможет ответить на стоящие перед ней демографические вызовы.

Приложения

Приложение 1 Федеральные округа и входящие в них субъекты РФ на 1 января 2016 г.

Центральный федеральный округ (ЦФО)

1. Белгородская область
2. Брянская область
3. Владимирская область
4. Воронежская область
5. Ивановская область
6. Калужская область
7. Костромская область
8. Курская область
9. Липецкая область
10. Московская область
11. Орловская область
12. Рязанская область
13. Смоленская область
14. Тамбовская область
15. Тверская область
16. Тульская область
17. Ярославская область
18. г. Москва

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)

19. Республика Карелия
20. Республика Коми
21. Архангельская область
22. Ненецкий автономный округ
23. Вологодская область

24. Калининградская область
25. Ленинградская область
26. Мурманская область
27. Новгородская область
28. Псковская область
29. г. Санкт-Петербург

Южный федеральный округ (ЮФО)

30. Республика Адыгея
31. Республика Калмыкия
32. Краснодарский край
33. Астраханская область
34. Волгоградская область
35. Ростовская область

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)

36. Республика Дагестан
37. Республика Ингушетия
38. Кабардино-Балкарская Республика
39. Карачаево-Черкесская Республика
40. Республика Северная Осетия — Алания
41. Чеченская Республика
42. Ставропольский край

Приволжский**федеральный округ (ПФО)**

43. Республика Башкортостан
44. Республика Марий Эл
45. Республика Мордовия
46. Республика Татарстан
47. Удмуртская Республика
48. Чувашская Республика
49. Пермский край
50. Кировская область
51. Нижегородская область
52. Оренбургская область
53. Пензенская область
54. Самарская область
55. Саратовская область
56. Ульяновская область

Уральский**федеральный округ (УФО)**

57. Курганская область
58. Свердловская область
59. Тюменская область
60. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
61. Ямало-Ненецкий автономный округ
62. Челябинская область

Сибирский**федеральный округ (СФО)**

63. Республика Алтай
64. Республика Бурятия

65. Республика Тыва

66. Республика Хакасия
67. Алтайский край
68. Забайкальский край
69. Красноярский край
70. Иркутская область
71. Кемеровская область
72. Новосибирская область
73. Омская область
74. Томская область

Дальневосточный**федеральный округ (ДФО)**

75. Республика Саха (Якутия)
76. Камчатский край
77. Приморский край
78. Хабаровский край
79. Амурская область
80. Магаданская область
81. Сахалинская область
82. Еврейская автономная область
83. Чукотский автономный округ

Крымский**федеральный округ**

84. Республика Крым
85. г. Севастополь

Приложение 2

Таблицы сравнения населения, принявшего участие в микропереписи 2015 г.

Таблица П.2.1. Сравнение населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения соответствующих территорий на 1 января 2016 г., а также доля обследованного населения, %

1	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население			Региональные центры*		
	2 Всего на 1 января 2016 г., тыс. человек	3 Обследовано МПН-2015, тыс. человек	4 Доля обследованного населения, %	5 Всего на 1 января 2016 г., тыс. человек	6 Обследовано МПН-2015, тыс. человек	7 Доля обследованного населения, %	8 Всего на 1 января 2016 г., тыс. человек	9 Обследовано МПН-2015, тыс. человек	10 Доля обследованного населения, %	11 Всего на 1 января 2016 г., тыс. человек	12 Обследовано МПН-2015, тыс. человек	13 Доля обследованного населения, %
Российская Федерация	146544,7	2154,3	1,5	108657,4	1414,5	1,3	37887,3	739,7	2,0	—	—	—
Центральный федеральный округ	39104,3	547,7	1,4	32056,0	384,7	1,2	7048,4	163,0	2,3	—	—	—
В том числе:												
Белгородская обл.	1550,1	27,5	1,8	1039,6	16,8	1,6	510,5	10,6	2,1	387,1	3,9	1,0
Брянская обл.	1225,7	24,9	2,0	856,9	15,6	1,8	368,8	9,3	2,5	405,9	5,5	1,3
Владимирская обл.	1397,2	27,2	1,9	1089,0	18,1	1,7	308,2	9,1	3,0	354,8	4,7	1,3
Воронежская обл.	2333,5	30,7	1,3	1566,9	17,8	1,1	766,6	12,9	1,7	1032,4	7,1	0,7

Продолжение табл. П.2.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Ивановская обл.	1029,8	22,0	2,1	837,2	14,9	1,8	192,6	7,1	3,7	408,0	4,5	1,1
Калужская обл.	1009,8	22,6	2,2	768,8	14,1	1,8	241,0	8,5	3,5	342,0	4,5	1,3
Костромская обл.	651,5	15,9	2,4	465,9	9,3	2,0	185,6	6,6	3,6	276,7	3,3	1,2
Курская обл.	1120,0	26,0	2,3	754,2	15,6	2,1	365,8	10,4	2,8	443,2	5,8	1,3
Липецкая обл.	1156,1	23,2	2,0	742,5	14,0	1,9	413,6	9,2	2,2	510,0	7,1	1,4
Московская обл.	7318,6	79,4	1,1	5971,8	60,0	1,0	1346,8	19,3	1,4	—	—	—
Орловская обл.	759,7	18,7	2,5	505,9	9,6	1,9	253,9	9,0	3,6	319,7	3,6	1,1
Рязанская обл.	1130,1	21,7	1,9	807,4	13,0	1,6	322,7	8,7	2,7	534,8	5,6	1,0
Смоленская обл.	958,6	18,2	1,9	690,0	11,2	1,6	268,7	7,1	2,6	328,9	3,5	1,1
Тамбовская обл.	1050,3	21,3	2,0	631,7	12,3	1,9	418,6	9,0	2,2	288,4	3,8	1,3
Тверская обл.	1304,7	25,8	2,0	984,2	17,0	1,7	320,6	8,7	2,7	416,4	4,2	1,0
Тульская обл.	1506,4	24,2	1,6	1125,6	16,3	1,5	380,8	7,8	2,1	485,9	5,0	1,0
Ярославская обл.	1271,9	24,0	1,9	1039,3	16,8	1,6	232,6	7,3	3,1	606,7	7,1	1,2
г. Москва	12330,1	94,4	0,8	12179,1	92,1	0,8	151,0	2,4	1,6	—	—	—
Северо-Западный федеральный округ	13853,7	228,1	1,6	11658,0	163,2	1,4	2195,7	64,9	3,0	—	—	—
В том числе:												
Республика Карелия	629,9	15,9	2,5	503,4	9,7	1,9	126,5	6,2	4,9	277,1	3,3	1,2
Республика Коми	856,8	18,9	2,2	667,1	11,5	1,7	189,7	7,4	3,9	243,5	3,3	1,3
Архангельская обл.**	1130,2	20,1	1,8	877,1	13,8	1,6	253,1	6,3	2,5	351,2	3,9	1,1
Ненецкий автономный округ	43,8	3,1	7,1	31,7	2,1	6,6	12,1	1,0	8,5	24,5	1,7	7,1
Вологодская область	1187,7	21,8	1,8	854,8	13,5	1,6	332,9	8,3	2,5	312,7	4,0	1,3
Калининградская обл.	976,4	18,1	1,9	758,8	11,2	1,5	217,6	6,9	3,2	459,6	4,0	0,9

Продолжение табл. П.2.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Ленинградская обл.	1778,9	26,6	1,5	1142,4	16,3	1,4	636,5	10,3	1,6	—	—	—
Мурманская обл.	762,2	16,2	2,1	705,0	12,5	1,8	57,2	3,7	6,5	301,6	3,6	1,2
Новгородская обл.	615,7	20,4	3,3	436,1	12,1	2,8	179,6	8,3	4,6	221,9	3,8	1,7
Пековская обл.	646,4	17,0	2,6	455,9	10,6	2,3	190,5	6,4	3,4	208,1	3,1	1,5
г. Санкт-Петербург	5225,7	50,1	1,0	5225,7	50,1	1,0	0,0	0,0	—	—	—	—
Южный федеральный округ	16 367,9	195,8	1,2	10 190,6	116,3	1,1	6 177,3	79,5	1,3	—	—	—
В том числе:												
Республика Адыгея	451,5	15,6	3,5	213,5	8,9	4,2	237,9	6,7	2,8	144,1	6,3	4,4
Республика Калмыкия	278,7	12,9	4,6	126,0	6,1	4,8	152,8	6,8	4,4	104,0	4,7	4,6
Республика Крым	1907,1	13,9	0,7	968,7	7,2	0,7	938,4	6,7	0,7	336,5	1,6	0,5
Краснодарский край	5513,8	51,8	0,9	2994,9	27,3	0,9	2518,9	24,6	1,0	853,8	6,7	0,8
Астраханская обл.	1018,6	17,9	1,8	677,7	11,3	1,7	340,9	6,6	1,9	531,7	7,1	1,3
Волгоградская обл.	2545,9	32,8	1,3	1951,8	22,3	1,1	594,1	10,5	1,8	1016,1	7,6	0,7
Ростовская обл.	4236,0	47,1	1,1	2872,2	30,3	1,1	1363,8	16,9	1,2	1119,9	7,5	0,7
г. Севастополь	416,3	3,7	0,9	385,8	2,9	0,8	30,5	0,8	2,5	—	—	—
Северо-Кавказский федеральный округ	9718,0	143,2	1,5	4772,2	71,0	1,5	4945,8	72,2	1,5	—	—	—
В том числе:												
Республика Дагестан	3015,7	32,9	1,1	1358,3	14,0	1,0	1657,4	18,9	1,1	587,9	5,1	0,9
Республика Ингушетия	472,8	12,5	2,6	195,3	6,1	3,1	277,5	6,4	2,3	6,9	0,5	7,1
Кабардино-Балкарская Республика	862,3	15,9	1,8	450,2	9,6	2,1	412,1	6,3	1,5	239,0	4,0	1,7

Продолжение табл. П.2.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Карачаево-Черкесская Республика	467,8	10,9	2,3	199,8	5,0	2,5	268,0	5,8	2,2	123,1	2,7	2,2
Республика Северная Осетия — Алания	703,7	17,4	2,5	451,4	10,1	2,2	252,3	7,2	2,9	307,5	5,6	1,8
Чеченская республика	1394,2	20,4	1,5	485,1	9,3	1,9	909,0	11,1	1,2	287,4	4,6	1,6
Ставропольский край	2801,6	33,2	1,2	1632,1	16,7	1,0	1169,5	16,4	1,4	429,6	3,4	0,8
Приволжский федеральный округ	29673,6	426,1	1,4	21242,8	272,8	1,3	8430,8	153,3	1,8	—	—	—
В том числе:												
Республика Башкортостан	4071,1	46,4	1,1	2515,9	26,5	1,1	1555,2	19,9	1,3	1111,0	7,9	0,7
Республика Марий Эл	685,9	16,6	2,4	449,5	9,6	2,1	236,4	6,9	2,9	265,0	4,2	1,6
Республика Мордовия	807,5	17,6	2,2	499,4	11,2	2,2	308,0	6,4	2,1	307,7	5,7	1,9
Республика Татарстан	3868,7	53,3	1,4	2956,1	35,5	1,2	912,6	17,7	1,9	1217,0	10,7	0,9
Удмуртская Республика	1517,2	26,2	1,7	994,5	16,6	1,7	522,7	9,6	1,8	643,5	7,0	1,1
Чувашская Республика	1236,6	21,0	1,7	758,1	12,4	1,6	478,6	8,6	1,8	480,7	5,6	1,2
Пермский край	2634,4	36,1	1,4	1992,0	23,6	1,2	642,4	12,5	1,9	1041,9	7,7	0,7
Кировская обл.	1297,5	21,3	1,6	985,2	13,2	1,3	312,3	8,0	2,6	497,0	4,6	0,9
Нижегородская обл.	3260,3	44,7	1,4	2590,8	31,1	1,2	669,5	13,6	2,0	1266,9	9,3	0,7
Оренбургская обл.	1994,8	29,9	1,5	1195,8	16,0	1,3	799,0	14,0	1,7	562,6	5,5	1,0
Пензенская обл.	1348,7	22,1	1,6	920,9	14,0	1,5	427,8	8,1	1,9	524,6	5,1	1,0
Самарская обл.	3206,0	37,4	1,2	2570,8	27,5	1,1	635,1	9,9	1,6	1170,9	8,9	0,8
Саратовская обл.	2487,5	29,8	1,2	1874,0	20,3	1,1	613,5	9,5	1,6	843,5	6,2	0,7
Ульяновская обл.	1257,6	23,6	1,9	939,8	15,3	1,6	317,8	8,3	2,6	621,5	6,7	1,1

Продолжение табл. П.2.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Уральский федеральный округ	12 308,1	167,5	1,4	9978,7	120,3	1,2	2329,4	47,2	2,0	—	—	—
В том числе:												
Курганская обл.	861,9	18,5	2,1	532,6	10,6	2,0	329,3	7,9	2,4	325,2	4,1	1,2
Свердловская обл.	4330,0	53,7	1,2	3658,0	42,1	1,1	672,0	11,7	1,7	1444,4	10,3	0,7
Тюменская обл.**	1454,6	20,5	1,4	949,7	12,3	1,3	505,0	8,2	1,6	720,6	6,5	0,9
Ханты-Мансийский автономный округ	1626,8	19,8	1,2	1500,3	14,8	1,0	126,4	5,0	3,9	96,9	1,0	1,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	534,1	13,1	2,5	446,9	9,1	2,0	87,2	4,0	4,6	48,5	0,8	1,6
Челябинская обл.	3500,7	42,0	1,2	2891,1	31,5	1,1	609,6	10,5	1,7	1192,0	8,9	0,7
Сибирский федеральный округ	19 324,0	299,7	1,6	14 077,6	189,9	1,3	5246,5	109,8	2,1	—	—	—
В том числе:												
Республика Алтай	215,2	10,1	4,7	62,9	4,1	6,5	152,3	6,0	3,9	62,9	4,1	6,5
Республика Бурятия	982,3	17,9	1,8	579,4	10,8	1,9	402,9	7,0	1,7	430,6	5,6	1,3
Республика Тыва	315,6	12,2	3,9	171,2	6,4	3,7	144,5	5,8	4,0	115,9	3,2	2,8
Республика Хакасия	536,8	13,1	2,4	369,4	8,8	2,4	167,4	4,4	2,6	179,2	2,8	1,6
Алтайский край	2376,8	34,4	1,4	1335,3	16,0	1,2	1041,4	18,4	1,8	635,6	5,0	0,8
Забайкальский край	1083,0	21,8	2,0	733,4	12,9	1,8	349,6	8,9	2,5	343,5	3,2	0,9
Красноярский край	2866,5	39,8	1,4	2206,0	26,5	1,2	660,5	13,3	2,0	1066,9	7,7	0,7
Иркутская обл.	2412,8	32,2	1,3	1905,2	21,8	1,1	507,6	10,4	2,0	623,4	4,1	0,7
Кемеровская обл.	2717,6	33,6	1,2	2330,9	25,9	1,1	386,7	7,7	2,0	553,1	4,2	0,8
Новосибирская обл.	2762,2	35,2	1,3	2174,9	24,2	1,1	587,4	11,0	1,9	1584,1	11,7	0,7
Омская обл.	1978,5	28,6	1,4	1431,8	18,8	1,3	546,7	9,8	1,8	1178,1	10,0	0,8

Окончание табл. П.2.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Томская обл.	1076,8	21,0	1,9	777,3	13,8	1,8	299,5	7,1	2,4	569,3	8,7	1,5
Дальневосточный федеральный округ	6195,0	146,2	2,4	4681,6	96,4	2,1	1513,4	49,8	3,3	—	—	—
В том числе:												
Республика Саха (Якутия)	959,7	20,5	2,1	627,8	11,8	1,9	331,9	8,7	2,6	303,8	3,3	1,1
Камчатский край	316,1	13,5	4,3	246,0	8,9	3,6	70,1	4,6	6,6	181,0	5,6	3,1
Приморский край	1929,0	29,0	1,5	1485,8	20,2	1,4	443,2	8,9	2,0	606,7	5,7	0,9
Хабаровский край	1334,6	25,6	1,9	1093,9	17,3	1,6	240,6	8,4	3,5	611,2	6,0	1,0
Амурская обл.	805,7	17,5	2,2	542,2	10,3	1,9	263,4	7,2	2,7	224,3	3,2	1,4
Магаданская обл.	146,3	8,9	6,1	139,8	8,2	5,9	6,6	0,7	10,7	92,1	5,0	5,4
Сахалинская обл.	487,3	14,8	3,0	397,4	9,3	2,3	89,9	5,5	6,1	193,7	3,0	1,6
Еврейская автономная обл.	166,1	11,0	6,6	113,9	7,2	6,3	52,2	3,8	7,3	74,6	3,7	5,0
Чукотский автономный округ	50,2	5,3	10,5	34,7	3,2	9,2	15,4	2,1	13,3	14,9	1,8	12,2

* Для постоянного населения на 1 января 2016 г. приведена численность соответствующих городов — центров субъектов РФ, для населения, принявшего участие в МПН-2015, — число опрошенных в соответствующих городских округах (кроме Ямало-Ненецкого автономного округа, для которого приведены данные по г. Салехарду и муниципальным районам и городским округам).

** Архангельская и Тюменская области без автономных округов.

Источники: Социально-демографическое обследование (микрорегионы населения) 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-regeris/finish/micro-regeris.html; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года: стат. бюл. М.: Росстат, 2017.

Таблица П.2.2. Сравнение состава населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения на 1 января 2016 г., по основным типам поселений, % от численности населения региона

1	Доля городского населения				Доля сельского населения				Доля населения регионального центра*			
	1.01.16	МПН-2015	пп	%	01.01.16	МПН-2015	пп	%	01.01.16	МПН-2015	пп	%
2	74,1	65,7	-8,5	89	25,9	34,3	8,5	133	-	-	-	-
3	82,0	70,2	-11,7	86	18,0	29,8	11,7	165	-	-	-	-
4	67,1	61,4	-5,7	91	32,9	38,6	5,7	117	25,0	14,2	-10,8	57
5	69,9	62,8	-7,1	90	30,1	37,2	7,1	124	33,1	22,0	-11,1	66
6	77,9	66,6	-11,4	85	22,1	33,4	11,4	152	25,4	17,1	-8,3	67
7	67,1	58,0	-9,2	86	32,9	42,0	9,2	128	44,2	23,0	-21,2	52
8	81,3	67,8	-13,5	83	18,7	32,2	13,5	172	39,6	20,4	-19,2	51
9	76,1	62,4	-13,7	82	23,9	37,6	13,7	158	33,9	20,2	-13,7	60
10	71,5	58,4	-13,2	82	28,5	41,6	13,2	146	42,5	20,8	-21,7	49
11	67,3	60,1	-7,2	89	32,7	39,9	7,2	122	39,6	22,4	-17,1	57
12	64,2	60,5	-3,8	94	35,8	39,5	3,8	110	44,1	30,5	-13,6	69
13	81,6	75,6	-6,0	93	18,4	24,4	6,0	132	-	-	-	-
14	66,6	51,6	-15,0	77	33,4	48,4	15,0	145	42,1	19,1	-23,0	45
15	71,4	59,7	-11,7	84	28,6	40,3	11,7	141	47,3	25,8	-21,5	55
16	72,0	61,2	-10,8	85	28,0	38,8	10,8	139	34,3	19,4	-14,9	57

Продолжение табл. П.2.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Тамбовская обл.	60,1	57,6	-2,5	96	39,9	42,4	2,5	106	27,5	17,7	-9,8	64
Тверская обл.	75,4	66,1	-9,3	88	24,6	33,9	9,3	138	31,9	16,5	-15,5	52
Тульская обл.	74,7	67,6	-7,1	90	25,3	32,4	7,1	128	32,3	20,7	-11,6	64
Ярославская обл.	81,7	69,8	-11,9	85	18,3	30,2	11,9	165	47,7	29,4	-18,3	62
г. Москва	98,8	97,5	-1,3	99	1,2	2,5	1,3	205	-	-	-	-
Северо-Западный федеральный округ	84,2	71,6	-12,6	85	15,8	28,4	12,6	179	-	-	-	-
В том числе:												
Республика Карелия	79,9	60,9	-19,0	76	20,1	39,1	19,0	195	44,0	21,0	-23,0	48
Республика Коми	77,9	60,9	-16,9	78	22,1	39,1	16,9	176	28,4	17,2	-11,2	61
Архангельская обл.	77,6	68,6	-9,0	88	22,4	31,4	9,0	140	31,1	19,4	-11,7	62
Ненецкий АО	72,4	67,1	-5,3	93	27,6	32,9	5,3	119	56,0	55,8	-0,2	100
Вологодская обл.	72,0	61,9	-10,1	86	28,0	38,1	10,1	136	26,3	18,1	-8,2	69
Калининградская обл.	77,7	61,9	-15,8	80	22,3	38,1	15,8	171	47,1	22,1	-25,0	47
Ленинградская обл.	64,2	61,2	-3,0	95	35,8	38,8	3,0	108	-	-	-	-
Мурманская обл.	92,5	76,9	-15,6	83	7,5	23,1	15,6	307	39,6	22,4	-17,1	57
Новгородская обл.	70,8	59,3	-11,5	84	29,2	40,7	11,5	139	36,0	18,4	-17,6	51
Псковская обл.	70,5	62,4	-8,1	88	29,5	37,6	8,1	128	32,2	18,5	-13,7	57
г. Санкт-Петербург	100,0	100,0	0,0	100	0,0	0,0	0,0	-	-	-	-	-
Южный федеральный округ	62,3	59,4	-2,9	95	37,7	40,6	2,9	108	-	-	-	-
В том числе:												
Республика Адыгея	47,3	57,0	9,7	120	52,7	43,0	-9,7	82	31,9	40,2	8,3	126

Продолжение табл. П.2.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Республика Калмыкия	45,2	47,4	2,2	105	54,8	52,6	-2,2	96	37,3	36,8	-0,5	99
Республика Крым	50,8	51,8	1,0	102	49,2	48,2	-1,0	98	17,6	11,6	-6,1	66
Краснодарский край	54,3	52,6	-1,7	97	45,7	47,4	1,7	104	15,5	12,8	-2,7	83
Астраханская обл.	66,5	63,0	-3,5	95	33,5	37,0	3,5	110	52,2	39,7	-12,5	76
Волгоградская обл.	76,7	68,0	-8,6	89	23,3	32,0	8,6	137	39,9	23,1	-16,8	58
Ростовская обл.	67,8	64,2	-3,6	95	32,2	35,8	3,6	111	26,4	15,9	-10,5	60
г. Севастополь	92,7	78,9	-13,7	85	7,3	21,1	13,7	287	-	-	-	-
Северо-Кавказский федеральный округ	49,1	49,6	0,5	101	50,9	50,4	-0,5	99	-	-	-	-
В том числе:												
Республика Дагестан	45,0	42,7	-2,4	95	55,0	57,3	2,4	104	19,5	15,6	-3,9	80
Республика Ингушетия	41,3	48,6	7,3	118	58,7	51,4	-7,3	88	1,5	3,9	2,5	270
Кабардино-Балкарская Республика	52,2	60,3	8,1	116	47,8	39,7	-8,1	83	27,7	25,0	-2,7	90
Карачаево-Черкесская Республика	42,7	46,5	3,8	109	57,3	53,5	-3,8	93	26,3	24,9	-1,4	95
Республика Северная Осетия-Алания	64,1	58,4	-5,8	91	35,9	41,6	5,8	116	43,7	32,2	-11,5	74
Чеченская Республика	34,8	45,6	10,8	131	65,2	54,4	-10,8	83	20,6	22,4	1,8	109
Ставропольский край	58,3	50,5	-7,8	87	41,7	49,5	7,8	119	15,3	10,2	-5,1	67

Продолжение табл. П.2.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Приволжский федеральный округ	71,6	64,0	-7,6	89	28,4	36,0	7,6	127	-	-	-	-
В том числе:												
Республика Башкортостан	61,8	57,1	-4,7	92	38,2	42,9	4,7	112	27,3	17,1	-10,2	63
Республика Марий Эл	65,5	58,2	-7,3	89	34,5	41,8	7,3	121	38,6	25,4	-13,3	66
Республика Мордовия	61,9	63,5	1,7	103	38,1	36,5	-1,7	96	38,1	32,7	-5,4	86
Республика Татарстан	76,4	66,7	-9,7	87	23,6	33,3	9,7	141	31,5	20,1	-11,4	64
Удмуртская Республика	65,6	63,2	-2,3	96	34,4	36,8	2,3	107	42,4	26,7	-15,7	63
Чувашская Республика	61,3	59,1	-2,2	96	38,7	40,9	2,2	106	38,9	26,7	-12,1	69
Пермский край	75,6	65,4	-10,2	86	24,4	34,6	10,2	142	39,5	21,2	-18,3	54
Кировская обл.	75,9	62,2	-13,7	82	24,1	37,8	13,7	157	38,3	21,4	-16,9	56
Нижегородская обл.	79,5	69,5	-9,9	87	20,5	30,5	9,9	148	38,9	20,7	-18,1	53
Оренбургская обл.	59,9	53,4	-6,6	89	40,1	46,6	6,6	116	28,2	18,4	-9,8	65
Пензенская обл.	68,3	63,2	-5,1	93	31,7	36,8	5,1	116	38,9	23,0	-15,9	59
Самарская обл.	80,2	73,6	-6,6	92	19,8	26,4	6,6	133	36,5	23,8	-12,7	65
Саратовская обл.	75,3	68,0	-7,3	90	24,7	32,0	7,3	130	33,9	20,8	-13,1	61
Ульяновская обл.	74,7	64,7	-10,0	87	25,3	35,3	10,0	139	49,4	28,2	-21,2	57
Уральский федеральный округ	81,1	71,8	-9,3	89	18,9	28,2	9,3	149	-	-	-	-
В том числе:												
Курганская обл.	61,8	57,2	-4,6	93	38,2	42,8	4,6	112	37,7	22,0	-15,7	58

Продолжение табл. П.2.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Свердловская обл.	84,5	78,3	-6,2	93	15,5	21,7	6,2	140	33,4	19,2	-14,2	57
Томенская обл.	65,3	60,2	-5,1	92	34,7	39,8	5,1	115	49,5	31,6	-18,0	64
Ханты-Манейский АО	92,2	74,8	-17,5	81	7,8	25,2	17,5	325	6,0	5,3	-0,7	89
Ямало-Ненецкий АО	83,7	69,4	-14,3	83	16,3	30,6	14,3	187	9,1	6,1	-3,0	67
Челябинская обл.	82,6	75,0	-7,6	91	17,4	25,0	7,6	144	34,1	21,2	-12,8	62
Сибирский федеральный округ	72,9	63,4	-9,5	87	27,1	36,6	9,5	135	-	-	-	-
В том числе:												
Республика Алтай	29,2	40,4	11,1	138	70,8	59,6	-11,1	84	29,2	40,4	11,1	138
Республика Бурятия	59,0	60,6	1,6	103	41,0	39,4	-1,6	96	43,8	31,2	-12,6	71
Республика Тыва	54,2	52,2	-2,0	96	45,8	47,8	2,0	104	36,7	26,6	-10,2	72
Республика Хакасия	68,8	66,8	-2,0	97	31,2	33,2	2,0	107	33,4	21,4	-11,9	64
Алтайский край	56,2	46,5	-9,6	83	43,8	53,5	9,6	122	26,7	14,4	-12,3	54
Забайкальский край	67,7	59,3	-8,4	88	32,3	40,7	8,4	126	31,7	14,5	-17,2	46
Красноярский край	77,0	66,6	-10,3	87	23,0	33,4	10,3	145	37,2	19,3	-17,9	52
Иркутская обл.	79,0	67,7	-11,3	86	21,0	32,3	11,3	154	25,8	12,7	-13,2	49
Кемеровская обл.	85,8	77,1	-8,7	90	14,2	22,9	8,7	161	20,4	12,5	-7,8	62
Новосибирская обл.	78,7	68,7	-10,0	87	21,3	31,3	10,0	147	57,3	33,2	-24,1	58
Омская обл.	72,4	65,7	-6,7	91	27,6	34,3	6,7	124	59,5	34,8	-24,7	59
Томская обл.	72,2	66,0	-6,2	91	27,8	34,0	6,2	122	52,9	41,6	-11,3	79

Окончание табл. П.2.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Дальневосточный федеральный округ	75,6	65,9	-9,7	87	24,4	34,1	9,7	140	-	-	-	-
В том числе:												
Республика Саха (Якутия)	65,4	57,5	-7,9	88	34,6	42,5	7,9	123	31,7	16,1	-15,6	51
Камчатский край	77,8	65,7	-12,1	84	22,2	34,3	12,1	155	57,2	41,1	-16,1	72
Приморский край	77,0	69,4	-7,6	90	23,0	30,6	7,6	133	31,4	19,7	-11,8	63
Хабаровский край	82,0	67,4	-14,6	82	18,0	32,6	14,6	181	45,8	23,5	-22,3	51
Амурская обл.	67,3	59,0	-8,3	88	32,7	41,0	8,3	125	27,8	18,3	-9,5	66
Магаданская обл.	95,5	92,2	-3,4	96	4,5	7,8	3,4	175	62,9	56,0	-6,9	89
Сахалинская обл.	81,6	63,0	-18,6	77	18,4	37,0	18,6	201	39,7	20,5	-19,2	52
Еврейская АО	68,6	65,4	-3,1	95	31,4	34,6	3,1	110	44,9	33,7	-11,2	75
Чукотский АО	69,2	60,9	-8,4	88	30,8	39,1	8,4	127	29,7	34,6	4,9	116

* Для постоянного населения на 1 января 2016 г. приведена численность соответствующих городов — центров субъектов федерации, для населения, принявшего участие в МПН-2015, — число опрошенных в соответствующих городских округах (кроме Ямало-Ненецкого АО, для которого приведены данные по г. Салехарду и муниципальным районам и городским округам автономного округа)

** Архангельская и Тюменская области без автономных округов.

Источники: Социально-демографическое обследование (микрорегиональное исследование) 2015 года. URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-regeris/finish/micro-regeris.html; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года: стат. бюл. М.: Росстат, 2017.

Приложение 3
Порядковые номера субъектов РФ,
приведенные на рис. 9.20

1	Республика Алтай	36	Амурская область
2	Карачаево-Черкесская Республика	37	Республика Саха (Якутия)
3	Кировская область	38	Свердловская область
4	Республика Тыва	39	Красноярский край
5	Чеченская Республика	40	Владимирская область
6	Удмуртская Республика	41	Вологодская область
7	Республика Коми	42	Воронежская область
8	Республика Калмыкия	43	Томская область
9	Кемеровская область	44	Волгоградская область
10	Еврейская автономная область	45	Иркутская область
11	Курская область	46	Пензенская область
12	Республика Карелия	47	Ивановская область
13	Ярославская область	48	Липецкая область
14	Ульяновская область	49	Россия
15	Псковская область	50	Кабардино-Балкарская Республика
16	Алтайский край	51	Белгородская область
17	Омская область	52	Республика Ингушетия
18	Тульская область	53	Брянская область
19	Костромская область	54	Республика Хакасия
20	Оренбургская область	55	Мурманская область
21	Новосибирская область	56	Ростовская область
22	Челябинская область	57	Архангельская область
23	Пермский край	58	Орловская область
24	Забайкальский край	59	Новгородская область
25	Рязанская область	60	Тверская область
26	Смоленская область	61	Республика Татарстан
27	Курганская область	62	Приморский край
28	Республика Мордовия	63	Республика Башкортостан
29	Республика Адыгея	64	Республика Северная Осетия – Алания
30	Ставропольский край	65	Нижегородская область
31	Республика Бурятия	66	Астраханская область
32	Тамбовская область	67	Тюменская область (включая Ханты-Мансийский автономный округ)
33	Республика Дагестан	68	Самарская область
34	Республика Марий Эл		
35	Республика Крым		

69	Сахалинская область	76	Чукотский автономный округ
70	Калужская область	77	Ямало-Ненецкий автономный округ
71	Калининградская область	78	Хабаровский край
72	Магаданская область	79	Ленинградская область
73	Саратовская область	80	Московская область
74	Камчатский край	81	г. Москва
75	Краснодарский край		

Russia's Population in 2016 [Text]: 24rd Annual Demographic Report / Executive editor S.V. Zakharov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2018. — 448 pp. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-1772-7 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-1832-8 (e-book).

This is the 23rd issue of Annual Series of Analytical reports regularly published by the HSE Institute of Demography since 1993. The recent report conducts the detailed analysis of the current situation in Russia's demography in the context of its long-term evolution and demographic tendencies as seen through the prism of main demographic processes, such as marriage, birth and death rates, family planning, international and internal (intra-Russian) migration, changes in population, and age structure of Russia's population. The analysis is based on the official data of the Federal State Statistics service of Russian Federation, ministries and government agencies of Russian Federation, international organizations and national statistics services of other countries as well as local estimates (acquired by using these resources), the results of special sampling studies, and the materials of scholarly publications.

The book is designed for the researchers that work in the field of demography and similar disciplines as well as decision-making employees, workers of government organizations of all levels, and instructors and students of secondary and postsecondary professional schools.

Научное издание

Население России 2016

Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад

Ответственный редактор *С.В. Захаров*

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Т.Г. Паркани*

Художник *В.И. Каменева*

Компьютерная верстка и графика: *А.И. Паркани*

Корректор *Т.Г. Паркани*

Подписано в печать 20.09.2018. Формат 60×88 1/16. Гарнитура Newton.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,2. Уч.-изд. л. 28,2.

Тираж 600 экз. Изд. № 2191. Заказ №

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru

Тел.: 8 (499) 270-73-59